

АКАДЕМИЯ МАГИИ

НАТАЛЬЯ МАЗУРКЕВИЧ

ПОБЕГ БЕЗ ПРАВА
ПЕРЕСДАЧИ

Annotation

Молчание – золото, говорили Даньке. Пунктуальность – залог успешной жизни. Не верила Данька в первое, не дружила со вторым и пропала. То есть попала. В другой мир. А что изменилась слегка – так трудности адаптации налицо. Была девица – стала кикимора. Предложили и семейное положение сменить, но куда там! Два раза на одни грабли даже кикиморы не наступают. А потому учиться, учиться и учиться. Ведь сидеть в рядке, дожидаясь неизвестно кого с луком и стрелами, – не наша тема. Наша – брать все в свои ручки и тащить к счастью. Если придется, то и через болото.

- [Наталья Мазуркевич](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Вместо послесловия](#)
-

Наталья Мазуркевич
Побег без права пересдачи

Вместо предисловия

Если жизнь не задалась, то не задалась она с самого начала. Истинная правда! Мои родители хотели мальчика. И даже успели выбрать имя – Данила. Но вот незадача: даже техника порой ошибается, и в самый ответственный момент выясняется, что вместо синей ленты нужно покупать розовую. Конечно, в этот же миг розовые ленты заканчиваются, и остается только какое-то недоразумение коричневого цвета. Ага, той самой детской неожиданности.

А дальше еще веселее: вся же родня ожидала пацаненка, готовилась, подарки покупала. Вот и получилось, что в детстве моем ни одной нормальной куклы не было, а все ролики, скейт и велосипед. А куклы? Куклы – для слабаков. Так и мой старший брат считал, приучая мелочь к правильному сидению в засаде и стрельбе из игрушечного пистолета.

Мама, конечно, ворчала первое время, но смирилась. Тем более после такой школы никакие задиры не оставались безнаказанными. Будь то обычный спор или драка. А драться поначалу приходилось часто. Хотя чего сложного: дождаться, пока противник выдохнется, или, наоборот, – пусть схватит, и подсечку сделать. Знаете, есть такие классные штучки, которые позволяют свалить с ног даже взрослого. Мне их как раз и показали в детстве. На всякий случай. Чай, лишними такие знания никогда не бывают.

Но к чему я? А, точно. Все это является логическим началом моей нелогичной истории и просто призвано дать вам понять, что все описанное дальше совершенно закономерно, когда дело касается меня. И раз уж мы это уяснили, то начнем.

Глава 1

Лесозаготовительные работы

*Сижу я в лесочке, сижу под горой,
Бывает неплохо в засаде одной!*

«Что они ни делают, не идут дела, видно, в понедельник их мама родила», – крутилось в голове, когда я, перескакивая через ступеньку, неслась ко второй паре в универ. Первую благополучно проспала, гордо проигнорировав будильник. На что этот нехороший прибор так же гордо проигнорировал меня и... просто не сработал во второй раз, давая мне выспаться и опозориться. Проспать в первый же день, конечно, верх желаний любой обычной студентки. Не верите? Вот и я себе не верю.

А как вспомню, что выскочила из дома с размазанной тушью, кривой косичкой и в разных кедах... Хорошо еще – оба красные. Плевать, что один как будто в крови вымазали, венозной, темненькой такой, а вот на второй явно пожалели, оставив почти что розовым. Но делаем вид, что так и должно быть! Это новый стиль! И мы – его иконы! Иконы! – я сказала. Отставить креститься!

В общем, вот такое чудо без перьев мчалось по лестнице в метро, бодро подбадриваемое пинками висевшей через плечо сумки. Спустя три станции подбадривал меня уже телефон: предки озаботились своим дитятей и решили поинтересоваться, как оно, дитяtko, поживает. Не убило ли кого, не покалечило... Ага. Добрые они у меня. Все в меня. Или я в них... Спорный вопрос, граждане, очень спорный. Воспитание – оно ж поважней генетики иной раз, а мое воспитание предков... Да уж, устойчивые они стали. Очень.

Врать в забитом вагоне – не одна я такая соня! – не представлялось возможным, и я важно стряхивала звонки. А что? Я, между прочим, на паре, какие разговоры! Но то ли родители слишком хорошо меня знали, то ли выпросили расписание занятий, но звонили настойчиво и долго. Придется врать, что не могла найти трубку. Угу. Не могла. Скинуть могла, а найти – нет. Блин, нужна легенда покруче. А то поймают. И что же братишка в таком случае врал...

Не врал?

Ай, как неприятно-то! Нет, вы не подумайте, это совсем не про

братишку, это про какого-то невоспитанного хама, который, видно, решил, что раз уж моя обувь такая особенная, то лишний апгрейд ей не повредит, как и индивидуальный тюнинг. А вот и нет! Его подошвы на моих кедах никак не входят в топ пять самых модных рисунков.

– Мужчина!

Нет, весь вагон я не звала. Почему они все пооборачивались? Ага, все. Вот тот, кто отличился, стоит и в ус не дует. Не при делах он. Конечно, так ему и поверила. Протолкнувшись сквозь толпу – особый навык выживания в городе! – я оказалась рядом с этим субъектом. Кашлять, привлекая внимание, не стала. Тип был в наушниках, а это случай особый.

Знаете же про связь наушников и уважения? При встрече в знак приветствия достают один наушник, а в знак особого уважения – два. Так вот, этот тип меня не уважал! Даже дружелюбное похлопывание по плечу, от которого шарахались все мои знакомые, проигнорировал. Видимо, тип из разряда ежей. Без пинка не полетит. Ну ладно, пинок так пинок. Вот раззадорил меня его полный игнор! Даже пары на второй план отошли. Точно, я чокнутая. И это даже не лечится. Не забыть бы еще справку взять, чтоб всяким там показывать.

Но мы отклонились от темы, а этот, с позволения сказать, оригинал все так же продолжал безразлично пялиться в стенку. Со словами «Ах, какая я неуклюжая!», жалея, что не на каблуках, я смачно наступила ему на ногу, вкладывая в этот порыв весь свой гнев. И, пожалуй, после такого мой новомодный тюнинг на кедах был бы полностью компенсирован, если бы не одно но: тип продолжал меня игнорить!

Я начала звереть. Вот серьезно. Стоит себе такой непоколебимый, в сторону простых смертных даже не смотрит, еще и рожу кривит, как будто мы тут все никто и звать никак, а он, блин, великий инквизитор, вышедший погулять по городу и музыку послушать. Ага, и плевать ему на всех, чай бы не отвлекали. Угу, вот чай бы и не отвлекали, а этого...

Бесит.

– Вы выходите?

– Что?

В первый момент я даже не поняла, кому принадлежит баритон, так задумалась над поведением сумасшедшего в наушниках. А потом взглянула вверх, сталкиваясь с внимательным взглядом серых глаз, наслаждаясь убаюкивающим голосом...

– Девушка, так вы выходить будете?!

Кто ж это такой нетерпеливый? Ау, и зачем в спину локтем! Не буду я выходить, не буду!

– Да идите вы, куда хотите. Больно надо! – вызверилась я, отступая.

Тут же меня оттеснили еще дальше, а когда я смогла вернуться на прежнее место, этого типа уже не было. Только запах. Блин, и спрашивается, пока по ногам ему ходила, запах был побоку, а тут прямо вах-вах, верните принца, хочу еще? Нет. Что это за бред с моей съехавшей черепушкой? Кто ей разрешал так ехать! Это же... неправильно все! Я еще понимаю – на почве нового скейта. Или там – суперсовременного ноута. Но какой-то вшивый, вонючий мужик? Да я вас умоляю! Вагон после него до сих пор воняет! Как можно быть таким кретином? Или он вылил весь флакон? Вот уж точно ненормальный!

Успокоив таким образом саму себя, я разочарованно выдохнула и тихо-мирно, без оттаптывания ног ближним, добралась до корпуса своей новой обители знаний.

В здании факультета история чувствовалась с первого взгляда. Такую рухлядь не во всяком архиве встретишь, а тут – целый корпус. И впечатленье такое... гнетущее. Да уж, теперь ясно, почему собеседование мы отбывали у юристов. Там же только после перестройки. Евроремонт, как-никак. Гранит, лифт, стеклопакеты, коврики. Надо было идти на юриста. Продажная, говорят, профессия, ну так выгодная! Если продают, то и покупают! Чего ж эта идея мне раньше не пришла, не блондинка ведь?

И правда, не блондинка. Кто меня тогда в продажные возьмет? Была бы рыжая, можно было бы попытаться, те хоть наглые. А я... Покраситься, что ли... Да не поможет. Наглость – состояние души, или то, чем это состояние добывается. Состояние, которое из денег, если вы не поняли. И если без души обойтись можно, то без состояния в современном мире и души не надо. Да и кому эта душа нужна... Хотя если вспомнить корпус юристов... Недаром же про всякие контракты пишут? Может, и правда спрос есть. Ага, так себе и представляю.

Юрист и демон-искуситель. Бедняга мычит, уговаривает, а этому – хоть бы хны. Юристу, я имею в виду. Демон-то, бедняга, поди, не привык к нашим крючкотворам. Эти демонюгу еще и обуют, сам душу у них в лапищах оставит, и придется корячиться на здешних сатанистов до скончания веков. Ведь ушлые эти людишки! Так контракт составят – даже в отпуск не отчалишь. А Трудовой кодекс пока ждешь, так они выдадут что-нибудь типа: «Кодексы для человеков, а вы, уважаемый...» – и так далее. Да уж, с такими людьми даже мифическим демонам понадобятся адвокаты. А эти, как известно, юристы и есть. В общем, круг замкнут. Но их корпус действительно крут, не то что этот...

Остатки бывшего величия. Очень бывшего. И очень величия.

Мысленно простонав от жестокости бытия, я гордо переступила порог кладбища незамутненных разумов, оказавшись в душном склепе наук. А душок стоял. Хороший такой, насыщенный душок. То ли из туалета, то ли из буфета. Да уж, куда я попала? Ну вот куда?

Хотя нет, не так. А куда еще могла Я попасть? Карма – такая карма...

Брать языка ради поиска расписания не пришлось. Доисторические застекленные стенды с карандашными пометками проглядывались на сто миль вперед. Сразу видно: к середине второй пары популярное местечко – холл.

Бодро прошлепав к расписанию, я убедилась, КАК меня любит мироздание. Если еще вчера нам говорили, что пар будет три, то сейчас я имела честь лицезреть гордый прочерк напротив третьего занятия. И четвертого, и пятого. Их всего ДВА сегодня. ДВА! И сейчас уже от пары осталось полчаса! За что мне все это?

Опять спускаться в метро было ниже моего достоинства. Раз уж из дома вышла, так и проведи время с пользой. Какая польза может быть от девушки, которая и на девушку-то с утра не похожа – так, на кикимору немного, узко известная истина умалчивала. Впрочем, деньги имелись, а под столом кто увидит, на прием собрался или на пляж? А косичка... Ну что поделать? «Я у мамы дурочка» – хорошо известный и проверенный годами бренд. Еще и знакомиться кто-нибудь полезет. Ага. Вот смеху-то будет.

Нет, люди – определенно те еще оригинальные личности. Вот сижу я, одинокая кикимора, давлюсь шоколадным мороженым, пялюсь в плазму, разглядывая, как танцуют и поют что-то там про попы. Никого не трогаю... Даже официанта не дергаю! Так нет же, именно ко мне надо приставать! И как приставать! С глупым подкатом «Девушка, вы так прекрасны» и далее по списку.

Ладно, сижу, слушаю, продолжаю давиться мороженым. Уже не лезет, но природная жадность отказывается отступать и методично, вместе с ручками, запихивает в рот ложку за ложкой. А этот тип все вещает. Красиво вещает. Монотонно, со вкусом. Удовольствие, гад, получает.

Нет, стопроцентно, если чудики с самого утра сыплются, то что могло измениться к обеду? А ничего. Да. И на что рассчитывали мои родители, пытаясь сделать из чертенка-дочери воспитанную и гуманитарно-образованную леди? Нет чтоб пойти у меня на поводу и отправить учиться на химика! Так надо было им первый раз в жизни рогом упереться и

сказать: «Ты, мол, Данька, девочка, и профессия у тебя девчачья должна быть. А то рванет один из твоих экспериментов – и камня на камне не останется».

Пришлось уступить. И уступка моя началась, как это символично, с прогула. Так и не прониклась я знаниями в свой первый день в институте благородных девиц. На филфаке, то бишь.

А чудик продолжал вещать. По второму кругу, что ли? Может, стоило диктофон включить да дома послушать? Жалко же, человек старается. Небось, учил, готовился, а я, кикимора неблагодарная, мимо ушей да мимо ушей.

– Простите, уважаемый, мне нужно идти.

Я поднялась со своего места, желая побыстрее расплатиться и упорхнуть в родные края, но не тут-то было. Чудик цепко ухватил меня за запястье и так проникновенно, глядя в глаза, поинтересовался:

– Так вы согласны?

– Угу, всегда и на все, – недовольно хмыкнула я, недоумеваю, чего это он так улыбаться начал. – Что-то еще?

– Нет, этого достаточно, – заверил ненормальный, спокойно отпуская мою руку. Признаться: выдохнула с облегчением. Не люблю ненормальных и чудиков. Особенно если это незнакомые чудики. Со знакомыми – оно поспокойнее. Не наступай им на больную мозоль, боготвори Хатцунэ Мико, возлюби Ли Мин Хо, возблаговари небо за новый сингл PSY, да и просто со всем соглашайся. согласишься – лучший друг. Ведь не будут же они про кумира дурное говорить? Какой фанат так поступает! Вот и сосуществуем мы подобным образом с парочкой адекватных неадекватов. А что? Весело. И даже полезно. Парик в случае надобности стрелнуть удобно или представление для родителей устроить – дескать, девочка хорошая, в юбочке ходит, с мальчиками интеллигентными встречается, а не с этими, с ободранными локтями и разбитыми после неудачного трюка коленями. Хорошо хоть, братик мои ссадины прикрывал...

Да уж, чего только со мной не случилось. А чудики... Чудики – это так, мелочи. Как насел, так и встал. Осечек еще не было.

Осечек и не случилось. Удовлетворившись ответом, преследовать меня до дома неадекват не стал. Потерялся в районе станции метро. Облегченно переводя дух – терпеть ненавижу, когда кто-то за мной ходит, – я доковыляла до дома. Разувшись и по дороге стягивая носки, пошлепала к себе в комнату. Родителей не было – до конца их работы еще часа три. Брат приходил и того позже, предпочитая проводить время в городе и заглядывать совсем уж ночью ради свидания с кроватью. Чего у подруг не

оставался? А не любил спать на чужой кровати. Думаю, когда женится, так кровать и заберет. Или матрас хоть. Чтоб душу грел.

Покачав головой, размышляя над странной привязанностью, я заглянула на кухню, стащила из вазочки конфет и с чистой совестью (поела же!) отправилась на «поля справедливости». Быстренько загрузилась, выбрав любимую змейку, и начала покорять ингибитор. Враги моего порыва не оценили, защищались, как могли, но кто они такие, чтоб мешать нам со змейкой? Ведь это любовь с первого взгляда, с первой игры.

Да уж, поистине неисповедимы пути фэнтэзятины. Вот никогда не думала, что любимым героем станет нага. Ведь какая я нага? Так, кикимора болотная, подвид повышенной вредности. Это каждый скажет. И про кикимору, и про вредность.

Устав от игры и продолжавшейся в чате склоки, я сползла со стула и так отправилась в объятия Морфея. А этот милейший божок не просто манил, а уже стискивал изо всех сил, чего прежде в дневное время суток за ним не водилось. Но, видимо, первый учебный день был так тяжел, что мне требовался двойной отдых, а значит...

Спа-а-а-а-ать.

– 3-3-3-3-3-3-3...

Как просыпаться-то не хочется! Перевернулась на другой бок, натянула одеяло повыше, поправила подушку, вляпавшись пальцами во что-то холодное и слизкое... Какое?! Села прежде, чем успела проснуться. Открыла глаза и оторопела.

– 3-3-3-3-3-3-3...

Махнула рукой, желая прогнать кровососущего гада. Нет, глупо с моей стороны. Толпы его коллег устремились ко мне, заставляя вновь просить политического убежища у одеяла. Кое-как поместившись под ним и усевшись на подушку – все равно грязная уже, – я серьезно задумалась.

– 3-3-3-3-3-3-3...

Блин, почему они никак не успокоятся? Не видят, что ли? Это гора! Просто небольшая белая горка! И нет тут человек для поедания. Нет, и не будет. Ага, жадные мы. Первая положительная самим нужна, так что разбазаривать на всяких злобных тварей никакой возможности нет. Вот совсем никакой!

– 3-3-3-3-3-3-3...

Ай, больно же! И как спящие могут не реагировать на этот укол?! Я вот даже дернулась, чуть не подставив зудящей ораве свой филей. Хорошо хоть, пижама осталась. Не хватало еще оказаться неизвестно где в чем мать

родила и без одеяла. Так что будем считать, нам повезло. Хотя это с какой стороны мерки снимать.

Стаи комаров по ту сторону одеяла, холодная земля, которая даже через подушку умудрялась заставлять меня ежиться, нечто скользкое, медленно поднимающее по ноге...

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Заорала я прежде, чем успела подумать, вылетев из уже ставших родными кустов. Как они не хотели меня отпускать! Как цеплялись, как висли, умоляя остаться, как плакали мне вслед толпы обездоленных жителей!

Мое сердце прямо кровью обливало, стоило вспомнить их умоляющие пiski и ощущение гадов ползучих. Хорошо хоть, змейка мелкая была и стряхнулась. А если бы кто-то более злобный и зубастый? Нет уж, здесь нам делать нечего. В город нужно подаваться и разбираться, какого лешего меня забыли в этом захолустье? И вообще. Как я здесь умудрилась оказаться?

Напилась? Свежо предание, да верится с трудом. Стала бы я привычки менять, чтобы вот так потом проснуться на каком-то полигоне для лазертака. А именно последний окружающая действительность и напоминала. Кусты с комарами, в которых дернул меня черт засаду устроить (до сих пор вспоминаю с ужасом те пять минут!), деревенские домишки с выбитыми окнами, извилистая, поросшая мхом каменная тропинка. Да уж, то еще местечко.

Идти босиком по мху было, мягко говоря, не пределом мечтаний, но выбирать не приходилось. Уж лучше мох, чем иголки и очередная змейка. Жаль, конечно, что подушка осталась в кустах, но возвращаться туда кормить комаров... Нет уж, сократим популяцию кровососов!

С такими оптимистичными мыслями я бодро зашлепала вперед, здраво рассудив, что если уж народ эту дорожку построил, то на ее концах есть нечто важное. Господи, пусть это будет не кладбище! А то в последний путь, да своими ногами... Это жестоко, Господи, очень жестоко.

Не знаю, услышал ли Всевышний мои молитвы, но дорожка немного выровнялась, да и мох отступал. Приятно, конечно, но ноги уже и так не испортить. Грязные и дурнопахнущие стопы. Да уж, Данька, ты теперь точно кикимора. Нечесаная, покусанная, злая, босоногая и с чудным амбре.

Тяжко вздохнув, я решительно поплелась дальше. Солнце радостно вставало, заставляя меня, с одной стороны, пугаться (выходить к людям таким чудовищем не хотелось), а с другой – радостно плясать самбу (мысленно, разумеется, сил на полноценное исполнение не хватало) в

ожидании предстоящего спасения. Ну не верилось мне, что в месте, где есть выложенная камнем тропинка, не обитает никто. Да просто быть такого не может! Еще бы дорогу найти. А там посидеть на асфальте, погреться... Можно даже пройти до ближайшего знака, и все – домой!

Дальнейшие мысли сопровождались куда более кроважидными порывами. Во-первых, в плане неотложных дел значилось «Найти скотину, что устроила мне эту занимательную экскурсию». Во-вторых, ему предстояло вытерпеть все виды депиляции, доступные в домашних условиях. Как то: воском, депилятором, пинцетом и всем, на что фантазии хватит. Спускать такой розыгрыш с рук я не собиралась даже любимому братцу, если его рук дело.

Солнышко поднялось уже достаточно высоко, когда дорожка исчезла. Поселений или хоть какой-нибудь захудалой грунтовки не было видно ни в одной из сторон. И да, чуть не забыла: лес так и не кончился. Не кончился – и все тут. Как шел по обе стороны от дорожки, так и продолжал идти. Вот спрашивается: зачем здесь эта окултуренная тропа? Ягоды по маршруту собирать? Или замена желтому кирпичу, которым вымощена дорожка в Изумрудный город? Оригина-а-а-ально.

Есть хотелось все сильнее. Желудок уже не просто напоминал о себе песнями, а перешел к более активным проявлениям недовольства, заставляя кривиться от боли. И чего мне с комарами не сиделось? Подумаешь, летающее мясо! Надо было сидеть и питаться, пока возможность была. Но человек же птица гордая. А нет, не так. Был бы птицей – не отказался бы пожрать, а тут иное. Вспомнила! «Человек – это звучит гордо!» Угу. Вот именно гордо и звучит. Спьяну, как Сатин и разглагольствовал. Очень гордо. А на трезвую голову кто же такую чушь скажет.

Вот будь я сейчас не человеком, а кикиморой какой-нибудь (видок располагает!), поела бы себе комариков, закусил змейкой и счастливая удалилась бы в болота на ПМЖ. Надеюсь, туда еще не добрались бюрократы? А то как представлю: «Предъявите документы на болото», – так смех пробирает. Стоят такие серьезные, в сапогах резиновых, медленно погружаясь в топь... А я без макияжа, с жабой на плече (кошка же непонтово среди кикимор) носочком ил ковыряю и голосом сироты казанской: «Не виноватая я, болото само случилось». Да уж, мысли они такие, борзые. Как поскачут не в ту сторону, так и не переловишь всех. Как блохи. И прыгают, прыгают, куда захотят.

Нет, это все, конечно, хорошо. Свободные ассоциации, незамутненный разум. Но вот если бы этот самый разум подсказал, что делать в такой

ситуации? Искать север? А тут как назло мха на деревьях и нет. Весь на дорожку ушел, болезный. По звездам ориентироваться? Так полдень! И не надо говорить, что думать следовало раньше. Я бы на вас посмотрела! Спросонья, в кустах с комарами и змейками, без еды, воды, зато с одеялом.

Вот сейчас и мне поплохело. Пока шла – все было нормально. Идешь и идешь. Куда? Вперед! Почему вперед? Так не назад же! А когда дорожка оборвалась, так и направления не стало. И идти больше некуда.

К своему глубочайшему позору, я поступила недостойно. Бросила одеяло на землю, села и разрыдалась, топя нехорошие мысли в слезах. Конечно, тут уж лучше в вине, но вино я не переносила, да и не было под рукой.

Увы, мой плач никто не прервал. Не оказалось тут, леший их за пятку, принцев на белых лосях, готовых поддержать невинную деву в трудный момент материально. Морально мы бы и в одиночку пережили. Но чего нет, того нет.

– Бж-ж-жк... Бж-ж-жк... Бж-ж-жк... Бж-ж-жк...

Резко обернувшись на приближающийся звук, я быстренько оценила, на что может быть похоже мое явление людям, и решила предварительно обозреть этих счастливицев. Почему счастливицев? Так они клад нашли! Целую меня!

Тем не менее, как девушка условно умная, я полезла в ближайшие кусты. Не забыв захватить одеяло и даже два раза, крест-накрест, поскрести ногой землю. А то примяла одеялом, следы оставила. Ну их, эти следы. Пусть радуются сюрпризу. Счастье должно на голову сыпаться. Хотя на ветки я не полезу в одеяле...

Поскольку одеяло уже было не так жалко и оно приобрело лесной зелено-коричневый цвет, я удобно устроилась прямо на нем. Всунула в волосы две веточки кустарника, в котором засела, завершая маскировку, и принялась ждать своих спасителей.

А спасители не торопились. То ли телега у них была совсем уж дряхленькая, то ли несли ее на руках, издыхающую, но стоны ее не прекращались, а спасители так и не появлялись. До поры до времени.

Оценив спасителей, которые больше на губителей со стажем походили, я возблагодарила всех богов, что послали мне прозрение и кусты. Особенно кусты. Прозрение – продукт скоропортящийся и малополезный без комплекта благоприятных обстоятельств. А здесь! Здесь даже комаров не было! Чудо, а не кусты!

Но вернемся к нашим губителям. Три типа сосредоточенно толкали готовую развалиться телегу, на которой лежал стонущий ковер. Конечно,

рискну предположить, что ковер сам по себе не стонал, а стонало нечто, погруженное в его недра. Это предположение подтверждалось еще и тем, что при ближайшем рассмотрении в ковре обнаружилась нога. Что логично – без сапог, зато в дырявом носке, выдающем в объекте мужчину. Ну какая уважающая себя девушка напялит рваный носок?

Эй, вы чего? Носки – это святое. Как вы могли такое подумать! Я – и рваные носки! Нет уж, лучше босиком!

Тем временем, не вдаваясь в мысленные дискуссии о целостности структуры носков подотчетного объекта, эти трое остановились и самым натуральным образом почесали черепушки. Назвать широченные головы с широкими лбами, маленькими глазками-щелочками, огромнейшими ртами со сточенными, плоскими зубами, обнажавшимися при ухмылке, никак иначе не получалось. Черепушки – и все. О, еще есть слово «головешки», но это, кажется, совсем другая опера. А мы оперу не любим, так что вернемся к нашему цирку. Главное, чтобы животные новое действующее лицо не сожрали. А то скучно будет на этом свете. Комарам!

Спасатели-губители наконец пришли к какому-то общему решению, заставив меня всерьез предположить наличие у них коллективного разума. Активировался он путем почесывания черепушек всеми тремя индивидами одновременно. Никак иначе их последовавшие слаженные действия по извлечению жертвы из ковра я объяснить не могу.

Бедного дяденьку уронили, подняли, толкнули вместе с ковром, он упал, его снова подняли, снова уронили... Какие хорошие здесь все-таки кусты. Только бы никому еще не приглянуться.

И кто меня за мысли-то тянул?

Один из губителей решил временно уединиться с природой. В моих кустах. А невидимость еще не изобрели...

– А-а-а-а-а-а!

Кто кого испугался больше – вообще вопрос спорный. Но убегал определенно он. Хм, странные здесь губители. Молодых и одиноких боятся, а сильных и волосатых в ковер закатывают. Да уж, наши бы никогда так не поступили. Подумаешь! Грязная, но ведь баба. Или я даже на бабу не похожа? Вот найду я тебя, извращенца-шутника!

А этот продолжать голосить и тыкать в кусты пальцем. Все тыкал и тыкал, тыкал и тыкал, пока другой умник не подошел. А я что? Я ничего. Сажу на одеяле и шоу смотрю. Раз уж страшный зверь я, так пусть боятся – сговорчивей станут. А побегут – так и я за ними. Эти-то путь из леса знают. Кругом выгода, только самолюбие уязвленное. Бегут как от страхолюдины!

Второй не стал оригинальничать: глаза выпучил, палец выставил и

тоже как заорет! Ничегошеньки не поняла, но да ладно. Убоялся – уже хорошо. Догадка верная: я здесь самый страшный зверь, прямо сказочный злодей. А если встану и «Бу!» сделаю...

Плохая была идея. Зато как красиво мелькают их ботинки на фоне прекрасных сосен... Интересно, а если бы у них шнурки развязались, они бы стали их завязывать или...

– Не стали, – грустно констатировала я, глядя, как уползает один из шкафчиков. Быстренько так, с чувством. Вот он, инстинкт самосохранения, в действии. Эх, и чем это я их так испугала?

Увы, ответить на этот вопрос мог только оставшийся валяться в ковре бедняга. Его спасатели почему-то не прихватили. А как же убийство? Или ради чего еще можно тащить вяло сопротивляющийся будущий труп в лес? Хм, решили, что смерть в лапах чудовища лесного круче? Им еще и доплатят за сообразительность? Вполне возможно, кто этих шкафчиков поймет!

Пожав плечами, я выползла из кустов, оставив им на память клок своих драгоценных среднерусых волос. Кусты, вестимо, промолчали, не в силах передать всю степень своего восхищения моим натуральным волосом и его оригинальным цветом. Но, в общем-то, я не в обиде. И так, родимые, выручили.

Здраво рассудив, что раз уж меня убоялись шкафчики, то самой мне бояться нечего (венец страхолюдной эволюции здесь я), я принялась нежно, ногами, разворачивать ковер. А что поделать? Ручки-то слабые. Их жалко.

Как ни странно, против разматывания даже в исполнении кустовой нечисти, на которую я была похожа, бывший претендент на переселение в иной мир не возражал. Стонал, героически закусывал губу, но так ничего и не сказал. А где традиционное «Какого черта?» или, на худой конец, «Ты че творишь, ненормальная»? Да уж, не будь я нормальной жительницей двадцать первого века из города-миллионера, решила бы, что чокнулась. А так... кто этих чудных знает? Может, он мазохист?

Хм, а может, это и правда ролевка была, а я помешала? Нет, ну вы представьте: кого может напугать девушка семнадцати лет от роду, нечесаная, голодная и злая, устроившая засаду в кустах на одеяле? Ну вот кого это испугать может? Так, в дурку позвонят – и дальше пойдут. Еще и на мобильник поснимают, знаю я этих современных гуманистов. Соберешься с крыши прыгать, так они подождать попросят. Думаете, из-за человеколюбия? Шиш, камеру на телефоне еще не включили. Да уж, странные здесь аборигены, но ладно. Языка мне оставили, будем работать с тем, что имеем.

А имели мы сублильного субъекта с легким расходящимся косоглазием и пучеглазостью (и чего он так вылупился?) на почве чрезмерного восхищения нашей скромной персоной. Едва оказавшись на свободе, этот рыжий предпринял попытку к бегству, явно пытаясь подражать более удачливым предшественникам. Э нет, у меня тут больше языков не осталось, а значит...

Вот! А теперь он стонет. Лежит и стонет. Сидит и стонет. Упал и стонет. Нет, я так не играю. Почему, голодная и злая, я должна нянчиться с этим обалдуем? Не хочет сидеть – пусть валяется, я его с земли поднимать не буду. Может, у него религиозный экстаз на фоне моего явления его очам? А что? Мечтать не вредно. Мне.

Удостоверившись, что сбегать жертва нашего очарования (три подсечки и один захват) не будет, я с гордо поднятой головой задала самый гениальный вопрос в мире:

– Ты кто такой?

Будущий проводник вопроса не оценил, уставившись на меня в священном ужасе. Хм, а внешность вроде бы европейская. Русский не понимает? Ладно, пойдем другим путем.

– Do you speak English?

Увы, английский тоже не возымел действия. И как прикажете с ним общаться? Нет, люди, вот как такое возможно? Европеец – и не понимает самого простого и известного вопроса? Реликт, что уж говорить. Все лучшее – Даньке, кикиморе недоделанной. И куда меня занесло? Ну вот серьезно, вы знаете хоть одно место, куда бы не добрался инглиш? Африканское племя тумба-юмба? Так не в Африке же...

На всякий случай еще раз быстренько оценила окружающий пейзаж. Нет, не Африка. Слонов – нет. Жирафов – нет. Змей... Эти есть, но не покусательные. Точно, не Африка.

Эх, знала же, что поступать надо на актерское. Самое полезное направление. Язык жестов изучила бы в совершенстве и не пыталась битый час объяснить этому ненормальному, совсем отчаявшемуся куда-то сбежать и сидевшему неподвижно, что мне от него нужно.

Указание на рот и поглаживание по животику возымели странное действие. Парень подавился воздухом и так расстроился, что мне показалось, сейчас заплачет. Он что, решил, что я его есть собираюсь? Блин, как сложно, оказывается, общаться жестами! Никакого понимания, только извращенное.

– Кушать, я кушать хочу, – на всякий случай продублировала голосом.

– Ку-шать? – по слогам переспросил он.

Ну хоть не глухой. Еще бы и попонятливее был. Бутербродик бы перед прогулкой захватил. Да, жжешь, Данька! Какие бутерброды? Где бы он их прятал? В ковре? В сапоги бы засунул или в носки с дыркой, чтоб по дороге потерялись? Совсем уже крыша от голода поехала.

– Ты знаешь, где искать людей? Человеков?

Надежда, что он поймет хоть что-то, уезжала на поезде, издевательски помахивая платочком. Но... случилось чудо?

– Люди?

Таким китайским болванчиком я еще никогда не была. Возрадовавшись, что хоть какое-то слово он знает и понимает (интересно, почему?), я чуть было танцы разводить не стала. Судя по его облегченному виду, парень понял, что поедание его на ужин откладывается.

Он поднялся, отряхнулся, впервые выказав недовольство собственным потрепанным видом: рубашка драная и грязная, штаны в болотной жиже (и где только отыскал?), носки опять же дырявые, прически у нас явно одного мастера. Моя «Я упала с самосвала, тормозила головой» и его «Клеймомент – закрепи эффект». По крайней мере, чем расчесать его лохмы, я не представляла. Их что, реально, склеивали вручную?

Впрочем, концентрировать внимание на чужих лохмах – задача неблагоприятная. Что нового можно найти в этих обыденных и присущих почти всем вещам? А потому я сходила поднять свое одеяло (единственное оставшееся имущество нужно ценить!) и поплелась вслед за парнем по дорожке, заросшей мхом. То ли от голода, то ли от солнечного удара, но очень быстро сознание мое уплыло.

Приплыли! Первое, что я увидела, очнувшись, был потолок. Симпатичный такой побеленный потолок, прямо как у меня дома. Но здесь почему-то отсутствовала такая милая сердцу вещица, как лампа. Нет, я понимаю, что пока света и из окна достаточно, но вот наступит ночь, и как жить без электричества? Со свечкой ходить? Страшно ведь.

Вторым приятным обстоятельством было то, что я лежала. И даже на мягком. И даже на вкусно пахнущем. Принюхалась... Батюшки, да от меня же не воняет! Неужели все же больничка? Но без света... Особое отделение дурдома? Не-е-ет, я так не хочу. Мне еще ловить шутников, из-за которых мои бедные ножки ноют.

А под ложечкой сосало. Интересно, здесь кормят?

Я села на постели и, свесив ноги, решительно огляделась. Потолок действительно имел приятный белый цвет, но увы, на побелку это не походило. Скорее на некую субстанцию, которая еще и шевелилась. Бред.

Или у меня, или у всего мира. Да, дурдом, кажется, мы с тобой навеки связаны.

Выщербленный пол, которому, казалось, не меньше ста лет. По крайней мере, похожий я видела у своей прабабушки в деревне. Но того специфического, въедавшегося во все вещи запаха деревни здесь не было. Так, легкий болотный аромат. Даже приятный, должна отметить.

Кроме, собственно, потолка и пола, как может предположить каждый образованный человек, в комнате имелись стены. Увы и ах, голые и холодные. Вероятно, потратившись на новомодный потолок с иллюзией ряби, владельцы забыли оставить средства для отделки стен, которые так и остались стоять голыми. Зато потолок... Он крут, это да. Как это все-таки по-нашему – отгрохать нечто одно, зато так, чтоб все ахнули!

Обстановка также оставляла желать если не лучшего, то хотя бы привычного. Явным нарушением законов дурдома в углу примостился стул с высокой спинкой, на котором мило возлежало мое грязное одеяло, кем-то заботливо сложенное особенно выдающимся пятном вверх.

И, наконец, последнее, что имелось в комнате, – окно. Оно было расположено выше, чем мы привыкли видеть в домах, под самым потолком. Полукруглое отверстие в стене, через которое в комнату попадал свет.

Здраво рассудила, что прежде чем идти и выяснять, куда я на этот раз попала, нужно разведать обстановку. Взяла стул, сместила его величество одеяло на пол, подтащила свою импровизированную лестницу к окну и выглянула наружу. Оттуда выглянули на меня. Даже не тот сублильный типчик, а настоящая жаба, разве что размером побольше.

Отлепившись от окна со скоростью звука, с громким писком (ну не удержалась! А вы бы смогли промолчать, когда ЭТО пялится на вас, еще и языком окно облизывает?) я бросилась к открывшейся двери. Промчалась мимо какой-то довольно милой дамы, пронеслась по лестнице и чуть не вылетела в болото, не поймай меня за шкуру та самая женщина.

– Уты-уты, куда это так норовим? В болото нам еще рано. Маленькие, не доросли.

Уточнять, до чего не доросли какие-то «уты», женщина не стала, а я... Я приходила в себя от шока. Она говорит на простом и понятном русском языке! Свершилось чудо! Шизофрения прогрессирует. Я начала понимать местных обитателей! Победа!

Мило улыбаясь, эта добрая дама отконвоировала меня домой и усадила на стул, занявшись своими делами.

Комната мало походила на мою собственную. Возможно, все дело было в том, что она больше напоминала кухню. Милые резные шкафчики

на стенах, кухонная утварь на полочках, стол... Большой обеденный и пара маленьких, для готовки. И даже печка с зеленым огнем.

Да уж, если болото, то все зеленое. А после недавнего забега я нисколько не сомневалась, что домик этот стоит посередине самого настоящего болота.

– Голодная?

– Да, – честно призналась я, прикинув, что даже злая Баба-яга сначала спать укладывала, а потом уже печку топила и жарила. Или тут порядок действий сбит? Помыть-то меня помыли, спать уложили, а сейчас нафаршируют и запекут? Да уж, Данька, все у тебя не как у людей.

– Простите, не могли бы вы ответить на парочку вопросов? – забросила удочку я.

Если и планировать побег, то нужно хотя бы разжиться информацией, в какую сторону бежать. А раз языка мы потеряли, придется идти на контакт с похитителями-содержателями.

– Конечно, милая, – легко согласилась женщина, засовывая в печь горшочек. – Сейчас за молочком схожу и поговорим. Ты какое больше любишь: коровье или козье?

– Коровье, – выбрала я знакомый продукт.

Козье, может, и полезнее, но пробовать его доводилось только в очень далеком детстве, а последствия уже не поддавались восстановлению в моей девичьей памяти.

Женщина кивнула, принимая к сведению ответ, но вернулась с двумя бидончиками, которые были поставлены на стол. Вскоре к ним присоединился еще теплый белый хлеб, а уж когда из печки начали доноситься запахи, я едва слюной не захлебнулась. Да, хорошо у бабушки в деревне!

Женщина устало присела.

– А теперь и поговорить можно. Ты откуда такая неопытная взялась? Хорошо хоть, додумалась к людям попроситься. Эти узнали и ко мне принесли. А без моей-то помощи что бы ты делала? Нельзя, нельзя вас, дурех молодых, свет смотреть отпускать. Влюбитесь в рожу кривую да слова вихлястые и пропадете совсем. На кого только похожа стала! И это кикимора! Цвет болотного общества!..

Она говорила, и говорила, и опять говорила, и все про дурех молодых, кикимор каких-то, пока наконец не припечатала:

– Если свет белый так люб, то иди в КАКу поступай, неча шляться без дела!

Я едва не подавилась. Нет, то, что меня готовы отпустить, – это

хорошо. Тут жаловаться не на что. Но вот идти в какую-то какоу, чтобы без дела не сидеть? Нет уж. В какоу я не хочу. Если в школу какую-нибудь, то подумала бы еще. А тут – какоа. И вообще, мне домой попасть надо! Предки, наверное, уже заявление написали, и меня ищут. Так что не засиживаемся, идем в город и властям сдаемся. А там – домой и спать. Не забыть еще в блоге расписать, как я страдала. Там такое любят!

– Кака – это хорошо, – решила проявить дипломатичность я. – А ближайший город далеко?

– Так в ближайшем КАКа и находится, – пояснила женщина. – Но сейчас туда идти смысла не имеет. Прием только недели через две, а тут всего два дня пути. Что же тебе в городе одной делать! Попадешь в передрагу. Любят сейчас кикиморушек обижать. И не вступится никто. Болотный цвет редко с людьми этими проклятыми контактирует.

– А с нелюдями? – развеселилась я.

Раз уж это моя шизофрения, то удовольствие нужно получать.

– А с нелюдями торгуем. Разве не знаешь? Сама-то из какого болота? Забугорского или Подречного? Али еще дальше? Вересневого? Семиречного?

– Не знаю... Я потеряшка. Проснулась в кустах с комарами, ни отца, ни матери не помню, – так прониклась собственной историей, что даже всхлипнула. – Совсем ничегошеньки не помню.

– Бедняжечка моя, – засуетилась женщина. – Ничего, все хорошо будет. Узнаем мы, какое твое болото.

Не оставлю я тебя. Если нужно, сама выучу. Давно дочку хотела, да умер мой болотник. Не успели дитя народить. Ах, котенька, не брошу я тебя. Не бойся.

Мне даже стыдно стало так обманывать бедную женщину. С другой стороны, если это игры моего сознания, то обманывать саму себя не зазорно.

– А звать-то как, помнишь? – внезапно спросила женщина.

– Данька, – ответила прежде, чем успела подумать, я.

Нет, конечно, в паспорте было написано не так. Там я значилась Вересновой Даной Игоревной, но полным именем меня даже в школе не звали, так что простецкое «Данька» стало куда родней официального.

– И то хлеб, – проговорила женщина. – А меня Ванией зовут. Но чаще – Ванична. Так что если услышишь в селе, что Ваничну кличут, так это за мной. Где село-то, видела?

– Нет, – призналась я, прикидывая, какой же обширный хронотоп у моих глюков. Село, некая какоа в городе, сам город.

– Тогда, детонька, после еды и сходим. Наденешь платье другое – и пойдем. А то не гоже девкам в таком сраме щеголять.

Хм, сраме? Это она про мою ставшую подозрительно чистой пижаму? Так и не срам вовсе! Длинная, до самых коленок... Кофта с рукавчиками, выреза и в помине нет. Мерзну я, горло продувает, вот и выбираю тщательно.

– У вас есть, во что мне переодеться?

– Да, сейчас принесу, – кивнула Ванична, поднялась и неспешно скрылась на лестнице.

Интересно, здесь весь дом под болотом сидит? А что, удобно. Никто не полезет в топь. Живи – не хочу. Ну точно кикиморина хатка. Вспомнились собственные мысли про бюрократов. А что? Тут точно утопнут. Мне самой-то страшно выходить, а по ту сторону прыгать... «Кочек нет», – услужливо подсказала память. Да уж, в такой ситуации остается только полет осваивать. Хотя, говорят, за деньги чиновник на все пойдет. Хм, а крылатые бригады чиновников существуют? Правда, если это моя больная фантазия – здесь и не такое появится.

– Держи, дочка.

Как-то совсем незаметно прошел этот переход с наименованием меня. И что странно, моя вечно протестующая суть не возражала в этот раз, принимая данное обращение как само собой разумеющееся. Нет, я точно в бреду. И как давно? А шутник-депилятор – это тоже больная фантазия или он существовал на самом деле? Какой-нибудь фриковский, как тот, приставучий. Нес какую-то ересь. А про что он говорил?

Голова отозвалась странной болью. Нет, не вспомню уже, чего он хотел. Отшила и отшила, и дело с концом. Точнее, с сарафаном, который мне довольно вручили. А что? Сарафан неплохой. Из натуральных тканей. Полезный, как сказала бы моя бабушка. Кожа в нем дышать будет. Ну и что, что из моды вышел давно. Кто этой моде следует? Жертвы? Оно и видно.

Выбирать не приходилось. Вернувшись в свою «палату», я быстренько переоделась в длинные плотные штанишки, рубашку и сверху нацепила сарафан. Выглядела потешно, хотя Ванична встретила мое появление с одобрением. Да и сама носила похожий сарафан.

Хм... значит, будем делать хорошую мину при плохой игре. Как там в песне? «Я иду такая вся в Дольче Габана»?

Вот и отлично. Если там, на показах, модели сохраняют покерфэйс, то что обо мне говорить? Мы, так сказать, тренированные суровой цивилизованной действительностью, где ходят, перекатываясь, попы, отплясывают скелеты, а про Барби с собачками вспоминать страшно. Нет

уж, лучше сарафан.

Придав лицу высокомерное выражение, призванное лишний раз подчеркнуть всю тщету окружающего мира, я направилась к выходу вслед за Ваничной, когда случайно заметила самый страшный предмет в жизни девушки. Нет, не угадали, весов здесь не было. К тому же существует множество девушек, которым плевать на вес. А вот на внешность... Да, поистине самый страшный враг любой красавицы и не очень (типа меня) – зеркало. Против его вердикта даже апелляцию не подашь. Можно, конечно, попытаться, но в нужный момент тональник просто смоеется. Или тушь потечет, или еще что-то случится из разряда приятных неожиданностей.

Так вот, со священным трепетом я устремилась к этому оракулу и замерла. Нет, я, конечно, знала, что далеко не красавица, но чтобы до такой степени?! Куда делись мои девственно целые брови, которых в жизни пинцет не касался? А прыщ на носу? Моя гордость, мой талисман, мое спасение от лживости окружающих? Куда подевался мой драгоценный прыщ? Верните его немедленно! А нос жабкой! Он никогда правильной формы не был! Это что за извращение! Хочу назад картошечку. Эта форма шла мне к бровям. И не так жалко было об скейт стукаться. Подумаешь, сломаешь! Было бы что ломать. А теперь?! Вот как? Как с этим безобразием жить? А глаза? Куда мешки делись? Куда мне сны теперь запикивать? Да уж, поиздевались мои глюки. Единственное, что осталось в прежних традициях, – грива. Только сейчас и она была совсем другой. Зеленой, как болотная тина, и с колтунами. И это мои милые, гладкие и послушные, которые никогда не доставляли проблем? Ну хоть что-то глюки сделали правильно!

Из дома Ваничны я вышла в приподнятом настроении. Даже интересно походить с новым для себя цветом. Если бы еще и лицо не подкачалось! Но всегда есть ложка дегтя в бочке меда. И эта ложка – волосы. Все остальное – да... Терпеть ненавижу мед.

Идти по болоту было страшно. Кочек, как я уже упоминала, не имелось, но Ванична ступала спокойно. Каждый шаг ее казался уверенным и совсем не обдуманным. Она просто шла, как будто и дорогу не вспоминала, а прогуливалась. И знаете, ее уверенность передалась и мне. Если поначалу я старалась в точности повторять ее шаги, то, осмелев, потопала рядом. Женщина одобрительно улыбнулась.

– Я уж думала, так и пойдешь следом. Даже не скажешь, что ты из наших. Наши еще с молодых годков по болотам бегали, а ты осторожничаешь. Взрослая девка, а все туда же. Замараться боишься?

Я отрицательно замотала головой с видом оскорбленной невинности.

– Вот и славно, будешь мне помогать. Я в село бегать не привыкла, а сезон самый. Торговать пора.

Чем может торговать одинокая женщина, проживающая на болоте, я даже спрашивать боялась. Хотя и любопытно. Интересно, сколько лет дали бы мне за ее ассортимент, если бы это не глюки глючились? Мозг прайсом, увы, не располагал и воздержался от выдвижения каких-либо числовых комбинаций.

К селу мы вышли не скоро. Часа два, не меньше. Суший ад. Идти в выданных Ваничной лаптях было выше моих сил. Казалось, даже босиком топтать много приятней, чем так.

– Подожди, сапоги купим, – успокоила женщина.

Хотя мысль о сапогах летом (а здесь царило именно оно, видимо, мое подсознание тоже не любило снег и холод) и была, на мой взгляд, несколько неразумной, я промолчала. Все же лишними не будут. Тем более если через две недели – набор в местное училище.

Мои размышления о сезонной моде прервало зычное:

– Посторонись!!!

Ванична резво отпрыгнула в сторону, уступая дорогу несущемуся на всех парах всаднику. Меня она предусмотрительно дернула за шиворот, уберегая от копыт. Хм, видно, здесь прекрасно знают, что пешеход, конечно, прав, но только пока жив. А чтобы быть живым, нужно следовать правилам. И иначе никак. Хотя и конным следовало бы подучить ПДД, чтобы не затапывать бедных путников.

Женщина тем временем спокойно продолжила путь, даже не крикнув вдогонку этому нахалу пару ласковых, как поступила бы любая чуть не сбитая дама. А уж дама в возрасте применила бы весь многолетний опыт, чтобы округа обзавидовалась ее словарному запасу.

– И часто здесь так? – осторожно поинтересовалась я, вслед за Ваничной поднимаясь на холм, выбранный для проживания местными селянами.

– Бывает, – равнодушно отозвалась она, заставив меня поежиться.

Это что же получается? Глаза на затылке становятся не патологией, а насущной необходимостью?

Село встретило нас дружно. Почему-то у ворот импровизированного заборчика, тянувшегося на два-три метра от входа, собралось с два десятка детей, очень напоминавших недавно мной изученных шкафчиков. То же почесывание черепушки, тот же словарный запас, то же «Ы-ы-ы» и те же длинные пальцы и выпученные глаза. Ну вот серьезно? И не надоело им? У нас бы на второй раз уже и не смотрели на фрика. Подумаешь, чего тут не

видели? А так... достопримечательностью себя чувствуешь. Неодушевленной и голубыми помеченной, ибо грязными пальцами тыкали. А если бы достали? Нет уж, лучше за заборчиком постою.

Ванична быстро оглядела процессию встречающих, топнула ножкой и, уперев руки в боки, принялась отчитывать:

– Это что еще такое? Пришли к вам две девицы красные. – Один из встречающих хмыкнул. – С намерениями добрыми. – Теперь хмыкали и переглядывались двое. – Людей добрых повидать. – Уже не хмыкали. Самые отважные начали отступать в тыл. – Гостинцами попотчевать. – Тут уж я задумалась. Какие это гостинцы мимо меня прошли? Непорядок! – А вы – такой прием, как гнусы противные! Не бывать вашему урожаю добрым, а девкам – плодовитыми! – в сердцах бросила Ванична и, развернувшись, медленно, чтобы успели оценить, что теряют, начала спускаться с холма.

Понятное дело, я за ней шла. Какое довольное у нее лицо было, когда я в него заглянула! Даже кот, объевшийся сметаны, выглядел бы рядом с ней жалко. Мы успели спуститься к подножию холма, когда нас догнал мужичок лет сорока. В соломенной шляпе, раскидистыми ро... усами и красным носом. Не иначе как от постоянного бдения над судьбами деревни.

– Это что за безобразие? – накинулась на него Ванична. – Пришли мы как люди добрые, хотела дочке село ваше показать. Вдруг приглянулось бы. А вы что устроили?

– Невиноватые мы! Приказ самого королька – всю нечисть болотную гнать в три шеи. Ибо злодеяниями путь их усеян. Да чтобы мы сами, да по своей воле. Быть такому не бывать!

– Ах, не бывать?

По тому, как женщина давилась смехом, я начала подозревать, что представление разыгрывается специально для меня. Только зачем? Традиция? Все может быть. А они продолжали. Вот уже в ход и рукоприкладство пошло, и ухокручение, и мольбы-заверения. Наконец сердце Ваничны не устояло, и она заявила:

– Хорошо, молодец. Веди в свою деревню, сниму чары окаянные. Не станут ваши поля пустеть, а житницы – гнить. Девки беды знать не будут, ребятишки хворы забудут.

Закончила и выжидающе на меня посмотрела. А я что? Я ничего. Уже усесться на землю успела и теперь с интересом следила за происходящим. Заметив, как на меня глядят, послушно встала и поаплодировала. Представление вышло что надо.

– Так, может, это, – замялся главный герой самодельной пьесы, – того,

в дом пойдём? Костьника уже и ужин сготовила, приказала вести быстрее.
– Веди, – милостиво позволила Ванична. – Умаялась я что-то.

Глава 2

Домоводство и его практическое применение

Правильное домоводство есть лучший способ заставить окружающих все делать вместо тебя.

Вот уже третий день, как я участвовала в народном аттракционе «разожги печь». За время учений в результате самовозгорания были подпалены или сожжены следующие предметы быта: занавески, три полотенца, коврик у входа, две ножки стула, один стол, пара лаптей, нож с деревянной ручкой, ложка, лучинка, горшок цветочный, обыкновенный.

Несмотря на большую смертность среди предметов быта, Ванична не теряла надежды приобщить меня к местным способам приготовления еды. С каждым днем ее надежда становилась все маниакальнее, и меня заставляли пробовать снова и снова. Вероятно, она хотела взять печь измором, чтобы та при виде меня сама растапливалась. Ничем другим я подобное упрямство объяснить не могла.

И да, для лучшего вливания в мир собственных глюков мной было принято решение вести хозяйственно-просветительские записи. Пока преимущественно хозяйственного толка. Уже даже первую сделала: «Трогать жабу в период линьки опасно для жизни». Нет, не поймите неправильно. В гробу я видела эту жабу и ее линьку, но кормить живность прочно вошло в мои обязанности. «Любят животинки молодую кровь», – туманно пояснила свое решение Ванична, выдавая мне ведро с дурнопахнущей смесью а-ля «суп-пюре для извращенцев».

Да уж, молодую кровь они любят. Портить. Пока я воевала с жабой, уговаривая ее отхлебнуть из чудо-ведерка, это самое чудо-ведро умыкнул ужик. И не надо ржать. Этот ужик очень умный, а при длине в три-четыре метра утянуть какое-то ведро для него – раз плюнуть. И попало же мне... Пришлось самой идти и комаров ловить.

Почему комаров? Так любит их Жабка. Ванична хотела нас сдружить и сама ловила комариков, чтобы суп любимой скотинке сделать, а тут такая потеря. В общем, выдали мне сачок, мешок как из-под картошки и отправили на болото.

Нет, не пугайтесь, Ванична меня нежит, пылинки сдувает. А на

болото... Ну так водятся там комары. И меня любят. Как увидят, так и несутся всей стаей. Познакомиться хотят. Это мне Ванична объяснила. Дескать, комары молодые, кикимор настоящих не видели, вот и бегут со всех крыл на чудо посмотреть. Ага, а кикимора стоит. Сачком махает и в суп их, в суп, чтоб неповадно. Этакая плата за просмотр с летальным эффектом. И ведь продолжают лететь. Если бы еще покусать не пытались от полноты чувств... Но это молодняк.

Более степенные комары, как сказала Ванична, таких, как мы, видели и попробовать не пытаются, а уважительно облетают за версту, чтобы в суп не попасть. Они и молодняк просвещают, но куда уж там. Детки-то всегда себя правыми считают. Без исключений. Что комарьи, что человечьи, что кикиморины. Последнее Ванична особенно подчеркивала, на меня косясь. А что я? Я ничего. Подумаешь, забыла сарай у Жабки запереть.

Так не сбежала скотинка. А могла бы. Нет же, выскочила – и давай вокруг дома бегать. А мне потом болото равняй, чтоб не прохудилось где.

В общем, не жизнь, а сказка. Злая какая-то и уж больно хозяйственная. Золушка, что ли? Нет, на мачеху Ванична не тянула. Да и принца на горизонте нет. Или сынок старостин за принца сойдет?

Этот, должна отметить, достойный сын своего отца решил пойти по стопам папеньки и направился прямо к нам, на болото. Пришел, уселся на пенек в сторонке. Сидит, веником обмахивается, горланит какие-то песни. Жабка прямо заслушалась – давно ее соплеменники серенады под окнами не пели, заскучала бедная Жабка по мужскому вниманию. А Ванична села повздыхать у окошка, но уже на второй ноте с грохотом захлопнула ставни и дверь на щеколду закрыла. Еще и мне сказала не выходить, чтоб ушки мои слабенькие не пострадали.

А мы и рады стараться. Это же целый день лентяйства. К печке меня точно не поведут – дрова-то все на улице, в сарайчике у Жабки, а тот запас, что в доме хранится... Так не для разбазаривания он. Посему, к моему крайнему облегчению, меня выгнали погулять по дому.

Гулять, конечно, было скучно, и я отправилась на облюбованный чердак. Именно здесь и хранились мои «записки сумасшедшего», кои я собиралась пополнить в самое ближайшее время. Выглянула во двор, где самозабвенно мучил гусли старостин сынок (на веник уже и смотреть жалко было), и сделала вторую запись в кладезь умных мыслей: «Хуже Жабки и печки может быть только горловое пение».

Какое отношение эта запись имела к хозяйству, я слабо представляла, но не увековечить полезный опыт не могла. И вот еще: после знакомства с Ваничной я резко стала всех здесь понимать. То ли адаптация к глюкам

вышла на новую стадию, то ли еще что, но факт оставался фактом. Я всех понимала. Даже Жабку иногда.

Сказала о последнем Ваничне, так она тут же славу возносить какому-то Болотному Божку стала. Дескать, благословил батюшка, настоящая кикимора растет, будет, кому болотце передать с хозяйством. Кажется, от идеи сплавить меня несуществующим в этом кошмаре родителям женщина отказалась. Ну и ладно, мне же легче. Врать меньше. Когда-нибудь этот затяжной бред кончится, и все снова будет по-старому. Эх, надеюсь, факультет за это время распрощается со мной, и я смогу податься в химики.

Почему-то в последнее верилось с трудом, ну да ладно.

Подведем итоги нашей бурной трехдневной деятельности. Погружение проходит успешно. Аборигены уверены, что я – одна из них. Комары не обижают, Жабы в любви признаются, печка морщится и не признает. Все как обычно. А, и еще... Появились поклонники. На данный момент – в количестве одной штуки. Настырный, без слуха, страшный. Итог – не подходит.

Старался бедный поклонник до самого вечера. Уже и первые звезды загорелись, когда он подобрал свой веник, засунул гусли под мышку и утопал в сторону деревни. Что-то подсказывало, что завтра он если и придет, то веник принесет тот же. Весь в папочку? Так зачем лишний раз тратиться, если вещь еще целая.

– Данька, ужин стынет. – А это уже мне. – Иди кушать, дочка.

Я решила не отвечать словами, предпочитая ответить делами, и быстренько спустилась на кухню. На моем месте стояла тарелка с супом, лежала ложка и ломоть хлеба. Большой, ароматный, с семечками. Давно такой хотела.

– Спасибо, матушка, – поблагодарила я, замечая, как расплывается в улыбке Ванична.

Нравилось ей это обращение, а мне совсем несложно сделать ей приятное.

Неожиданно женщина погрузнела. Она медленно опустилась напротив и шумно выдохнула:

– Прости дочка, не смогли твоих родителей найти. И тебя никто не вспомнил.

Ну еще бы меня кто-то вспомнил. Было бы удивительно, но...

– И что же теперь делать?

«Мордашку погрузнее», – промелькнула ехидная мысль.

– Ничего, дочка, со мной останешься. Наследницей будешь. Всему научу, настоящей болотницей вырастешь.

– А кака? – несмело поинтересовалась я.

Я уже успела смириться, что придется туда идти, и даже думала, что в пути понадобится.

– А что – КАКа? Пойдешь, отучишься годок... Болотники-то больше и не учатся, сбегают. Мучают там наших, за людей не считают. Придираются. Я бы тебя не пускала, но правила. Один курс отучиться каждая болотница должна. Чтобы замуж выйти да деток после учить. Ты уж постарайся в грязь лицом не ударить. Хорошо учись, на троечки. Чтобы мне стыдно не было. А то сынок Гречневых чего удумал: четверку получил! Стыд и срам! Как им сочувствовали, как уговаривали не выгонять болезного! Чего натерпелись.

– А если я не смогу на троечку? – осторожно поинтересовалась я.

– Ну так и двоечка хороша. Для всякой уважающей себя болотницы двоечка – лучшая оценка. Деток учить хватит, а с мужем спорить не станет.

На этом и порешили.

Утро выдалось погодистое, теплое и по-летнему ласковое. Даже на нашем угрюмом болоте на травинках повисли капельки росы. Я уже предвкушала, как пройду по ним босиком, когда выскочила довольная Жабка, свалила меня с ног и облизала лицо липким языком. «Вот и умылась», – подумалось мне. О том, чтобы пройти по росе, уже и речи не было. Какая роса после Жабкиных лапок? Опять болото равнять. И почему самая сложная работа достается мне?

Тем не менее болото сегодня обошлось без моего внимания. Вместо этого меня отправили на пруд купаться. Идти куда-то плескаться в грязной болотной воде не хотелось, но раз уж моя новая матушка так настаивает... И потом, не понравится – плескаться не буду. Пусть деревенские плещутся, а я в сторонке посижу. Я же теперь кикимора, мне можно.

Идти до села с корзинкой со сменной одеждой да с едой было неудобно. Привыкшие к рюкзакам поймут. Руки свободны, вес не так чувствуется, бегать легко, идти, опять же, удобно, а тут... Ни на плечо не повесишь, ни пробежишься. И таскать неудобно, то и дело под коленки стучается. Нет, нужен рюкзак. Или хотя бы здешняя разновидность – мешок-заплечник.

В общем, до села идти долго и неприятно. Все так и норовило помочь встрече моего носа с землей. Но мы же вредные? Так им и надо, обойдутся.

Село-грибочек показалось, как обычно, – внезапно. Просто я вышла к кромке леса, а дальше ждал долгий и нудный подъем в гору, где у ворот уже собирались местные барышни, чтобы отправиться купаться. Чуть

невдалеке кучковались и местные молодцы, чтобы идти... подсматривать. По крайней мере, у бабушки в деревне так и происходило. Ну, конечно, с поправкой на более свободные нравы. А то углядев, в чем следует купаться, я вспомнила бедных корейцев, которые в воду залазят в одежде, и поняла, что их шорты с майкой – вверх откровенности. Ибо в выданной ночной рубашке до пят с воротничком под горлышко можно разве что пугать прохожих. Тут уж точно никаких противоправных желаний у сильной половины не возникнет. Хотя... это как намокнуть.

Меня здесь явно не ждали. Это первое, что пришло на ум, стоило увидеть резко увеличивающиеся в размерах глаза местных барышень. А я тут при чем? Мне сказали прийти – я и пришла. Данька же послушная, когда это Даньке нужно. Уж лучше купаться, чем с печкой кровь портить или комаров подманивать.

Выбрав девицу поустойчивее (меньше всего глаза выпучивала), я отправилась с ней договариваться и прояснять ситуацию:

- Вы купаться собираетесь?
- Ага, – выдала она.
- Я с вами, – поставила в известность я.
- Ага, – вновь соригинальничала девица.
- Куда идем?

Честно? Я ожидала вновь услышать нечто вроде «ага», но меня удивили.

- Туда, – указала в иную от леса сторону девушка.
- Когда идем? – возрадовалась я.

Контакт можно считать налаженным. Мне ответили целых три слова, и два из них – разные!

- Э...
- Все пришли?
- Ага.
- Так мы идем?
- Ага.

И мы потопали. Честно, в душе поселились сомнения в добром душевном здравии местных барышень. «Ага» – это, конечно, классное слово. Полезное, многофункциональное, но порой так конкретики хочется! Хотя бы на уровне. Там, здесь, уже. А так... Эллочка-людоедочка – ты кладезь лексического запаса могучего великорусского.

Шли недолго, но весело. Я даже расстроилась. Такие славные покатушки пропали! И зачем нужно было прямо по склону идти? Чтобы ухажеров запутать? А они, конечно, запутаются. Если пруд тут

единственный в округе, и тропу уже не одно поколение вытоптало. В общем, шли мы порознь с барышнями, но никто не удивился. Все же зеленоволосость – это плюс.

У самого пруда начался стриптиз. Хотя так назвать совершенно незротичное зрелище язык не поворачивался. Нет, конечно, сарафанчики дамочки снимали элегантно, но вот стоило мне узреть подмышковые заросли или лесостепь на ногах, вся эротика куда-то капитулировала. Ну не привыкла я к волосатым подмышкам. А уж к волосатой спине...

Даже отвернулась под осуждающие взгляды местных красавиц. А я что? Я кикимора. Мне их стандарты красоты не подходят. Совсем не подходят. Где бы тут крем «Вит» достать? Или хотя бы бритву... Ну должен же хоть один эстет попасться? Или здесь модно щеголять лесами?

Судя по учащенному дыханию кустов – модно. Ну и ладно, пусть наслаждаются. А мы не гордые. Мы в тенечке посидим и потом искупнемся, как все уйдут. Или лучше прогуляться?

Поскольку лес за время моего проживания у Ваничны был изучен довольно неплохо, да и пожилая кикимора научила меня «слушать тишину», потеряться я больше не боялась. В крайнем случае, Жабка меня найдет. Я в нее верю. Получше пса сторожевого. Только я на порог, так она уже двери сарая таранит. А если на выгул пустили... То как сегодня: раз! – и лицо отмыть уже сложно.

Поднявшись и отряхнув сарафан, хотя к нему на удивление грязь не цеплялась, я неторопливо пошла гулять в лес. Случайно (выискивая добрый час времени) вышла на дорожку, с которой началась моя здешняя жизнь, нашла брошенную в кустах подушку и решила пройтись по памятному пути, срезая вихляющие петли.

Теперь-то я знала, куда ведет дорога. Ванична рассказала, что там еще одно болото есть. Особое такое болото. Считается, что там кикиморы на кладке сидят. И если потревожит их кто-нибудь, не отпустят они смутьяна, съед... На кладку посадят, а мелкие кикиморы его и съедят. Да, вот так жестоко обращаются кикиморы с теми, кто их на единении с природой поймал. Впрочем, по тому, как посмеивалась Ванична, это все бред первостатейный. Но болото тем не менее существовало здесь очень давно. И именно в нем собирались утопить незадачливого парня. Чем местным насолил залетный кавалер, я предполагала, но спрашивать постеснялась.

Памятные кусты встретили меня одобрительным колыханием веток. Были рады, как и все вокруг, увидеть свою новую кикимору. Как мне объяснили, для леса кикимора – неплохой бонус. Правда, в чем именно заключается бонус, я пока не поняла, но, видимо, он таки был. Иначе от

такой невезучей кошмарины, как я, убежали бы все окрестные звери, а кусты научились доставать корни и передвигаться на своих надцати.

Но не будем о плохом.

Внимательно оглядев место недавних разборок, я нашла и выковыряла следующие предметы: пуговицы – три штуки (как на подбор: золотая, серебряная и бронзовая), челюсть вставная металлическая – одна штука, бижутерия на шею – две штуки, а-ля глобус на цепочке – одна штука. А неплохой клад, однако, сохранило для меня болото! Если здесь еще есть, можно целый бизнес устроить. Продажа потерянных вещей. Докажете, что ваша, – берите бесплатно. Но, чуёт попа, документов на пуговицы здесь никто не выдает. А значит – все мое.

Аккуратно уложив скарб в корзинку и прикрыв неиспользованным купальным платьем, я присела на дорожке и принялась кушать. Руки помыла! В болото засунула и подождала. Вода там под всем этим покровом почище, чем в давешнем пруду. Но не для всех. Для кикимор только.

Бутерброды от Ваничны были великолепны. Свежие, ароматные, без грамма химии и прочих ГМО. Да, портился продукт, конечно, быстро. Лучше бы за полдня съесть, а то после... Да, смотреть страшно. Но я же всегда в срок укладываюсь, так что наслаждаемся.

Перекусив, я задумалась, чем заняться в оставшееся время. Вернуться к Ваничне до захода солнца – значило обречь себя на труд во благо болота. Нет, я совсем не против поравнять его немного, но вот колоть дрова?

Ой, тяжело мне, тяжело! Почему здесь еще пилу не придумали? Циркулярную. Или какая там самая лучшая?

В любом случае, возвращение домой до срока отметалось тут же. В село прогуляться? Или в город сходить? Если на телеге, то управляюсь. Вот только вдруг обратно попутки не найду? Да и боязно с незнакомыми людьми ехать. Того и гляди окажутся маньяками. Здесь-то с оповещением совсем грустно.

На небе собирались тучи. Медленно, но верно серел горизонт, не предвещающая ничего хорошего заблудившимся на болоте людям. Тяжело вздохнув, я отправилась к Ваничне. Все же крыша лучше, чем мокнуть под открытым небом.

Дождь начался раньше, чем я успела добежать до болота. Крупные капли хлестали по лицу, заставляя часто жмуриться, одежда промокла, превратившись в одно сплошное холодное покрывало. Но во всем нужно искать плюсы, и я нашла. Мои спутанные волосы наконец разгладились и даже распутались, являя собой однородный слой водорослей.

Чтобы попасть к крыльцу, пришлось вброд миновать наше болото.

Разуться я, конечно, не додумалась, и теперь выливала воду из лаптей. Вылила и вошла.

На первый взгляд в доме никого не было. Темнота, тишина, и только Жабка в сарае довольно квакает: в самый раз ей погода.

– Ванична, я вернулась! – громко крикнула я.

Голос эхом пронесся по дому, заставляя вспыхнуть свет. Хм, раньше эти мирно дремавшие под потолком огоньки меня напрочь игнорировали. Передумали? Пожалели меня? Или мебель, которую я в темноте могла сломать? Впрочем, вопрос «почему» меня в этот момент занимал меньше всего. Главное – открыт путь в комнату, где можно переодеться в сухую теплую одежду.

Быстренько пробежав по ступенькам, я вынула из шкафа рубашку, юбку, белье и носки. Переодевшись, вновь почувствовала себя белым человеком. Тепло, сухо и хорошо. Голод пока появлялся только на задворках сознания и меня не беспокоил. Зато вопрос, куда исчезла Ванична, все настойчивее крутился в бедной головушке.

В печке нашлась теплая картошка с грибами, что немного успокоило: если Ванична приготовила ужин заранее, наверняка ее уход был запланированным мероприятием и скоро она вернется. И купаться меня отправляла, чтобы здесь одна не скучала.

Убедившись, что все логично, я потопала на свой любимый чердак. Крыша в доме не протекала, и можно было сполна насладиться шумом капель по ту сторону навеса.

Вскоре стемнело, и пришлось подманивать один из потухших огоньков. Как назло, подлетел чуть зеленоватый. Теперь, реши кто-нибудь посмотреть на хатку, заметил бы зеленое сияние с крыши и убоился приближаться к дому.

От скрипа двери я вздрогнула, но недовольный, бурчащий под нос голос Ваничны заставил радостно нестись вниз, встречать свою опекуницу. Пожилая кикимора была зла. Я не понимала, что именно ее злит, пока не заглянула за спину и не заметила того самого субтильного типчика, жертву местных молодцев.

– Данька, вода теплая есть? Надо бы натаскать, – быстро распорядилась Ванична, затягивая в дом этого ненормального.

Судя по его виду, он решил искупаться в болоте сегодняшним погожим днем, но вот с одежкой прогадал.

Надо было раздеться хотя бы до пояса. А то в камзоле, как у рыцарей всяких, да в местные лужи бултыхаться?.. Не ценит он труд прачек, ох, не ценит.

– Ты еще здесь? – прикрикнула на меня Ванична.

Ничего другого, кроме как идти греть воду, не оставалось, и я быстренько спустилась по ступенькам в подвал. Здесь в одной из комнат имелся теплый пруд, из которого кикимора черпала воду для мытья. Да и я частенько носила ведерко-другое раз надцать подряд, пока Ванична не кивала, дескать, достаточно. И если бы для меня! Нет!

Теплую водичку предпочитала Жабка, а на ее купание требовалось ой как много ресурсов. Так что мышцы на руках у меня заметно укрепились. Сейчас же, поскольку я сомневалась, что мыть собираются Жабку, воду следовало носить в купальню. Увы и ах, это место было на первом, надболотном, этаже.

Следующие полчаса оказались совершенно однотипными. Принести ведро, забрать ведро, наполнить ведро, принести ведро... И так полчаса подряд. Впрочем, чего я жалуясь? Зато кормят бесплатно. И одежкой снабдили. В общем, отрабатываем и не ноим.

Спустя полчаса, когда меня отпустили восвояси, я, разумеется, ушла, чтобы забраться на чердак и оттуда слушать, что же случилось. А вдруг это что-то полезное или, на худой конец, интересное? Да и вообще, любопытно же, что этот тип забыл на болотах в лесу. Даже старостин сынок не додумался бы приходить в дождь. Да он и не пришел, проявив чудеса интеллекта. Или лени. В последнее верилось куда охотнее, чем в наличие мозгов у этого широколобого субъекта.

– Данька, спать иди! – крикнула Ванична, будто знала, что я сижу и слушаю. Хотя дом ее, могла и знать.

А меня-то зачем отсылает? Едой делиться не хочет? Как настоящая Баба-яга? Только без прелюдий в виде фарширования путника? А что, помыл и зажарил. И нет проблем и тревог про «пропеклась ли начиночка».

– Данька, я к кому обращаюсь!

Обращалась Ванична, понятное дело, ко мне. И игнорировать ее, судя по недовольным ноткам в голосе, становилось опасно. Ну и ладно, если наутро типа не будет, а будет пирог с мясом, я с полной уверенностью скажу, из чего он сделан. Так-то.

Громко шурша подошвой тапочек, я ушла к себе и, переодевшись в ночную рубашку, сладко заснула, свернувшись калачиком.

Утро встретило меня радостным кваканьем Жабки, словно нашелся тот ненормальный, что выйдет из дома на болото утром играть с этим хладнокровным переростком. Поднявшись, я переоделась в приличную по здешним меркам и чересчур чопорную одежду (по сравнению с привычными нарядами). В длинную, только чуть короче, чем спальная,

рубаху, которую нужно было звать платьем, и штаны, которые под юбкой-то и разглядеть сложно.

Вот в таком приличном виде я спускалась к завтраку. Вдохнула аромат, который завлекательно доносился из печки, и согнулась пополам. Если я что-нибудь понимаю в запахах, то из глубин кухни несло пирогом с мясом. Баба-яга, я тебя нашла?!

– Данечка, ты уже встала?

В дверях показалась Ванична. Было видно, что она только вернулась из леса. В руках держала лукошко, полное незнакомой травы. Вид имела крайне деловитый и, судя по всему, намеревалась отправиться куда-то еще.

– Да, матушка. А вы уже в делах?

– Конечно, милая. Как солнышко проснулось, так и я поднялась. Нечего в доме сидеть. Дай, думаю, травок лекарственных пособираю.

– А наш вчерашний гость? – осторожно поинтересовалась я, уже готовая послушно верить в его внезапное выздоровление и скоростное возвращение домой.

– Так ему лучше стало, – совершенно серьезно ответила Ванична, поставила лукошко на стул у входа и отправилась руки мыть. – Сейчас позавтракаем, и в лавку сходишь. Дядька Михал ярмарку обещал, вот и выберешь себе к дороге одежонки. А то негоже такой красоте в обносках ходить.

– Негоже, – согласно покивала я, радуясь перспективе обогащения гардероба в соответствии с собственным вкусом.

Сердце грела надежда, что если к учебе кикиморы относились, мягко говоря, наплевательски, то уж выбор моих нарядов тоже спишут на особенности болотного развития.

– Руки мыть – и к столу, – распорядилась Ванична, и я последовала за ней в купальню.

– Тетушка, а я уже выгулял вашу Жабку. Что-нибудь еще сделать?

Какой же звонкий голос у этого типа! Какой-то слишком звонкий для начинки пирога. Признаться, я даже разочаровалась. Такая хорошая теория пропала!

С неудовольствием воззрившись на вошедшего, я быстро потеряла к нему интерес, снова учуяв запах мяса. Ванична в отличие от меня не отвлекалась на всяких-разных и уже вынимала из нутра печи наш завтрак. Большой, румяный, наверняка мягкий и полный вкуснейшей (ага, лучше мяса может быть только мясо!) начинки пирог. Мням!

Я даже облизнулась непроизвольно на все это великолепие. А уж как за столом оказалась – только ноги знают. Сами донесли!

Еще одним плюсом деревенского местожительства было отсутствие правил. Ванична нисколько не возражала, когда я ела пирог руками, без помощи столовых приборов. А вот наш гость, судя по недовольно искривленным губам, еще как возражал.

– Кикимора, – пренебрежительно, но очень тихо бросил он.

Я только фыркнула. Сам-то чем лучше? В луже искупался, грязным и остался. Пусть его отмыли, а про совесть забыли!

Ванична сделала вид, что ничего не замечает, и присоединилась к трапезе. Видно, в уступку гостю сегодня она решила долго мучить пирог приборами и старательно скрипела ножом о тарелку, вызывая у меня нехорошие ассоциации. Нет, наверное, все же Баба-яга. Вот откормит этот суповой набор...

Я оценивающе прошлась взглядом по нашему сотрапезнику, отчего он, конечно же, совершенно случайно подавился.

– Вы так смотрите, будто очень голодны, – заметил он уже менее уверенно и без пренебрежения.

Ага, испугался!

– Не обращайтесь внимания, Георг, – вклинилась в начавшийся разговор Ванична. – Лучше поведайте, зачем прибыли в село и что заставило вас ходить на болото в такую ужасную погоду?

– Поручение магистра Бродседа, – тяжело вздохнул подневольный исполнитель. – В этом году он рассчитал примерное местоположение великого артефакта прозрения, потерянного некогда самым великим героем Гаваром. Он предположил, что артефакт покоится где-то в здешних болотах и выйдет на поверхность, если устроить ливень. – Ванична недобро прищурилась. – Это его рук дело, не моих, – поспешил оправдаться парень. – Я вообще младший преподаватель. Мне не под силу такое устроить.

– Не под силу? – внезапно рассвирепела Ванична. – А кто мне всех лягушек распугал своими огненными шариками? Кто слизняков в зародыше передавил? Это кто натворил? Бродсед ваш?

– Я не думал, что так получится, – отвел глаза этот негодяй.

– Не думал он, не думал. Все вы не думаете, а нам потом болотный баланс восстанавливай. Мне ж теперь в сам Семиречинск за новыми лягушками отбывать. А кто за дочкой-то присмотрит? Кто по лавкам с ней пойдет?

Судя по обреченному виду молодого мага, он понял, куда клонит Ванична.

Кикимора вытянула из-за пояса кулон, похожий на мою недавнюю

находку-висюльку:

– Поможешь дочке по хозяйству – получишь свою подвеску. Данька, сама не шали. И этому злыдню не давай. А то не разгребем мы последствия его деятельности. Все поняла?

Я согласно кивнула. Что тут непонятного? У меня теперь личный надзиратель и носильщик в одном лице появился. Не справится – не видать ему побрякушки. А его полезность целиком и полностью определяется мной. Все честно, вы не находите?

Маг, конечно, был совершенно иного мнения. Хмуро взглянул на меня, заметил предвкушение на моем лице, которое я даже не пыталась скрыть, и протяжно вздохнул. Наверное, мысленно уже прощался со своей висюлькой. Впрочем, это не наша забота.

А Ванична между тем продолжала:

– Отлично, детишки. Сейчас поедите – и на ярмарку. Данька, чтобы накупила приличных нарядов! Не желаю видеть на тебе одежду моей юности. Деньги дам. И еще. Когда вернетесь, не удивляйся, если меня не застанешь, – обращаясь уже только ко мне, ласково сказала кикимора. – До Семиречинска идти долго. Коль дела пораньше закончу, так и выйду. – И магу: – Обидишь Даньку – в луже утопнешь.

Судя по сбледнувшему с лица парню, проклятие было весомое. Это только мне утопление в луже казалось невозможным чисто физически, хотя... лужи тоже разные бывают. Та, к примеру, что у дома была, вечно велосипедистов роняла. Ехали они, ехали, волны пускали... А тут бах! – и в асфальте дырка, как раз для колеса. Попал – и бултых в грязную воду. Видимо, здесь лужи такие же, если утонуть не проблема.

Пирог как-то совершенно незаметно кончился, заставив меня усомниться в обычности желудка нашего подневольного гостя. Не иначе поколдовал кто! Это же надо умудриться пол мясного пирога за раз умять и голодными глазами на мой кусок смотреть! А не дам, самой нужно. Пусть идет к Жабке выпрашивает. Авось ей корочка перепадет.

Жабка как будто услышала мои мысли и потерлась об угол дома, отчего его изрядно трянуло. Нет, такая не отдаст своего. Вцепится и всеми лапами отбиваться будет. Настоящая леди. Уверенная и идущая к цели. А что зеленая... так нет среди нас идеальных.

Заслышав приближение Жабки, маг заметно приуныл. Он уже имел честь познакомиться с особенностями ее воспитания, а точнее – полным отсутствием оногo и вряд ли питал надежды договориться. А предложить что-то более привлекательное для зеленой аристократки не мог. Не было у него ничего нужного этой милейшей пупырчатой особе. Признаться, даже

жалко его стало. Но не настолько, чтобы уступить огрызок пирога. Нет уж, мой желудок в гнев страшнее. А маг... перетерпит.

Когда на моей тарелке не осталось даже крошек, Ванична довольно усмехнулась и отправила меня переодеваться. Для выходов у нас был предписан сарафан, и именно его мне надлежало натянуть.

Мага явление зеленоволосой красы в моем лице не впечатлило. Не знаю, чего он ожидал, но даже обидно стало. Нет, я, конечно, не эталон сарафанной моды, но так разочарованно оглядывать мои бедные метр шестьдесят пять... Он нажил себе злейшего врага, не сказав ни слова. Профи.

Хотя... Можно и ему отомстить.

– Господин Георг, – он даже приосанился, – а вы не поможете мне с выбором одежды? Понимаете, я долго жила в болотном городе и совсем отстала от моды. Вы наверняка больше моего понимаете в современных тенденциях. И потому как специалист могли бы прояснить один маленький нюанс: дырявые носки – новый тренд? Мне стоит запастись парочкой, пока их не раскупили?

По тому, как позеленело от негодования лицо Георга, я поняла, что шпилька попала в самую цель. В его уязвленное самолюбие и болезненный пиетет перед этикетом. Все же дырки в носках и в нашем прогрессивном обществе, где драные джинсы норма, а всякие выемки с вкраплением металла в тело и вовсе мода, не принято выставять напоказ.

– Господин, с вами все в порядке?

Я не утерпела: подошла и потыкала пальчиком этого маскирующегося под Жабку субъекта. Хм, а неплохо так замаскировался. Почти и не отличишь. Такой же злобный и с выпученными глазами. И вовсе я не больно! Подумаешь, в солнечное сплетение. Пресс тренировать нужно.

– Данька, а чего это с ним? – поинтересовалась спускающаяся с лестницы Ванична.

В руках она держала тканевую сумку, в которой хорошо так позвякивало.

– Отравился, видимо. Мало ли каким бутербродом вчера перекусил? Вот сегодня и проявилось.

– Хм, – задумалась старшая кикимора. – Подождите, я сейчас ему настоечки налью, чтоб без проблем поход пережил. А потом ты его сама полечишь. Я инструкцию оставляю.

Быстро передав сумку и не забыв перевесить висюльку мага мне на шею, Ванична с небывалой прытью бросилась в наше подболотье. Оценив на глазок скорость, я присвистнула: судя по всему, ждет нашего

скорчившегося гостя нечто настолько малоприятное, что добрейшая кикимора до сих пор ни на ком это зелье не испробовала. Но вот оставить без помощи по-настоящему нуждающегося... Он же потерпит? Ради его же блага мучают.

Вернулась Ванична и правда со склянкой какой-то темной жидкости, которую опасливо держала в вытянутой руке.

– Юноша, выйдемте на улицу. В доме я не рискну это открывать.

По перекошенной физиономии парня стало понятно, что он обладает зачатками интеллекта и ничего хорошего от этой скляночки не ждет. Раньше думать следовало! Обидел кикимору – полезай в болото!

Подбадриваемый моим едва сдерживаемым смехом и покровительственными заверениями Ваничны, дескать, все будет хорошо, бедный маг вышел на наше болотце. Мне, конечно, хотелось посмотреть на укрощение строптивых, но кикимора заявила:

– Лечение – процесс интимный.

И захлопнула перед носом дверь.

Ха, как будто гордость – наш порок, а чердак – зазорное место! Там и видимость получше, и слышимость, да и баррикадироваться проще.

Не успела! Нет, ну как можно заставить этого противного мага выпить зелье быстрее, чем я на чердак залезла? Это же ни в какие ворота! Я в нем разочарована. Как он мог так легко сдаться? Никакой гордости нет? Или поизмываться над моим бедным детским любопытством посмел? Вот я его...

Придумать, что же именно я сделаю, не успела. Пришлось быстренько слазить и делать вид, что как хорошая кикимора сидела у двери и ждала, когда мне позволят уже пойти в село за побрякушками. Впрочем, по ироничной усмешке Ваничны я поняла, что она в курсе, куда первым делом направились мои стопы, стоило ей закрыть дверь. А уж после ее тихого: «Паутина в волосах» и вовсе было глупо гордиться навыками слежки.

Но тем не менее гордой косолапой поступью мы наконец отправились в село. Тропинки за время ливня изрядно залило, и теперь идти по ним означало играть в вечную игру с мирозданием: повезет – не повезет.

– Вот же ж... Болото!

«Не повезло», – меланхолично отметила я, даже не оборачиваясь.

Судя по доносившимся ругательствам, Георг был цел и практически невредим. Разве что его гордость теперь медленно обтекала, как и одежда. Да уж, стирать сам будет. Стану я еще из-за него ручки мочить! И эта жижа... Нет. Мерзость. Пусть сам глину оттирает.

Идти в село в таком пятнающем репутацию виде маг отказался. Топать

в деревню без личного гужевого транспорта отказалась уже я. Он скрипнул зубами, я сверкнула глазами... В общем, пришли к полному взаимопониманию.

В селе я появилась первой, гордо прошествовала через ворота и, миновав городскую площадь, остановилась перед первым ярмарочным шатром. Всего их поставили пять, и, судя по ажиотажу, это было много.

Решив, что у мага есть познания в поисках девиц (хотя бы при помощи магии!), я шагнула в первый шатер, чтобы оказаться в царстве обуви великолепной выделки. Хотела бы я так сказать. Но, увы, вместо товарного раздолья здесь обитал один седеющий старичок, три модели сапог, две – калош и одна – туфель. Да уж, ярмарка решила поразить меня с первых минут.

Про то, что клиент всегда прав, старичок, конечно, не слышал, но вот что клиент всегда глуп и нерешителен, почтенный дядечка ведал еще со времен своей лихой молодости. А потому стоило переступить порог, и убраться без скандала уже не представлялось возможности.

Меня тут же сцапали за руку и, не чураясь ни зелени на голове, ни неприкрытого раздражения на лице, принялись водить по импровизированному выставочному залу, расхваливая свой небогатый, зато ручной работы (ага, как будто тут другая имелась) ассортимент. Оставалось только кивать.

– Но у меня совсем нет денег. Не хватит, чтобы оплатить ваш уникальный товар, – воззвала к здравому смыслу торговца я.

– Ничего, деточка. Я тебе скидку сделаю, а ты потом мне еще кого-нибудь приведешь, – не сдавался дедок.

Я заметно приуныла и едва не пропустила векового свершения: к нам заглянула следующая жертва торговца. Быстро отцепив его от собственной конечности, я бросилась наутек, заверяя растерявшегося покупателя, что здесь все самое лучшее и совсем дешево. Да, подло. Да, стыдно. Но жить-то всем хочется... Надеюсь, икаться мне будет недолго.

Следующий шатер стал настоящим шоком. Здесь не то что яблоку упасть негде было, здесь иголку потерять не получилось бы: застряла в чьих-нибудь рыхлых телесах. Хотя этого события никто и не заметил бы.

Вот где ассортимент поразил бы даже самого предвзятого любителя арабской экзотики. Увы, что синяя, что желтая, паранджа меня не привлекала. Да и в крапинку тоже, хотя ее пытались всунуть. На выход... на выпихе.

Ух, если и три последних шатерка меня так же порадуют, можно смело записываться в аскеты, ибо если это модно и эстетично, то быть мне навеки

страхолюдиной болотной. Передохнув и кое-как восстановив душевное равновесие, я заприметила третий, на вид менее посещаемый, чем второй, но более многолюдный, нежели первый, шатер.

Аккуратно, готовясь слинять по-тихому, я заглянула за шторку и едва не сплясала танец радостного индейца. Здесь была одежда! Настоящая, без извращений, без кучи стразиков и прорезей для глаз. Одежда! Именно она.

Радостно ввалившись в шатер, я едва не налетела на какого-то мужчину, но, вовремя сменив курс... врезалась в другого. В шатре установилась тишина. Если, конечно, исключить фоновые звуки ярмарки. Кажется, я опять пришла не совсем туда, куда следовало...

– Простите, вы не могли бы меня отпустить? – вежливо попросила я того, кто остановил мой стремительный полет. – Очень уж на ножки хочется.

Мужчина усмехнулся, отчего у него на щеках появились ямочки. Очаровательные, наверное, будь ситуация несколько иной.

– Если леди желает, – сказал этот образчик местного плеябоя, но на ноги меня так и не поставил, продолжая прижимать к своей широкой и вкусно пахнущей груди.

– Желает, – повторила я и зло прищурилась, заметив, как загораются самодовольством глаза сего самца. – Очень желает встать на ножки. Не могли бы вы мне в этом поспособствовать, а то так в уголок хочется, что прямо неудержимо?

Мужчина усмехнулся, но не отпустил, только одна из рук сместилась с поясницы на попу. Вот уж чего захотел! Локоть в живот и... ой, ты ж блин... Пресс у него – будь здоров! Как об стену саданула...

– Госпоже неудобно? – дошло наконец до этого качка.

И он – о чудо! – поставил меня на ноги, но продолжил удерживать за запястье.

– Да! – разозлилась я.

Кое-как выдернула многострадальную руку из его пальцев и с раздражением обвела взглядом всех собравшихся.

А собрались здесь одни мужчины. И что они забыли в женской одежде? Под их внимательными взглядами и многозначительными ухмылками я медленно прошла мимо развала с брюками, пытаюсь найти самый маленький размер. Увы, до стандартных размеров здесь еще не додумались, а вводить в моду привычные размеры среди глюков – нет уж, на костер мы не хотим! – было откровенно лениво. А потому пришлось рыться, ругаясь под нос под аккомпанемент тишины. В какой-то момент ее вдруг нарушили пришедшие с улицы, но их быстро утихомирили. Сервис!

Наконец кое-что, что подходило мне хотя бы по росту, было найдено и даже приложено к ноге. Вроде в самый раз, если не учитывать талию, но здесь ремень нам товарищ!

– Уважаемый, а где примерить?

Самый недоедавший в детстве из мужчин махнул куда-то в глубь шатра, где за ширмами копошилась женщина лет тридцати с рассеченным глазом. Она с интересом взглянула на меня, хмыкнула при виде зеленой шевелюры и задернула шторы, лишая всех небывалого зрелища «кикимора переодевается».

– Местная? – поинтересовалась женщина осторожно, помогая снять сарафан.

– Угу, – ответила я, разглядывая выбранные брюки. Эх, не джинсы, конечно, но что поделать. Там подвернуть, здесь ушить.

– В воительницы надумала? – продолжала расспрашивать женщина.

– Неа, – отрицательно покачала головой, снимая свои вездеходные калоши.

– А что тогда здесь делаешь? – не поняла собеседница.

– Одежду выбираю. Если бы еще размерчик был поменьше, – недовольно откликнулась я, вползая в брюки и пытаясь найти застёжку.

– Это мужские... – начала было женщина.

– Ничего. Мужские – даже лучше. Не так облегают. А то меня тут за поправление морали сожгут, – поделилась наблюдениями я. – А ремня нет?

Ремень нашелся быстро, стоило визави протянуть руку за ширму. У, догадливые, хвалю! Подпоясавшись и заправив брюки в калоши, я вышла покрасоваться. Зрители оценили, одобрительно распахнув зенки. Кто-то даже у виска покрутил. Хм, обычно у нас это не жест восхищения, но кто этих поймет?

Понять аборигенов мне не позволили, втянув за ширму вновь.

– Куда? – выдохнула женщина. – Это же неприлично!

– То есть?

Моему удивлению не было предела, и даже ее палец, указывающий на мои верхние девяност... восемьдесят шесть, скажем правду, мало помог.

– Рубашка!

И только тут до меня дошло, что прогулялась я к несуществующему зеркалу в нижней рубашке, доходившей до середины бедра и вполне себе целомудренной. У нас. А вот что местные подумали... Мне стало жарковато, и желания выглядывать из-за ширмы поубавилось.

– А они скоро уйдут?

– Нет. Ты же сказала Саю, что в «Уголок» хочешь. А он не скряга. Если

приглянулась, будет тебе «Уголок». А ты ему приглянулась.

– С чего вы взяли?

Женщина усмехнулась и, выглянув, объяснила:

– Так там только наемники Сая и остались. Никому войти не дают, чтобы ты спокойно выбирала. Ты, детка, лучше побольше бери. Сай – он обеспеченный. Коль понравилась, подарит с короб. И нам с Грегом доход. Раньше-то по дорогам ходили, а теперь, как в передрыгу попали, так все. Кончилось наше странствие вольными наемниками.

– Печально, – только и смогла выдавить я. – А он отходчивый, этот Сай? – зачем-то решила уточнить.

– Конечно, отходчивый. Ты не думай. Он сам не убивает, он в сторонку отходит. Так что тебя кровью точно не заляпает. Не переживай, он же настоящий мужчина, от всего закроет...

– ...и ключ выбросит, – закончила мысль я.

– И в обиду не даст, – неодобрительно сказала женщина.

Угу, знаем мы таких... Тикать надо, тикать, пока возможность есть. Или ее уже нет? Я выглянула из-за ширмы и чуть не подавилась, заведев, как одобрительно улыбается этот Сай. Да уж, попадалово. Неужели ему кикиморы нравятся?

– Госпожа...

– Гата, – подсказала женщина, усаживаясь на стульчик, который вообще-то для посетителей предназначался.

– А ничего, что я несколько не людской наружности? – решила проявить дипломатию по отношению к себе я.

Все же обзывать себя страхолюдиной болотной не хотелось. Да и страхолюдности, кроме вороньего гнезда на голове, не наблюдалось...

– Так даже лучше. Для наемника жена – чем страшнее, тем важна. Все же знают: коль мегера дома, так на подвиги рвется воин. Да и сам Сай не совсем чистой крови. Там, говорят, великаны отметились. Карликовые.

– Я плохая жена, – честно предупредила я зачем-то. – Готовить не умею, стираю поганно, шью крестиком и вышиваю бантиком. Да и вообще, тиной болотной все углы в доме замажу, пауков насобираю. А в сарай жабу посажу.

– И это – плохая? – неподдельно удивилась Гата.

А мне захотелось о стену головой удариться. Если ЭТО хорошая, то плохая какая?

– Все равно замуж не пойду, – предупредила я.

– И не надо, – заверила женщина и крикнула: – Сай, невеста готова, похищай! «Уголок» уже открыться должен, сейчас вас распишут. И за

товарами приходи! Как женатому – со скидкой отдадим!

И эта предательница распахнула занавески.

Я всегда думала, что умею быстро бегать. Всегда уносила ноги прежде, чем мальчишки успевали подумать и рвануть за мной. Но нет, я ошибалась. Раньше я бегать не умела... Вот сейчас!

Протаранив насквозь шатер, выскочив на улицу, я за считанные секунды добралась до дома старосты и снесла дверь. Староста принимал гостей...

Не знаю, кем они были по национальности, но при виде меня резко сменили прописку на «Мир анимешности, няшности и большеглазости». Увы, мне было не до тонкой организации их душ. Самое ценное и интуитивно подкованное место направляло мои ноги вверх, на чердак, к свободной пыли и мерзким насекомым... Упс, лучше без последних. Я пока только комаров любить научилась, об остальном речи не шло.

Не зря Сай был командиром. Нюха и скорости не занимать. В дом ворвался через минуту после меня, распознав место моего укрытия.

– Где она? – зло рыкнул он.

У меня даже на чердаке коленки затряслись и подломились. Ага-ага.

– Уважаемый, о ком вы речь ведете? – начал взывать к разуму староста. – Кто – она? И с чего вы решили, что ваша незнакомка здесь?

– Я видел, – уже тише, но балки все равно тряслись, проговорил Сай и шумно (я даже с чердака услышала) втянул воздух. – Нашел! – довольно протянул он и собрался подниматься по лестнице (первая ступенька пронзительно заверещала!), когда был остановлен массивной атакой старостиной дочки, решившей спуститься к завтраку.

Гром гремел, деревья гнулись, стыла кровь в лихих сердцах, девка к мамке обернулась... Ой, заткните вы ее! Даже мне через дерево перекрытий был слышен этот рев. С чего это она так разошлась?

Я слегка высунулась в смотровое окошко, чтобы посмотреть.

И ничего особенного! Подумаешь, стоит здоровенный мужчина. Застыл, едва такую красоту, как старостина дочка, увидел. Слова молвить не может, все пальцем показывает и челюсть от восхищения клац-клац на пол. Хух, неужели пронесло? Если еще и Марьку замуж выдадут – вообще прелесть. Староста радостный будет, может, сына надоумит не петть под окнами. Эх, мечты...

А между тем события развивались. Выдержав первую звуковую атаку, Сай немножко пришел в себя и тут же был атакован следующей чередой атак: визуальной (Марька спускалась по лестнице, демонстрируя кровь с молоком и полную, как и должна быть у каждой уважающей себя селянки, грудь), тактильной (не успел, бедный, с пути Марькиного убраться!),

обонятельной (новый популярный бренд «Задорная селянка» по силе воздействия сравним разве что с коровьим стойлом).

– Прекраснейшая! – выдохнул очарованный Сай, утратив в один миг возможность и думать, и нюхать, и вообще нормально соотносить.

Хотя если это и есть идеал жены наемника, то совет им да любовь. Но свечку держать не буду. Тяжело и неудобно!

– Отвали – всю дорогу перегородил! – рыкнула недовольная Марька, углядела папеньку с гостями и расцвела. – Ой, а вы уже приехали? Как добрались?

Слыша резкие перемены в голосе старостиной дочки, я поняла, что бедному Саю на этом празднике жизни ничего не светит. А он, бедняга, так старался, так бежал... Но с чердака все равно не слезу, пока не уйдет.

Он ушел быстро. Понурившись и потеряв веру в людей. Отвергнутый и всеми покинутый, отправился к своим под громкие проводы Марьки, наградившей его подзатыльником за порчу бедных цветочков, на которые я случайно наступила. Герой не отчаивался, он даже обернулся, надеясь получить хотя бы воздушный поцелуй. Но обрел большее – прекрасный, гибкий и очень ценный веник вылетел ему вслед и был пойман и прижат к груди, как букетик невесты. Нет, на это серьезно невозможно смотреть. Еще немножко – и выпадут из смотрового окошка!

Тяжело вздохнув – как жизнь несправедлива! – я проигнорировала совесть, напомнившую, что вообще-то Сай погнался за мной и был бы счастлив, не встретив Марьку, и тихонечко, на весь дом скрипя ступеньками, спустилась к старосте.

Добрый дяденька был так рад меня видеть, что даже выделил стул («Чтобы сидела и ничего не утварила, бестолочь!» – зло сказал он), за что я решила извинить некоторую его эмоциональность.

В момент эпического вторжения, как подсказывала моя память и недовольные взгляды незнакомцев, у старосты были гости. Интересные такие типы. Мрачные, со злыми глазами, вспыхивающими алым сатанинским пламенем, острыми зубами в необъятно широких челюстях... Да. Хорош врать, все равно никто не поверит.

Возвращаясь к действительности: это были четверо мужчин, преимущественно молодых и темноволосых, которые с удовольствием, продиктованным этикетом, вкушали чай старости с ее же изюмнотворожными булочками и вот уже который час слушали про достоинства Марьки. О времени я судила по степени позеленения лиц, ибо ничем другим закаленные воины не выдавали желания сбежать с поля брани. То есть поля семейных отношений.

На меня они посмотрели с интересом, но тайным. Смотреть с прямым интересом при старости, обладавшей как минимум снайперским прицелом вместо зрения, было чревато. А уж если их зачислили (а их зачислили!) в контингент возможных половинок Марьки, то и вовсе опасно для последующих поколений.

– Вы не представите нам вашу гостью? – решил рискнуть и познакомиться самый смелый. Или самый глупый.

Старостиха тихо, чтобы все прочувствовали важность момента, оторвалась от печи и посмотрела на меня. Мгновение – и взгляд ее подобрел. Видно, в мамочкиных глазах я не могла составить конкуренцию распрекрасной дочурке, а значит...

– Так это Данька-кикимора, – с пренебрежением бросила она.

Вы думаете, я обиделась? Ни капли! Если меня везде так кормить будут... У-у-у, вкусный пирожок с картошкой, ползи ко мне, там тебя твои товарищи заждались...

– Леди... Данька? – переспросил второй темноволосый, вызывая нехорошие мысли, что они интеллектуальные близнецы и каждый будет говорить по одному предложению. А после замолкать, передавая право разговора другому. Прямо гоукон какой-то...

– Леди, – кивнула я.

Причисление к сим нежным цветочкам, какими представлялись мне прежние леди, льстило. И оскорбляло. Ибо леди мало чему учили (еще и торговали ими, как на базаре) их отцы, дядья и прочие братья-акробаты, выдавая за того, кому должны, в карты продули или кто заплатил поболее. Фи, каменный век, мне не подходит.

– Леди Данька – кикимора?

Вот что я говорила? Третий и спросил. Ну точно: разделение обязанностей.

– Угу, болотная. Комариная богиня в бикини, что в кустах заседает и грибы собирает.

И почти не соврала!

– Как интересно...

Четвертый был немногословен. Вероятно, я бы продолжила продуктивную беседу, если бы в дом не влетел злой как черт Георг в одном полотенце на бедрах.

– Что это такое? – возопила старостиха.

– Кто это такой? – облизнулась старостина дочка.

– Ты что здесь забыл? – подбоченился староста, хватая швабру, доселе мирно подпиравшую дверь.

– Георг?

Опа, кто-то из темноволосых опознал типа.

Я с интересом вылупилась на мужчину и поинтересовалась:

– Тоже успел достать? – Мужчина не ответил, но усмехнулся уголками губ и поднялся с места. – Думаю, произошло недоразумение. Георг, ступайте домой и переоденьтесь.

– Да, магистр, – поник парень и выскочил из дома.

Обо мне он забыл. Непорядок.

Наскоро утащив два пирожка, я бодро припустила за начинающим стриптизером. И где только одежду растерял?

Глава 3

Каконаступательная

*Покорить Академию легко, а вот отстроить
гораздо сложнее!*

В забеге за Георгом я впервые поняла, что лучшая мотивация для мужчины – это спешащая за ним кикимора. Именно она заставляет его сердце биться быстрее. Кровь приливает к ногам, в голове проясняется, и мужчина бежит, окрыленный любовью и почтением, пока, не обернувшись, чтобы оценить расстояние до любимой, не спотыкается о камень и с грацией настоящей балерины, теряя полотенце, не падает в кусты.

Я остановилась на середине пути, заметив этот самый знак капитуляции прямо посреди тропы. Поднимать его безразличность не позволила. Разве что палкой, которую следовало аккуратно придерживать двумя пальцами, чтобы ну вот совсем никто не усомнился, какое сие неблагодарное занятие.

– Эй, стриптизер-неудачник? – окликнула мага.

Молодой человек решил хранить гордое молчание.

Интересно, а в кустах есть лопухи? Если есть, можно смело выбрасывать полотенце. Народные методы – они же того, полезнее! Единство с природой же, единение с духами предков, кормление комаров на свежем воздухе... Эх, где мой сачок, накормил бы на пирог Жабке! А тут... Ох уж эти самовлюбленные самцы, никакой заботы! Только о себе и думают!

Кусты тем временем начали сотрясаться.

– Эй, ты там скоро? Учти, если в ход пошла газовая атака, то я тебя не знаю, уж не обессудь, – честно предупредила я и отошла от кустов.

Да, интересный момент. Кусты вдоль дорожки были довольно редким явлением, так что Георг, можно сказать, везунчик.

– А-а-а...

Из кустов начали доноситься стоны, а в мою зеленую головку принялись закрадываться здравые мысли, что некоторые могут использовать их еще и в других целях. Хм, и когда только Георг успел свидание назначить? С другой стороны, если кикимора – столь страшное явление, даже потеря стратегического прикрытия тылов могла

восприниматься как незначительная и быть признанна недостаточно веской причиной для остановки. В таком случае... Да, пойду-ка я домой, в родное болото.

«Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром...» – думала я, подступая к дому. Грязь так и не просохла: все же болото мало располагало к таким подаркам судьбы, а потому мою бедную одежду придется стирать весьма старательно.

Грустно разувшись на пороге и связав подол на уровне колен, я зашла в дом. «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» Судя по царившей тишине и безуютности, Ванична уже успела уйти в далекий Семиречинск.

Вздохнув, я прошлепала в подвал. Еще воды натягать надо да помыться. А все маг... Зло скрипнула зубами, но вспомнила, что это вредно для эмали, и решила повременить с дальнейшим скрипом. Обойдется, буду еще из-за него страдать.

Долго страдать и не пришлось. Раздался вежливый стук в дверь. Я ждала, как кто-то войдет, но желающие так и остались за порогом. Даже удивительно. Честно, не думала, что Георг способен на проявление такта. Тем не менее за проснувшийся не вовремя такт очень хотелось отомстить. Думаете, зря? А вот и нет.

Стирать в холодной воде с помощью мыла и доисторического девайса а-ля терка, вылив на себя воды и мыла больше, чем на пострадавший сарафан... Явление мокрой меня в дверях поистине вызвало фурор. Даже лопухи мигом встрепенулись и вернули себе первоначальный видок. От страха, не иначе.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Георг, прикрываясь (как я угадала!) лопухами. За его спиной с удивлением и насмешкой (как такое вообще возможно?) высился давешний темноволосый в количестве одна штука на одно болото. Куда подевались три его копии – история умалчивает даже после ласковых пинков любителя лопухов.

– Леди... – начал темноволосый, с интересом косясь на мое промокшее платье.

А я что? Я ничего. Пусть косится. Не мое – не жалко. Подумаешь, третий размер? Так не пятый же. А глюки и такое утворить могли. Вон у Ваничны вообще шестой, и ничего.

Молчание затягивалось. Я даже, чего уж там, тоже вниз взглянула, но нового ничего не нашла. Странные они. Кикимор, что ли, не видели?

Но стоять надоело. Опять же – ветер, холод, простуда не дремлет... С чувством собственной правоты я закрыла дверь и побрела продолжать издеваться над собой и сарафаном, когда в дверь опять постучали.

– Леди...

Начало было таким же и исходило от того же темноволосого. Совсем не оригинально. Георг жался перед ним и отводил глаза, словно чувствовал свою вину. Да и вообще оказался не в своей тарелке.

– И?

Манеры у меня совсем не как у леди, но и мужчинам было далеко до лордов.

– Не могли бы вы пригласить нас войти?

– Нет, – покачала головой я. – Мама запрещает всяких неказистых в ее отсутствие пускать.

Георг аж подавился. Не согласен, что неказист? Я демонстративно воззрилась на лопухи и чуть приподняла бровь.

– Леди... – Опять он за свое! Я недовольно глянула на спутника Георга. То, что я сегодня бегала аки подстреленная, еще не дает ему права стоять у меня на пороге и издеваться! – Не могли бы вы приютить бедных путников за весьма хорошую сумму?

– Насколько хорошую?

А что? За спрос денег не берут. Узнаю и выгоню. Темноволосого. Георга все же жаль. Да и Ванична ему пригрозила.

– Очень хорошую, – с намеком произнес незнакомец.

– А в денежном эквиваленте? – отказалась понимать намеки я.

– Сто золотых, – сделал ставку он.

– За ночь.

Мужчина прищурился, в глазах бушевало пламя. Еще бы! Столько стоил меч. Хороший такой, добротный меч из гномьей стали.

– А не кажется ли вам, что вы несколько переоцениваете обслуживание?

– Разве что недооцениваю, – делано всплакнула я. – Это же экотуризм. Возможность самому поработать на болоте, ощутить себя полноправным членом пищевой – то есть болотной – цепочки. – И с пафосом, пытаюсь не заржать: – Почувствуйте себя королем болота! Ощутите все прелести болотной жизни! Прогулки под луной, массаж ног лучшими микроорганизмами, маски для лица, незабываемое катание на жабах. Все это и многое другое – только у нас! – И с обидой: – А вы – всего сто золотых! Да за сто золотых вам даже на пороге стоять нельзя! Вы же мне микроклимат болота портите.

Темноволосый был недоволен. Ох, как недоволен. Елей на мой злой язык.

– Леди, – сквозь зубы выдавил он, – в ваших интересах меня пустить.

– То есть сами войти вы не можете? – сделала вывод я.

Интересно получается... Дверь открыта, входи – не хочу, а они мнутя на пороге, как будто только мое позволение может впустить их в дом.

– Нет, – прошипел темноволосый, словно я издеваюсь.

А я же... Я не издеваюсь. Почти. Но вот именно про дверь – не издеваюсь ни капельки. Я ведь не знала. Вот честно. Думала – заходи-бери, что приглянулось. Еще удивлялась, почему Ванична дверь вообще не закрывает и не боится, что украдут что-то.

– Георг, шагай в дом и прикройся, – разрешила я магу.

Хотя утром он сам спокойно проходил. Или ждет, пока я позволю его спутнику?

Так и есть. Остался на месте.

– Господин, вы что-то еще хотели?

Как темноволосого от «господина» передернуло!

– Да. Я бы хотел снять у вас комнату.

– Сто золотых за ночь и клятва о непричинении вреда мне. За порчу имущества доплата по пятьдесят золотых за каждый испорченный предмет. Согласны?

Я была сама любезность. Даже улыбку во все тридцать два изобразила. Ага, во все тридцать два кикимориных клыка. Георгу понравилось: сглотнул аж.

– Идет, – с неудовольствием подчинился мужчина. – Я, Альтар Райген, клянусь ни делом, ни бездействием не причинять вреда давшей мне кров на время пребывания в ее доме.

Нет, юридически дом принадлежал не мне, но, судя по сумасшедшим глазам Георга, пообещал темноволосый правильно. Что ж, встретим хлебом-солью. Заодно и печь растопят.

– В таком случае приглашаю вас в дом, но здесь действует правило «обслужи себя сам». Все же экотуризм. Хотите тепла – растопите печь. Хотите кушать – пойдите и приготовьте.

– А за что тогда леди желает получать деньги?

– За жилплощадь. Это единственный дом на болоте. Строение уникальное, архитектурная ценность, дизайн от лучших болотных мастеров, и все предметы – ручной работы!

А пафоса, пафоса-то сколько! Нет, сто золотых – мало. Продешевила Данька, надо было двести брать. Заодно обучение себе оплатишь в КАКе. Платное, оно ж для кикиморы совсем не зазорно! А даже почет!

– Ясно.

Судя по всему, Альтар понял, что лучше ничего не спрашивать, иначе

все станет еще хуже. Ну и ладно. Не хочет – не надо. Мы и молчать умеем результативно. Вот не скажу я им, какая ступенька мокрая, а какая в темноте любит скрипеть, и ка-а-а-ак навернется маг с испуга! Мечты, мечты... И чего это он так снисходительно на меня смотрит? Мысли читает?

Темноволосый покровительственно кивнул. У-у-у, нехороший, отомщу я ему. Вот как есть отомщу! Будет он мои подлые мыслишки в отношении себя видеть. Стыдно-то каа-ак. Хотя сам виноват. Нечего подглядывать! Я его об этом не просила, так что... Это сказанное можно использовать против кого-то, а подуманное... Веселье начинается!

Весело и фальшиво (слуха нет!) посвистывая, я отправилась к себе, гордо ткнув магу пальчиком в его временную комнату. О каких-либо удобствах речи не шло: койко-место. Остальное – если сам отыщет. А если не то возьмет или испортит – мне уже его жалко.

Но почему-то на душе больше не было так весело. Наверно, не ожидала, что он согласится. А теперь, если Ванична вернется раньше, ловлей комаров не отделаюсь. Но что сделано – то сделано. Вздохнуть поглубже, и завтра будет новый день.

Новый день начался неожиданно привычно. Так часто бывает, если живешь в квартире, а звукоизоляция оставляет желать лучшего. Хлопнула дверь, скрипнула половица, чей-то приятный голос огласил окрестности, намекая, что пора вставать.

Я сладко потянулась, не открывая глаз, и снова упала на кровать. Ну кто же добровольно встанет в такую рань? Да еще за бесплатно... Нос поймал приятный аромат яичницы с беконом. Аргумент.

Яичница с беконом?! Тело село прежде, чем мозг успел проснуться. Но одна общая мысль мгновенно появилась у всего моего организма: Ванична вернулась! Кто еще приготовит завтрак, испускающий такие ароматы? Маги? Признаться, в их кулинарные способности я не верила. А значит, дело пахнет жареным! Бекончик...

Желудок некстати напомнил о себе.

Одевалась быстро. Такого рекордно скоростного подъема за время моего пребывания в стране Глюкландии еще не случалось. Стянуть пижаму, натянуть платье, попасть в тапочки – и на кухню. В надежде, что Ванична еще не убила гостей. Никаких других вариантов я не рассматривала. Интересно, это из-за Георга я теперь не верю в магов?

Когда, взбудораженная, я появилась на кухне, маги завтракали. Георг непонимающе уставился на меня, Альтар же усмехнулся и поднялся с

места, чтобы... Я его обожаю. Он и на меня приготовил!

– Уже проснулись?

Он многозначительно кивнул на окно. Там едва-едва загорался рассвет. Вот блин, вскочила ни свет ни заря!

– Вы слишком громко себя вели, – недовольно попеняла я, придвигая завтрак.

Если так подумать, продукты, скорее всего, мои. Значит, как и все приготовленное из них. Да я ему ничего не должна!

– То есть мы виноваты?

– Угу!

Сказать что-либо еще с набитым ртом не выходило, да и отрываться от дегустации было кощунством. Что ни говори, а готовить маг умел. Поближе к кухне всегда находился? Я фыркнула и едва не подавилась. Посторонние мысли за едой недопустимы!

– В таком случае, пусть этот скромный завтрак послужит нашими извинениями, – без капли раскаяния, даже не пряча улыбки, сказал маг, возвращаясь к еде.

Я бы ему ответила! Еще как ответила! Но отрываться от яишенки не хотелось.

– Милорд, – подал голос Георг, – а все же... Зачем вы сюда приехали?

Альтар быстро взглянул на меня, заметил, как наострились ушки на макушке, и уклончиво ответил:

– Была необходимость.

– Вы тоже ищете артефакт! – понял Георг.

И хотя я готова была поспорить на все сто процентов, что это не так, маг согласно кивнул, только еще раз на меня посмотрел. И чем ему так с утра нравлюсь? Нечесаная, некрашенная, еще и без маникюра. Горегорюшко прямо. Но мне подходит!

– Возможно. – Маг был более осторожен. Или просто решил согласиться с предложенной версией? Я так же сделала, когда попала в эту Глюкландию. – Магистр Бродсед все еще ищет артефакт Гавара?

– Все еще, – тяжело протянул Георг.

Я сочувствовать не стала: слишком занята была беконом. Хотя...

– Вы мне еще не заплатили! – прерывая общение двух гостей, вклинилась я, грозно на них взглянув.

Георг побледнел, а вот Альтар... С видом ученого он пристально исследовал мою недовольную мордашу, цокнул языком и произнес:

– Нет, совсем не страшно.

Я решила не позориться. Ночью отомщу. Сварю ему успокаивающий

чай со слабительным эффектом! Нет, это слишком грязно. «Еще убирать придется», – подумалось мне, и классический способ мести был отринут.

– Деньги! – хмуро напомнила я.

– На стол? – вскинул брови Альтар.

– На бочку, – не сдержалась я.

– Интересное место для выплат – баня.

И тут я вспомнила, что бочка, а точнее – бадья, стояла в ванной. Но сделаем хорошую мину. Пусть думает, что кикиморы берут деньги именно там. И влетит же мне от Ваничны, если она узнает...

– Какое есть, – пожала плечами я и напомнила: – Так когда оплатите? Мне, между прочим, деньги нужны.

– Деньги? И для чего юной кикиморе деньги? Да еще свои?

– За надом, – зло прищурившись, ответила я.

Ну вообще: какое ему дело, для чего мне деньги? Они же уже мои, которые пока его!

– Она в Академию поступать собирается, – сдал меня с потрохами Георг.

У-у-у, злыдень этакий и растакой!

– Хм, у нас же соглашение с болотниками. Они бесплатно с этого года учатся. С полным пансионом. За них правительство платит.

– Полный пансион?

– Да, а ты не слышал? – И мне: – Может, уменьшите цену?

– Нет. Вам и так поблажка, что друг Георга, – солгала я. – И потом, вдруг мне взятку давать придется? Надо же иметь, чем дать.

– Взятку?

– Ага, – невинно хлопая глазами, подтвердила я и мысленно хихикнула.

Да уж, докатилась. И зачем мне взятку-то давать? Чтобы двойку поставили? Неужто собственных талантов не хватит!

– А вы знаете, леди, что это наказуемо? Давать взятку за оценки?

– А я вам гарантирую, что никто не узнает, – пообещала я и имела честь любоваться ошеломленным собеседником.

– То есть вы хотите заплатить мне моими деньгами?

– Конечно, они же ваши! – как маленькому, пояснила я.

Интересно, на какой стадии он меня стукнет...

Но Альтар, судя по всему, уже имел дело с женской, а то и убойной кикимориной логикой, поэтому лишил меня удовольствия бессмысленных пикировок. Вместо этого сделал глубокий вдох, с силой выдохнул, закрыв глаза, и, только полностью успокоившись, вновь вернулся к суровой

реальности со мной в главной роли.

– После завтрака я заплачу. За пять дней.

– А потом?

Любопытство было сильнее притяжения начавшей остывать яичницы.

– А что потом – мое личное дело, – обрубил темноволосый маг, доел последний кусочек и поднялся из-за стола.

Мне пришлось спешно заканчивать трапезничать, чтобы успеть забрать свои деньги. Сколько там ярмарка должна идти? Может, сегодня повезет больше.

– Личное дело, личное дело, – передразнила под нос я.

Неудовлетворенное любопытство противно пищало в душе, требуя реванша. Впрочем, жадность уже объясняла своему коллеге, что порой выгоднее уступить. Стоит ли говорить, что любопытство быстро вошло в привычный ритм и аккуратно выглядывало из закровов души, не досаждая мозгу?

Тем временем я поспешила в баню, где и должен был произойти расчет. Маг с неудовольствием косился на мирно растущую на потолке плесень, образующую неповторимые картины. Лично я там видела Жабку на поле. Еще чуть-чуть – и она подомнет под себя Георга и поймает языком вместо мухи темноволосого. Нет, это уже не картинки на потолке! Это мечты.

– Пять сотен монет.

Мне буквально всучили мешок с деньгами. Маг шагнул в сторону выхода, но я его остановила:

– А пересчитать?

– Я уже пересчитал, – хмуро отозвался мужчина.

– А мне пересчитать! – обиженно выдала я.

– Ты умеешь считать?

И насмешливо так зыркнул. Ах, так...

– До ста восьмидесяти шести, – горько, аж самой плакать захотелось, простонала я. – Но вы же поможете выучить до пяти сотен?

– И с чего я должен это делать?

– Иначе ваш платеж не будет засчитан, – мстительно сказала я, сверкая очами и развязывая мешочек. Монеты рассыпались по всей бане. Нехорошо, конечно, но чтобы этого мага проучить. – Ой, покатились.

И глаза побольше, поудивленнее, чтоб сомнений не было, что я издеваюсь.

Увы, маг оказался магом в полной мере этого слова. Выругавшись, воздел длани к потолку, зацепил стену, больно саданувшись пальцами о

выступающую балку, но взял себя в руки и, пуча глаза, прочел по памяти какую-то тарабарщину.

Секунда, другая, третья... пятая... сто пятая... сто пятьдесят пятая... Ничего не изменилось. Разве что глаза мага полезли на брови, желая страстно соединиться с ними. Но анатомия такого коварно не позволила.

Я же тем временем подтащила табурет и принялась собирать монеты.

– Одна, вторая, третья... – в голос начала перечислять я, складывая деньги в мешочек.

Альтару не оставалось ничего другого, как подавать денежки. Хотя он мог уйти. Неужели здесь так важно сказать вслух, что условия выполнены? Опять какая-то магия?

Через полчаса все казалось уже не столь радостным. Как часто бывает: идея сталкивается с реальностью и лопается мыльным пузырем. В моем же случае сие действо больше походило на надувание воздушного шарика. Дуешь-дуешь, скрипит, стонет, но тянется, пока в один прекрасный момент...

– Сто восемьдесят шесть! – гордо возвестила я, останавливаясь. Нет, право слово, я и дальше считать могла, пока не станет совсем уж лень, но нужно же соответствовать! Чуть виновато склонила голову набок: – А что дальше?

Темноволосый только выдохнул. Уважаю, хороший будет препод, если переживет атаку почитателей. С его-то внешностью... да уж, не был бы такой злыдней невмиручей, я бы, может, подумала.

– Дальше – сто восемьдесят семь. Считаем по аналогии.

И он начал объяснять! Теперь уже мои глаза решили навестить бровки. Они, кстати, вопреки физиологии остались прежнего темного оттенка, а не позеленели со всей шевелюрой. Ну да ладно, это лишние подробности, и ни к чему хорошему они привести не могут!

Из бани мы вылезли только к обеду, когда последняя монета была торжественно водружена в мешочек и я подтвердила, что сумма точная. Маг едва снова не возвел руки к небу, но вовремя вспомнил о прошлой попытке.

Обучаемый! Это радовало, хотя закрались неприятные мыслишки о том, что он, как-никак, будущий преподаватель. И возможно, даже мой. А значит... Кол мне обеспечен! Можно плясать от радости и спать на занятиях! Вот только скучно это – ничего не делать. Сидишь, в окно смотришь, мух считаешь, на парте рисуешь, делаешь вид, что ничего не соображаешь... Сложно. Никогда не понимала тех, кто может бездельничать на уроках. Это же ТЯЖЕЛО!!! Требуется специальной

подготовки. Как минимум.

Альтар между тем не предавался долгим раздумьям. Буквально пролетев по коридору, заставляя несуществующую паутину трепетать, он выскочил из дома. Во дворе бабахнуло ведро, оставленное впопыхах Ваничной, недовольно и даже слегка осуждающе квакнула Жабка, а потом входная дверь открылась, явив еще более злого и мокрого мага. Он едва сдерживался, чтобы не выругаться, но при мне решил воздержаться и ушел в комнату, которую временно оккупировал.

За окошком, весело выстукивая по стеклу нечто отдаленно напоминающее галоп, шел дождик. Маленький, очень вежливый, которому мило кланялись до земли деревья. Я бы не рискнула открывать дверь даже на секунду. Смелый все-таки маг.

Болото опять затопит. Судя по темным-темным тучам, заполонившим небо, в доме мы застряли надолго. Хотя Ванична как-то говорила, что кикимора нигде не утонет: пойти, что ли, поплавать? Инстинкт самосохранения не позволил. Но вот усесться на чердаке – очень даже разрешил. Наверное, самому любопытно стало.

Стянув плед и построив гнездо в лучших традициях вороньего племени, я обосновалась у смотрового окошка, чтобы иметь возможность наблюдать, как крыльцо уходит под воду. Из дома тем не менее не доносилось никаких звуков потопы, словно и не заливало нас вовсе. Вот уже затопило сарай. Жабка довольно выбила створки и принялась скакать вокруг дома. Удивительно, но в сарай тоже не попало ни капли. Вода текла-текла, но огибала и не заполняла постройки кикимориного хозяйства. Хм, это поэтому маг хотел остаться именно здесь? Чтоб не утопнуть случайно в лесу, когда его дорогой коллега продолжит свои фокусы? Вот же злыдень! А о людях он подумал?

Вспомнив, что село располагалось на холмах, я несколько приуныла. О людях-то он подумал, а вот о болотном моем племени – нет! И так обидно, так горько стало от этих соображений, что прямо гнев охватил. Чтоб этого мага самого так затапливало! Каждую ночь воду из дома вычерпывать будет!

На небе появилось внезапное прояснение как ответ на мое недовольство. Через четверть часа гроза утихла. «Хм, ну ладно, пусть живет», – сменила гнев на милость я. Ровно до того момента, пока не выпала за порог, неудачно споткнувшись.

Принимайте. Кикимора, в грязи вываленная, – одна штука. Уникальный экземпляр кикиморы болотной. Обмену и возврату не подлежит. Мгновенное застывание обеспечивает плотность конструкции и

удобство эксплуатации: смахните пыль метелочкой и не переживайте – ваша кикимора сохранит товарный вид надолго.

Заползать в дом было сложно. Глина из-за мгновенно улучшившейся погоды застывала стремительно, нисколько не жалея бедную маленькую меня. Поищем положительное. Грязевые ванны вообще полезны, а вот глиняные маски на лицо... Да, это акт омоложения, а не глупость. Именно так всем и скажем.

До ванной-бани доползала как ржавый робот, весело кряхтя и скрипя суставами.

Мылась прямо там, в уголке, где имелся сток. О, как я была рада этому обстоятельству! Ибо глина отчищалась неохотно, да и двигаться едва-едва позволяла... В общем, если бы пришлось тащить воду еще куда-то – я бы не донесла. Просто застыла бы по дороге памятником самой себе.

Отмывшись, обнаружила, что осталась дома одна. Альтар с Георгом ушли, даже не предупредив. Ну что ж, пусть сами страдают. У меня теперь есть деньги, а значит – шопинг можно считать открытым.

Увы, меня ждало глубокое разочарование, стоившее трех часов времени в пути и еще часа отмывания обуви. Смотреть на подол сарафана вообще было страшно. Только одно радовало: к моему приходу уже был готов ужин. Не знаю, почему Альтар так разоряется, но меня тоже покормили. Чего-то хочет? Отлично, посмотрим, сколько сможет предложить.

Но он не предлагал. Медленно тянулось время моего одиночества, а никаких предложений не поступало. Маг с Георгом каждое утро уходил на болота, а вечером возвращался и готовил ужин. Опять-таки на всех троих. В последний день, когда Альтар должен был уехать, прихватив с собой прохвоста, я не выдержала и пошла с ними, чтобы поиздеваться... чтобы вдохновить на подвиги!

В качестве моральной поддержки была призвана Жабка, которая с радостью вняла роли бравого солдата и гордо вышагивала по тропинке, оставляя огромные следы лап и громко квакая от переполнявших чувств.

Двух наших кладоискателей мы нашли спустя час спора между кикимориной логикой и жабым чутьем. Как ни прискорбно сообщать, победила логика кикиморы, отчего Жабка приуныла и начала недовольно сопеть (не знаю, возможно ли такое!) и взбрыкивать, желая поучить манерам интеллигентно усмехающуюся, отчего кусты тряслись, наездницу. И да, я впервые поехала на Жабке. Прикольно! Главное – вцепиться крепче и молиться всем богам, чтоб не слететь в полете, иначе... Н-да,

проломленный череп никогда не был верхом эстетизма! Впрочем, катание на жабах тоже нельзя назвать проявлением разума. Но оставим грустное в стороне.

Два археолога-кладоискателя стояли посреди болота и с маниакальным упорством пялились в его глубины, словно пытаясь разглядеть там тайны Вселенной. Конечно, если таковые и можно разглядеть без особых приспособлений, то никак уж не в болоте. По крайней мере, будь я вселенской тайной, нашла бы место посимпатичнее и потеплее, без лишнего народонаселения и прочих гадов всех мастей. Но вернемся к нашим магам.

Эти два субъекта стояли и пялились в самый центр болота, даже не замечая, как, недовольное вмешательством, оно втягивает их в свои недра, желая наказать смутьянов. И все бы у него получилось, если бы, увы, не мое пришествие. Не заметить Жабку мог разве что глухой и слепой, да еще и начисто лишенный разума, раз уж полез на болото! Слепыми и глухими маги не были, а потому, услышав недовольный Жабкин квак, спохватились и начали выбираться на устойчивую землю.

– Как идут поиски? – невзначай поинтересовалась я, слезая с Жабки.

Проникнувшись важностью момента, она даже плюхнулась на брюшко, чтобы мне было сподручнее слазить.

Судя по суровым лицам, поиски продвигались не так успешно, как хотелось Георгу. Альтару, похоже, было все равно. Он думал о своем, что казалось подозрительным, учитывая его якобы заинтересованность в поисках. А еще странно смотрел на меня. И кормил пирогом каждый вечер. Заговор?

– Продвигаются! – недовольно бросил Георг, снял ботинки и начал выливать из них вонючую жижу.

Бр...

– Продуктивно? – намекая на болотный продукт в его обуви, спросила я.

– Очень, – самодовольно похвалился Георг. – Мы уже обследовали две трети болот. Артефакта нигде не выявлено, что сужает круг поисков.

– А если не успеете? – резонно поинтересовалась.

– Значит, вернусь на каникулах.

Судя по гримасе, на миг исказившей лицо Георга, возвращаться сюда он не хотел ни за какие коврижки. Но кто поспорит с начальством – огребет еще больше.

– Наверное, – протянула я, больше внимания уделяя Альтару. Маг не стал жертвой болотной тины. Его сапоги хоть и потеряли несколько

товарный вид, оказались слишком высоки, чтобы болото смогло разыграться и пометить путешественника своим фирменным, непередаваемым ароматом тухлой воды. – А ваши поиски как продвигаются?

Альтар дернулся, потом успокоился и с прищуром воззрился на меня. Я бы, наверное, испугалась, но кикиморы ничего не боятся. А такие, как Данька – совсем свихнувшиеся то есть, – и вовсе тяжелая артиллерия.

Маг тем временем на чем-то сосредоточился, пробормотал под нос малопонятную тарабарщину и опять взглянул на меня. Я посмотрела на него, стараясь сделать большие, как в аниме, глаза, показывая всю-всю степень изумления. Такого явного непочтения к своей особе темноволосый не ожидал: подавился и... махнул на меня рукой. Ах так, ну вот опять! Забил он на меня! А как же пламенные речи, горящие взгляды, патетика и пафос на благо родного болота? Вот никакого понятия о том, как на массы влиять. Хотя пирог он делает вкусный. Мдя.

– Нет, это не можешь быть ты, – проговорил маг и помрачнел, едва понял, что ушки кикиморы всегда на макушке и готовы слушать про себя все до мельчайших подробностей. А уж в таком интересном контексте...

– Почему не могу? – возмутилась я, порывисто дыша для большего эффекта. Пусть знает, как сильно я негодую! Хотя если он про портреты с надписью «Их разыскивает городская стража», то не-е-е-ет, конечно, не я, как он мог подумать!

– Слишком привычна к окружающей среде, – недовольно ответил Альтар.

– Это минус? – начала допытываться я, размышляя, а не меня ли он искал. И в связи с этим откровением возникал другой вопрос: а зачем ему я? Фрик сдал? Но тогда... нет, этого быть не может. Страна Глюкландия реально существует, и меня в нее каким-то ветром занесло? Да уж, то еще ощущение. А все так хорошо начиналось!

Память радостно подбросила картинку сидения в кустах с комарами. Бр, нет, начиналось все не так уж и радостно. Вот продолжалось – вполне достойно. Но это его не оправдывает! Фрик обречен на мучительную смерть, а Альтар... на вечное кулинарное рабство!

– Это факт, – поморщился темноволосый, согнав с рукава рубашки комара, который пытался оказать мне услугу и испить кровушки этого злого человека. Хороший комарик, точнее, комариха. Это же только самки сего достойного племени пьют кровь.

– И что с ним делать?

Признаю, ум так и просвечивал в каждом предложении. Просвечивал и

исчезал в далеких непроходимых далях, переезжая на ПМЖ к кому-то более достойному.

– Жить, – хмыкнул мужчина. – Георг, думаю, на сегодня хватит.

– Но ведь...

Возвращаться на упомянутых каникулах жертве деканата не хотелось.

– Завтра мы покинем дом этой милой барышни, – напомнил и мне, и молодому человеку Альтар.

И как я обойдусь без готовых ужинов-обедов?

Память услужливо подсказала, что я и сама должна выдвигаться покорять столицу. Правда, чем будем покорять, она благоразумно не уточнила, оставляя простор для воображения. А оно, как можно догадаться, пошло в хозяйку и болело, болело, болело, ни на секунду не возвращаясь к своему здоровому состоянию.

Быстро собрав экспедиционные пожитки в количестве одного лукошка с бутербродами и куртки, перекинутой через ветку, веселая компания отправилась в нашу экологически чистую избу с уникальной технологией криогенной заморозки, коя начала проявлять себя по ночам. Мне-то ничего, я себе второе одеяло раздобыла, а вот маги... Они промолчали. Как и всегда.

Проникшись важностью момента, Жабка грациозно перебирала лапами, от чего любая лошадь подавилась бы от зависти, углядев, как следует исполнять аллюр.

Мы прогарцевали мимо пеших мужчин, едва не отхватив Альтару голову: Жабке приглянулся особенно толстый комар. Никак кровушки мажьей насосался вдоволь! Эх, и грустно же осознавать, что изба опустеет к вечеру. Никто не сготовит бедной маленькой мне прощальный ужин в семь блюд.

С другой стороны – что мешает увязаться вслед за магами? И надежнее, и быстрее, и питание правильное. Не думаю, что найдется еще один оригинал, который так магов надует и осмелится тухлятину подать. Почему еще один? А мы тут изучали китайскую кухню по памяти и в полевых условиях. Увы, ничего кроме необходимости тухлых бобов я не вспомнила, а потому для закрепления эффекта пришлось еще и мясо немного обработать. Но, как и все хорошее в мире, мой кулинарный шедевр был обречен. Его съела Жабка, а на нее обижаться... Да разве можно обижаться, глядя в эти честные глазки, когда ее липкий язык скользит по твоему лицу... Каюсь, я убежала быстрее, чем успела отобрать свое блюдо. Ужин в тот день опять готовил Альтар.

Решив, что хорошего должно быть в меру, я разрешила Жабке

ускориться и лишить магов нашего очаровательного общества. В конце концов девушке нужно собраться. И хоть с ярмаркой у нас не срослось, но деньги-то имелись, и неплохие. В столице закупимся!

К возвращению двух равномерно грязных, будто мимо них машина проехала и обдала слякотью, магов мои сборы были почти окончены, а сундук стащен вниз, к порогу, чтобы нагрузить своим имуществом кого-нибудь из добрых волшебников.

Увы, их перекошенные лица намекали, что сейчас оба предстанут в иной ипостаси. Злые черные колдуны, скрючившись и топоча, пересекли порог. Их старые морщинистые лица вселяли ужас в сердца обывателей. Никто не желал вставать на их пути. Никто, кроме героя. И звали этого героя – сундук. Да, хотелось бы мне так сказать, но...

Все было совсем не так.

Альтар, пусть и был немного недоволен, но самообладания не терял и легко обошел сундук, стоявший поперек входа. Выглянув на лестничную площадку, я поняла, что он отправился мыться. Георг же... вот этот был далеко. Такого грохота я еще не слышала! Если он задел мой сундук!..

Сундук и правда героически выстоял в нелегкой схватке. Ни одного пятнышка, ни одной вмятинки не появилось на его лакированных боках, и только человек, этот варвар с лицом, искаженным яростью и болью, глядел на нашего героя. Не знаю, чего он хотел добиться, но выдержки сундуку было не занимать. Он не велся ни на словесные, ни на физические угрозы, стойко снося гнев смертного.

– Георг, вы уже вернулись? – словно миротворческая армия, в битву вмешалась третья сторона в лице меня. – И чем тебе так моя мебель не угодила? Ты ее еще и пинал?! – От возмущения я едва не задохнулась. – Как ты мог, это же все, что осталось от наследства моего четвероюродного дядюшки по отцовской линии со стороны его второй жены!

– Чьего наследства? – не понял юный маг.

Признаться, я и сама плохо представляла такое дальнейшее родство, но звучало пафосно, а значит – верно.

– Моего четвероюродного дядюшки по отцовской линии со стороны его второй жены, – выпалила, как скороговорку, я, радуясь, что еще не успела забыть, чего напридумывала.

Георг уныло вздохнул:

– Прости.

Вот и все, что он выдал. И поплелся к себе. Решил переодеться? Ну и пусть, сам за собой полы мыть будет, если следы останутся!

За окошком снова закапал дождик, и, вторя ему, заквакала, как

заправская лягушка, моя милая Жабка. Ну хоть кому-то природная серость доставляла удовольствие. На меня же скорее наводила уныние. Отчаянно хотелось спать под мерный аккомпанемент дождя, бьющего по стеклам в такт скорбным мыслям. Совсем не по-кикиморски тоскливо я молча взидала на дождь с облюбованного чердака.

Завтра маги уедут, и я отправлюсь вслед за ними. Вроде бы что тут такого тоскливого? Но почему-то казалось, что будущее, которое уже стоит на пороге, никак не может быть моим. Что я занимаю чье-то место и наверняка кто-то сейчас занимает мое. Последняя мысль резанула по самому ценному и вдохновительному, что у меня было: по гордости. Такого неуважения к себе она, гордость, перенести не могла и отправила импульс всем системам, прогоняя скуку. Это как получается? Пока мы тут предаемся самокопанию и упадническим мыслям, какая-то жаба штурмует наше родное болото? Не позволю! Ее болото захвачу, себе все устрою, а она... Да не отдам я никому своего. Горло перегрызу, одна останусь, но болото в обиду не дадим.

Когда, громко скрипя половицами, в кухню ввалилась собранная я, маги изволили разговаривать. Недолго. Увидев похорошевшую по случаю переговоров меня (в лучших традициях американских индейцев), мужчины замолкли на полуслове, сраженные неземной красотой. Вероятно, если бы проводился конкурс красоты среди инопланетян, первое место отдали бы мне. За старание!

– Не помешаю?

Судя по сузившимся глазам Альтара, ничего хорошего он не ожидал.

– Нет, леди, мы как раз закончили, – намекнул своему недалекому собеседнику на необходимость молчать старший маг.

– Простите.

Все же порой нужно изображать вежливую девочку. Ключевое слово «изображать», но где наша не пропадала? Данька – лучшая школьная лицедейка! Или все просто боялись сказать иначе...

– Не страшно. Чего вы хотели?

Перечислять все я не стала. Неокрепшая мужская психика вряд ли вынесет весь пласт желаний обычной среднестатистической студентки-первокурсницы, переживающей ломку по гаджетам. Ах, кто бы мне планшет с интернетом сейчас дал... Все пятьсот золотых бы заплатила! Как же хорошо, что инета здесь нет – конец бы моим финансам настал...

– Вы же в КАКу поедете?

Очи в пол, как у приличной.

– Нет, – усмехнулся маг, заметив, с каким удивлением я на него

вытаращилась.

Да уж, лицедейкой нас явно за кулаки прозвали. Позорище!

– Как – нет?!

– До Академии не менее недели пути, поэтому мы с Георгом отправимся в ближайший город и просто воспользуемся порталом. Так сумеем сэкономить шесть дней.

– А я...

– И вы тоже можете составить нам компанию, если, конечно, желаете.

– Желаю, – проговорила я, совершенно сбитая с толку.

Это что получается: даже уговаривать не пришлось? Обломали так обломали. Кому расскажешь – засмеют.

– Хорошо. Завтра с утра выступаем. И еще... За то, что мы вас сопровождаем, нам полагается награда. Вы так не считаете?

– Сколько? – обреченно спросила я.

Да уж, мстя это. Но все пятьсот золотых назад не получит!

– Сто пятьдесят монет.

Аппетиты у него крокодильи. Но ничего не поделаешь. Монополия – она такая. Или плати, или... А второго варианта-то и нет.

– Хорошо, – согласилась я. – Но за портал платите вы. И завтрак тоже готовите.

– Идет.

И почему, когда я уходила под смешки Георга наверх, мне казалось, что я переплатила? Нет, Альтар действительно хотел нажать в моем лице врага. Вот зачем ему тяжелая юность? Я же не подарок. Освоюсь в школе и устрою ему самую страшную месть: открою фанклуб.

Чем он так страшен? А очень просто. Как можно обижаться на искренне влюбленных людей? Они все ради тебя делают. Все-все. И в кустах сидят, сопя от усердия, и с биноклем за твоими окнами наблюдают, и бегут наперегонки к тебе с высунутыми от усердия языками, сбивая с ног ожидаемую тобой девушку, и будят в пять утра свежесочиненными признаниями в любви, и...

И еще много таких «и», от которых нормальный человек повесится, а «айдол» будет вымученно улыбаться. Ну так сотворим себе кумира, и пусть кумир сам ласты склеит от привалившего ему счастья цианидного!

Завтракали в лучших традициях восточного базара. Такого шума за столом не было за целую неделю вынужденного сосуществования. Георг то и дело ронял вилку, заставляя меня с ужасом представлять, скольких гостей сегодня принесет нелегкая в нашу кикиморину избушку. Впрочем, Жабка травоядностью не отличалась, а значит, сэкономим на корме. Все равно ее

полагалось отпустить, чтобы ездая нашла свою старшую хозяйку после того, как довезет меня с пожитками до села. Шокировать горожан видом ездой жабы мне успела запретить Ванична, которая лучше остальных распознала вредную сущность своей подопечной.

– Хочу еще! – попросила я, протягивая миску Альтару.

Не то чтобы я всегда так много ела, но, памятуя голодные студенческие будни, желудок резко решил закусить. Как всегда, самые ценные мысли приходят с опозданием.

Каша кончилась совершенно внезапно, после того как мне трижды выдали добавки. Заметив конкуренцию, Георг тоже присосался к кастрюле как клещ, не желая уступать без боя ни ложки. Альтар только головой покачал, наблюдая за нашими детсадовскими разборками. Ну и ладно, не нравится – пусть не смотрит.

Когда мы наконец разделили кашу по-братски (мне – все, Георгу – что успел отхватить), Альтар скомандовал собираться в дорогу. Хорошо ему! Одна сумка, и та с какими-то книгами. Где одежду хранит – до сих пор не нашла. Ладно, зависть – недостойное чувство. Но очень мотивирующее.

После долгих размышлений сундук был оставлен дома. Вместо него на чердаке из кучи завалявшихся штук была выужена холщовая заплечная сумка, которую с криком «Рюкзак!» я утащила к себе. Жизнь налаживалась.

Собрав немногочисленные пожитки – слава накопленным на ярмарке вещам! – я рассовала деньги по карманам, отсчитала мзду магу и, расплатившись сразу, чтобы уже ни о чем не думать, ушла к Жабке. Бедное существо трагически воспринимало мою отлучку. Чтобы она хоть немного успокоилась, пришлось вынести три процедуры умывания-благословения, заверяя, что я скоро вернусь.

А Жабка все ныла, ныла, бодаясь пупырчатой головой и норовя меня уронить. Маги вышли не скоро, полностью опровергая миф, что дольше всего собираются девушки. Девушки, да будет им известно, собираются быстрее всех! Но, наблюдая, как тормозят остальные, начинают скучать и идут наводить красоту. А это процесс долгий и обстоятельный. И конечно, по закону подлости именно в момент, когда один глаз накрашен, а второй являет собой ужас офтальмолога вкупе с кошмаром косметолога, все заканчивают дела и с недовольством пялятся на бедную девушку, которой просто надоело бесцельно проводить время.

– Отправляемся? – простонала я, защищая лицо руками, чтобы чей-то липкий язык (не будем показывать пальцем) не попал случайно в глаз. Нет, я, конечно, верю в местную медицину, но вера – вещь крайне изменчивая и редко окупаемая, а значит, лучше не создавать необходимость знакомства.

– Да, – кивнул Альтар и первым ступил на тропу.
Итак, мой путь начинался. Держись, КАКа, кикимора уже в пути!

Глава 4

Экзаменосдавательная

*Невозможно? Нерешаемо? Недоказуемо? Экзамен
расставит все по местам. Быстро! Качественно!
Надежно! Прояснение мозга за двадцать минут!
P.S. С гарантией! Проверено студентами!*

«Хорошо живет на свете Винни Пух, потому что не поет он свои песни вслух. Ибо только б попытался, пыли знатно б наглотался, потому и не поет в дороге Винни Пух...»

Примерно такие мысли одолевали обнявшую коня за шею и страдавшую от внезапно открывшей морской болезни меня. А все началось в селе, когда была отослана Жабка и пришлось пересест на почтового коня. Ничем иным, кроме наглой морды и отвратного характера, данный конь от тысяч своих подкованных собратьев не отличался. Даже зубы (каюсь, заглянула) имел по-лошадиному большие и не чищенные пастой с ментолом. О том, что в природе существует дезодорант, он также имел весьма отдаленное представление, а потому мне стало дурно от одного только запаха.

Но если запах еще можно пережить – затычки для носа входили в комплект проката коня, – то вот сесть на это хвостатое чудо после Жабки было кощунством. Конь же без пупырышков, держаться не за что. За седло? А если сползет?

Эти невеселые мысли не давали мне покоя, заставляя с опаской коситься на животное, которое, прочувствовав, что его боятся, игриво встало на дыбы, демонстрируя свирепость и жажду подвигов.

– Я на это не сяду! – гордо воскликнула я.

Работники почты пригнулись и поползли в укрытие, будто с неба ожидалась массированная атака.

– Данька, ну разве этот милый конь – ЭТО!

Георг почувствовал себя мужчиной. Ну как всегда! Нет, чтобы дракона любимой принести с цветами к ужину? А тут коня не испугался! Подвиг!

Я обиженно отвернулась.

– Ну, Данька, ну смотри. Он же милый. Ты ему нра-а-авишься, – продолжал увещевать Георг. – Смотри, какие глаза добрые!

Я неосмотрительно взглянула-таки в глаза животинки. Ой, лучше бы я этого не делала. Смерть во цвете лет под колесами... тьфу ты, копытами средневекового транспортного средства никогда не прельщала меня.

– Ну, Да-а-анька!..

И когда на двадцать пятом уговоре я даже тихонечко, бочком, дошла до этого самца, Альтар, успевший оседлать своего коня и утрясти все вопросы по прокату, скомандовал:

– В путь!

И они поехали! Без меня!

Мерно цокали копытами наши кони, вздымая клубы противной дорожной пыли. Чует сердце, что, когда мы окажемся в городе, моя шевелюра перестанет выделяться бодрой зеленцой, сравнявшись по цвету с половой тряпкой придорожного трактира.

Но даже такое поправление гигиены заботило в меньшей степени. В горле опять поднялся ком, и меня самым унижительным образом вырвало прямо на тракте. И вы думаете, эти два аристократа остановились? Как бы не так. Они еще и ржали, как кони. Или это даже кони ржали? У-у-у-у, пива с бузиной налью. Пурген уже не в моде, нужно действовать проверенными общепитом способами. А что? Там продают пиво с бузиной! Сама видела! Вот угощу магов (как же они мне дороги!) самым лучшим пивком! С яблочным вкусом. Пусть наслаждаются! А уж как наслаждаться буду я...

Пожалуй, лишь эти мысли помогли мне дотерпеть до города. Бренча доспехами, к нам бодро припустили стражники. Один, матерого вида рецидивист, на глаз оценил никчемность моей прически, опухшее личико и рвотные позывы и решил, что никакой контрабанды у меня при себе не имеется, а значит, можно даже не приближаться. И документы не проверил! И хорошо, ибо документов у меня еще не было. Ванична обещала сделать, но пока не успела.

Почтовое отделение, где меня избавили от компании копытного монстра, располагалось прямо за отделением местной таможни. Ушлые почтовики решили не упускать прибыли. По договору проката сдать транспорт мы должны были в первом же увиденном почтовом отделении, но за доплату (нашли дураков платить полстоимости аренды!) могли продлить договор на условиях пользования, составленных до городского массива.

Мы не отличались ни обилием денег, ни отсутствием мозга, ни тем более жадной любоваться и осязать доблестных четвероногих, а потому сдали транспорт в предназначенные для этого конюшни.

Теперь, оказавшись на твердой земле, вдохнув привычный грязный воздух, я чувствовала себя как никогда счастливой. Ничто не качалось, не плыло и не заставляло страстно желать уединения с природой. Мир снова стал прекрасен и удивителен.

– Данька, ты там чего? – Георг, как всегда, был тактичным и предупредительным. – Пошли уже! Хватит со скамейкой обниматься. Не убежит она, ее цепью приковали, чтоб воры не унесли.

Недовольно подняла голову на этого обламывателя-любителя и нехотя встала. Скамеечка, как мне будет тебя не хватать! Деревянная, тепленькая, такая удобная, такая манящая... Я бы на тебе даже поспать не отказалась после такой дороги. И заснула бы, ведь ты такая хорошая...

Признаться в любви скамейке не позволил Альтар, с видом мученика, которого отказались сжигать, зато спровадили проповедовать темным и убогим, потянувший меня за собой. Георг хмыкнул и собрался повеселиться, но нести мой рюкзак главный маг не сподобился, а у меня обе ручки были заняты, так что именно наш веселый временно стал главным носильщиком.

Я перестала жалеть, что увязалась за магами, едва Альтар вывел нас к невысокому, но вполне приличному трехэтажному зданию, где, судя по всему, мы должны были ночевать. И то хорошо: после такого насыщенного дня хотелось лишь упасть на кровать и отбыть в объятия Морфея. Впрочем, можно и без объятий, я не обижусь. Главное – кровать и сон.

Расплачивался маг, я же всячески изображала модель. То есть вешалку для собственной одежды. Существо глупое и крайне неодушевленное, не требующее личного знакомства. Альтар почему-то ничего против не имел, с облегчением наблюдая за выбранным стилем поведения. У, месть будет страшна. Наверное. Когда проснусь. Тем не менее отсутствие интереса к моей персоне оказалось весьма кстати. Ибо в моем мире даже у детей загранпаспорта переснимали при регистрации в гостинице. А здесь... Здесь прокатило и так. Вот что значит – вовремя заплаченные сто пятьдесят монет!

Звякнул колокольчик, послышалось недовольное сопение, намекающее, что лучше забрать свои пожитки, ибо до полного их исчезновения оставалось всего ничего. Георг недовольно ткнул мне в руки рюкзак и протянул администратору свои документы. А я... Я продолжила притворяться ветошью. То есть моделью.

Закончив с формальностями, Альтар взял ключ. И Георг взял ключ. А мне ключ не дали! Но мы же не сдаемся! Мы так, слегка отступаем под тяготами судьбы, чтобы вернуться и всем наказать. Вот и сейчас,

нисколько не смущаясь, всего лишь покраснев от кончиков пальцев до макушки, я бодренько припустила за Альтаром, намереваясь выселить его из номера в пользу бедной и несчастной ветоши.

Облом. Выселять не пришлось. И даже ругаться за двуспальную кровать. Номер мне отдали сразу, будто и не собирались здесь жить. И ведь не собирались! Он даже вещи не оставил, быстро умотав куда-то и предупредив, что завтрак в восемь и, коли опоздаю, они меня ждать не станут. Ага, ща-а-аз, не станут. Я же как репей: пока не найду, к кому прицепиться, – не отстану. Тем более в незнакомом городе! Тем более одна! Тем более кикимора! Позор, позор мне будет – не испортить лучшие дни их путешествия. А позорить новообретенный род – это как-то не комильфо.

Впрочем, недовольство и раздражение испарилось, стоило заглянуть за закрытую дверцу и обнаружить самую настоящую ванную. Белую, красивую, с краником и теплой водой. И совершенно все равно, должно это чудо находиться в поросшем деревней мире или нет. Я просто наслаждалась водичкой, смывая прелести долгой конной дороги. О том, что бывают путешествия и подлиннее, старалась не думать, чтобы не травмировать свою детскую психику. Она мне еще пригодится!

Наплескавшись вдоволь и закутавшись в полотенце до самых пяток, я возлюбила весь мир. Счастье есть на белом свете! Желудок противно заурчал, напоминая, как быстротечны минуты покоя.

Расколов паязак и радостно запрыгав при виде чистого бельишка и сарафана, от чего полотенце не очень прилично задралось (но я же одна в комнате живу, так что нечего стыдиться!), я переоделась и отправилась в самый важный и жизненно необходимый квест. Путь лежал мимо церберов и великанов, страшных хранителей врат и добродушно-пузатого повара, который, взглянув на мою печальную мордочку, сам подвинул миску с супом поближе. Хм, видимо, питание включено в стоимость проживания. Иначе я подобную щедрость объяснить не в силах.

«Нет, десерт был явно лишний», – думалось мне, когда я поднималась по лестнице. С каждым шагом расстояние между ступеньками увеличивалось, и я собиралась с мыслями всякий раз, планируя поднять ногу. И не пила же вроде... Мозг радостно подсунул воспоминание с условным названием «Данька и кисель». То-то повар так косился, когда я вторую чашку осушала. Но ведь не было! Не было там алкоголя! Самым дорогим – зеленой шевелюрой клянусь!

Споткнулась я случайно, но, как говорится, все к лучшему. Эту истину я вкусила, осознала и прониклась, едва сделала свой первый условно

четвероногий шаг. Лестница больше не покачивалась, и даже ступеньки не вырастали, вот только как-то укоризненно смотрели на меня с лестничной площадки носки дорогих сапог. А потом их обладатель совсем уж бесцеремонно поднял тельце кикиморы, мое то бишь, и, как нашкодившего котенка, за шкирку, понес в номер. А я что? Я ничего. Доставка – это даже хорошо. Не придется ползти дальше.

Кажется, я заснула прежде, чем меня перенесли через порог.

Никогда не думала, что спать в обнимку с подушкой – такое несравнимое удовольствие. Она теплая, она мягкая, она заботливо стягивает с тебя одеяло... Что стягивает?!

Села на кровати, распахнув глаза во все пять копеек. Оживших подушек с функцией похищения одеял я еще не наблюдала. Но до чего странная я, до того и чокнутый мир. Э нет. Мир как раз обычный, просто подушка была очень... эм... как это сказать... нетипичной подушкой. Очень нетипичной. Вот сейчас проснется эта подушка и ка-а-ак объяснит мне, где я была не права этой ночью!

Сглотнула автоматически. Даже мой мозг, почти незнакомый с реалиями этого мира, догадывался, что портить отдых магу – затея травмоопасная и с рук не сходящая. Что же делать, что же делать, что же мне теперь делать...

Мысль пришла внезапно и, как всякая пришедшая в подобной обстановке мысль, ничем умным не отличалась. Но поскольку другие и вовсе не отметились, то...

– А-а-а-а-а-а-а-а!!!

Вот никогда не думала, что могу так громко. Видимо, у кикимор это особый навык – заставлять всех терять ориентацию в пространстве от чудесного голоса.

Альтар подскочил с кровати. Альтар проснулся. Я быстро натянула одеяло, прячась от злого-злого мага, который обидел маленькую и бедную меня. Память услужливо подсказала, кто кого обижал, но отступать было поздно. Ничего не помню! И вообще! Он мужчина – мог бы и отбиться! Наверное...

– Дана?

Альтар потер сонные глаза и что-то прошептал. Судя по взбодрившейся физиономии, произнесение абракадабры имело положительный эффект.

– Данька, – хмуро поправила я.

Еще чего – родное имя от глюка слышать!

– А вчера настаивала именно на нем, – тонко усмехнулся маг и

поднялся с кровати. В штанах. Я едва сдержалась, чтобы облегченно не выдохнуть. Сдержалась! Почему он усмехнулся?! Заговор! Как есть заговор!

– Ничего не помню! – уперлась несуществующим рогом я, а для полноты картины «Оскорбленная невинность после гулянки» еще и отвернулась.

– Неужели? – Альтар уже откровенно забавлялся. – И даже «Я вся твоя, возьми меня»?

– Не было такого! – с уверенностью заявила я.

Всего лишь подушкой в него запустила и упала. Я, а не подушка. И не на пол, а на мага.

– Но ты же ничего не помнишь?! – заметил мужчина, засовывая руки в карманы. – Или помнишь?

– Не помню!

Отступить было некуда, пришлось терпеть.

– В таком случае, моя версия – единственно верная.

– И все равно не было такого! – возмутилась я.

– Докажи, – рассмеялся он и ушел в ванную.

В мою ванную!

– Больно надо, – обиженно протянула я и полезла искать рюкзак. Я, конечно, понимаю, что ходить по пляжу можно в бикини, но по комнате в присутствии посторонних? Даже майка до середины бедра казалась коротковатой.

Разыскав на кресле сарафан, который, судя по виду, жевало целое стадо, я быстро натянула одежду и, как воспитанная девочка, принялась ждать, когда маг покинет места не столь отдаленные. Хотелось в туалет. Естественная потребность, толкающая порой на самые небывалые подвиги. Пожалуй, если бы во время марафона туалет ждал лишь в конце забега, а пить давали что-нибудь газированное... рекорд бы ставился ежегодно.

Наконец заветный уголок освободился, и, игнорируя насмешливые взгляды Альтара, я пронеслась туда, куда ходят все.

– Встретимся за завтраком! – крикнули из-за двери, и кто-то вышел.

Впрочем, мне было абсолютно параллельно на всяких там, ибо меня ждала ванна. В предвкушении теплой водички я открыла кран, аккуратно проверила воду, и...

– Уй, холодная-то какая! И как он мылся! – в сердцах выпалила я.

То-то Альтар такой бодрый выходил! Теперь и я... бодрая. И злая, как сто тысяч обиженных Жабок. Нет, сто тысяч обиженных кикимор. Хм, нелогично. Я же всего одна. И я кикимора. Логика, почему ты так любишь

обламывать все сравнения?!

Комнату покидала мелкими шажками. Какой бы слой самолюбия ни защищал мое эго, одно дело делать вид, что ты велик и ужасен, а другое – принимать это. А хорошей быть хотелось. Подумать только, ползала по лестнице на коленках! Мама узнает – вот стыдоба будет.

Я погрустнела. Пусть Глюкландия и чудесна, родной домик – лучшая норка, и ее всегда не хватает.

– Данька, ты чего такая злая? – Георг подошел сзади и кивнул вниз. – Неужели с Альтаром поругалась?

– Угу, – не вдаваясь в подробности, промычала я.

– Да ничего, нам только до портала дойти, а там уже столица, – попытался подбодрить парень.

А я почему-то загрузила. Как я обойдусь без завтрака? Ведь так привыкла, что готовит серьезный маг. У самой ни за что не получится. Взять парочку уроков, пока есть возможность? Мозг услужливо подсказал, что возможности-то уже и нет. И я снова загрузила.

Без мамы, папы, брата, Ваничны и Жабки... Даже без завтрака! Вот что я делать буду?! Ехидная подсказка «учиться» была проигнорирована.

Подсказка?

Я обернулась на источник звука и зло прищурилась. Нет, это совсем невозможно! Стоит и смеется, а я, между прочим, о расставании грущу. О расставании! С его завтраком! Негодяй...

Продефилировав мимо его высокомерного высочества без стыда и совести, я гордо пошла на запах. Кухня встретила меня радостно и по-свойски. Кисельком. После вчерашних подвигов пить этот грех химика мне не улыбалось, и я осторожно отказалась.

Повар не обиделся! И даже не расстроился! И даже не погрустнел, словно его последней радости в жизни лишили! И даже не смотрел на меня с осуждением! И даже... да не могу я это выносить!

Выпила! Пришлось! Заставили! Пытали!

Улыбка сама льнула к губам, а глазки наверняка засветились, делая похожей на кошку. Лепота! Сегодня кисель определенно лучше. Не такой терпкий, больше сладенький. Хотелось отпить еще глоточек, но чашка опустела.

– А добавки? – томно протянула я, призывно улыбаясь и подвигая повару тару. – Ну самую ма-а-алость, – продолжала клянчить я.

И мужчина сдался: перехватил чашку, зачерпнул из кастрюли, и...

– Уважаемый, а вы знаете, что подавать несовершеннолетним кикиморам настойку из цветов пятицветника запрещено? – сурово

проговорил Альтар, забирая у бедолаги черпак.

– Кикимора? – вылутился захваченный врасплох повар, внимательно взглянув на меня. Я кокетливо поправила зеленую гриву. – А я думал – дриада...

Обиделась. Не признать во мне болотницу, записав в ряды каких-то деревьев?! Плохой дяденька!

– Будьте внимательней, – посоветовал маг, вытягивая меня из-за стола.

Уходить не хотелось, хотелось киселька. И вообще – он безалкогольный. Имею право! Дайте еще!

Видимо, последнее я сказала вслух, ибо улыбка на лице мага стала доброй и намертво приклеенной. Клей «Момент» – и улыбка вам обеспечена!

– Нельзя, и так наела по самые ушки, – неожиданно по-доброму пожурил Альтар, оттаскивая меня от кастрюли. Как я оказалась рядом с ней, пожалуй, не вспомнила бы и под дулом пистолета. – Идем, сейчас заберем Георга и отправимся.

– А разве мы завтракали?

– Нет, но тебе нельзя находиться рядом с пятицветником. Он пагубно влияет на контроль, – продолжал увещевать маг, выталкивая меня из комнаты. – И откуда только на мою голову взялась?!

Георг встретился у выхода. Он держал мой рюкзак с явным намерением вручить его хозяйке. Отрицательный кивок Альтара – и парень обреченно вздохнул, закинув поклажу себе на плечо. Прощаться и сдавать ключи мы не стали. То ли очень спешили, то ли маг уже это сделал, но ничего не помешало нам выйти из гостиницы.

И вернуться.

Так быстро я еще не бегала. Кисель манил, обещая всяческие наслаждения. У-у-у, противный! Знала же, что кисельчик – для слабаков, настоящие профи выбирают колу! И что меня потянуло на экзотику! Мысленно ругая себя, я прокладывала путь на заветную кухню.

– Попалась! – Меня вздернули за шкуру. – На выход!

– Не хочу! – захныкала я, лягаясь. – Хочу пить!!!

– В столице выбор больше, – соблазнительно проговорил Альтар. – И вкуснее.

– Точно?

Верить противному магу не хотелось. Но... это же логично? Столица, как ни крути.

– И можно купить со скидкой, – искушал маг.

– Ладно. – Личная жаба наступила на горло желанию и милостиво

разрешила: – Идем в столицу.

Альтар с облегчением выдохнул.

– А скидка большая? – как бы между делом поинтересовалась я.

– Очень, – пообещал мужчина и вытолкнул меня на улицу, пока никакая другая не слишком умная мысль не посетила зеленую головку.

Мы шли по каменной мостовой куда-то в центр городка. Улочки становились шире и просторнее, людей прибавлялось. Запахло ванилью... А я все оглядывалась и оглядывалась. Нос чуял запах киселька, и только железная хватка мага удерживала от необдуманных решений. И обдуманных.

Я уже просчитывала варианты побега, когда маг остановился и выдохнул с облегчением. Видать, не любил кикимор за ручки водить. На душе потеплело: сделал гадость – на сердце радость.

– Магистр?

Перед Альтаром замер один из служителей магической таможни. Еще и здесь платить мзду! Ну уж нет! И я картинно упала в обморок. Даже ручку криво откинула, чтобы правдоподобней.

– Мы спешим, – сказал маг, поднимая меня на руки.

Изображать загогулину стало сложнее.

– Да, конечно, – проговорил его собеседник и поинтересовался: – Учебный материал?

Я чуть не вышла из роли. Материал? Я? Да как у него язык повернулся! Пусть прикусывает всякий раз, как глупость сморозит, – пожелала в сердцах.

– Нет, не пособие, – слишком вежливо, на мой взгляд, ответил Альтар и пояснил: – Это пятицветник.

Таможенник сочувственно вздохнул.

– Вам еще повезло, – поделился опытом он. – Дриады устойчивей. Вот кикиморы...

Бранные останки не выдержали словесного поругания и восстали:

– Я не дриада! Не дри-а-да!

– Не дриада, – подтвердил Альтар, опуская меня на землю.

Таможенник, рыжий детина, мигом смекнул, что дело пахнет керосином, и засуетился.

– Комната четыре, – распорядился он. – Портал на главную площадь. Или вам лучше сразу в Академию?

– Площадь, – выбрал маг под молчаливое негодование Георга, груженного двойной нормой вещей. Свой маг каким-то чудом умудрялся не терять.

– Академия! – не согласилась я.

Раз уж есть возможность проскользнуть на поступление, не предъявляя документы, почему не воспользоваться? Вряд ли магистры дергают с проверкой всех абитуриентов. Может и прокатить... А если не прокатит – придумаем что-нибудь. Потеряла? Не, слишком явная ложь. Украли? Тогда по торговым рядам походить нужно. Сгорели? Самовоспламенение – это даже у нас не прокатило бы. Пожар? А кто подтвердит? Забыла в гостинице, когда плохой дядя напоил кисельком? Подходит!

Радостная ухмылка сама расплзлась по моим прежде сжатым губам. Отлично! И даже свидетели транспортировки пьяной кикиморы есть. Ну хорошо, не пьяной, а под валерьянкой. Бедные коты, если их всегда так глючит...

– Академия, – обреченно согласился Альтар, отчего мне захотелось чмокнуть его в щеку в знак признательности.

Тормоза успешно заржавели и обратились в прах, полностью снимая контроль с поступков.

Маг шагнул в какую-то цветную лужу, желая скрыться от замыслившей пакость меня, но кикиморы так просто не сдаются! С угугуканьем я, приподнимая измазюканный (где только успела?) подол, рванула за ним.

Что уж говорить, наше появление было эпичным. Не в том смысле, что тут же начался столь любимый в фильмах махач на пятьсот персон с каждой стороны, который успешно выдают за широкомасштабные битвы, но уж по воздействию...

От нас шарахнулись все. Даже преподы. Их я определяла по-особому, прокачанному навыку терпения. Эти просто мрачно косились на спешно ретирующегося в их ряды мага и не желающую его отпускать меня. Даже природная жадность, прекрасно осознающая, что деньги у Георга и хватать за шкурку следует того, уступила место азарту.

И неслась я по коридорам Академии, которые пустели, стоило им услышать мой чудный голос. Неслась себе, никого не трогала, в статуи не врезалась. Подумаешь, на поворотах заносит! Так то от ускорения! Подумаешь, с ног кого-то сбила! Так отпрыгивать нужно вовремя!

И Альтар бежал. Красиво, как настоящий атлет. Я даже залюбовалась. Остановилась как вкопанная и любовалась. Ведь нет ничего прекраснее, чем наблюдать, как горит огонь, течет вода и работают другие. И горел огонь, ранее трепетавший в лампаде, и текла вода – видно, противопожарные чары отозвались, и работал Альтар, пытаюсь сбить с

шевелюры огонек и избавиться от сопровождавшего его грозового облачка. А оно настырное! Лучше меня нервы мотает. Даже обидно стало.

Стою я, такая интересная, нечесаная, некрашенная, в рваном сарафане, а вокруг красивый мужик бегаёт. Бегаёт, бегаёт, и не от меня. И не ко мне. Вот что за справедливость! А я голодна-а-а-ая, а мне кушать хочется и пить... Киселечек, ты где, родной, с тобой все так просто и весело...

Села я и заплакала. Но не на берегу Рио-чего-то-там, а прямо на полу в коридоре. Хорошо хоть, тёплый, с подогревом! Позаботились магистры о страждущих своих! Плюсик им в карму! А меня начало в сон клонить. Клонило-клонило, соблазняло-соблазняло... А я что? А я кикимора! Нас не соблазнишь!

Меньше чем через минуту я отрубилась.

«Ложкой снег мешая, ночь идёт большая, что же ты, глупышка, не спи-и-и-и-ишь...» Последнее «и» тянул противный, как соседская дрель поутру, голос. Недовольно открыла глаза и решила, что можно спать и под нее. Все равно ничего полезного вокруг не происходит.

Какие-то дяденьки совещались за большим круглым столом, кто-то косил в мою сторону, кто-то забился в дальний угол, а кто-то (Альтар) рассказывал, как докатился до жизни такой. И голос у него был такой приятный, такой бархатный, что слушала и слушала бы...

– Она уже проснулась, – обломал мне весь кайф противный баритон.

Хотя нет, баритон противным не бывает. А вот его обладатель... У-у-у, демон плешистый, мог бы ещё дать послушать.

С осуждением взглянула в сторону своего «благодетеля» и чертыхнулась. Демон услужливо поклонился, демонстрируя готовность и дальше исполнять все мои потаенные мечты. Да уж, только демонюг не хватало для полного счастья.

– О, госпожа... – Старый маг обернулся к Альтару. Тот мученически возвел очи к небу и подсказал: «Данька». – Госпожа Дана, – неодобрительно зыркнув на жертву противопожарной обороны, поправился старичок, – вы бы не могли объяснить, что с вами произошло и почему вы вели себя столь... – он остановился, подбирая слова, – неразумно?

– Это он виноват! – обличительно ткнула пальчиком в сторону Альтара. – Пятисемечник... Нет, пятицветик... Кисель! – наконец вычислила я причину своих подвигів, оценила обстановку и горестно зарыдала: – Не виноватая я, он сам налил!

То, что наливал не маг, я не уточнила. Альтар умный и мужественный, сам объяснит. А я маленькая и...

– Подлая, – ласково прошептал мне на ушко демонюга.

– Сам такой, – прошипела я, пользуясь тем, что все отвлеклись на Альтара.

– И горжусь! – выпятив грудь, признал демон.

Я с исследовательским интересом покосилась на предъявленную часть тела, скрытую рубашкой, и неодобрительно покачала головой. Бе-е-е-е, смотреть не на что. Ну что я, шелк не видела? Видела! Даже мацала. Даже черный. Даже ради прикола. А тут мало того что не потрогаешь – не так поймут, – так еще и не черный! Синенький. Еще бы в цветочек был. Так вообще кошмар на улице Вязов.

– Нашел, чем гордиться, – брякнула я.

Демон зло прищурил черные глаза и усмехнулся.

– Еще увидимся, детка, – пообещал он.

– И ты будешь не рад, – пообещала в ответ я и принялась усиленно делать вид, что кикимора – девочка хорошая. Сидит... поправка... лежит на диванчике, чахнет, страдает, никого не доводит... И вообще, печаль-беда посетила ее. Да.

Слово взял опять тот же старичок. Видимо, он здесь главный.

– Госпожа Дана... – Я нахмурилась. – Данечка, – исправился он. Мой взгляд подобрел. – Нам вызвать уполномоченного болотника, чтобы он проводил вас домой?

Что? Домой? Куда домой? Если домой, то есть из Глюкландии к маме с папой, тогда да. А если домой в Семиречинск, я лучше здесь покукую. Совью гнездо, пущу корни... Нет, одно из двух. Иначе как-то неправильно получится. Вросшая в землю птица – это вынос мозга почище Старого Нового года для иностранца. Система ломается, а толку-то?!

– Мне не надо домой, – всхлипнув, прошептала я. – Мне поступать надо. Я так хотела, так старалась! А он... Он обещал довести, – бросила косой взгляд на Альтара.

Маг чуть усмехнулся, пользуясь тем, что его коллеги отвлеклись.

– А потом – этот кисель. Он же вкусный. Очень вкусный. И я попробовала. Раньше такое не пила, а он же вкусный!.. А теперь вот так, и как теперь быть? Я провалилась, да? Я ведь теперь не поступлю?..

И жалобно-жалобно посмотрела на старичка.

Он выдохнул и, помедлив, проговорил:

– Экзамены продлятся еще два дня, но для болотников у нас отдельная очередь.

– То есть меня не возьмут?

И столько горя в голосе, столько горя! Я так старалась, так старалась!

– Возьмут, – тонко улыбнулся старичок. – У нас договор с Семиречинском, он оплачивает обучение всех представителей болотных рас. Кроме того, с этого года открыто смешанное направление, где будут обучаться не только кикиморы, лешие, водяные и водянки, но и представители иных народов. В экспериментальную группу набор все еще открыт. Если вы согласны...

– Согласна! – выпалила я, не давая магу закончить. – Где поставить крестик?

Волшебник задумчиво оглядел меня.

– Вы уверены? В группе с болотными расами вам будет привычнее.

– Я... люблю эксперименты, – заверила я.

– Это точно, – простонал Альтар, но тут же замолчал под неодобрительным взглядом старичка.

– Но в ту группу войдут и иномирцы, – продолжил отговаривать меня волшебник.

– Они очень страшные? – преданно глядя собеседнику в глаза, спросила я. – А как их вообще тогда взяли?

– Были причины, – уклончиво ответил седовласый. – Хорошо. Если вы согласны, вас проводят в общежитие. Потом подойдет куратор и отведет на собеседование. Если покажете соответствующие нашим правилам моральные качества – вы приняты.

– А экзамены? – робко напомнила я.

Бесплатный сыр, конечно, хорош, вот только его стоимость чаще всего включена во что-то иное. И очень хотелось знать, во что.

– Поскольку все болотники обучаются на платном, у них более соответствующие их уровню испытания.

Ясно, только что меня обозвали дурой. Ну и ладно, быть дурой даже удобно. И про документы врать не нужно... Лепота. Показал шевелюру – и учись себе на здоровье.

– А собеседование... оно страшное? – шепотом спросила я у старичка.

– Очень, – в тон мне ответил волшебник и махнул кому-то: – Отведите девушку в ее временное жилище.

– Кхм, думаю, с этим могу помочь я, – вмешался в беседу Альтар.

– Как вам угодно, – согласился старичок, а мне резко поплохело.

Мстить будет. Как пить дать, будет.

Темноволосый медленно и изящно двинулся в мою сторону. Я зажмурилась, предчувствуя подзатыльник или еще что, но терпение у мага оказалось ангельским. Надеюсь, оно продержится до самого общежития, а не кончится за дверью.

– Идем, – сухо приказал он.

Я торопливо поднялась и бросилась за ним. Что-то общество этих «волшебников», некоторые из которых продолжали пялиться на меня, не прельщало одинокую кикимору. А если вспомнить про вещи... То мне позарез требовался совсем другой человек. Георг. И где же его черти... демоны носят?

Аккуратненько, чтобы ничего не задеть и случайно не попасть на деньги, я выпорхнула из деканата в коридор. Воздух свободы наполнил легкие, и снова захотелось подвигов. По крайней мере, кулинарно-гастрономических.

– А может, в столовую? – помявшись, предложила я магу.

Альтар усмехнулся:

– Столовая откроется с первого учебного дня. До этого времени вся еда – только в городе. А сейчас идем, заберем твои вещи, и я от тебя избавлюсь.

И с такой радостью это было сказано, что я сглотнула. И представилось мне, как на чудном зеленом лугу стоит Альтар с лопатой, рядом – Георг с вещами, а я сижу на дереве, аки кукушка, и назидательно проповедую о вреде закапывания в землю талантливых кикимор.

Тихонечко спросила:

– А может, не будете избавляться? Я вам еще пригожусь.

– В гробу в белом саване? – предположил темноволосый, вздернув бровь.

– А вы что, некромант? – отшатнулась я.

– Именно, – рассмеялся Альтар, довольный эффектом.

Вот только не верилось мне в его увлечение мертвечиной.

– Врете, – с надеждой проговорила я.

Он не ответил. Усмехнулся под нос, сцапал меня за запястье, чтобы не отстала, и целенаправленно повел по пустым коридорам Академии. Судя по сумеркам за окнами, время клонилось к закату, и все просто ушли. Кто-то – радостно сжимая заветный пропуск, кто-то – злясь и заверяя, что вот он точно лучший и лишь нелепая случайность помешала поступить. В этот день нелепой случайностью была я. Впрочем, удерживать концентрацию для мага жизненно необходимо.

Мы вышли на улицу. Здесь заметно похолодало. В моем помятом сарафане было весьма зябко идти по холодному камню навстречу северному ветру, внезапно решившему провести рейд по территории Академии.

– Здесь всегда холоднее, – предупредил Альтар, ускоряя шаг. –

Академия отделена от общего городского массива колдовским заслоном, и воздух не перемещается. Солнце не успевает прогреть его.

Да уж, мало того, что КАКа, так еще и холодильник. Учеба привлекала все больше и больше. Так, что мозг лихорадочно высчитывал, сколько придется тратить на теплые вещи. А если кто-нибудь не уследит и дырку пропалит в свитере? Я же разорюсь!

– Проходи.

Мне открыли неприметную, выдавшую, казалось, все на своем веку, дверь. По ту сторону было темно.

Покачала головой, отступая на шаг и упираясь спиной в грудь мага.

– Я туда не пойду.

– Георг уже отнес твои вещи, – словно издеваясь, заметил Альтар и легонько, придав нешуточное ускорение, толкнул в направлении темноты. – Комната пятьдесят семь, – бросил он вслед и ушел, оставляя меня одну.

И вот бреду я по темному коридору, держась за стенку, и думаю о хорошем и вечном. Об ужасиках. А именно о той их части, где в три часа ночи героиня внезапно решает сходить в подвал, в котором ее поджидает куча монстров. Как в анекдоте: как там страшно, как там ужасно, давайте мы туда пойдём.

Вот и я шла по темному коридору под скрип половиц и завывания привидений... Привидений?!

– А-а-а-а-а-а-а!

Так громко я в жизни не орала.

– У-у-у-у-у-у-у, – вторил мне загробный голос.

И я побежала. Вперед, вверх, по коридору, лестнице, по стенке, по потолку – в общем, по всему, что попадалось. Остановилась, только уцепившись за что-то холодное и стеклянное. Подтянулась, села поудобнее. Стоны затихли.

Выждав пару минут, решила отцепиться. Аккуратно сползла ниже, пытаюсь нащупать пол... Нога мазнула в воздухе.

– У-у-у-у-у-у-у, – подало голос привидение, и я вновь вскарабкалась на свой насест. Спускаться расхотелось.

Вот уж свезло. Сижу черт знает где, на черт знает чем, внизу летает привидение, и ни зги не видно. Как бы в насмешку над моими страданиями загорелся свет. Под моей попой. Люстра качнулась, но выдержала. Не выдержали нервы. У привидения.

Полупрозрачное нечто остановилось, возвело очи в потолок и заорало так, что я подумала: это последнее, что я слышу в своей жизни. А потом оно рвануло ко мне. А я сижу. На люстре. До пола метров пять. И как я

здесь оказалась?! Люстра со скрипом просела. Черт, неужели в темноте я вешу меньше? Тогда это... верните тьму.

Нет, не так.

– Да будет тьма! – пафосно воскликнула я.

Свет погас. Я облегченно выдохнула. Люстра просела еще на несколько сантиметров. Блин, и зачем я свет тогда выключала?

Помирать, так на виду.

– Да будет свет!

Стекляшки меня проигнорировали, отказываясь зажигаться.

Да, то еще зрелище. О чем я думала, когда за магом гонялась? Гнездо свивать? Можно начинать. Все равно слезть проблематично.

– И что у нас тут происходит? – раздался ласковый и (о чудо!) уже знакомый голос. Демоняка.

«Он пришел спасти меня!» – подумала лучшая моя половина.

«Он пришел насладиться нашей агонией», – выдала пессимистичная часть.

«А может, обнимашки?»

Как мне вообще такое в голову пришло, я представить не могла, но...

– Идет, – усмехнулся этот ненормальный, и... обнимашки состоялись.

«Блин, блин, блин!» – ругался мозг.

«Да, да, да!» – вопили гормоны.

«Руки прочь!» – внесла свой вклад оскорбленная невинность.

«Ты куда над землей руки разжимаешь, гад!» – выдал инстинкт самосохранения и, минуя все прочие инстанции, впился в демоняку всем, чем только мог.

– И так не уроню, – постарался образумить меня спасатель, но нас было не остановить.

– Свет! – скомандовал демон, и люстра зажглась.

Моргнула, подумала и сдохла, перегорев. Еще подумала и, скрипнув, полетела вниз. Чтобы уж с концами и эффектно.

Из зоны поражения мы вышли стремительно. Я даже зауважала этого темноволосого, баритоном говорящего демонюгу.

Красиво блестели осколки в свете далекой луны, плавно текли разговоры о судьбах дальнейших. Наших. В том, что люстра была дорогая, я не сомневалась. У нас их обычно делали из хрусталя и вешали в каких-нибудь залах, где проходили торжества.

Откуда-то сверху начали доноситься шаги. Звук нарастал, как и количество спешащих. Демон хмыкнул и, подхватив меня под коленки, взмыл под потолок. Перемещаться по воздуху было куда удобнее, а главное

– быстрее и конспиративнее.

Мы вылетели в окно, обогнули корпус и зашли с другой стороны через чей-то балкон.

– Какая комната? – поинтересовался демон, который хоть и поставил меня на ноги, рук не убрал, располагая передние конечности на моей талии. Пожалуй, если бы не ситуация, лететь бы ему далеко в кусты на корм комарам, но сейчас – увы – приходилось терпеть. Тем более что пахло от него весьма неплохо.

– Благодарствую за комплимент, – насмешливо выдал этот гад крылатый.

– Пятьдесят семь, – хмуро отозвалась я, вырываясь. – Отсюда долго идти?

– Почти на месте, – усмехнулся он. – Пошли.

И меня дернули за собой. Хорошо хоть, тут был свет и отсутствовали привидения. Добрались довольно быстро.

– Прекрасная дама не пригласит своего спасителя на чай? – встав напротив двери и не давая мне войти, поинтересовался брюнет.

– Не пригласит! – подтвердила я.

Ему что – медом намазано? Пусть пойдет на чай к кому-то еще. Полный город кандидатур. Или на экзотику потянуло?

– А если и так? – рассмеялся демон.

– Я против, – заверила я и, поднырнув под его локоть, торопливо щелкнула ручкой, залетая в комнату. Закрыть дверь прежде, чем вошел мой «спаситель», не успела.

– А ничего так живут наши бедные адепты, – присвистнул крылатый.

Я предпочла не отвечать. Комната как комната. Главное – свет включился сам и без всяких закидонов. В остальном... Типично общажная железная кровать с поцарапанной спинкой, стенка с именами на обоях, тумбочка на трех выживших ножках и шкаф. И если я что-то понимаю в общагах, дверца шкафа будет открываться ночью и скрипеть. И да, у окна стояла еще одна кровать. С таким же набором особых примет, как и первая.

Именно на кровать у окна уселся демон и внимательно принялся изучать меня. А я что? Рюкзак нас интересовал куда больше, чем всякие-разные. Разложив пожитки на кровати, я распахнула шкаф, выдавший нечто сравнимое с ослабленной звуковой гранатой, и принялась раскладывать нехитрое барахло.

– И ничего не спросишь? – спустя молчаливые пятнадцать минут поинтересовался демон.

– Не-а, – покачала головой я.

Внизу уже не ругались, не грозились поймать виновника обрушения люстры, и меня начало понемногу отпускать.

– Может, чаю? – тоном демона-искусителя (хотя кто знает, может, мой демонюга на этом и специализируется!) предложил брюнет.

– Ага, – хмыкнула я.

И подумала, что фиг открою ему дверь, когда он вернется с чашками.

Демон тонко улыбнулся, и посреди комнаты повис поднос с двумя чашками и блюдечком со сладостями. Я едва сдержала смех: вот уж точно на темной стороне кормят печеньками. И вкусными-то...

Не удержавшись, слопала почти все.

Такой, с набитым ртом и едва не давящейся от смеха, за распитием чая меня застукал Альтар.

– А попросить разрешения войти?

С набитым ртом получилось неразборчиво, но магу было все равно. Он придирчиво оценил мой вид, мысленно прикинул расстояние до демона и зло прищурился:

– Наон, что ты здесь делаешь?

– Разве тебе плохо видно? – Демон плавно поднялся и подошел к магу, чтобы продемонстрировать чашку с чаем. – Можешь присоединяться, если не боишься, что отравлю.

– Моя смерть тебе не выгодна, – будто для себя сказал Альтар.

Мне же стало смешно: какие страсти-мордасти! И так понятно, что убивать обычного мага демону не с руки. Вот будь Альтар каким-нибудь престолонаследником или обладателем мегакрутого артефакта, который бы перешел убийце, – резон бы имелся. А так... Нет уж, мага не отдадим, самим пригодится!

– Это моя комната, – хмуро напомнила простую истину. – И если будете ссориться, оба из нее пойдете лесом.

– Лесом? – удивился демон.

– А у вас куда посылают? – проявила я тягу к знаниям.

– Лесом, – утвердительно выдал Наон, чуть посмеиваясь себе под нос.

Альтар покачал головой, но воздержался от комментариев.

– Вот и отлично, болотно-каковские переговоры пройдут успешно, – возликовала я, чуть не облившись чаем.

Горячие сладкие капли попали на пальцы, заставив изображать пассы волшебника-недоучки над кроликом.

– Очень за них рады, – серьезно проговорил Альтар и без разрешения уселся на мою кровать.

Нет, ну вы это видели?! Приперлись оба без приглашения,

оккупировали мою мебель и портят микроклимат комнаты. Жаль... как жаль, что мы не у Ваничны! Они бы мне уже заплатили неустойку за порчу воздуха! Он же страдает от тяжелых взглядов! Они вон друг друга испепелить готовы! Влагу мне испаряют. Вот... нехорошие дяди.

Я поднялась, уперев руки в боки. Чашку благоразумно отставила на тумбочку. Выстояла, хотя ножки покачнулись. Да уж, кружок «Очумелые ручки» имени меня скоро начнет свою работу.

– Эта комната объявляется территорией, свободной от выяснения личных отношений между демонами и магами! В случае нарушений сего главного правила обе стороны будут мыть пол и соскребать паутину, пока не помирятся! – провозгласила я.

Фанфар не хватило, что подпортило эффект, но я собой осталась довольна.

– А что касается болотно-демонических отношений?

– Не поощряются! – с умным видом после минуты колебаний возвестила я и обратилась к Альтару: – А здесь комендантский час есть? А то спать охота, а я стесняюсь...

– Наон, – Альтар как будто очнулся от оцепенения, – нам пора.

– Я буду... заглядывать, – ласково улыбнувшись, пообещал демон.

«А я буду готовить яд», – мстительно подумала я, зная, на ком стану испытывать зелье.

– Поиграем, – пообещал клыкастый гаденыш, который уловил мое настроение.

Хотя... он же мысли читает. Зараза!

– Магистр Альтар, – как приличная девочка, обратилась я к магу, – а как защитить свои мысли от всяких-разных?

Темноволосый хмуро взглянул на демона, сосредоточился и зачем-то потрепал меня по макушке. Наон неодобрительно поджал губы, но от возмущения воздержался. Так его! Пожалуй, я прощу Альтару... что-нибудь.

– Позже вас научат ставить блокировку, – пообещал маг.

– Вы научите? – почему-то уточнила я.

– Если придешь на факультатив, – подмигнул он и вышел, оставляя меня наедине с комнатой и всеми ее обитателями.

Три комарихи сдохли мгновенно и от счастья. Я почувствовала себя извергом и решила извергаться на кровать, упав поверх покрывала и уснув. А что? День тяжкий вышел, насыщенный...

И почему у меня во сне прыгали на люстры крылатые демонята, а взъерошенные маги пытались их снять?

Предупреждать о проведении собеседования – дурной тон. Именно такой вывод я сделала, одиноко гуляя по коридорам КАКи, разыскивая загадочную аудиторию сто тринадцать. О том, что собеседование проходит именно там, я узнала случайно, упав на одного адепта, пришедшего на это самое собеседование.

Увы, парень не оценил привалившего счастья и демонстративно потирал шею. Я так же демонстративно глядела на его чахлые ручонки, намекая, что мог бы и подкачаться, прежде чем кикимор ловить. А раз уж вытянул руки, мог бы и удержать!

Архитектор Кирстенской Академии Колдовства был либо садистом, либо почетным членом тайной канцелярии. Конечно, есть вариант, что он являлся и тем и другим, но мы отменили его как самый вероятный.

Нужную аудиторию мы нашли в подвале. Нашли по самому лучшему источнику – по ругани. Чувствовал мой копчик, что и мы, разыскав этот оплот заветных штампов на бумажки, выскажем все наболевшее о странном здании.

Заметив у дверей аудитории Наона, я решила промолчать. А вот он молчать не стал, повышая свои шансы на отравление супом. Даже яд варить не придется. Ибо суп в моем исполнении – уже верное оружие массовых репрессий. По сравнению с ним яд – всего лишь легкая смерть.

– Адептка кикимора, вас ждут! – пронеслось поверх всей очереди.

В мою сторону обернулись с три десятка голов и зло воззрились на лезущую вперед них бедную маленькую Данечку. Но отступить было некуда. Я гордо вытянула шею, вздернула подбородок и заработала локтями. Начала прорезать путь сквозь недружелюбный океан акул.

По печени, по печени, в солнечное сплетение, уклониться от метивших в волосы когтей... У-у-у-у, вот всегда знала, что идти впереди всех опасно, но не до такой же степени! Они могли бы и помягче относиться к себе!

Мои локти – они того, угловатые и острые! И попадают во всякие интересные места.

Рядом взвыл парень.

– Прости, – смутилась я.

– Иди уже, – простонал он, сгибаясь.

– Иду. – Я тихонько проползла мимо, представая пред темными шоколадными очами демонюги. – Звали?

В моем голосе было столько обожания этого конкретного мужчины, что он отступил на шаг, смерил меня внимательным взглядом и... рассмеялся. Какой же он... веселый!

– Иди.

Наон открыл дверь и едва не пришиб, закрывая ее за мной. Пятая точка недовольно взвыла. Да уж, с ним мы явно не подружимся!

В аудитории сто тринадцать на сцене за длинным деревянным столом сидела комиссия, призванная проверить адекватность поступающих. Со своей работой они справлялись крайне плохо, ибо себя я бы даже на порог не пустила, не говоря уже о собеседовании. Но как же здорово, что они – не я.

Тяжело спускаясь к первому ряду, я внимательно осматривала жертв моего будущего произвола. Их было трое. Глубокоуважаемый старичок, сидевший в центре, что намекало на его ректорское титулование, Альтар, с мукой и скорбью взирающий на меня, и... тот мелочный гад-фрик из кафе. Вот уж где свиделись!

Я зарычала, я застонала, я убилась об стену... Где-то в мыслях все так и было, а вот на самом деле... Я продефилировала на первый ряд, смерила его недовольным взглядом, нашла стульчик и подтащила к сцене. Будем считать, у нас проверка на навык маскировки. Улыбаемся, улыбаемся, Данька, и ногу на ногу. И вперед прогнуться.

Глаза Альтара начали медленно наступать на лоб. Лоб сопротивлялся, укрепляя последний гарнизон «брови». Герои сдаваться не собирались.

Слово взял вчерашний старичок:

– Итак, госпожа поступающая, представьтесь.

– Данька я, – смутившись, ответила и глазки в пол уткнула.

В мыслях, конечно. Хотя кое-чьи красивые глазищи я бы не отказалась в пол втоптать вместе с остальным телом. Я из-за него комаров кормила, а этот тут сидит и смотрит, как на ветошь. Модель, то есть.

– Раса?

Отсутствие фамилии они проигнорировали. Вот же святые... маги! Нет, инквизицию организовывать не будем. Такие и нам пригодятся!

– Болотница, – еще более смущенно откликнулась.

– Цель поступления?

Я ну вот совсем засмущалась. Точно красная сидела, думала, как не засмеяться, ибо после того, что я собиралась выдать... Да уж, была не была. Если правильно разобралась в повадках молодых кикимор, должно выгореть.

– Замуж хочу! – выпалила и преданно-преданно в голубые глазищи ректора уставилась. С мольбой, ага. Дескать, подсобите сиротинушке в этом нелегком деле, поиске жертвы.

– Замуж? – переспросил фрик, прищурившись. – А за кого?

– За красивого и богатого! – уточнила я, отмечая разом всю приемную комиссию.

– И как долго вы собираетесь, – фрик задумался, подбирая слова, – его искать?

Мне почудилось, или он хотел сказать совсем другое? Что-то на тему «отравлять им жизнь»? Не сказал? Тогда хвалю, молодец.

– Пока не найду, – призналась я и хлопнула ресничками. Фрика перекосило. А точно, не нужно посылать ураганы в сторону слабых духом.

– Хорошо, – тяжело проговорил старичок. – Альтар, начинай тестирование.

И тот начал. Со сладкой улыбочкой, от которой Медуза Горгона бросилась бы глядеться в зеркало, он поинтересовался:

– Госпожа Дана, а не сосчитаете ли вы нам до... – он прищурился, наслаждаясь звездным часом, – пятисот одного?

Вот ведь гад! Я же только-только, по легенде, до пятисот научилась! Это же... валит! Как есть валит! Вот... плохой преподаватель. Коз... кознучий какой. Ничего, отольются кошке мышкены слезки.

И я начала считать!

– Один... – задумалась. Хорошо так задумалась. Лобик от усердия нахмурила и думала-думала... – Два, – через пять минут обрадовала я их своими познаниями. – Три, – еще полчаса тяжких мыслительных колебаний были позади. На четырех они не выдержали! Слабаки!

– Хорошо, мы вам верим, – заверил председатель комиссии.

И правильно, верьте на слово! Платные студенты – они везде одинаковые. А болотные... Да, мне уже жалко нашего куратора.

– Один плюс три? – неуверенно поинтересовался фрик.

– Пять! – с чувством собственного достоинства и гордостью за правильный ответ выдала я.

Альтар закрыл лицо руками, фрик усмехнулся, а ректор тяжело вздохнул.

– Где мы сейчас находимся? – спросил он.

– В аудитории! – нисколько не колеблясь, ответила я.

– Можете быть свободны, – махнул старичок.

– А меня взяли? – готовая продолжать спектакль, поинтересовалась я, хищно усмехаясь.

– Да, вы показали беспрецедентные знания, достойные лучших представителей своей расы.

Пожалуй, если бы я не хотела выглядеть дурой, я бы обиделась. Ну а так... Победа!!!

Из аудитории я выползала под взгляды, полные ненависти. Только демон потешался над толпой, удерживая от рукоприкладства своим присутствием и...

– Яна Самойлова, – объявил Наон следующую жертву собеседования.

Сквозь толпу принялась усердно пробиваться невысокая девушка в джинсах и толстовке. И откуда она здесь взялась? Здесь же только местные!

«Не только», – поняла я, разглядывая новоприбывших отщепенцев.

Все они выглядели нормально. Обычные лица, обычная одежда, обычные кроссовки и кеды. Все обычное, но для ситуации странное. Вот на что хотите поспорю: они, как и я, нездешние. Но нездешний статус даже скрыть не пытаются.

Что ж, шансов завести друзей становится больше. Всегда принято дружить против кого-то, а против кого будет дружить весь поток, если не против пришлых? Да уж, хорошо ты, Данька, устроилась! На все готовом и без проблем... А могла вместе с ними стоять...

Какое чудо, что Альтар закрыл мои мысли от посторонних, иначе учиться мне с этой группой лабораторной! Ибо ничего хорошего им моя сокровенная пятая точка не предвещала.

В общежитие я вернулась, пребывая в глубокой задумчивости. Странно, что джинсовые товарищи никак не изменились. Они были совсем обычными. Русыми, темными, с веснушками, без рожек или зеленой шевелюры. Они были нормальными, в то время как очередь на собеседование даже клыками и когтями похвастаться могла. И зачем их вообще на собеседование повели, если они знать ничего не могут? Еще и без очереди.

Я-то кикимора – это другой разговор. Платница-неудачница, страхолюдна и приبلудна. Но – своя. А они – совсем чужие. Ой, не нравится мне все это!

В общежитии у лестницы я столкнулась с тоскующим Георгом, собирающим с пола осколки люстры. И стыдно мне стало... Так стыдно, что я прошла мимо него со скоростью летающего ежика. Нет, серьезно стыдно. Не хотела, чтобы так получилось.

– Данька! – Крик мага вырвал меня из раздумий, придал ускорения, но... бегать, когда тебя левитируют к месту преступления, – тяжкая, непосильная работа. – Это твоих рук дело? – негодуяще спросил Георг.

– Нет, – честно ответила я, не уточняя, что свалить люстру можно и без помощи рук.

– Странно, – нахмурился он. – Не врешь.

Я перевела дыхание и занесла ногу, чтобы вновь ступить на лестницу.

– Ты с собеседования?

– Ага.

Смене темы я обрадовалась, как новым джинсам. Хотя... нет. Джинсы я бы встретила более счастливой.

– Сильно валили?

Все же солидарность ему была не чужда.

– Ага, – войдя в роль, пустила слезу я. – Они... они всякое спрашивали... Совсем без совести. И Альтар этот... как он мог...

– Эй, Дань, что случилось? Не приняли?

В его глазах появилась забота. И даже гнев. Не на меня, на Альтара.

– Приняли... Но я так страдала! А они... Изверги!

– Бедняга.

Он обнял меня, погладил по волосам, желая успокоить, влез в колтун, и...

– Уй, аккуратнее! – возопила я, дергаясь в сторону.

– Прости, – смутился Георг. – Я не специально!

Я ему верила. Вот честно, верила! Но боль не проходила, как и не приходило благодушие. Ему, последнему, слишком мешал клок моих зеленых волос в руках Георга.

– Отдай, – надувшись, потребовала я, протягивая руку.

Парень отдал.

Зачем мне вырванный клок собственных волос, если парик я делать не собираюсь, ускользало от понимания. Впрочем, даже в родном мире волосы порой сжигали, чтобы не сглазили, а уж здесь и подавно следует ухо остро держать. И угораздило же...

Я все меньше сомневалась в ирреальности страны Глюкландии. А что, если это не бред? Не кошмар и не нечто другое? С этим определенно нужно разобраться, и начать следует с «языка». Захватить кого-нибудь из джинсовых и взять в оборот. Да, именно так и сделаем.

– Прости, – помявшись, извинился Георг. – Я не хотел.

– Верю, – хмуро откликнулась я, зажимая в кулаке вырванный клок. – Только мне от этого не легче.

– Я могу что-нибудь сделать? – тут же предложил парень.

Какой он все-таки честный и добрый!

– У меня вопрос. После собеседования, – уточнила я. – Там какие-то ненормальные стояли. Группа целая. Вроде и лица обычные, но не наши. И одеты странно...

– Даже более странно, чем ты в нашу первую встречу? – не удержался и поддел меня Георг.

– А чего странного в пижаме? Подумаешь, решила ночью прогуляться и заснула. Всякое бывает!

– У вас – точно, – подтвердил мой милый собеседник.

Как удачно я кикиморой стала! Вот только я кикиморой стала, а остальные нормальными перенеслись. Как белые человеки!

– Ты не ответил, – напредила я, дергая парня за рукав. – Не ответил!

– Хорошо-хорошо, – сдался Георг. – Только я тебе этого не говорил. Магистр Дэйнес в другой мир на разведку ходил. Нашел там подходящих нашему миру людей и привел сюда. Это эксперимент. Смогут ли иномирцы прижиться в местных условиях, как быстро они адаптируются и ассимилируются с местным населением.

– Ассимилируются?

Если мне не изменяла память (а она у меня моногамна), то слово это такое... не очень хорошее. Подразумевающее сексуальные отношения с коренным населением. А вот на какой основе – нигде не уточнялось. Хорошо, что я зеленой шевелюрой щеголяю! Коренной этнос, как-никак. В первом иномирском поколении.

– Да, магистр собирается их всячески сводить с представителями иных рас. Интересно же, что получится!

Глаза аспиранта лучились исследовательским интересом, а у меня по спине холодок прошел. Не, эксперименты на людях – зло. Особенно если подопытный – ты.

– А они знают? – решила проверить догадку я.

– Нет, кто же им скажет. Они и про мир почти ничего знают.

– А если эксперимент не удастся?

– Ну, тогда всем участвующим странам выделяют по своему иномирцу, и каждая раса вольна проводить собственный эксперимент, – пожал плечами парень. – Да не беспокойся, обычных адептов это не затронет. Сама не полезешь знакомиться – никто заставлять не станет. Ты же наша, а они – пришлые. За тебя все болотная рать встанет!

– Георг, а какое у них положение?

Пока была возможность, хотелось прояснить все.

– Юридическое? – уточнил парень. – Они собственность Академии.

– Рабы?

– Примерно, – подумав, согласился он. – Но я тебе этого не говорил. И сами подопытные знать не должны. Для чистоты эксперимента. У них есть легенда, пусть придерживаются ее. Так что сделай вид, что тебе интересно, а лучше вообще не лезь.

– Хорошо, – кивнула послушная я и добавила: – А у них группа

полная? Все, кого «пригласили», прибыли?

– Нет, одной нет. Уникальный в своем невежестве экземпляр с расстройством поведения, – прямо просмаковал диагноз Георг. – Даже жаль, что потерялась. Интересно посмотреть, как бы магистр выкручивался.

– Не любишь ты его! – заметила я, переваривая определение себя.

И ничего не невежественная! Подумаешь, с незнакомыми психами не разговариваю! Так это доблесть и ум, а не расстройство поведения. Вот!

– Не люблю, – согласился Георг, – он мне как-то курсач срезал. Недостоверно, сказал. А я все просчитал. Подумаешь! Теоретически, но ведь может быть!

– Может, – автоматически кивнула я. – Все может быть. Я пойду?

– Иди, – махнул рукой парень и с досадой воззрился на осколки. – И что тебе стоило еще денек повисеть? Тогда бы Майс убирался!

Глава 5

Пандем(он)ическая

*Один демон – не напасть,
только как бы не пропасть!*

Как бы ужасно вы себя ни ощущали, всегда найдется кто-то или что-то, обламывающее извращенный страдательский кайф. В моем случае таким двигателем прогресса стала острая необходимость в вещах. На ярмарке в селе я не успела закупиться, а потому шопинг превращался из развлечения в потребность и требовал серьезного и незамедлительного похода. Именно этим милым женскому сердцу (не моему!) делом я и отправилась заниматься на следующий после собеседования день.

Расписание повесили в холле Академии, и я имела честь узнать, что пары начнутся спустя два дня с предмета под названием «Введение в общую теорию пространственных перемещений». Особенно порадовало «Введение», ибо предметы, которые начинаются со слова «Общее», редко оказываются сладкими. Скорее – горькими и заставляющими страдать. Но на тот момент, пока ты имеешь дело с введением, редко задумываешься, что последует за ним.

Кроме пространственных перемещений в первый учебный день имелось еще два предмета. Или, если говорить честно – один. «Теоретическое и практическое ядоделание». И, что примечательно, практическое шло первым. Да, опытные преподаватели – они знают, что адепт-первокурсник в состоянии сварить яд без какой-либо подготовки, просто по велению сердца закидывая в котел все, что душе угодно.

Имелась, конечно, и четвертая пара, но напротив нее в расписании первого курса значилось – «не для болотных рас», а потому я с чистой совестью проигнорировала «Основы боевой магии». Боевой магии?!

«Ладно, лучше схожу, – решила я, но природная лень добавила: – Как-нибудь в другой раз».

Впрочем, до практического решения, что посещать, а где можно и вздремнуть, у меня еще было время, а потому, натянув сарафан, обувшись и попытавшись расчесать зеленое гнездо, чеканя шаг, я выплыла в город.

Что и говорить, столица – это столица. Ни тебе тихих улочек, ни радостных лиц прохожих, ни вежливых продавцов и благородных

аристократов. Нет, все это было слишком утопично, чтобы иметься в наличии в гордом стольном граде Кирстенской империи.

Едва я ступила за порог своего вуза, как меня попыталась сбить с ног противная животина с не менее противным всадником. Это, не побоюсь такого слова, чмо стегнуло бедную скотинку хлыстом и хотело меня протаранить. Не удалось! Как комары летали ко мне знакомиться, так и умная скотинка, почуяв болотную кровь, затормозила прямо перед моим носом.

Инерцию в этом мире никто не отменил. Как красиво летел хлыщ на брусчатку... И почему я не додумалась спать в обнимку со смартфоном! Запись взорвала бы Ютуб (если бы меня прежде не сожгли!).

Решив не злоупотреблять терпением местных, я бодро припустила куда-то. Логика подсказывала: где больше шума – там и рынок. Подсказывала, но не предупреждала, что рынок может быть не только продуктовый и вещевой, но и с животными.

Запах навоза преследовал меня еще долго.

Зная о своем топографическом кренинизме, я вернулась к Академии, чтобы не заблудиться, и пошла в другую сторону с явным намерением взять «языка». Но почему-то «язык» не брался! То ли проходим не нравилась моя кровожадная улыбка и вспыхивающие непередаваемой радостью глаза, то ли к кикиморам здесь плохо относились, но ни одна жертва не пожелала сдаться на милость победителя.

Устав от безрезультатных гонок, я присела на теплый камешек и закрыла лицо руками. Нет, я не плакала! Кикиморы не плачут! Я увлажняла глаза и проверяла работу слезных желез! Именно так, и никак иначе!

– Кхм... Я могу чем-то помочь?

Вот так и знала, что излишнее влаговыделение из глаз положительно сказывается на результативности ловли на живца. Поймала!

Передо мной стоял невысокий угловатый франт-извращенец, который с вожделием смотрел на предающуюся горю кикимору. Извращенец он был именно потому, что не прошел мимо. Все прошли – а он не прошел. Ненормальный какой! Но нам все сдвиги на руку.

– Я заблудилась! – тоном девочки-цветочка проговорила я, смущенно теребя бедный рукав. Такими темпами мой сарафан станет безрукавкой.

– Совсем-совсем? – усмехнулся молодой человек, присаживаясь рядом.

– Совсем-совсем, – подтвердила я, косясь на стены Академии за спиной. – Вот вообще не знаю, куда идти. Мне бы на рынок. За одежкой.

– На рынок, – повторил мужчина. – Что ж, это можно устроить.

Он поднялся и протянул мне руку. Я размышляла, стоит ли доверять всяким-разным, когда решение нашлось само.

– Лейкан, и когда ты успел настолько потерять совесть, что пытаешься увести адептов прямо от ворот Академии?

Противный демонюга лениво облокотился на ограду. Темные волосы теребил ветер, и челка то и дело падала на глаза. Впрочем, прищурившись демоню это мало мешало. Скорее – доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие от осознания собственного величия и крутости.

– Наон...

Еще недавно любезный, извращенец отступил, убрал руку за спину, демонстративно трянув ею, словно сбрасывая какой-то мусор.

– Я прекрасно знаю свое имя, – заверил демонюга и шагнул ко мне. – А вам, Дана, я бы советовал запомнить этого типа в лицо и избегать встреч с ним.

Названный Лейканом скривился, но стоило ему взглянуть на меня, на его лице вновь расплылась улыбка. Профи!

– Не слушайте этого нахала, – обратился ко мне мужчина. – Он не знает, что творит.

И снова протянул мне ручку.

Но я не брала. А зачем мне его грязная конечность! Он же сам только что мусор скидывал, а воды с мылом я не видела! Так что как-нибудь без него обойдемся.

– Простите, но, пожалуй, ваше внимание излишне. Спасибо за участие, – сердечно поблагодарила я, косясь на демона.

Тот внимательно следил за нашим разговором. Услышав мой ответ, расплылся в победной улыбке.

– Дана, я могу вас проводить, куда требуется, – предложил Наон, подхватывая меня под локоток и оттесняя соперника. – Компания нам не нужна, – бросил он Лейкану и повел меня вперед.

А я что? Я ничего. Идем и наслаждаемся, пока погодка позволяет.

Вы когда-нибудь ходили под руку с красивым мужчиной? Конечно, ходили. А гуляли с ним по главной улице города? Видели, как с восхищением смотрят на него?

Вот и отлично, тогда мне даже не придется объяснять, как пилились прохожие на нашу странную парочку.

Он, весь такой из себя, в темном камзоле с золотым шитьем, в понтовых лакированных туфлях с пряжкой, с мечом в ножнах и очаровательной белозубой ухмылкой на наглой морде. И я, болотная растрепанная в помятом сарафане и ботинках, которые ну никак не сочетались с

некогда белой тканью моего одеяния. Но, как говорится, и все-таки мы вместе.

Вот так и вышагивали мы под раздраженно-завистливые взгляды восхищенной публики в места не столь отдаленные. Рынок миновали по широкой дуге, мне даже не пришлось прятаться за демона от ужасающего запаха всякой скотины. Лавки... лавки были чудесны.

Ой, зря Наон решил побыть галантным кавалером! Ибо после двухчасового забега он из принца превратился в ослика. Я же... относительно похорошела. По крайней мере, брюки с туникой подходили к моим ботинкам лучше, чем мятый сарафан.

Почувствовав себя человеком, я потянулась, игнорируя возмущенные моей вольностью взгляды, и обернулась к демону, размышляя, не забрать ли у него пару пакетов. Не забрать!

К моменту появления у меня великодушия и сострадания этот демон успел избавиться от своей ноши. От моего, между прочим, имущества! Представляю, как меня перекосило, если у Наона наглая ухмылка сползла с лица и глаз задергался.

– Дана, вы в порядке? – аккуратно поинтересовался демонюга.

– В полнейшем, – процедила я, пытаюсь припомнить, как давно не видела свертки. Мозг хаотично подсчитывал убытки и начинал продумывать кампанию по выбиванию компенсации потраченных средств.

– Вы странно улыбаетесь, – заметил мужчина. – Вас что-то беспокоит?

Орать на улице я не стала. Он еще и издевается! Выбросил мои кровные вещички и спрашивает, в чем дело! Вот наглость! Пожалуй, первым мой суп попробует именно демон. А там усовершенствуем и Альтару сготовим. Хотя на контрасте с этим... Нет, мага беречь нужно! Он хотя бы мои вещи таскал с должным почтением!

– Беспокоит, – честно призналась я и демонстративно оглядела собеседника, пытаюсь догадаться, куда он мог сунуть мои пакеты. – Мои вещи.

– Я все отправил в общежитие, не беспокойтесь.

– Магия?

– Курьерская служба, – рассмеялся Наон. – Расценки приличные, но лучше, чем гулять по городу с красивой девушкой, волоча ее покупки.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила я.

Теперь было неудобно, что я подозревала собеседника в столь тяжких преступлениях.

– Не за что, – усмехнулся демон.

Вот только, несмотря на его слова, мне казалось, что заплатить еще

придется.

Я не ошиблась. Платой за свободные руки стало посещение кафе. Мужчина его, конечно, иначе назвал, но таверна и трактир – слишком плохие слова, а ресторан – слишком громкое. А потому – кафе. Именно его оно по обстановке и напоминало.

Деревянные столики – где-то круглые, где-то квадратные, резные стулья, не очень практичные, но красивые, мягкий свет от веселых оранжевых шариков под потолком. Впрочем, было еще довольно светло, и ни один из шариков не понесся к нам, хотя, судя по пустому плафону над столом, с наступлением сумерек они занимали свои рабочие места.

Открыв меню, я едва не выругалась. Играть дурочку – это одно, а признаваться в том, что ни черточки не понимаю в местном письме... Весело-весело, если бы не было так грустно!

– Какие-то проблемы? – поинтересовался демон. Он с таким интересом пялился на меня, что я усмотрела злой умысел.

Привел меня сюда, меню сунул – проверяет?! И что выяснить хочет? Умею ли я читать? А для кикиморы это как? Простительно?

Щечки как-то сами собой налились горячим помидорным румянцем, а взгляд потупился. Помедлив, я пододвинула меню к визави и попросила:

– На ваше усмотрение.

– Хорошо, – расплылся в улыбке демон. И даже клыков не показал – так был задумчив. – Джошуа, мне как обычно, а леди – самое лучшее.

«Леди» смущенно улыбнулась и принялась теревить скатерть. Проклятая тряпочка начала сползать, и пришлось оставить столь полезное для нервов занятие.

– Господин...

Я замялась, не зная, как правильно к нему обращаться. Наоном демона назвал Альтар, а какие отношения мести-товарищества их связывали, для меня оставалось тайной. Судя же по одежке, демон был если не богат, то весьма обеспечен, а значит...

– Зови меня по имени, – предложил этот крылатый острозуб, демонстрируя очаровательную боевую улыбку.

Нет, стоматолога ему посещать не нужно. Даже со своего места я видела, какие хорошие у него зубы. А неплохая генетика, неплохая!

– Это не совсем уместно, – напомнила я. – Вы работаете в Академии.

– Я так развлекаюсь, – усмехнулся собеседник. – Иногда оказываю услуги ректору.

– А сейчас? – уцепилась за сказанное я.

– И сейчас я кое за кем наблюдаю, – подмигнул Наон.

– И за кем же?

– За тобой! – подавшись вперед, заявил этот гад.

Как у меня улыбка с лица не сползла и сердце не остановилось, известно... а никому не известно! Просто вмиг перед глазами вся жизнь пронеслась. И разговор с Георгом. Нет уж, не хочу я в лапки экспериментаторов! Пусть свои конечности под контролем держат!

– Не смешно, – обиженно выдала я, отворачиваясь. – Врете вы все!

– Но разве я не могу польстить?

Демон посерьезнел, внимательно глядя на меня. Мне же приходилось изрядно косить, чтобы смотреть в окно и не терять его из виду.

– Так откровенно – нет!

– Приношу свои извинения, – помедлив, выдал этот галантный гад, едва не отправивший меня на тот свет своей лестью.

– Вы провинились! – объявила я.

– Готов искупить, – охотно предложил он.

– Ваша еда! – вмешался в беседу официант, ловко расставляя тарелки.

Передо мной появился странный бордовый суп. Впрочем, от одного только запаха я была готова бежать за поваром и требовать еще. Да уж, неужели и туда добряк кулинар положил печально известный пятицветик? С подозрением ковырнув ложкой жидкость, я принялась изучать выловленные листья.

– Пятицветик? – подозрительно осведомилась я, демонстрируя находку демону.

Наон усмехнулся и кивнул своим мыслям.

Мне же... мне же захотелось отправиться на практическое ядоделание прямо сейчас. Чтобы не ставили эксперименты! Чтобы не пытались травануть бедную хорошую меня! Чтобы жить стало легко и просто!

Я загрустила.

– Джошуа, – позвал демон. – Ты же передал, с кем я пришел?

Официант, сервировавший стол перед демоном, вздрогнул, странно посмотрел на мужчину и проговорил, замявшись:

– Я передал, что вы с подругой.

– Нам нужен другой суп, – вежливо попросил Наон.

Холода в его голосе не было, как и раздражения, а значит... ошибка преднамеренна? И вот зачем ему кормить меня пятицветиком? Там же эффект сродни ударной дозе алкоголя, разве что без ущерба опорно-двигательному.

Обиженно поднялась со своего места.

– Нам вообще не нужен суп!

Желудок предательски завыл, напоминая, что хождение по лавкам отнимает кучу сил.

– Ваш организм говорит обратное, – поведал мне о предательстве живота моего демон.

– Я могу поесть и в другом месте, – хмуро заявила обиженная кикимора.

Сейчас я была так зла, что даже не хотела казаться воспитанной девочкой.

– В таком случае, прошу.

И этот нахал поднялся, намереваясь идти за мной.

– Без вас, – уточнила я, задвигая стул.

– Вы столь категоричны.

Наон усмехался: ему нравилось происходящее. Вот только у всего есть предел, а мое терпение и раньше испарялось быстро, а уж ныне, когда каждый день валит все новые и новые «приятные» известия...

– Я! Не хочу! Вас! Видеть! И есть пятицветик не буду! Хотите что-то узнать – спрашивайте! И не лезьте мне в душу! – запальчиво выдала я, лягнула мужчину и вылетела из кафе.

Настроение скатилось ниже плинтуса.

Бежать, не разбирая дороги, – глупо и опасно. И пусть я понимала и то и другое, но оставаться рядом с этим демонюгой было еще противнее. Злость требовала выхода, а хамство тому, кто может устроить неприятности больше необходимого, и вовсе могло привести к непредвиденным последствиям.

Оно и привело. Когда, растрепанная, взъерошенная и невероятно уставшая, я таки остановилась посреди улицы, знакомые дома исчезли из виду. Не наблюдалось и демона, который, судя по всему, последовал моему пожеланию в сердцах «отстать» и отстал примерно на середине погони. И вот что теперь делать?

Улица, на которой я стояла, подозрительно напоминала своих товаров из фильмов ужасов. Безлюдная, старая, кирпичи на голову валяются, ветер шумит, ставни скрипят, еще бы волки выли, и....

– У-у-у-у-у, – как бы подтверждая мои догадки, раздался вой.

Нет, вот если бы этого самого воя не было, я бы, может, и поверила. А так...

– Изыди, злой дух! – гордо пожелала я неведомому и показала фигу. Вой прекратился, но ставни заскрипели в два раза интенсивнее. – Халтура, – оценила усердие я. – Нужно зловеще и медленно!

– Думаешь?

Я подскочила на месте и задрала голову. С чердака на меня смотрело нечто улыбочатое, высокое и мохнатое.

– Ага, – сглотнув, подтвердила я, размышляя: куда теперь вляпалась?

– Я учту, – пообещало нечто высоким ломающимся голосом.

«Подросток» – определила я, не торопясь выдохнуть. Мало ли какие здесь маньяки водятся!

Молчание затягивалось. Нечто разглядывало меня, я – пути отступления и паутину. Паутина дергалась и не давала себя рассматривать. Наконец первой решила прервать повисшую тишину я.

– А ты не подскажешь, как пройти к КАКе?

Нечто покачало головой и исчезло на чердаке, оставляя меня одну.

Тяжело вздохнув, я побрела вперед. Могла, конечно, и назад, но вперед было все же привычнее. Да и разницы-то никакой. Что в неизвестный вперед, что в загадочный назад... А желудок неумолимо напоминал о себе.

– Эй, ты куда?

Недовольный голос мохнатого заставил меня остановиться с занесенной ногой.

– Туда? – предположила я, указывая пальцем по ходу движения.

– Туда плохо, – покачал головой мохнатый.

Сейчас, вблизи, он уже не казался чудом-юдом. Так, слегка заросшим эмо-боем с челкой до подбородка, скрывающей все лицо. Жаль.

– А куда хорошо? – решила уточнить я.

– Туда.

Да уж, удивительное многословие.

– А сам ты откуда? – не могла не поинтересоваться, косясь в указанном направлении.

Вот что-то мне в нем не нравилось. Может, табличка с перечеркнутым черепом? Нет, верить в знаки – для слабаков, только под ложечкой противно засосало...

– Оттуда, – так же кратко ответил парень. – Ты нездешняя, – фыркнув, заключил он, когда я бочком прошла мимо указателя.

– А местные, они какие?

– Не ходят по заброшенным местам, – пожав плечами, ответил собеседник.

– А сам-то! – вознегодовала я.

– Я по делу, – заверил мохнатый. – Идем уже. К КАКе не выведу, но на дворцовую площадь мне по пути.

– На дворцовую?

– Угу, есть такая. Большая мощеная площадка перед громадным

зданием. В этом здании сидит толстяк, которого зовут король, а рядом стоит со вселенской скукой на лице тот, который наследник. А чуть дальше из-за спинки трона выглядывает нынешняя фаворитка принца, которая наклоняется и дергает коврик, когда слишком ретивая придворная дама демонстрирует наследнику свои прелести.

И так грустно он об этом говорил, что мне даже пожалеть захотелось бедного наследника. Или короля.

Или даму. Ей же тяжелее всех! Ковер длинный, широкий и очень тяжелый. А ей его дергать. И все ради чего?! Лучше бы ночью зеленкой нарисовала ему прыщ. Или чай с чернилами дала. Зубы фиолетовые будут, но кто ж решится наследнику об этом сказать!

Кажется, последнее я произнесла вслух. Мохнатый замер, видимо, представил себе темнозубого принца, лыбящегося во все тридцать два черных, и усмехнулся. Я же за спиной скрестила пальчики, чтобы никто этого не слышал и не применял. А то знаю я, кого виноватым сделают! Не фаворитку, а бедную Даньку. Хотя... если Данька будет фавориткой...

Тяжелый мыслительный процесс прервала кавалькада всадников, с упоением проскакавших мимо. Столбы пыли, до того дремавшие на каменных плитах, ожили и обеспечили им достойный шлейф и пару веских высказываний мохнатого. Я воздержалась от комментариев. А то с моим языком проще на костре, чем в Киеве оказаться. Хотя если костер будет в Киеве, то условия соблюдены. Нет, не думать о постороннем. Нам и здесь... неплохо.

– А может, у них дорогу спросим? – полюбопытствовала я у своего спутника.

– Зачем? – оскорбился он. – Я здесь что, в первый раз плутаю?

– Не первый? – удивленно переспросила я.

– Нет, я здесь репетирую, – признался паренек, разводя в стороны челку и демонстрируя на миг личико с желтыми глазищами.

Эм... Оборотень? А если он меня цапнет? Хм, нужно срочно заполнять лакуны! Кто заразнее: кикимора или оборотень?

– А выступаешь?

Парень самодовольно ухмыльнулся:

– Во дворце!

– Успешно?

– Пока не казнили, – с гордостью отвечивал он. – Знаешь, какие демоны требовательные?

– Демоны?!

– Да, я при Аццком дворе состою, – признался мальчонка. – Мне лично

второй принц покровительствует!

– Круто! – не сдержала я свиста.

– Вот только не понимают они в искусстве! – с тоской выдохнул собеседник. – Я им драму показываю, а они смеются, как будто комедия.

– Черствые лю... нелюди! – посочувствовала я, припоминания недавнее представление.

Бедные демоны, у них, вероятно, контроль на высоте. Или второй принц всем запретил высказываться?

– Ага, – протяжно заключил бедный шут, увлекая меня на какую-то мелкую улочку, вход на которую был так незаметен, что я бы просто прошла мимо этой подворотни, справедливо опасаясь встретить там темных личностей.

Вопреки опасениям улочка оказалась вполне приличная. Стены крашены свежей краской, ничего не облупилось, на голову нечистоты не выливают, собаки не лают, прохожих нет.

– А тут тоже никто не живет?

– Живут, – покачал головой паренек. – Делегация духов любит останавливаться здесь.

– А призраков? – не сдержала шпильки я.

– Для призраков построен специальный многогробный склеп экстракласса. Говорят, там даже персонал – квалифицированные некроманты первой категории! – поделился сплетней мохнатый.

– А кикиморы где?

– Во дворце! – приуныл паренек.

Сейчас, погрузневший и сутулый, он казался младше моего первого впечатления.

– А им отдельное жилье не построили?

– Они отказались! Во дворце им веселее.

И столько обиды было в его голосе, что я начала подозревать неладное. Так говорить может только тот, кому собственную гордость ущемили. Неужели демонам не разрешили остаться во дворце и сослали на окраину?

– А демоны где живут?

– Во дворце, – все еще с обидой ответил мохнатый. – Но почему-то болотным выделили целое крыло. А нам – всего пару покоев!

– А с болотными в одном крыле кто-нибудь согласился жить? – поинтересовалась я, размышляя: он так со всеми разговаривает? И не смущает ли его моя зеленая шевелюра, что как бы намекает на принадлежность ко все тем же болотным?

– Поотказывались, – выдохнул бедняга. – Но разве это причина

отдавать им все крыло?!

– Жизнь жестока, – посочувствовала я.

Желудок отказался входить в положение и неумолимо напоминал о себе. На нашем пути начали появляться люди.

– Ага, – согласился паренек и представился: – Стаф.

– Данька, – решила не отвергать протянутую лапу дружбы я и пожалала когтистые пальцы. – Будем знакомы!

– А ты из местных или пришлая? – неожиданно заинтересовался Стаф.

– Пришлая. В КАКЕ учиться буду. Собеседование прошла и заблудилась! – пригорюнилась я. – Точнее – заблудили. Один из ваших.

– Из оборотников?

– Из демонюг! – с чувством поправила я и пожаловалась: – Отравить пытался, а потом еще и в городе потерял!

– У-у-у, это кто такой? Хочешь, я принцу скажу, он ему крылья обломает?

Я задумалась. Во-первых, с чего Стаф решил, что принц вообще прислушается к моему горю? Во-вторых, если демон лишится крыльев, он же мне житья не даст. В-третьих... А кто меня ловить будет, если филей опять на люстру забросит?!

– И кому я должен что-то обломать?

Мягкий бархатный голос обволакивал меня, как пищевая пленка, лишал возможности вдохнуть и выдохнуть, взглянуть на объект грез Стафа, единственного и неповторимого... демона крылатого. Но надолго восхищения не хватило, и я требовательно воззрилась на встреченного нами субъекта.

Высокий, крылатый, зубастый, с глазами – две штуки, носом – одна штука, б/у, судя по кривизне хрящика, губы – тонкие, почти бескровные, изогнутые в ухмылке, шея – массивная, но не страшная, без лишних украшений...

– Леди, вы на меня так смотрите, как будто смету составляете, – нарушил повисшее молчание демон. – Вы хотите меня купить?

– Скорее – продать, – мимоходом ответила я, продолжая разглядывать мечту ягодок бальзаковского возраста.

Интересно, он яблочные пироги печь умеет? А за розами ухаживать? Судя по рукам, мог бы, но... Нет, идеальных не бывает!

– И кому же?

И тут мозг заработал: а можно ли так внаглую любоваться принцами, да еще и считать в уме, за сколько бы на аукционе ушел? Ответа не было, и пришлось импровизировать! Ножкам поплохело: они уже знали, чем с

большой вероятностью кончится разговор.

– Вам!

– Продать мне – меня?

Демон усмехнулся, а я даже в мыслях не собралась просклонять его. Неужели все так грустно и я его побаиваюсь?

– Ага, вы самый ценный клиент в этом деле. Больше вас все равно никто не заплатит. Хотя... у вас есть младший амбициозный брат, готовый на все? Вот он – может! Или фаворитка... У вас есть жена?

И Даньку понесло. Остановило меня только нервное постукивание зубов Стафа.

– Ой, простите, – спохватилась я. – А мне пора!

И все бы удалось, поворот был близко, а там я бы другого гида нашла, но оборотень (вот двуликий!) заорал мне вслед:

– Ты же дороги не знаешь, Дань!

Конечно, я могла обернуться, остановиться и доходчиво объяснить, что к чему, но мне даже возможности такой не дали. Эх, крылья – это крылья. Два взмаха, три прыжка, и я опять катаюсь на демоне.

– А можно меня на песочек поставить? – шепотом попросила я, трогая чужую рубашку.

Трогать что-то повыше было боязно, а то решит, что я на шею сажусь, и как спустит с небес на землю!

– До песочка еще далеко идти, – поведал демон, медленно шагая по мостовой.

Стаф плелся следом. С подозрением косясь на меня.

– А можно мне своими ножками? – предприняла очередную попытку я.

– Не сейчас, – заверили меня, и я окончательно обнаглела.

Кто-то умный когда-то сказал, что если не можешь ничего изменить – получай удовольствие! И я принялась его получать! Крутить головой по сторонам оказалось чрезвычайно весело, если тебя несет на руках демон. Прохожие смотрят то с любопытством, то со страхом, а то и с ревностью. Извращенцы! Что они в этом мутанте нашли?!

Память услужливо подкинула мое собственное изображение в зеркале. Ну и ладно! Зеленой и краска бывает для волос, а вот чтобы крылья отрастить – это сколько под радиацией стоять?

– Стафен, и куда ты должен был отвести свою подругу?

– Она в Академию хотела, но...

– ...но ты не знаешь туда дороги, – закончил за него носитель моего тщедушного тельца.

Пожалуй, я впервые забеспокоилась о своей фигуре. Ну да ладно, и так

проживем!

– Да, поэтому я предложил дойти до дворца.

– И поступил правильно, – похвалил его демон.

– А как вас зовут? – вмешалась в их междусобойчик заскучавшая я.

Реакции прохожих все чаще повторялись, и наблюдения потеряли свою привлекательность.

– Таон, – представился демон, подхватывая меня под пятую точку, а то она немного сползла.

– Таонель, – поправил Стаф. – Его высочество...

– Просто Таон, – усмехнулся мужчина и уже оборотню: – Болотницам сложно запомнить чужие имена длиннее двух слогов.

– А-а-а-а, – протянули мы со Стафом хором.

И для меня, и для него это стало открытием. Мы переглянулись, как будто решая, кто из нас ошибается – мы или демон, и воззрились на принца.

Мужчина усмехнулся, снисходительно так, словно имел дело с детьми, и не стал вступать в дискуссию. Я же... Я же вспоминала, называла ли кого-то именем длиннее означенной цифры. Ваничну? Но об этом только Ванична и знала. А вот при магах... Молодец, Данька! Любовь к сокращению спасла тебя от участи лабораторной крыски.

Мы пересекли бульвар, вышли на площадь, и я, наверное, застыла бы памятником самой себе, но Таон держал крепко, поэтому я не упала от удивления и восхищения. Перед нами высился дворец.

Даже я, не большой любитель архитектуры, наслаждалась открывшимся видом. Устрашающе величественным, как любят говорить про готику. И мне действительно стало страшно. Мурашки прошли по коже от одного только взгляда на этот государственный собор. Замком называть сооружение было непозволительно, слишком грубое слово, а вот собор... Да уж, дворец вполне мог принадлежать первосвященнику. Это же церковники стремятся дух из прихожан выбивать даже на расстоянии.

Такое размышление привело меня в чувство, и как всякий плебей, которому что-то понравилось, но стыдно признаться, я принялась искать недостатки. А кто ищет?

Сами знаете – всегда огребет! Поэтому я таращилась на творение безумного архитектора, прикусив язык.

– Дворцовая площадь, – объявил Таон и опустил меня на грешную землю. Вот только драпать уже не хотелось – хотелось облазить открывшееся великолепие и, задрав голову, пялиться на потолки и стрельчатые окна. – Нравится?

Я едва не подавилась: как это может не нравиться? Даже думать боюсь, сколько средств вложили в постройку! А он еще спрашивает!

– Симпатичненько, – осторожно ответила я.

– Внутри еще лучше, – как настоящий демон-искуситель, поделился наблюдениями Таон.

– Угу.

Стаф был не рад, что вообще меня встретил.

– Спасибо, что донесли, – поблагодарила я демона и отступила.

Посмотреть, конечно, хотелось, но что-то подсказывало, что билеты для туристов гвардия не продает, а стоит оказаться на территории, пропуск потребуется тут же. Но ничего, я еще туда залезу! Желудок согласно свело, и из солидарности он протяжно завыл, пугая прохожих.

– Королевский повар – лучший специалист в столице, – как бы между прочим заметил Таон.

– Не травите душу, – с тяжким вдохом проговорила я и занесла ногу, чтобы сделать первый шаг к возвращению в Академию.

– Я приглашаю.

Демон улыбался во все клыки.

– А зачем вам это? – осторожно поинтересовалась я, понимая, что даже за мышеловочный сыр кем-то уплачено и чего это будет стоить...

Я еще так молода, чтобы расставаться с почками, печенью и что там еще в дорамах предлагают продать?

– Для укрепления связей между расами, – не стал юлить и говорить про первую любовь и прочие макаронные изделия демон. – На сегодняшнюю встречу должно приходить с подругой, а леди Кларис из русалок мало привлекает меня. Признаться, запах рыбы навевает неприятные воспоминания.

Уточнять, виновата ли в этом вышеупомянутая леди Кларис или просто не первой свежести селедка, я не рискнула. Как-то слишком хорошо на меня влияет этот демон: демонюгой не зову, тактично молчу, наглею в меру, стою на порожке и строю приличную девочку. Да уж, если я сейчас такая, то что будет, когда захочется пакостить?

– А не из русалок? – предложила я. – Не может быть, чтобы не нашлось леди, которая бы не захотела пойти с вами! – польстила немного.

Нет уж, если у него на примете есть другая дура, то лучше бы он с ней отправился, чем я буду сидеть не в своей тарелке и колупать семью вилками салат.

– Нашлась, – согласно кивнул мужчина. – И я уже все решил. Ты. Идем, мы опаздываем.

И меня потащили во дворец. Я сопротивлялась! Я упиралась всеми конечностями! Я орала, как банши! Я... хотела бы так сказать, но что я могла с собой поделаться? Если шла и улыбалась, как кот, объевшийся сметаны, разглядывая вблизи и бесплатно то, за что могли плату брать. Экскурсия с принцем – сто баксов. Налетай, пока принцы не кончились.

Я хихикнула.

– Стаф, передай брату, что мы появимся ближе к открытию.

– Да, ваше высочество.

Мохнатый вытянулся в струнку и величаво, как пава какая, поплыл к страже. А мы... мы пошли гулять в парк. И я даже поняла – зачем.

Романтичные сумерки, одинокая заброшенная беседка, соловьи поют, розы... благоухают. Скрипит скамейка в беседке, пуговичка на брючках расстегивается, довольные стоны слетают с губ...

Я ем бутерброды!

С колбаской, с сыром, с курицей, с... Рыбу выбросила сразу, под одобрителный кивок демона. Пока я ела, он старательно спасал нашу репутацию, скрипя скамейкой. Вот уж не думала, что есть бутерброды – это нарушение этикета, а рушить беседку в приступе страсти – нет. И после этого странные здесь кикиморы? Что курил демиург, отсыпьте и мне!

Как и все хорошее, бутерброды рано или поздно заканчиваются. И пусть я страстно желала отсрочить момент нашего разрыва, но миска опустела. Все они, с курицей и колбаской, ушли к другому – к моему желудку.

– Готова? – поинтересовался Таон, подходя ближе, почти вплотную.

– К чему? – выставив вперед локти, спросила я.

– К работе, – проникновенным шепотом напомнил демонюга.

Его дыхание щекотало мою щеку. Ладно, уговор дороже денег. К тому же если спросят – не могу же я честно признаться, что со вторым наследником демонов хрустела бутиками, а скамейка так, по собственной инициативе скрипела?

– Ладно, слюнявь! – разрешила я и зажмурилась.

Пару секунд ничего не происходило, а после...

– Ну вот сейчас, подожди еще немного, – шептал кто-то в кустах.

Я открыла один глаз и покосилась в ту сторону. Таон последовал моему примеру, хотя казалось, что он не слышит наблюдателей.

– Не хочу я ждать, – капризно прошептал детский голос. Девочка. – Ты говорил, они сразу целоваться будут, а они бутерброды ели. А я еще не ужинала!

– Вчера сразу целовались! – обиженно простонал мальчонка. – И

позавчера. Но ты же не захотела кукол бросать! Именины у Чайки, видите ли. А сегодня они уже не целуются! И все из-за тебя!

– Из-за меня? – задохнулась от возмущения девочка. – Это просто неправильная беседа! Не мог выбрать!

Я осторожно вывернулась из рук демона и на цыпочках подкралась к кустам. Так и есть. Мальчик и девочка. Малявка – точно кикимора, таких наглых глазищ больше ни у кого не бывает, да и челка неравномерно синезеленая, хотя грива истинно синяя. Новая разновидность? А мальчонка, напротив, бледен и худ, только клыкаст не в меру. Вампиреньш?

– Кхм, мы вам не мешаем? – вмешался Таон, обнимая меня сзади и притягивая к себе.

Дети мгновенно среагировали, взглянули на нас и... сели на попы.

– Ой, а как вы нас заметили?

Девочку даже не смущало, что мы их на горячем поймали. Единственное, что ее интересовало, – как. Эх, подрастающее поколение, мне за вас радостно! Достойная смена!

– Шуметь надо меньше, – сделав заговорщицкое лицо, громким шепотом пояснила я.

– Но мы же под щитом стояли! – возмутилась девочка. – Я весь день мастерила!

– А нужно было два, – щелкнула ее по носу я. – А теперь марш отсюда. Взрослые тетя с дядей будут интим продолжать!

– А мы тихонько, мы вам мешать не будем! – начали клянчить дети.

– Леди Женевьева, разве матушка одобрит ваш навязчивый интерес к представителям не своего вида? – вмешался Таон. – Разве положено добропорядочной кикиморе интересоваться подробностями личной жизни иных рас? А вам, Рудольфус, разве не пристало быть сейчас на уроке хороших манер? Что скажет ваша гувернантка? А леди Гриз?

– Она не иная раса. Она наша! – упрямо ткнула в меня пальцем малявка.

– Все, по домам, цирк окончен. А то как отомщу-у-у-у...

Почему-то мое «отомщу» возымело больше действия, чем уговоры и ссылки на родителей и опекунов малышни. Убегали они, сверкая пятками и постоянно оглядываясь.

– И что я страшное сказала?

– Месть кикиморы – худшая из известных кар, – пожав плечами, пояснил демон. – И лучше всех об этом осведомлены сами кикиморы. Но мы прервались...

Меня снова обняли и притянули к себе. Хорошо еще, что в дерево не

впечатали, как любят в любовных романах.

– Минутку! – подняла палец к небу я. – А зачем нам что-то делать? У нас уже есть алиби. То есть слухи!

– Слухи не решают всех проблем, – загадочно ответил демон. – И мой брат может не поверить слухам. Все должно быть в лучшем виде.

– Тогда я хочу желание!

– Какое?

– Любое!

Душа пела и плясала. На такое вымогательство демон не согласится.

– Идет, – рассмеялся он и, пользуясь моим шоком, осуществил процесс облизывания щеки, шеи и...

– Мы не договаривались на обмен жидкостями! – возопила я, когда поняла, что он и дальше целоваться хочет.

– Исполнение желания стоит дорого, – не отвлекаясь, промурлыкал он.

А дальше... Да, опыт у него имелся. Обширный, должна сказать, и довольно хм... интересный. Подтягивать съехавшую на плечико после «поцелуя» туничку было ново.

– Повторим? – предложил этот демонюга, поправляя прическу.

А вот нечего было кусаться!

– Как-нибудь в другой раз, – отказалась от сомнительной, но приятной чести я.

– Трусиха! – усмехнулся демон.

– И горжусь этим, – заявила я, пытаюсь расчесаться пятерней.

У Таона все выходило куда проще.

– Не сомневаюсь, – легко согласился демон и подхватил меня под локоток. – Мы опаздываем.

Пора приводить себя в форму, думалось мне, когда я пробежала мимо застывшей стражи. Мало того, что нечесаная и красная, как свеколка, так еще и бегу на последнем издыхании. Так дело не пойдет. Боевая магия? Не для кикимор? А если вместо фитнес-клуба?

Это следовало обдумать. Хорошо так обдумать, обстоятельно. В одиночестве!

На прием мы опоздали, что было не удивительно. На последнем повороте нервы сдали, и Данька стала плакать и орать, что никуда не пойдет. Таон меня успокаивал. В своеобразной манере. Теперь красными были даже ушки, а глаза демонюги подозрительно блестели. И ведь даже пальцем не дотронулся! Только губами. Бли-и-и-ин, мне уже страшно. Убегать будем, как Золушка. Туфлю вниз по лестнице. Прицельно в голову.

С такими кровожадно-нерадостными мыслями я шагнула вслед за

своим кавалером в залитый светом зал, где торжественно и важно переругивались две семейные пары. У темноволосого мужчины из одной пары на голове имелась инкрустированная дорогими блестяшками корона, а у женщины – венок из камыша. А во лбу торчала такая большая коричневая штука, которая у рогоза есть.

Спорили они не первую минуту, ибо громкость постепенно снижалась, но и не последнюю, ибо в глазах короля цвела вселенская тоска, а в женских пылал огонь.

– О, сама Коха Весновая, – цокнул языком демон. – Никак, ругаться пришла. Впрочем, имеет право.

– А что случилось? – тихонько поинтересовалась я, прячась за своим спутником и радуясь, что увлеченные ссорой коронованных особ придворные не обратили внимания на наш приход.

– Им кое-чего не досталось, – туманно ответил демон, а у меня появились веские основания задуматься над тем, чего или кого им не хватило? Неужели потенциальной кикиморы иномирского происхождения?

– Брат, ты решил поприсутствовать. А где же леди Кларис? Удивлен, что ты не с ней. Оставил бедную русалку рыдать в фонтане? Или отправился за закуской?

Этот голос я узнала. Даже не оборачиваясь, могла сказать, кто стоит за моей спиной. Ой, как домой резко захотелось! Хорошо еще, что у Таона на губах помады не было... Неудобно-то как! Приличная девочка во мне билась в истерике, уступая место неприличной. Эх, была не была. В конце концов, кто не дергает тигра за усы – не бежит стометровку за две секунды! А мы... мы уже тренированные! И вообще, худеть, Данечка, надо, худеть. А то попу отрастила на домашних харчах...

– Леди Кларис сегодня отдыхает, – улыбнулась я, оборачиваясь к... да, к Наону. – И мы бы тоже хотели... отдохнуть от вашего общества. Хоть немного.

Демонюга прищурился, задумчиво разглядывая меня... брата... его губы, мою шею и усмехнулся:

– А у нас схожие вкусы. Поздравляю. Достойный выбор, брат.

И почему мне показалось, что про достойный он сыронизировал? Вот... демон!

– А вы пришли в одиночестве? Как жаль, что ни одна девушка не согласилась быть вашей парой, – притворно посочувствовала я.

Мне припомнился пятицветик, и даже совесть предпочла ретироваться подобра-поздорову.

– Почему же, – самодовольно усмехнулся демон. – Согласились все.

– Но вы один, – напомнила я.

Таон предупреждающе сжал мою руку.

– Не смог выбрать достойнейшую.

– А леди Кларис? Она вам отказала? – допытывалась я.

– Согласилась. Но разве мог я пренебречь любовью всей жизни моего брата?

– Довольно, – вмешался Таон, прерывая нашу ругань. – Наон, я приношу извинения за свою спутницу.

– А я их не приношу! – зло прокомментировала я, вырывая бедную конечность из захвата младшего из братьев. – Он сам виноват! Сам! – с обидой проговорила я, тыкая пальцем в Наона. – Он хотел мне пятицветик скормить! И я заблудилась из-за него!

Ни капли раскаяния за всю мою речь, сдобренную охами-ахами, я не разглядела. Что уж там! Даже лупа не помогла бы мне найти почившую совесть этого демонюги.

– Видишь, брат, насколько девушки должны терять от тебя голову? Чтобы чувство ориентации им отказало. Учись, – назидательно сказал старший демон и все же покинул нас.

– Гад, – хмыкнула вслед я.

Таон задумчиво проводил взглядом брата, который скрылся за стайкой светловолосых девчушек. Едва он подошел к ним, они захихикали, а после начали буквально на нем виснуть. Это и есть его согласившиеся? Решил не выбирать одну, а сразу со всеми?

Я решительно отвернулась: тоже мне, на этот сироп смотреть. Противно!

– А когда уже все начнется и мы сядем? – тихонечко спросила своего спутника.

Спор между главной кикиморой и королем почти сошел на нет, и собравшиеся все чаще отвлекались, чтобы поглазеть по сторонам.

– Уже скоро, – откликнулся демон и, наклонившись, поцеловал мою макушку. Вот и надо было ему это?

Заметив, как перекосило на другой стороне зала старшего брата, я встала на носочки, намекая, что возможно повторение. Да уж, ради такого можно и потерпеть. А братья у нас не просто братья, но еще и соперники. Интересно, кто ведет в общем зачете?

– Наон, – тихо признались мне.

Неужели вслух сказала? А... ну бывает, чего уж там.

– Ваше высочество, вы сегодня без Кларис?

К нам прихромала какая-то малахольная с цветочным горшком в руке.

Нимфа? Дриада? Лесной дух?

– Сегодня я с Даной, – представил меня Таон. – Она кики...

– Я вижу, кто она, – недовольно кивнула девушка-цветочек. При ближайшем рассмотрении я поняла, зачем ей горшок. В ее волосах цвел большой, с ядовито-розовыми лепестками цветов, корнями уходивший... Правильно, в поддерживаемый ею горшочек. – Удивлена вашим выбором.

«А я – нет», – едва не ляпнула я, но притворяться ветошью уже начало входить в привычку.

Пусть говорит. Пусть говорит, пока зубы целые. Хотя, чисто гипотетически, если это гарпия-цветочек – по сути растение, не отрастит ли она себе новые? Проблема, однако. Но... все, что ни делается, – все к лучшему! А зубы растут мучительно.

– Мы собираемся расширять свое присутствие на рынках Семиречинска и других болотных флагманов.

– А как же сотрудничество с Орхидалом?

Собеседница ощутимо занервничала. Цветок на ее голове затрепетал лепестками, выражая солидарность с хозяйкой.

– Это вам лучше обсудить с Наоном. Брат воспользовался своим правом и приостановил подготовку договора между нашими народами.

– Благодарю за своевременное предупреждение.

Цветочница обернулась, оглядывая собравшихся, и, отыскав старшего демона, направилась к нему.

– Тяжело тебе приходится, – сочувственно протянула я. – А Орхидал сильно пострадает, если вы не будете сотрудничать?

– Ощутимо, – усмехнулся демон, притягивая меня к себе.

Ссора сильных мира сего прекратилась, и собравшиеся вновь зашумели. Но если вы думаете, что мы просто постояли в сторонке, пока нас не пригласили на банкет, то глубоко заблуждаетесь. То ли Наон отомстил и сосватал нам Коху, то ли просто кикиморе было одиноко и ей захотелось пройтись по братьям, то ли луна была не в той фазе, но отсидеться в сторонке нам не удалось.

– Ваше величество, – поприветствовал главную кикимору Семиречинска Таон, убирая руку с моей талии.

Правильный выбор. А то уж слишком он много вольностей себе позволял в отношении моего филейчика.

– Таон, ты же знаешь, что мы не любим таких слов. Они слишком длинны и вовсе не музыкальны, – кокетливо раскрыв веер и пряча за ним пол-лица, сладко протянула Коха. – Да еще и о возрасте напоминают. Как не стыдно! А с виду такой хороший молодой человек!

Демон разулыбался. Судя по всему, подобные подначки были вполне характерны для царствующей кикиморы и выдавали ее хорошее настроение.

– Как можно, леди, я всего лишь хотел выразить свое почтение.

И он поцеловал ее руку.

Да уж, если вспомнить, что возраст женщины можно определить по коже на руке... я по сравнению с ней была дряхлой старухой.

– Ты и так его выразил, отдав предпочтение дочери моего народа, – лукаво усмехнулась кикимора, переводя взгляд на меня. – Ты не представишь мне свою спутницу?

– Дана, – легко проговорил демон, чуть подталкивая меня вперед.

Предатель! А вдруг я этого знакомства не хочу? Более того – сейчас в панику ударюсь!

– Дана, – задумчиво повторила женщина. На миг она посерьезнела, теряя всякую миловидность и лукавство, но стоило мне моргнуть, и передо мной засияло улыбкой знакомое (что подозрительно!) женское лицо. – Данька?

– Меня так называют, – недоуменно кивнула я.

– О, чудесно, что вы выбрали именно мою племянницу, Таон. Так мне не придется бегать по городу в поисках этой молодежи! – всплеснула руками женщина и хитро мне улыбнулась: – И никто не хочет обнять свою любимую тетю? Вана столько о тебе рассказывала, когда гостила пару дней назад у нас.

– Вана... Ванична?

– Да, детка. И у меня для тебя есть подарок. От семьи, – сказала она и обратилась к демону: – Вы же понимаете, я должна буду похитить свою племянницу после ужина.

– Понимаю, – кивнул Таон.

Коха, довольно напевая себе под нос, ушла восвояси, оставляя меня обдумывать ситуацию. И почему я раньше не догадалась?! Понятное дело, что абы кому просто по личной просьбе документы не сделают. А если и сделают, то это будет стоит слишком много. Но Ванична была уверена и просила меня не беспокоиться... Она-то знала, что ей не откажут. А я... И что теперь делать? А если королева решит и меня в этот эксперимент сунуть? Одна надежда – кикиморы своих не выдают! А я своя? Будем надеяться!

– И почему ты мне не сказала?

Шаловливые ручки демона так и остались лежать по швам. К моей талии он больше не прикасался, да и вообще смотрел весьма

недружелюбно.

– Не сказала чего? – обиделась я. – А ты не спрашивал! И потом, я действительно поступать приехала. И поступила! – гордо выпалила я. – А если тебе что-то не нравится!..

– Мне все нравится, – быстро заверил демон, заметив, как на нас начали оборачиваться. – И... наверное, даже рад, что так получилось. И я готов нести ответственность! – почему-то добавил он.

– А я не готова! – выпалила прежде, чем успела подумать.

Таон облегченно выдохнул.

– Я тебя обожаю, – признался он, заставляя меня недоуменно вздернуть бровки.

Увы, этот интернациональный мимический жест был полностью проигнорирован. Вместо этого демон перехватил бокал вина и залпом осушил его.

– Не люблю, когда от мужчины пахнет алкоголем.

– Это легко устранимо, – заверил меня демон и снял с подноса официанта еще один бокал. – Оно сладкое, должно понравиться.

Пить всякую незнакомую продукцию местного пищевого производства было стремно. Еще пылал в памяти пятицветик, украсивший мою биографию парочкой не совсем уместных приличной девушке моментов, а потому содержимое бокала отправилось в цветок.

Таон не возражал.

– А когда уже будут вкусняшки? – не вытерпела я, наблюдая, как туда-сюда кочуют парочки, желая продемонстрировать свои наряды максимально возможному числу почтенной публики.

– Чуть позже, – туманно ответил демон.

Он выискивал среди толпы кого-то определенного и все никак не мог разглядеть.

– Можешь поискать, а я тебя где-нибудь подожду, – предложила я. В самом деле, я же не монстр какой, чтобы бояться меня без присмотра оставить! – Вон там, например.

Я ткнула в дальний уголок, где сиротливо стояли трое зеленоволосых болотников. Несмотря на всеобщую оживленность, эти трое держались обособленно, зло глядя на любого, кто стремился к ним подойти.

– Что ж, если леди столь добра...

– Леди скучает, – улыбнулась я. – А с ними будет весело.

И я бодро зашагала в угол добровольных отщепенцев.

Они встретили меня с интересом, но без особой радости. Хорошо еще, что тут же не послали: видимо, свою роль сыграло брошенное мной на

затравку «Мы с вами одной шевелюры». Двое парней снисходительно усмехнулись, а девушка, которая, судя по всему, была младше, хихикнула.

– Тоже скучно стало? – вкрадчиво осведомилась она, затягивая меня в их круг и одновременно меняясь местами с... лешими?

В бытность мою, когда на лето ссылали на общественно полезные огородные работы, в деревенских поверьях фигурировали именно лешаки и водяные. А кикиморы – это только дамы. Ведь гордо звучит: я – кикимора! Это вам не русалка приبلудная, это жена законная водного князя.

– Ага, – протянула я.

Поникли плечи, и улыбка слезла, и стало тускло и темно, но в этом круге всем давно известно, как нужно действовать срамно.

Лукаво усмехаясь, девушка кивнула себе за спину и прижала палец к губам, призывая молчать. Лесовики-подболотники понятиливо улыбались. Они знали, что случится. Минута, другая... Наша троица начала волноваться, недоумевая, почему ничего не происходит, но удача была на их стороне.

Первой заметила неладное достойная малахольная. Завизжав, она попыталась стянуть с волос дурно пахнущий цветок. То же самое происходило и с другими мечеными. По залу начало распространяться амбре. Болотники дали друг другу пять. И чем им так дриада досадила? Впрочем, припомнив, как она на меня смотрела... Да уж, обидела она болотную расу.

– Мы их покормили, – пояснил стоявший напротив парень. – Селедкой. У русалок одолжили.

– Тс-с-с, – шикнула девушка и указала в другую сторону.

Там один из цветочков вырвало. По мрамору покатились недопереваренная голова селедки.

– Так вот кто украл Беатрис! – взывала до того мирно катавшаяся в бадье русалка, выныривая из-под водной глади.

– А она вам чем не угодила? – хмуро поинтересовалась я, затыкая уши.

Болотники сделали точно так же, еще и, присев, начали бочком пятиться к выходу. Учитывая, что так поступали все, подобное поведение подозрительным не казалось.

Выбравшись на воздух и вдохнув полной грудью, я с осуждением уставилась на троицу. И не одна я.

Но если мое осуждение было мирным, то вывалившаяся вслед за нами Коха сцапала парней за уши и отволокла за угол.

– А где изящество постановки? Вы что себе удумали! Позорище сплошное!

– Это не мы-ы-ы, – заняли парни.

Старшая кикимора покачала головой.

– Вы! Еще и детей всякому непотребству учите! Кто Мирту научил за старшими подглядывать? Нет чтобы химию изучала! Всяко полезнее было бы.

– Мы не специально! – сменили пластинку обвиняемые.

Показательно было то, что девушке-кикиморе не доставалось. Впрочем, она с таким негодованием смотрела на подельников, как будто сама была чиста аки первый снег.

– Отчет в письменном виде. С детальной проработкой, как правильно вы должны были поступить! – возмутилась Коха и тихо добавила: – Вита, дорогая, чуть больше искренности, тебя глаза выдают.

– Да, миледи, – коротко кивнула кикимора. – Мы все проработаем и исправим.

– Хорошо, – выдохнула Коха. – За Данькой присмотрите пока. Я к вам зайду после ужина. Чую, еда будет отвратной.

– Мы старались, – расплылась в улыбке Вита, как будто лично инструктировала поваров.

– Надеюсь, дорогая, иначе я не смогу отдать вас в Академию. Совсем дети! Кто же будет репутацию поддерживать?

– Мы не подведем! – пообещала девушка.

– Рассчитываю на тебя, – кивнула главная, отпуская раскрасневшиеся уши жертв.

– Идем, – ткнула меня в бок Вита. – Дальше – официальная часть.

– А банкет?

– А ты уверена, что туда хочешь? – подозрительно осведомилась девушка.

По ее глазам я поняла, что не хочу. Вот только демону же обещала. Или моего посещения официальной части достаточно?

– Не уверена, но разве я не должна сопровождать своего спутника?

– Демонюгу? Нет, на совете уже их папенька отдуваться будет. Братья только до его прихода должны имидж поддерживать. А к серьезным делам лишних не подпустят.

– Ясно.

Значит, это отца высматривал Таон? Или есть еще кто-то, кто волнует сердце демона? В любом случае, меня сие не касалось. Я тряхнула головой, как будто это могло выкинуть лишние мысли, и отправилась вместе с болотными в выделенное им крыло.

Мы передвигались мелкими перебежками, стараясь избегать больших

скоплений людей. На вопрос «Почему?» Вита ответила, что так безопаснее и скоро я сама все пойму.

Решив, что сегодня терпение – моя добродетель, я след в след кралась за своими новыми знакомыми.

Мы миновали едва ли не полдворца, прежде чем вышли к неприметной двери. На ее косяке виднелись следы чьих-то когтей, а рядом покоились сломанные в щепки засовы. Пол также вписывался в общую картину, испещренный всяческими каплями от воска и до крови.

– Топорно работают, – прицокнул языком один из парней, потягивая себя за ухо.

– Они еще дети, – рассмеялась Вита. – Будет им с твое – научатся правильно распределять силы.

– Нам таких поблажек не делали, – недовольно пробурчал второй.

Он был повыше и волосы имел покороче, с модной кроваво-красной полоской на концах. Настоящий денди.

– Как будто это помогло, – рассмеялась Вита. – Радуйся, если Беатрис была не любимой рыбкой. Нет, чтобы попроще чего найти.

– А я не хотел другую! Достала уже с этой селедкой целоваться и требовать того же от остальных.

– Смотри, как бы тебя на фарш не пустили. Нырнешь в болотце – и не вынырнешь, – предупредила Вита. – Русалки – они тоже договариваться с духами умеют.

– Оно того стоило, – непримиримо заявил денди.

Вита со вторым болотником промолчали.

Мы тем временем ступили на земли проклятых. Как детки сумели превратить кусок дворца в землянку, оставалось только гадать. Впрочем, если розарий разрыть, а потом понемножку носить удобрения, то ночи за две можно управиться. Освещение отсутствовало, и приходилось идти едва ли не в кромешной тьме. Только редкие лучи луны проникали в облюбованный болотниками уголок.

– У-у-у-у, – завыл кто-то, а мне стало смешно.

Похожее выступление я уже сегодня наблюдала.

– Плохо! – крикнул куда-то в темноту тот, что ухо вниз тянул. – Возьмите пару уроков у оборотня!

– Взяли, – повинилась темнота.

– И не поддавайтесь на провокации! – нравоучительно изрекла Вита. – Посетитель мог не знать, что вы прячетесь неподалеку, и не должен был догадаться!

– Простите, госпожа Витара, – раскаялись детки, но свет так и не

зажегся, давая нам уникальный шанс почувствовать себя заблудившимися путниками на кладбище. Кресты и гробы имелись, сооруженные из подручных и подножных материалов.

– Они бы еще фосфором разжились, – недовольно прошептала себе под нос я и почувствовала, как Витара, давясь смехом, тянет меня за рукав.

Так и есть, фосфор детки тоже нашли, разукрасив стены. И теперь некоторые куски светились, как будто... их помазали фосфором. Логично ведь, чего придумывать велосипед?

Я никогда не любила, как по стеклу ведут железом. На стенку лезла от этого звука. Но сейчас он выходил особенно мерзко, и, пожалуй, не будь рядом трех посмеивающихся болотников, я бы совершила кругосветное по коридору с остановкой на потолке. Благо, опыт имелся.

– Хотя что-то отрепетировали, – отметил волну мурашек, уверенными колоннами маршировавших по моему телу, один из парней и громко крикнул: – Зачет за звуки, неуд за освещение. Мистика, дети, это не когда темень, а когда тени пугают. Тени!

– Мы учтем, мастер, – повинились уже другие голоса.

Я почувствовала, как у меня по голове ползет нечто, перебирает лапками, стрекочет в ухо, чешет лапкой щеку...

– А-а-а-а-а!

Дворец дернулся. Даже оборотень-имитатор затих, сраженный звуковой волной. Болотники шарахнулись в сторону. Детки довольно завизжали, внося свой вклад в неразбериху.

– Свет! – скомандовал кто-то взрослый, и коридор осветился сотней огоньков.

Я скосила глаза. Нечто точно так же скосило на меня свои усики, и... Дворец выстоял. Он учился с первого раза.

– Что это? – тихо, чтобы насекомоподобная тварь на моей голове не среагировала, поинтересовалась я.

От омерзения меня едва не выворачивало.

– Это духолов, – невозмутимо пояснила Вита, протягивая руку к насекомому размером с мою ладонь. – Он не кусается.

– А почему тогда «лов»?

Я замерла, наблюдая, как ОНО перебирается на ладонь кикиморы.

– Так он запахи задерживает. Считай, природный освежитель. Чем тухлее, тем ему приятнее. Видимо, на тебе больше всех амбре, вот он и приступил к работе. Волосы же лучше всего ароматы впитывают.

– Ясно.

А детки между тем довольно прыгали.

– Испугалась, испугалась, она испугалась!

И пальцами в меня тыкали. Грязными! В фосфоре! Извращенцы малолетние! Но вступать в дискуссии с детьми было выше моего достоинства, а потому, вздернув нос, я прошествовала мимо довольной детворы вслед за Витой.

Несмотря на полное разграбление основного коридора, маленьких ответвлений, ведущих в своеобразные боксы, нападение юных болотников не коснулось. Здесь исправно работали осветительные шары, паутина спадала только до плеч, и насекомые-переростки не спрыгивали на голову случайным прохожим.

– Маленькие еще, учатся, – извиняясь, проговорила кикимора.

– А когда вырастут, то шалости с летальным исходом будут? – недовольно буркнула я.

– Да, от шока, – подтвердила Вита. – Поэтому с возрастом болотники становятся степеннее некуда. Кто сейчас сможет представить, что ее величество бегала по саду с лопаткой и закапывала взрывающиеся шарики-вонючки на главной аллее дворца?

Вспомнив Коху, я почему-то не удивилась. Привыкла уже, видимо, и смирилась, что от болотников, как и от себя, можно ожидать всего.

Мы вошли в просторную комнату без лишней мебели, а точнее сказать, и вовсе пустую, если не считать пледов на полу, и уселись по-турецки. Тот, что с красной полоской, протянул руки в центр, и с его пальцев соскользнули искры пламени.

– Хорошо-то как! – потянулась Вита, кутаясь в плед. – На этих приемах совсем не топят.

– Это точно, – подтвердил третий болотник, выпростав из-под покрывала ноги и устроив их поближе к огню.

Удивительное дело: дыма не было, да и на другие предметы пламя не перекидывалось. Неужели здесь уже изобрели устройство «умный огонь» – обогреет, но не опалит?! Хотя, судя по аккуратности, с которой парень приближал свои конечности к пламени, недоработки еще имелись.

– Сама-то ты кто, раз Коха просит приглядеть? – перевела стрелки кикимора, пытливо уставившись на меня.

Болотники повторили ее жест.

– Данька, – представилась я, протягивая руку для пожатия, но, заметив с каким скепсисом они на меня посмотрели, спрятала ее за спину. – А вы тоже в КАКе учиться будете?

– Где? – поморщился болотник.

Ассоциации, судя по скривившемуся лицу, у него возникли не из

приятных.

– В Кирстенской Академии Колдовства! – расшифровала я.

– А, в Академке, – рассмеялась Вита. – Да, ее отдали нам на разграбление.

– И на эксперименты! – добавил второй.

– И на подвиги! – поддержал третий.

– Ну и как вам собеседование? – припомнив сие действо, поинтересовалась я.

Что-то не казались мои собеседники глупцами!

– Посмеялись, – ответила за всех Вита. – Но это и к лучшему. Имидж поддерживать легче, чем создавать с нуля.

– Имидж?

– А ты серьезно думаешь, что мы читаем по складам и считать не умеем? По тебе я такого не заметила, так чем остальные хуже?

– Ничем. Но тогда...

– Иногда душой казаться полезнее, чем пытаться из кожи вон лезть.

– А оценки? Мне сказали, что учиться нужно на плохие баллы.

– Это да. Мы же платники! Нужно соответствовать, – ответил один из болотников. – Да и не будет никто в Семиречинске на этот диплом смотреть. Мы же свои экзамены сдаем по пройденным темам. Вот нашим сдать – это не здесь на шезлонге загорать. Так гонять будут, спины не разогнешь! Потому-то у нас и самое стабильное государство. Магических катаклизмов нет.

– Сплюнь! – предложила Вита. – Сейчас кого из иномирцев припишут – разгребать не успеешь.

– А я слышал, что нам никого не достанется. У них и так группа маленькая, а потенциальный болотник пропал куда-то! Не будут же они вновь связь устанавливать? Да и к лучшему это: глянем, что с другими расами будет, – решим, лезть ли в бутылку к демону.

Остальные согласно кивнули. Я, что логично, промолчала, разглядывая пламя.

– Данька, ты с нами в Академке будешь? – не дала мне поскучать Вита. – Странно, что нас раньше не представили: в одной команде же работать. Мне с тобой еще и жить вместе.

– Вместе? С чего ты взяла?

– Так одной расы. Ректорат не любит конфликтов. И так общежитие уже третий раз за пять лет перестраивали, поэтому стараются существ с одним менталитетом вместе селить. Или ты одна хочешь жить? Не бойся, я не храплю! – заверили меня.

– Не боюсь, – усмехнулась я. – Я так сплю, что пушкой не разбудишь.

– А взрывом? – заинтересовался болотник.

Так, что-то я никак не узнаю их имен! Непорядок!

– А взрывы будете устраивать в отведенных для этого местах, – прервала наш междусобойчик Коха.

Быстро же она вернулась. Что-то пошло не так?

В нарушение традиций последний вопрос не произнесла вслух. Но он и так вертелся у всех на языке, а потому был задан, но Витой.

– Вилан пошел на необходимые уступки, а шкуру неубитого бронезуба пусть сами делят, у меня есть дела поважнее, – взглянув на меня, закончила Коха. – Данька, идем.

Я послушно поднялась, отдала угол пледа Вите и молча последовала за главной кикиморой. Вот теперь мне стало страшно. Неизвестность пугала, заползая во все уголки души, замораживая несвойственной серьезностью сердце, заставляя с тревогой ждать следующих слов Кохи, которые все не звучали.

Мы поднялись на второй этаж, прошли мимо хмурого длинноволосого воина, который учтиво поклонился моей спутнице, и заглянули в небольшую комнатку. Не спальню, но и не кабинет. Впрочем, на чем лежать, здесь имелось.

– Присаживайся. Прости, что так просто. – Она кивнула на сваленные в углу матрасы. – Это детская комната, поэтому, сама понимаешь, здесь никого не бывает.

– Идеальное место для неудобных разговоров, – признала я, вытягивая матрас и присаживаясь. Коха сделала то же самое. – У вас есть вопросы?

– Пара, – призналась кикимора.

Ее лицо было серьезно, и мне удалось рассмотреть две морщинки у крыльев носа. Больше ничего не выдавало возраст собеседницы. Разве что – глаза. Они смотрели настороженно, хоть губы и улыбались. Наверное, так могла бы выглядеть и Ванична, будь она моложе.

– Задавайте, – разрешила я, хотя мы обе понимали: это пустая формальность.

– Ты нездешняя. С языком у тебя проблемы. Наверняка и письменность не знаешь. Тем не менее устный счет на уровне и голова светлая, – быстро перечислила кикимора, не отрывая от меня взгляда. – Твоя одежда была странной и неприспособленной для прогулок. Поведение – ненормально для людей и не совсем типично для нас. – Я молча слушала. – Ты поступила в Академию. Сама и без нашей помощи. Разобралась, как морочить голову окружающим в соответствии с нашими

традициями. О них тебе сестра рассказала?

– Упоминала кое-что.

Скрывать факт помощи Ваничны было глупо.

– Хорошо, – кивнула Коха. – Я не стану ходить вокруг да около и спрошу прямо: ты не наша, верно? Не из Кирстена, и тем более не из Болотных земель.

– Не ваша. Раньше была, – тихо призналась.

Всего несколько слов, а выдавить их стоило таких усилий, что я вспотела.

– Ты из них, из иномирцев, верно? – продолжала допытываться Коха. – Вания не знала об эксперименте, а я не могла не сопоставить. Время сходится, но... я видела остальных. Несмотря на предрасположенность, они не переняли черты расы при переходе. Но ты, – она указала на мои волосы, на лицо, глаза, – ты стала, как и мы. Никто так и не понял, кто ты. Даже демон, с которым ты пришла, уверен, что ты одна из нас.

– Это плохо?

– Это отлично. Люблю, когда мы опережаем этих глупых магов! – рассмеялась Коха. – Люблю с ними играть. И ты, судя по кое-каким моментам, тоже.

Я покраснела, словно Коха могла видеть, как я торгуюсь с Альтаром, как грызу бутерброды в беседке. Как катаюсь на люстре. Пусть и вынужденно, но это приносило мне радость. Пакостить в меру сил и возможностей, оставаясь зеленой и пушистой.

– Значит, я не ошиблась?

– Нет, вы правы, ваше...

– Мы не любим титулов, тем более – в семье.

– В семье?

– Вания признала тебя, и это ее право. Никто не станет оспаривать, что в нашем роду появилась новая достойная дочь. Более чем достойная, – подмигнула она, – которая не только обманула глупых магов, но еще и сама разобралась в ситуации. Я горжусь тобой, и Вания тоже. Если потребуется поддержка семьи – мы ее окажем.

– И не отдадите на опыты?

Меня передернуло от собственных слов.

– Мы – болотники! Мы своих не отдаем! Никому и никогда!

И пусть в ее словах было слишком много пафоса, я чувствовала, что он уместен. По ее голосу, по теплу в зеленых глазах, по тому насмешливо-доброму состоянию, что чувствовалось между моими будущими сокурсниками, по чумазым детям, которые радовались и смеялись, – по

всему тому, что позволяет понять: ты здесь любим, несмотря ни на что.

Глава 6

Перекусочная, или о пользе правильного питания

*Мы долго бегали по лесу,
Искали чистые кусты,
Но эти гадкие пельмени
Везде оставили хвосты!*

Никогда не просыпайте пары! Эту простую истину я уяснила в первый же день, когда, швырнув подушку в будильник, выключила его с первой попытки. Вита, которая должна была въехать только на следующий день, еще отсутствовала, и растолкать меня было просто некому.

Я сладко потягивалась в кровати, досматривая эрнстский сон про большую и чистую, а по коридору несло стадо мамонтов. Жалобно скрипели половицы, и их стоны доносились до моего сонного сознания волнами колыбельной. И только отборный русский мат смог достучаться до грезившего наяву мозга кикиморы.

Кто-то ругался. Ругался так искренне и самозабвенно, что я поняла: дело нечисто. Потянувшись, с полуприкрытыми глазами (не хотелось выбираться из сладкого плена), поправив пижаму, я выглянула в коридор.

Посреди прохода, зацепившись шнурками за едва виднеющийся гвоздь, стоял простой русский парень в рубашке, застегнутой впопыхах, джинсах и кедах на босу ногу. Рядом с ним, опустившись на колени и разглядывая преступный объект, сидела девушка с рыжими непричесанными волосами.

На душе стало легче. Если моим вихрам оправдание было, чужим проколам пакостное сердечко болотницы радовалось, как собственным успехам.

Позевывая, я подошла к рыжей службе спасения и помогла отцепить застрявший шнурок от выскочки-гвоздя.

– Спасибо, – бросила девчонка, спешно поднимаясь. – Ник, побежали, а то на пары опоздаем.

– Опоздаем? – Сонный мозг подозрительно зашевелился. – А сколько сейчас?

– Без трех минут девять, – быстро сообщил парень, взглянув на часы.

Наручные, как у нормальных людей.

Я не стала ругаться и проклинать свой долгий сон. Я бросилась одеваться. Хорошо еще, что природная лень заставила не убирать предыдущим вечером одежду и брюки с туникой висели на спинке кровати, готовые к подвигам на мое благо.

Другое приятное обстоятельство состояло в том, что после вчерашней вылазки, когда мы с другими болотниками изучали архитектуру Академки, я весьма сносно ориентировалась в переходах-коридорах-тупиках, чтобы не терять много времени на поиск нужной аудитории.

Как и положено в первый день учебы, первая лекция была общей и проходила в печально известной сто тринадцатой аудитории.

Скрипнув дверью и прикрываясь колонной, я проскочила к заседавшим на галерке болотникам. Джейс, тот, что с красной полоской, быстро подвинулся, уступая место с краю. Вита толкнула мне чистую тетрадь и заточенный карандаш. Перьями болотники принципиально не писали. Впрочем, они и на парах не писали, полагаясь на записи информационных кристаллов, которые таскали с собой под видом украшений. А для рисования удобнее использовать карандаши, нежели перья. Так что выбор очевиден.

– Я много пропустила?

– Препода зовут Ганс Ройтен, ему тридцать семь, не женат, болотников не любит, говорит, что больше двойки не поставит, – хмыкнул Трейс, брат Джейса, который любил потягивать себя за мочку уха.

– Невелика потеря, – шепотом откликнулась Вита, вырисовывая растительный орнамент на полях.

– На галерке, хотите встать на мое место? – окликнул нас преподаватель.

Я сделала вид, что увлеченно что-то пишу.

Да уж, издержки воспитания. Остальные болотники радостно закивали и поднялись, готовые идти к кафедре. Бедный препод сник.

– Соблюдайте тишину! – рявкнул он в ответ на начавшиеся волнения в аудитории. – Записываем: предметом исследования теории пространственных перемещений является...

Аудитория зашуршала перьями. Я с сожалением глянула на карандаш, припоминая, что местной грамоте еще не обучена, и начала проявлять солидарность. Орнамент на полях моей тетради мало походил на растительный рай, скорее – на ад флориста. Ну не дал бог изобразительного таланта, так что теперь – не рисовать вовсе?!

Я придерживалась диаметрально противоположного мнения, а потому

усердно мазюкала на полях поникшие цветочки, изредка ради разнообразия разбавляя крестиками. Увы, дожив до своих семнадцати лет, лучше всего я умела рисовать гробы и кладбище. Так уж сложилось: плюсики обрастали палочками и сливались в самые настоящие крестики. А добавить пару черт, изображая деревянный... Да уж! Нет чтобы принцесс рисовать! Но эти благие девы получались у меня уж слишком блаженными и волоокими, с разными степенями косоглазия и кривизны ног.

Предвкушающее поскрипывание сидений могло выдавать две вещи: конец пары, что было бы слишком жирно для адептов, либо демонстрацию. Оторвавшись от вынужденного рисования, я взглянула на подиум с кафедрой.

Там, стоя на самом краю, преподаватель увлеченно речитативил. Первые ряды с упоением конспектировали его выпендреж, а задние сели поудобнее, ожидая шоу.

Вита выругалась и быстро захлопнула тетрадь, пряча свои художества от взглядов посторонних. Я решила, что лучше последовать примеру более опытной коллеги, и закрыла тетрадку, придавая лицу мечтательнейшее выражение. Джейс и Трейс извлекли из-под парты заготовки морского боя и принялись делать вид, что с упоением играют.

Высунувшаяся из-за их спин рука, по манжете рубашки которой легко узнавалась конечность преподавателя, рванула листки с заготовками и исчезла, как и появилась. Мы с ребятами переглянулись, ожидая продолжения.

– Итак, я продемонстрировал вам простейший пример работы с пространством, – громко, чтобы даже мы на галерке слышали, сказал Ганс Ройтен, заглядывая в листики. Лицо его скривилось, как будто фабрика по производству лимонного сока работала у него прямо во рту.

– Я там кое-что написал, – шепотом пояснил Джейс. – Не думаю, что он зачитывать станет.

И мистер Ройтен не стал. Вместо этого он зло взглянул на Джейса и сквозь зубы выдал:

– Останетесь после занятия и узнаете про отработку.

Болотник довольно оскалился во все тридцать с чем-то (что-то, глядя на его сияющую улыбку, я засомневалась, что зубчиков у него, как у людей!) и поднял руку со сжатыми в кулак пальцами, как бы говоря «страна должна знать своих ур... героев». Страна знала, и пусть не рукоплескала, но одобряла.

Корни этого одобрения крылись еще в начале лекции. Так уж получилось, что Ройтен, будучи не слишком опытным преподавателем,

принялся распинаться не только об учебном процессе, но и об уровне современных адептов. Разумеется, подрастающее поколение было выставлено не в лучшем свете, что не добавило очков обожания преподу. И все бы ничего, но линию отрицания Ганс продолжал до самого конца, постоянно подчеркивая, что мы и он – совершенно разные. А аудитория такого не прощает.

Вот и сейчас, когда Джейс повел себя дурно, аудитория была на его стороне, ибо он свой, а мистер Ройтен... А мистера Ройтена теперь не любили, как угнетателя бедных адептов. Да уж, попал дяденька, с первого же дня. Интересно, экзамен ему сдать сложно?

– Зачет, – как бы в ответ моим мыслям простонала Вита.

Судя по всему, в ее зеленой головке крутились те же мысли. Препод был обречен.

– Продолжаем работу! – прикрикнул Ройтен, но его уже никто внимательно не слушал.

Пара была сорвана.

Трейс под партой дал пять Джейсу, как будто троллить препода было их священной миссией. Хотя имидж болотных отпрысков предполагал подобные шаги, которые эти двое с радостью предпринимали.

До конца занятия оставалось не так много времени: это было заметно по оживлению среди первых рядов. Ошибочно думать, что там, где сидели преимущественно отличники, никто не помышляет о свежем теплом пирожке и не считает секунды до окончания пытки. Вовсе нет. Именно там, на первых рядах, и обретаются самые большие торопыги, которые в свободное от записывания время, точно как на галерке, рисуют в конспекте цветочки и проклинают нелегкую, что занесла их на амбразуру.

Мне писать не полагалось, и я развлекалась наблюдениями. Парочку знакомых затылков усмотрела и на первых рядах. Но интереснее было наблюдать за иномирцами. Интереснее и полезнее, чтобы знать, как поступать нельзя.

Вита проследила за моим взглядом и фыркнула, рассматривая майку коротко стриженной блондинки. Или кикиморе ее пирсинг не угодил? Признаться, мне лишние дырки в теле никогда не нравились, но такой насмешки не вызывали, а моя соседка по парте едва не съезжала под этот самый стол.

Я решила похихикать вместе с ней. Мало ли? Вдруг это какое-то клеймо или знак чего-то там? От болотников всего можно ожидать. Хорошо, если не неприличное предложение. Хотя... к неприличным предложениям болотная раса относилась с пониманием, а вот в вопросах

красоты имела строгие стандарты, нарушение которых ложилось несмываемым позором на семью. Так, к примеру, нельзя было обесцвечивать волосы, становясь блондинкой. Это считалось несусветной глупостью, ибо добровольно отказаться от приятной зеленцы... Ну разве можно о таком помыслить?! Вита заверяла, что нет, и еще два часа уговаривала меня одуматься и выбросить эти мысли из головы. Я едва на потолок не залезла, желая избавиться от ее нравоучений.

Как бы то ни было, я прилагала усилия, чтобы вписаться в местное болотное общество, а потому по большей части приходилось прикидываться умной, то есть молчать. Выходило не всегда, но я упорно старалась. Джейс оценил и предложил выпить, чтобы дурью не маялась. Я оскорбилась в лучших чувствах. Он оскорбился за отечественный алкоголь. Пришлось вызывать Виту, чтобы та разрешила недоразумение.

Я тяжело вздохнула: как же с ними тяжело! Но также понимала, что без них пришлось бы туго. Какие-никакие, но они теперь были моими если не друзьями, то сообщниками. Нас роднила одна идея и объединяла раса, а здесь это играло важную роль. Не потому ли все адепты расселись группками? Даже иномирцы держались рядом, ощущая недружелюбность этого мира.

– Недолго им так сидеть, – прокомментировала джинсовую общность Вита. – Скоро их поделят.

– А нас тоже поделят?

– Мы и так особняком! – гордо высказался Трейс. – Болотных никогда не делят. Иначе, думают, сорвем деятельность всех групп.

– Вы можете, – простонала я.

Братцы-лешие разулыбались. Для них лучшего комплимента не существовало. Вот только что-то подсказывало, что за подобные слова в Семиречинске на меня бы смертельно обиделись, ведь дома серьезнее нелюдя, чем болотник, сложно найти. Если иные расы расслаблялись, оказываясь дома, то кикиморы становились ответственными до невозможности. По крайней мере, мне так казалось.

Пара закончилась вполне стандартно. Рыкнув «Звонок – это для меня!», Ройтен додиктовал предложение и только тогда позволил всем загреметь сиденьями, заскрипеть зубами (задержал на целых пять минут!) и понестись в следующую аудиторию, где нас должны были научить правильно травить друга друга.

Джейс остался выслушивать нотации, а мы втроем отправились на ядоделание, желая занять лучшие места. Похоже, за места поближе к выходу развернется настоящая бойня. Нам места трусов были ни к чему, а

потому мы заняли себе вакантные, в уголке. Мне надлежало работать с Витой, а болотникам – в паре. Впрочем, они и так всегда все делали сообща.

Яды преподавала кикимора. Это стало ясно, едва она переступила порог. Высокая, стройная женщина со строгим лицом и веселыми, с чертятами, глазами. Ее несколько потускневшие зеленые волосы поражали своей послушностью, что заставило нас с Витой переглянуться и уважительно покоситься на преподавательницу, втайне желая узнать рецептик. Свои прядки она собрала на макушке и заколола китайской заколкой-палочкой.

– Она полукровка, – наконец выдала Вита после тщательного изучения преподавательницы.

Старшая кикимора, как будто услышала нас, улыбнулась сообразительной болотнице.

– Итак, дети мои...

Едва она заговорила, шум стих, уступая место мертвой тишине. Да уж, кикимор боялись, пусть даже и не стопроцентных. Или это предмет так влиял на дисциплину? Наверное, второе вернее. Ибо преподавательница подошла к застекленному шкафу, открыла дверцу и призывно махнула адептам.

– Все, что вы найдете здесь, можно использовать для приготовления своего зелья. Работаем в парах, также в парах будете оттирать следы своих побед, а потому рекомендую экспериментировать с умом. Для тех, кто не хочет творить, на доске, – женщина кивнула на зеленую поверхность, где проступали слова, – рецепт. Для совершения вашего черного дела у вас есть час. Приступаем, и да пребудет с вами мудрость!

На последних словах она хихикнула, показывая, как относится к нашей «мудрости».

Вита сорвалась с места, вступая в битву за ингредиенты, я же замерла над нашим котлом, разглядывая его глубину и рассуждая, из чего он сделан. Увы, курса металлургии в школе не читали, и из всего многообразия мне шел на ум только чугун.

Битва за ингредиенты набирала обороты: у шкафа толпились возбужденные адепты, желающие оттяпать у других если не нос, то редкую составляющую. По этому аншлагу я поняла, что такой предмет, как «Практическое ядоделание», известен многим и, судя по остервенению, преподавался дома с пеленок.

Под шумок в аудиторию проник Джейс, кивнул преподавательнице, которая с осуждением покачала головой, сложив руки на груди. Болотник

состроил извиняющуюся рожицу и быстренько поднялся ко мне.

– Битва за урожай?

– Ага, только кукурузы не хватает, – не выдержала я.

Болотник странно на меня посмотрел, но промолчал, разводя огонь под котлом. Я повторила его действия, запоминая последовательность. А насколько было бы легче, если бы выдали просто спички! Честно, когда два порошка заискрили, среагировав друг с другом, я отшатнулась, и только стенка за спиной не дала мне позорно бухнуться на попу. Затылок заботы не оценил и теперь ныл, ушибленный.

– Что Ройтен хотел?

– Проораться, – подмигнул парень. – Ну еще отработку дать. Хотел. Посмотрел на меня и передумал. Имущество Академии для него оказалось слишком ценным и невозпроизводимым, а потому меня отпустили на все четыре, приказав написать тридцать раз «я раскаиваюсь» и сдать ему на следующей паре.

– Изверг! – посочувствовала я.

Учитывая, какое наказание дали болотнику, я предположила, что мне дали бы похожее. И хоть я не собиралась нарушать дисциплину, следовало подготовиться заранее. Сегодня же найду жертву с лингвистическим будущим и буду делать из него или нее педагога.

С поля битвы вернулась довольная, но слегка не в форме Вита. Судя по взъерошенности и царапине на руке, ей пришлось платить за добычу не только волосами, но и кровью. Суровый мир!

– С возвращением, Джейс, – кивнула нашему сокоманднику девушка и вывалила на стол честно добытое.

– Ух ты, – протянул парень.

Он, видимо, знал, что именно нам предстоит готовить по задумке кикиморы, и гордился выбором подруги.

– Ничего, Трейс шерсть висельского носорога отвоевал, – шепотом поделилась девушка.

Лицо Джейса просветлело.

Вита тем временем раскладывала составляющие по кучкам в порядке их использования.

– Нарезь это.

Мне выдали нож и ткнули в россыпь травок.

«Фигня», – думала я.

«А вот и обломаешься», – думали они.

«Что за?» – возмутилась я.

«Выкуси», – торжествовали они.

Я приуныла: травки артачились и не хотели резаться. Вместо этого они норовили выпить моей кровушки. Гемоглобинчика им захотелось! А вот фигушки! Врагу не сдается наш храбрый «Варяг». Впрочем, враг тоже не собирался щадить мои нежные чувства.

Когда я уже готова была на стенку лезть от досады, к нам подошла преподавательница и молча перевернула мой нож с острой стороны лезвия на тупую. Тихо поблагодарив, я резанула по траве, и... все получилось! Вот и пришло время ответить за свои деяния!

Трава стонала, трава скрипела, и адский смех над ней летал, котел звенел, вода журчала, и смрадный дух над ним восстал. В смысле, мы добавили травку в котел с водой и дружно попрятались от газовой атаки.

– Не учла, – зажимая нос и прячась под столом, проговорила Вита. – Видимо, свежее сено попало.

– Еще какое, – недовольно пробурчал вернувшийся Трейс.

Они так же прятались под столом, пережидая первое извержение. Что творилось с теми, кто не успел уйти из зоны поражения, то есть присесть (запах распространялся только по верхней половине аудитории), мы не знали, но пожелания в адрес болотного народа не оставляли сомнений – только мы успели спрятаться. Мы – и преподавательница, которая залегла где-то за преподавательским столом.

– Долго еще? – деловито осведомился Джейс.

– Минуты две, – подумав, вынесла вердикт кикимора.

– Я пошел, – предупредил болотник и пополз на охоту.

– У меня лапки тризуба увели, – пояснил Трейс.

– Такое не прощают! – понимающе выдала кикимора и подкинула еще травки в воду, усиливая эффект. – Все ради товарища! – зажмуриваясь, ибо от дыма щипало глаза, прошептала девушка.

Запах исчез через три минуты, словно его никогда и не было. Мы споро вылезли из-под столов и продолжили работу. Джейс улыбался и толк в ступке честно переукраденные лапки тризуба.

Болотники сдались первые.

Преподавательница усмехнулась, принимая наши работы, и протянула вперед руку, как будто требовала что-то отдать. Братья-болотники хмуро переглянулись и вытащили из карманов по полной пробирке.

– Отлично, – объявила нам наши оценки женщина. – Можете быть свободны. До конца пары еще десять минут, так что успеете перекусить.

– Спасибо, – хором поблагодарили мы и вытекли из аудитории под гневно-завистливые взгляды. Все же наш небольшой недосмотр с травкой заставил всех поднапрячься и ускорить работу, наверстывая упущенное

время.

Коридор еще пустовал, и, воровато оглядевшись, жест преподавательницы повторил Трейс. Вита, усмехнувшись, выудила из кармана два флакончика с жидкостью того же цвета, что была у братьев в пробирках.

Да уж, запас карман не тянет, но вот вопрос: а знала ли преподавательница? Что-то подсказывало, что знала.

Болотники спрятали флаконы в карманы и, громко смеясь, затопали впереди. Наш путь лежал на теорию, но прежде... Именно! Прежде мы отправились перекусить.

Голод, как известно, не тетка, но увы, даже с теткой порой договориться нереально, что уж говорить про страдающий желудок. А он страдал! И вынужден был страдать и следующую пару, ибо когда мы спустились в столовую, оказалось, что такие умные не только мы. Очередь кончалась дверьми.

Пришлось топтать ни с чем, сопровождая возвращение тяжелыми вздохами. Единственная отрада, выпавшая нам, – четыре бутерброда от Виты (по одному на брата), которые только раззадорили голод.

– Больше нет, – пряча пакетик в сумку, сказала кикимора.

Ей вторили три тяжких вздоха.

Судя по разочарованию и крушению всяких надежд, не одна я проспала завтрак. Да уж, а я еще и на боевую магию собиралась. Смех, да и только. Отвоевать себе пирожок не смогла, а все туда же – на боевку.

На теорию мы пришли первыми и заняли самые привилегированные места – на галерке. Именно там можно при наличии должных навыков есть, спать, рисовать и даже красить ногти. А что, я таких оригиналов знаю. Сели подальше, лак достали. Если он еще и не очень вонючий, то и вовсе никто не спалит. А если вонючий – простите, друзья-сокурсники, придется потерпеть.

Так что, думаю, понятно, почему самые востребованные места – задние. И совершенно логично, что, гордые собой, мы устремили наши стопы вверх. Удивительно было другое: Вита собиралась писать конспект, не полагаясь на записывающие кристаллы. Джейс и Трейс также достали тетради.

– Будете писать?

– Придется, – простонал Трейс. Судя по всему, он был не большим любителем самостоятельно стенографировать. – Сейчас Дитмар будет, а у него ничего не работает. Только собственная память и записи. А артефакты летят только так. Зато теорию ядоделания выпускники Академии знают

именно на тот балл, что указан в дипломе. Списать не удавалось еще никому.

– Нас просто здесь не было! – самодовольно высказался Джейс, но тетрадь приготовил, как и карандаши. Да уж, видимо, любителей писать перьями среди болотных рас не нашлось.

– Может, и так, – не стал спорить Трейс. – Но мне спокойнее писать.

Заразившись общим настроением, я стрельнула у Виты листик, готовая тоже записывать. Неважно, что по-русски, но конспект – он и в Африке конспект. Главное, чтобы мне было понятно.

– Я тебе свой дам, – быстро предупредила кикимора, толкнув меня локтем, и шепотом: – Коха просила тебе помогать.

– Спасибо, – кивнула я, но листик убирать не стала: бурную деятельность изображать все же придется, если преподаватель цепляется.

Аудитория постепенно начала заполняться, и я наконец получила возможность всех рассмотреть детально. Среди адептов выделялись длинноволосые и широкоплечие (мечники, как любит их называть мой брат), среди адепток – длинноволосые и... широкоплечие. По крайней мере, так дела обстояли с человеческой прекрасной половиной. Иные расы были, напротив, худощавые и невысокие. Утонченно-прекрасные с лица. И злые, если смотреть в глаза. В темном переулке, оказавшись с кем-нибудь из этих красавиц, я бы орала громко и бежала быстро. Было в них что-то... пугающее. Одно радовало: прекрасные девы иных рас держались обособленно, предпочитая общаться внутри собственных групп.

– Тринита! – позвала одну из красавиц Вита.

Мне поплохело, когда я увидела, что в нашу сторону поворачивается невысокая, бледная дева с темными волосами до плеч, аккуратной челочкой и, как это называют, взглядом горящим. При всей своей миловидности она напоминала смерть. Но не ту худую старуху, какой она предстает в сказках, а анимешную вариацию. Красивую, но оттого еще более жуткую.

Понимая, какую реакцию вызывает, дева плыла вверх по лестнице медленно и неотвратно, как в детских кошмарах про чудищ. Наконец она остановилась у края парты, нависая над нами, аки меч дамоклов.

Я поежилась, за что была удостоена заинтересованного взгляда девы и двух сочувственных – от братьев-болотников. Видать, на них она также производила угнетающее впечатление, требующее долгого восстановления после, если не ошибаюсь, посттравматического стрессового расстройства. Помнится, там был способ проработки посредством движения глазами. Чувствую, этим вечером я буду пугать всех бегающими глазками, но чего не сделаешь ради собственного благополучия!

Тем временем, облокотившись на стол, Тринита демонстрировала свои прелести. Да уж, такого маникюра я давно не видала, а зависть... Зависть – это недостойно кикиморы. Вот отчего так хочется этой мымре наманикюренной волосенки посчитать! Но, как делали умные пингвины, улыбаемся и машем.

И я помахала этой демонессе.

– А ты смелая, – отметила она, поднимаясь. – Эти, – девушка неодобрительно качнула головой в сторону притихших парней, – шугнулись.

– До окна далековато, – поделилась наблюдениями я. – Иначе я бы тоже полетала.

– Тринита, – усмехнувшись, представилась дева, протягивая когтистую по-французски ладонь.

– Дана, – во все двадцать восемь (все же для мудрых зубов мне еще рановато) заулыбалась я.

– Приятно, – недовольно выплюнула девушка, прищуриваясь.

Да уж, дружить во всякими-разными она не стремилась.

– Взаимно, – целиком и полностью поддерживая ее политику в отношении ее же, заявила я и отвернулась к братьям.

Гордость – она такая! Поджилки трясутся, за незащитные тылы страшно, а все туда же – учить и презирать недостойных.

Смешок был мне ответом. Я перевела дыхание и отказалась от мысли, что настойчиво требовала залезть под стол, пока опасность не минует. Вместо этого повернулась лицом к кафедре и, боковым зрением следя за собеседницей Виты, принялась разглядывать остальных адептов тайных знаний.

Иномирцы были и здесь. Что примечательно, едва они входили в аудиторию, все распри и противоречия между остальными решались в мгновение ока. Вампиры и трепетные девы с волчьими (я надеюсь) клыками на шее усаживались рядом и начинали травить анекдоты. Оборотни и дриады переставали выяснять, кто для кого будет когтеточкой, а демоны усаживались вместе, что для их воинственной расы было сродни чуду. Вот так влияли иномирцы на местное население. Никто не хотел сидеть с ними рядом. И это – адаптация?

Впрочем, я и сама не горела желанием искушать судьбу, присаживаясь рядом. Все же дети одного мира. Мы могли быть слишком похожими, чтобы окружающие не заметили за внешностью кикиморы нездешние повадки. А потому я спокойно сидела между болотниками и слушала вполуха вести с полей.

- ...он решил поучаствовать.
- Курировать будет?
- Хотелось бы.
- Ты давно мечтала, чтобы так случилось.
- Мечтала. Но там кикимора, прости, Вита, какая-то нарисовалась.

Морги говорила, видела их вместе.

- Мало ли что она видела.
- Но они были в беседке!

На этом моменте я предпочла переключиться на разговор братьев о пользе нитроглицерина. По крайней мере, при воспоминании о Нобеле, фартуке бедной женщины, которой не повезло с мужем, и другими персонами, работавшими на поприще науки, я не краснела. Кто бы сказал, что есть бутерброды будет так опасно!

Хлопнула дверь, кто-то смерчем пронесся через аудиторию, остановился за кафедрой и без лишних слов принялся надиктовывать:

– Тема первая. Правила работы с ингредиентами. Техника безопасности. Оказание первой помощи. Устранение органических отходов.

На наименовании последнего пункта, который нам предстояло рассмотреть, я сглотнула. Да уж, какие тут шутки... Руки сами принялись записывать, наплевав на предупреждения. Нет, эту тему я не могу доверить кому-то другому. Такое надо знать! Во избежание!

Спустя час пятнадцать моя правая рука отказывалась функционировать, а в конспекте появилось ошутимое прибавление. Пять листов карандашом плюс еще два листика, испещренные рисунками. После такого даже дева казалась милой и обаятельной, а вот преподаватель... Изверг! И даже его уверения, что дальше будет легче, не смогли поднять моего съехавшего настроения. А я же еще и на боевку сходить хотела!

Только одно обстоятельство облегчило вину нашего химика – он отпустил нас пораньше, и бонусные пять минут я употребила во благо, сбежав в столовую за пирожками.

Болотники оставаться не собирались и клятвенно пообещали открыть заднюю дверь аудитории, чтобы одна голодающая особа смогла проскользнуть незамеченной. Подобного опыта за спиной вашей покорной слуги не имелось, но чисто теоретически должно было сработать. По крайней мере, у голодающего Поволжья эльфийского разлива сработало, и он прокрался в аудиторию незамеченным.

Отстояв очередь и вырвав у других молодых и растущих два пирожка, я, гордая собой, успела слопать один. Второй пришлось зажать в зубах

перед дверью. Операция по проникновению на пару началась!

Дверь не подвела, скрипнула едва слышно. Я огляделась по сторонам и вверх. Сидевшие на галерке адепты показали большой палец, дескать, пронесло. Благодарно кивнув, я медленно поползла к ним.

И вот ползу я вверх. Коленки не стучат, половицы не скрипят, адепты показывают, что все окей. Я им киваю, улыбаюсь, как могу (все же пирожок в зубах мешает), и стучаюсь головой о чьи-то туфли. От изумления зубы разжимаются, и мой выстраданный обед падает на черные ботинки. Медленно поднимаю голову, желая высказать гаду все, что я о нем думаю, и натыкаюсь на внимательный взгляд преподавателя. Внимательный, укоризненный и обреченный.

– Я не хотела, – горестно завываю я и бегу на задние ряды. Спину прямо жжет осуждающий взгляд Альтара.

Дура я, дура! Надо было попросить прохожих фамилию препода прочитать!

Что и говорить, пара прошла из рук вон плохо. Мне было стыдно за свое поведение, а еще больше – жаль невинно убиенный пирожок. После встречи с чужими ботинками есть его мне не позволяло вбитое с детства понятие о гигиене, а правило пяти секунд было неприменимо, ибо прошло куда больше времени. Таким образом теплый, надкусанный пирожок почил в урне, едва пара закончилась. Отдать ему воинские почести не получилось – я вылетела из аудитории со скоростью пули, разве что не с ее смертоносностью.

Только уронив себя на собственную кроватку, я наконец дала волю чувствам и пару минут просто выла из жалости к себе и из ненависти к окружающим. Медведь знал свою работу хорошо, не оставляя слушателям ни единого шанса.

Слушатели, в свою очередь, не желали понимать, что тяжкий труд медведя следует уважать и хоть из солидарности послушать больше чем пятнадцать минут, в течение которых кто-то раздобыл швабру, чтобы стучать в потолок. Судя по слаженности действий, концертная программа «расстроенная девушка» исполнялась не раз и потеряла новизну и прелесть. Пришлось закругляться.

Сетуя на черствые сердца соседей, размягчить которые не в силах даже страдания юной кикиморы, я медленно спускалась по лестнице. Смотреть вверх лишний раз не рисковала: стыдно видеть одинокий крюк с отсутствующей иллюминацией.

– Данька, ты куда?

Везение на высоте – это про меня! Сейчас мое везение приближалось к

отметке плинтусов и стремительно набирало глубину.

Так бывает, когда тебе меньше всего хочется кого-то видеть, появляется некто, послать которого ты просто не можешь. Не имеешь никакого морального права. Вита была именно из числа таких существ.

Я остановилась прямо на лестнице. Чувствовала, что придется идти обратно и рассказывать, кто обидел маленькую бедную Даньку, но кикимора меня удивила. В момент оценив степень покраснения моих глаз, общую растрепанность, поникшие плечи и жалобно зеленеющие кудри, кикимора молча сцапала меня за конечность и повела к выходу из общаги. Переезд в очередной раз был отложен.

Таверна «Три слона», куда привела меня Вита, оказалась милым местечком на отшибе основных дорог. Хотела бы сказать – на отшибе жизни, но здесь она, напротив, бурлила, воспроизводя болотную экосистему до мелочей. Даже комары жужжали над ухом, желая познакомиться поближе, а жабки (обычные, а не как полноценная ездая жаба) весело прыгали с бугорка на бугор и орали на своем жабьем диалекте. Трех слонов я так и не заметила, но разве стоит придирааться к названию, если содержание выше всяких похвал?

В том смысле выше, что говорить не о чем. У нас подобное заведение уже давно закрыли бы за нарушение санитарных норм. А здесь даже посетители имелись. Причем – не болотного происхождения. Почему-то своих я уже на глаз определяла.

– Идем. – Вита потянула меня в уголок, где на возвышении имелся столик, под которым не рос мох, а вокруг висела антимоскитная сетка. Жизнь сразу стала заметно улучшаться. Ровно до слов девушки: – Несчастливая любовь?

Я поперхнулась воздухом. Воздух поперхнулся мной. Мы разошлись как в море корабли, решив больше так не встречаться. Тяжело вздохнув, я воскресила в памяти подробности потери.

– Очень несчастная, – согласилась я, припомнив, как пирожок пожрала урна.

– Кто? – коротко, как профессиональный киллер, поинтересовалась Вита. – Описание.

– Ну, он такой мягкий, – брови кикиморы начали подниматься, – пушистый, мясной, – до собеседницы начало доходить, что дело нечисто. – И он поги-и-иб. Ы-ы-ы-ы.

– Погиб? – переспросила она напряженно.

– Да, – простонала я. – А я так его хотела!

Вита протянула руку, чтобы ободряюще сжать мою ладонь.

– Люди смертны, – начала было она, но была остановлена моим гневным:

– Какие люди? Я про пирожок! Он ничего плохого никому не сделал! Почему он упал на пол! Судьба так немилосердна!

Пару секунд кикимора недоумевала, но потом расхохоталась едва ли не на всю таверну. Ей вторил хор лягушек, почувствовавший в кикиморе первую скрипку. Комары заинтересованно заглянули внутрь, но такие шумные леди их не впечатлили.

– Жизнь вообще несправедлива, – сочувственно протянула девушка, жестом подзывая официанта.

Хотя, признаться, подскочивший к нам детина больше на охранника походил, чем на обслуживающий персонал. И харя у него до того злодейская была, что ночью даже не стала бы пререкаться – молча бы карманы вывернула. Хм, возможно, именно поэтому таверна еще жива. С таким-то интерьером.

Как начинаются финансовые проблемы, выходит официант на широкий тракт, улыбается по-доброму и пошлину за проезд снимает. Или услуги предлагает. Кулинарного толка. Приготовить ребрышки по-эльфийски, отбивную по-человечьи, мясо лучшего в собственном соку... Да мало ли блюд для гурманов!

Наклонившись вбок, чтобы увидеть часть посетителей, я пришла к выводу, что мои размышления вполне могут соответствовать правде, ибо одному из гостей как раз несли ребрышки.

Блин, с такими идеями я вегетарианкой стану. Хотя нет, эти тоже кровь пьют, только овощей. А овощи – вообще бессловесные скотинки, мало ли о чем они думают в своем анабиозе? И что мне теперь, совсем не кушать?!

– Открой, – распорядилась отсмеявшаяся кикимора, подталкивая меню.

Что-то я сомневалась, что смогу прочитывать названия кушаний. Разве что по картинкам, как за границей? Тыкнул и улыбнулся. Изобразительные навыки местного шеф-повара оставляли желать лучшего. Или это официант-охранник зарисовывал в свободное от побоев время?

Вита тем временем открыла меню на той же странице.

– А теперь будем совмещать приятное с полезным! – объявила план на вечер кикимора и ткнула в первое слово. – Запоминаем буквы!

В общежитие мы вернулись только к полуночи, после того как поставили на уши всю таверну. А что поделать: кикиморы – народ

эмоциональный, а мне все никак одна буква не запоминалась. Крючок на крючочке и крючком погоняет. Про себя я назвала эту абракадабру «крючка», и когда наконец научилась ее вычленять из ряда похожих знаков, радости Виты не было предела! Но если вы думаете, что на этом издевательства над письменностью кончились – вы заблуждаетесь. Еще долго я буду помнить каллиграфию вилкой, рисование кетчупом и черчение ложкой.

В этот день посетители таверны получали блюда с посланиями содержания «день удачен будет» и другие простенькие фразы, которые порой превращались в ужасные предсказания. Эти пошли на ура. Вот всегда знала, что люди – извращенцы! Нет бы что-нибудь доброе, так их тянет на всякое непотребство! Вот подумать только, кто в здравом уме будет приходить на кухню и просить, чтобы ему на пироге написали «ты болен и кончина твоя скоро»? А приходили! Пришлось писать – Вита собирала с каждого заказчика по две монеты. Настоящая кикимора!

Таким образом, в общагу мы попали слегка навеселе от переполнявшей нас радости и изрядно потяжелевшие от звонких монет, распаханных по карманам. Но главное – я научилась писать! Коряво, как курица лапой, но зловещие тексты выходили красиво.

Адепты не спали! Адепты не пили! Адепты всю ночь истмаг зубрили! То есть развлечение по случаю первого дня шло полным ходом, а изрядно пополневшие адепты перестали изучать химию и начали изучать историю, тыкая на случайной странице учебника и задавая вопрос по тексту. Бедняга, который не учил в школе историю, должен был бежать за новой жертвой или пить штрафную рюмку сока объемом в три литра. Пока все выбирали побег, чтобы вернуться с новым участником событий.

Мы проплыли мимо, высоко вздернув носы и распевая песни. Я слов не знала, но мычать умела профессионально. Сошли за своих и беспрепятственно проникли в мою – а теперь уже нашу – комнату.

Сгорбившись и упоенно что-то читая, на подоконнике устроился Трейс. На полу же расположился Джейс, выложив на паркет несколько пакетиков. Самый глупый вопрос в мире так и не прозвучал. Заметив наш приход, болотники возрадовались:

– Вита, у тебя есть глюмария болотная? – с ходу поинтересовался Трейс, откладывая тетрадь.

Судя по потрепанности обложки, она у болотника была настольной книгой.

– Кому-то сока мало? – поняла девушка. Неодобрительно поджала губы и, проходя мимо Джейса, нежно пнула его в бок, чтобы не занимал

пространство. – Пришли, балаган устроили! – Она обличительно ткнула на чуть смятую кровать.

Под ее осуждающим взглядом я перетрусилась и не призналась, что кровать оставалась такой с моего ухода. Впрочем, болотникам на претензии кикиморы было наплевать. Они хотели глюмарию.

– Ну Вита, ну очень надо!

– Зачем? – настороженно спросила девушка, а я мысленно отметила, что глюмария – вещь в хозяйстве необходимая и неплохо было бы прикупить.

– Да эти после боевки совсем с катушек съехали, про Даньку шуточки отпускают!

Видимо, это была кодовая фраза. Вита быстро сунула руку в карман и протянула маленький пакетик братьям.

– Пусть им будет жутко! – напутствовала девушка уходивших собратьев.

Болотники серьезно кивнули.

Только на следующее утро стало понятно, что половина курса теперь дежурит в столовой. Но, в общем-то, это малая плата за нападение на любимого петуха ректора, разгром оружейной и разрытую на окопы оранжерею. От кого прятались, адепты так и не признались, только один проговорился насчет гигантских белых тапок, что преследовали его всю дорогу до окопа.

В этот день я не проспала. Да и как можно проспать, если в одной комнате с тобой живет донельзя пунктуальная кикимора? Убедившись, что добровольно выползть из кровати я не собираюсь (все же темень за окном мало вдохновляла на утренние подвиги), Вита просто украла у меня одеяло. Как? Я тоже не поняла «как», но, похоже, пространственные перемещения девушка знала не только в теории.

Тяжело вздыхая и зевая, я поползла в ванную. Радость быть платным студентом, когда платишь не ты, но получаешь свою отдельную ванную. Представив, как пришлось бы бежать в общую, стоять в очереди, потом под недовольные окрики из-за двери мыться, я еще раз порадовалась, что судьба решила сделать меня кикиморой. Все же быть болотницей – круто! Что бы ни думали отсталые переселенцы, мечтающие вселиться в тело эльфийской принцессы или какой-нибудь графини.

Почистив зубы и умывшись, я кое-как прозрела и выползла в комнату в более адекватном состоянии. Вита оценила и принялась задавать каверзные вопросы по прослушанным вчера лекциям. За каждый неправильный ответ следовал щелбан. Да уж, такими темпами я программу лучше зубрил знать

буду. И косметологию тоже!

К завтраку мы вышли бодрые и счастливые. Кикимора – потому что веселая, а я – потому что издевательство кончилось.

Сумка, перекинута через плечо, привычно стучала по попе, отмечая свое присутствие. Ботинки пружинили об пол. Жизнь была прекрасна. Ключевое слово – была.

Почему преподаватели пользуются студенческой столовой? Разве так честно?! А если бы мы прогуливали? Так же и запалить могут! Нет в жизни счастья!

К радости, мы не прогуливали, а всего лишь завтракали. Быстро набрав себе блинчиков с яблоками и утащив сок, я села за облюбованный Трейсом и Джейсом стол. Судя по их сонным лицам и неудержимой тяге уснуть в салате, к раздражению дежуривших адептов они имели самое непосредственное отношение.

Как бы то ни было, они заняли нам хороший стол. В углу, у окна. Отличнейшая наблюдательная позиция. А если еще и окошко открыть, то и для отступления верный путь. В общем, болотники, как всегда, были на высоте. Правда, спать в джеме – несколько экзотично.

Но о чем это я? О преподавателях в столовой!

Уже известный нам крылатый субъект стоял на входе и внимательно оглядывал присутствующих. Почему-то, по необъяснимой причине, мне захотелось спрятаться под стол. После давешнего бала мы с Наоном еще не пересекались, и, признаться, я опасалась мести за плохое поведение. Обнадеживало одно: я сейчас в компании болотников, а они своих не выдают. Разве что за очень большие деньги. И, черт, у этого демона они точно были. Вот и за какие прегрешения мне достался такой кошмар?

Наконец демон разглядел то, что (а точнее – кого) искал, и бодро направился в нашу сторону. Ну что я говорила? Удача точно не на моей стороне, иначе демонюга пошел бы к Трините или еще какой-нибудь сторожевой гончей.

– Завтракаем? – поинтересовался этот обаятельный злодей.

Гадом я решила его не называть, слишком много чести, а на дракона не тянет, в случае чего.

– Угу.

Вита была со мной солидарна в поедании блинов, а потому ответ вышел скомканный.

– Я присоединюсь?

У меня вилка выпала. Это что происходит?

– Вкусно? – с неподдельным интересом спросил Наон.

Вот мало ему падения вилок! Ему надо мне глаза увеличить! И справляется, нахал! Покруче пластической хирургии.

– Иначе бы не ели, – заметила Вита, спасая меня от ответа.

Сама она оставалась серьезной, но глаза ее смеялись, наблюдая за ситуацией. Предательница! Развлекается за мой счет!

– Как дела у Таона? – улыбаясь во все двадцать восемь, спросила я. – Я так по нему скучаю! Передайте ему мою горячую благодарность за минуты нашей близости. Он так помог мне в беседке. Не знаю, как бы я справилась без него!

Вышло двусмысленно, судя по посерьезневшей физиономии демона и его прищуренным глазам. Да уж, видимо, и я осваиваю великое искусство менять разрез глаз без хирургического вмешательства, ибо сейчас демонюга сравнялся с корейцами. Ну да ладно. Ему полезно.

– Сожалею, но брат отбыл домой. У него появились неотложные дела во дворце. Гарем бунтует и требует ласки, – сдал младшенького демонюга и внимательно так на меня уставился.

А я... понесло меня!

– Да, он хорош, – вспоминая бутерброды, которые Таон лично помогал готовить, мечтательно простонала я и добавила: – А ваш гарем по вам даже не скучает? Это о многом говорит!

– Я не держу гарем. Люблю, знаешь ли, разнообразие, – хитро улыбаясь, подмигнул демонюга.

– Не интересуется, – отрезала я, как всегда поступала с навязчивой рекламой.

Вот уж не думала, что в другом мире будет так же, только вместо косметики и БАДов мне попытаются всучить сомнительный продукт из рода зубасто-крылатых.

– Разве у тебя есть с чем сравнивать? – вкрадчиво поинтересовался Наон.

Интимно так, не смущаясь затихшей кикиморы и проснувшихся братьев-болотников. Что ж, не хочет по-хорошему, получит как обычно!

– В наш просвещенный век не обязательно участвовать в процессе, чтобы быть в теме, – шепотом, словно по секрету, поделилась наблюдениями я.

Демон нехорошо прищурился, видимо, посчитав меня извращенкой. И правильно, нечего тут сидеть и тень отбрасывать, пусть катится, а то аппетит портит.

– И насколько вы в теме? – заинтересовался этот гад.

– На все сто, – тоном светской львицы протяжно выговорила я.

– Поделитесь опытом? – промурлыкал демонюга.

А все же обаятельный, гад!

– Как-нибудь в другой раз.

Упаси господи от таких мастер-классов! Но до какой же степени демонюга меня довел, что я ему тут строю не пойми кого? Ужасный мир!

– Ловлю на слове.

– Поймали. А теперь, может, освободите стул, а то мне ноги некуда класть?

– Ради ваших ног – так и быть.

Демон все же поднялся со стула, насмешливо оглядел нас всех и ушел. И почему мне показалось, что ждет меня в скором будущем нечто не очень приятное? Впрочем, я могу и ошибаться. Могу!

Я с облегчением выдохнула и принялась ковырять блин, но время было безвозвратно потеряно: все остыло. Даже джем стал напоминать чьи-то желированные сопли. И вот как прикажете завтракать? Все зло от демонов!

– Данька, а ты серьезно?..

Договаривать Трейс не стал, видимо, считая неэтичным.

– Да ты что? – вылупилась на него я.

– Ух! – с облегчением выдохнула вся компания.

– А что? – заинтересованно спросила я.

Настроение испортилось, а вместе с ним ушел и аппетит. Грустно. Ведь знаю, что в самый неподходящий момент желудок затребует свое.

– Просто... ты себя вела странно. Кикиморы, при всей шепутной натуре, очень бережно относятся к вопросам девичьей чести. Нужно было хотя бы покраснеть.

– Он этого и добивался! – фыркнула я, про себя отмечая, что нужно быть осторожнее.

Представим, что мы в корейской дораме, где героиня – хамка, но при любом намеке на интимную сферу сопли на кулак наматывает, а потом этим самым кулаком – герою по лицу. И страдать, страдать побольше. И на пустом месте. Если не на пустом – то провал.

– Да, но... кикимора из достойной семьи должна вести себя иначе, – не унимался Трейс. – Она должна быть милой, скромной, тяжело вздыхать, и...

– ...не существовать, – закончила за него Вита. – Ребят, мы не в Семиречинске, а даже там себя никто так не ведет.

– Эндара ведет! – не согласился болотник.

Если бы мы находились в мультике, в глазах парня явно прыгали бы сердечки. Наивный!

– Просто ты хочешь, чтобы она себя так вела. Как обряд совершите, узнаешь, на ком женился, – подмигнула ему Вита.

– Вот так рушатся семьи, – глубокомысленно изрекла я, продолжая издеваться над блинами.

– И не говори! Напридумывают идеальных, а потом с реальными жить не могут.

– Нет в вас романтики! – упрекнул Трейс.

– А ты хочешь суп дома есть или манну небесную? Ты же учти: идеальные на то и идеальные, чтобы эфирами питаться и о возвышенном думать. А еда, брат, самое что ни на есть материальное. Так что придется тебе на диету садиться. – Джейс поднял стакан с соком. – Помянем почившего...

– Дурак! – толкнул его в бок Трейс.

– Это ты дурак. И Эндана твоя – дура. Пора уже понять, что таких картинок, как ты расписал, не существует. Лучше к демоницам сходи.

– В Астоль, – подсказала Вита. – Там много наших бывает.

Мне показалось или кикимора говорила со злорадством? И если я еще что-нибудь понимаю, то только что бедному Трейсу сдали место, где развлекается его «любимая». А судя по тому, что клуб – для демониц... Новая партия носовых платков придется как нельзя кстати.

– Пора сворачиваться, – взглянув на часы над дверью, проинформировал Джейс.

Он уже не выглядел сонным, полностью проснувшись во время бесплатного представления.

Вита поднялась со своего места и сгрудила посуду на поднос. Мне было жаль выкидывать едва надкусанные блины, но выхода я не видела, и мы вместе отправились сдавать грязную посуду. Надеюсь, мои блины отдадут какой-нибудь мимишечке. А то просто в утиль... Грустно это, грустно.

Завернув к расписанию, мы протолкнулись через облепивших его адептов. Кто-то вздыхал, кто-то, наоборот, злорадно смеялся. А я... Я едва Наона по батюшке не помянула. Еще вчера здесь не было выездки, а сегодня уже верховая езда затесалась! И зачем? Вот зачем мне это! Еще и физкультура, чтоб ее... И справку с освобождением не достать.

Жизнь явно любит экспериментировать. Я так и вижу, как она стоит с гаечным ключом и выборочно по голове лупит: очухается или нет. Но мы же болотники! Мы так просто не сдаемся!

«Хорошо лежать на пляже, хорошо смотреть в закат, только пыль

глотать копыт мне...» Додумать эту, без сомнения, гениальную мысль мне не дали, вздернув на ноги и придав ускорение в сторону отбежавшей мышастой лошадки. Ну вот за что все это?

Ну не любят меня лошади! Не любят. Даже смирные. Даже после килограмма морковки, даже после обещания ничего не трогать. Любят они другое: наблюдать за полетом незадачливых кикимор в кусты. Мнением самой кикиморы выделенная мне произволом инструктора Вишенка не интересовалась.

Сейчас она паслась чуть в отдалении, поедая листья ни в чем не повинного дерева, которое с укоризной смотрело бы на меня, если было бы в силах. Но что я могла поделать?

Это только в сказках: раз – и сел, два – и поскакал галопом. На деле, даже после получасового инструктажа, который влетел в одно ухо и с боем выбрался через второе, я мало что представляла в хитром деле залезания на лошадь. В прошлый-то раз меня на нее хоть подсаживали, а то и вовсе громоздили, как мешок с картошкой. А тут – сама. На лошадь! Посмотрела бы я на них, если бы им жабу привели.

Я тоскливо взглянула вдаль, где кончалась городская черта и где сейчас разъезжали справившиеся с заданием адепты. Да уж, по этому предмету я буду лучшей. Из колов просто не вылезу.

– Не повезло тебе со мной, – грустно проговорила я Вишенке, которая решила, что листья – не слишком подходящая для нее еда, и приступила к поеданию газона.

Желудок напомнил про две минувшие пары введений в бытовую и общую магию, но любви к салатам из травы я не питала, а потому пришлось уступить все лошадке. Ей полезнее, да и не стучает она копытом, когда ест.

Ради справедливости стоило отметить, что не у одной меня были проблемы с лошадьми. Иномирцы, что не удивительно, тоже испытывали некоторые трудности. Кто-то боялся потрогать упрямых животинки, а кто-то так лихачил, что улетел в кусты и до сих пор колючки и репы доставал. Меня такая участь обошла – все же растительный мир был мне ближе животного и щадил свою неразумную кровиночку.

– Я что – перерыв объявил?! – рявкнул инструктор. – Не отлыниваем!

– Не повезло тебе, – грустно предупредила я лошадь, взяла повод и попыталась на нее залезть.

Нога соскользнула, и я упала на утоптанную землю.

Потрясающее все-таки небо. Облака, раскрашенные темным серебром, солнце, играющее на каплях начинающегося дождя... Дождя! Моя душа

возликовала.

Дождь – это природное освобождение от сто пятого падения с лошади, трех штрафных кругов и физкультуры. О, как я любила в этот момент дождь, как верила в его силы, как жаждала его! Словно в ответ на мои желания капли становились все больше, да и скорость их падения возрастала.

К общежитию я вернулась мокрой с ног до головы, но счастливо откосившей от следующей пары. Не такая большая цена, если незамедлительно влезть в ванну, что я и намеревалась сделать.

Блаженство! Какое все же блаженство отогреться в теплой водичке, наслаждаясь запахом не обычного хозяйственного мыла с дегтем, а приятного цитруса! Решив помыть и голову, я нырнула под воду. Лепота.

Что и говорить, из ванной я выходила другим человеком. Не полудохлой жертвой чьей-то неумной фантазии, а кикиморой в расцвете сил. Вита так и не вернулась, что позволяло предположить: они нашли укрытие где-то на месте.

Дождь стучал по стеклу, намекая отказаться от прогулок, а я... Я была не против. В общежитии царил покой и уют, и даже из своей комнаты выходить не хотелось.

Распотрошив тумбочку, я нашла записывающий амулет и принялась переслушивать пройденный материал. Что ни говори, а к случайным контрольным следовало готовиться заранее.

Стук в дверь заставил меня всполошиться. Не сказать, чтобы я совсем не ждала гостей (в общежитии это просто невозможно), но вот так внезапно? Когда волосы еще не высохли, а сама я в свитере на несколько размеров больше, прикрывающем все самое интересное, сижу на подоконнике, прислонившись лбом к стеклу? Но где наша не пропадала?! Хотя бы взгляну на случайных гостей.

Делегация смущенно отводила взгляд, но отчаянно косила, поднимая мою самооценку. Я с нескрываемым удивлением разглядывала обитателей порогов, пытаюсь угадать, что могло им потребоваться от скромной меня, которая ни с кем из них еще не успела ни подружиться, ни нормально поговорить.

– Мы собираемся играть, и нам людей не хватает, – взяла себя в руки и объяснила ситуацию светловолосая девушка в байке с Hello Kitty. – Если хочешь, можешь присоединиться к нам.

– А во что играете? – насторожилась я.

Если иномирцы собираются играть в «Выбивалы» или еще какую-нибудь пакость, то я заранее могла сказать, кто станет жертвой, а мне этого

еще на выезде хватало. Нет уж, позориться еще и здесь... Физкультура – явно не мое.

– В «Ноги», – как будто это все объясняло, ответил стоявший рядом с ней парень.

Кажется, тот самый утренний любитель русской внелитературной культуры. Хотя можно понять человека. Ситуация была... веселой.

– А это что? – изобразила недоумение я.

Определенные догадки, во что хотят играть иномирцы, у меня имелись, вот только признаваться в собственном знании... Не думаю, что здесь эта игра столь известна!

– Это сложно объяснить, – смущенно ответила светловолосая. – Если интересно, оденься и собираемся в холл. Где люстру меняли, – уточнила она, вспомнив, что холл имелся на каждом этаже.

Едва за посетителями закрылась дверь, я крепко задумалась.

С одной стороны, «Ноги» – это весело. Мне ли не знать, с кем ты потом, спустя два-три года, будешь с теплотой общаться. Перед глазами всплыли картинки из собственного прошлого, когда и мы оббегали корпуса и собирали всех на эту веселую забаву.

С другой стороны, как прореагирует местное общество на обжимания, которые в ходе игры неминуемо возникнут? Впрочем, это проблемы моралистов, а болотники... Падать ниже в глазах местного общества мне и так некуда, а значит, пора уже наслаждаться жизнью. А что иномирцы? Межвидовые связи следует поощрять и развивать! Тем более что уж мы-то с ними одной крови.

Зная заковырки игры, я предпочла красоте удобство и выползла в холл в тапках, лосинах и тунике. Волосы собрала в хвост, чтобы не мешали и не волочились по земле, если придется ложиться. А в ходе игры многие и на шпагат садились, настолько проигрывать не хотели. А потому что там балет! «Ноги» – вот то, что заставляет любого открыть скрытые способности своего тела.

Спускаясь по лестнице, я с любопытством разглядывала рискнувших. Помимо иномирцев, которых здесь было явное большинство, присутствовали три эльфа (я завистливо вздохнула при виде их послушных волос), четыре демона, людей – не меньше десяти, дриада с двумя хихикающими нимфами и нечто непонятное, похожее на гнома-переростка. Еще трое держались особняком и презрительно за всем наблюдали. Видать, правила не позволяли присоединиться, но на потеху глянуть тем не менее любопытно. Если же считать в соотношении парень-девчонка, то группы были примерно равны по численности.

Подождав и убедившись, что больше интересующихся нет, иномирцы вкратце объяснили правила, и мы встали кружком, держась за руки. Это пока все выглядело мило и несложно, а вот когда путаница будет... Я с предвкушением взидала, как начинается игра. Наконец мой сосед коснулся своим ботинком моей тапочки, и я с довольной улыбкой принялась сажать следующего за мной парня на шпагат. Да, я была злой, но в «Ноги» не проигрывала никогда.

Мы сделали три круга, прежде чем начали выбывать игроки. Преимущественно люди и, что странно, иномирцы. Местное население оказалось более приспособленным и пакостным, заставляя несчастных пришлых с досадой вспоминать, чья же это идея – пригласить жилистых эльфов в игру.

Мне удалось продержаться до конца. То ли эльфйки не хотели осложнений с болотниками (что больше походило на правду), то ли просто из уважения к девушке (что не помешало им вывести из игры едва ли не половину прекрасного пола), но факт оставался фактом: я дожила до конца и теперь гордо стояла с победителями, демонстрируя, насколько эльфийские локоны превосходят все остальные. Моя собственная грива за время игры подсохла и превратилась в воронье гнездо, несмотря на хвостик.

– Дубль два, – оповестила светловолосая девчонка, Кира, как она назвалась, объявляя второй круг.

– Меня подождите! – крикнула, убегая наверх. – Сейчас вернусь!

Сейчас не сейчас, но через семь минут, сверкая пятками, я неслась вниз с более-менее цивилизной шевелюрой. Взрыв на макаронной фабрике удалось нейтрализовать.

– Ну наконец-то! – фыркнул гном-переросток, занимая место в кругу.

Эльфы промолчали, прекрасно понимая, насколько важно было расчесать высохшую гриву. Такое чувство, они в этом сборище – самые чуткие. Стоит ли говорить, что я припомнила, в какую сторону мы начали двигаться, и заняла место сразу за эльфами? Тот из них, кого я должна была выводить из игры, ободряюще сжал мою руку. Да уж, одни заботы объединяют.

– Что здесь происходит?

Заслышав этот голос, весь мой настрой испарился в неизвестном наслаждении, оставляя только вкус лимона на языке. Ну почему я так на него реагирую! Ведь и не красивый вовсе, только вредный, а ругаться с ним приятно.

Я непроизвольно улыбнулась.

– Играем, милорд, – скупое пояснил кто-то из демонов. – Налаживаем коммуникацию с представителями иных рас.

– Даже так?

Я не видела его лица, но что-то подсказывало: демон довольно усмехался. Тихие шаги только подтвердили догадку: мужчина шел мимо круга, разглядывая участников безобразия.

– Пожалуй, я присоединюсь, – поставил он всех в известность.

А я почувствовала, как чуть липкая рука моего соседа справа, того, кто должен был выбирать, какой ногой мне тянуться к соседу слева, сменилась теплой и чуть шершавой ладонью. Даже поворачиваться не потребовалось, чтобы определить, кто стал моим соседом. Ну за какие прегрешения мне эти муки?!

На ум пришло сегодняшнее утро, и я тяжело вздохнула. Расплата, так вот ты какая.

Демон оказался незлопамятным. Более того, внимательным и чутким. Он прекрасно знал, как сделать так, чтобы мне было наиболее удобно... сесть в лужу. Вместо лужи имелись его объятия, в которых иногда приходилось лежать и ждать, когда же пройдет следующий круг, чтобы... обнимать его дальше. Тактик, блин, стратег! Еще и анатомию прекрасно знает. И правила игры понял, как если бы сам их писал. Я уже и выбыть согласна, но... формально я могла выбыть, только упав, а чего-чего, этого сделать мне не давали. Ну вот как так играть! Одно сплошное расстройство.

Эльф сочувственно сопел, но помочь ничем не мог. Нас осталось пятеро, а клубок запутался до такой степени, что впору уже самим остроухим сдаваться – демон был просто непрошибаем!

– Так неинтересно, заканчивайте уже!

Кира, знала бы ты, как я тебе благодарна за эти великие слова! Эльфы разжали руки, отступая, а меня все не отпускали, держа на весу.

– Игра закончилась, – напомнила я, пытаюсь выбраться из чьих-то ручонок.

Если бы, в вертикальное положение меня привел демон, но так и не отпустил.

– Повторим? – усмехнулся он.

А я покраснела, припоминая, как мы обнимались круга четыре назад, когда я еще лелеяла надежду что-то изменить и пыталась помочь эльфу посадить демона в неудобную позу, чтобы тот упал. Не вышло.

– Как-нибудь в другой раз, – пролепетала я и позорно сбежала к себе в комнату.

Чтобы я с ним еще раз играла?! Да ни в жизнь!

Глава 7

Из жизни гордых

*Если долго мучиться,
что-нибудь сломается.*

На пятничное расписание я смотрела с едва скрываемым оптимизмом. И неважно, что предстояло вытерпеть целые четыре пары, две из которых были сущим издевательством. Нет, я понимаю, что в здоровом теле – здоровый дух, но чего хорошего в дурнопахнущей нетранспортабельной тушке кикиморы может обретаться... Оставалось только посочувствовать нашему тренеру-демологу, ибо еще немного – и он вызовет кого-то из собратьев. Или это и есть его коварный план?

Так рассуждала я, глядя на кривые строки расписания. Почерк у методистов получался хуже моего, а потому я даже не чувствовала себя ущербной, показывая Вите прописи. Все же в чем-то мироздание соблюдало законы справедливости.

В чем-то.

Последнюю истину я поняла, когда, явившись под ручку с Витой на основы бытовой магии, вместо привычной метрессы Жанны увидела скалящегося демона, довольного собой и собственным трюком. В расписании о замене не было ни буквы, а то пришла бы я сюда! Уж лучше прогул!

– Идем!

Вита дернула меня за рукав, и мы быстро прошли мимо преподавательского стола на любимые задние ряды.

Учитывая, что Джейс и Трейс относились к бытовой магии со скепсисом и посещали ее по настроению, их в аудитории не наблюдалось. Как не наблюдалось еще половины адептов мужского пола. Женская же часть млела от удовольствия. И я бы их поняла: любоваться там есть на что. Вот только наше знакомство с этим клыкастым было куда более личным, чем хотелось бы.

Заинтересованный шепот стих, едва мужчина присел на край стола и взглянул на часы. Аудитория синхронно выпрямилась, втянула животы и расправила плечи, демонстрируя те достоинства, что имела. Кто даже расстегнул верхнюю пуговку.

– Дилетантки, – усмехнулась Вита. – В женщине должна быть загадка.

Взглянув на самых смелых, я полностью согласилась со старшей болотницей. Тайна, и только тайна могла спасти первый ряд. Увы, они действовали слишком поспешно.

– Итак, полагаю, мы можем начинать. – Демон подошел к двери и щелкнул замком, отсекая пути отступления. – Метресса Жанна уехала на некоторое время в командировку, и чтобы вы не теряли часы, ректор попросил прочитать вам курс. – Он выдержал паузу, едва поморщился и закончил: – Эtiquette.

И так улыбнулся, что я готова была свидетельствовать, что метресса Жанна уехала не случайно. А ради благословения и полного обеспечения одного ухмыляющегося субъекта. Ну не может так улыбаться тот, кто непричастен! А он улыбался. Многообещающе, пакостно, ласково-ласково... И виделся мне крах на зачете. Даже к предсказателям ходить не нужно, чтобы познать сию простую истину.

Демон тем временем представлялся. С чувством, с толком, с расстановкой декламировал свое полное имя. Я заснула уже на третьем. Ну не способна моя хлипкая девичья память вогнать в себя больше, чем «Иванов Иван Иванович». А этот демонюга требовал Наондаля Астарнага какого-то там.

Я приуныла и решила изображать правильную кикимору, отложив карандаш подальше и глупо пялясь на демона. Не знаю, что по этому поводу говорил этикет, но добрая половина аудитории занималась тем же, даже не пытаясь скрывать. В тетради вместо имени были нарисованы сердечки. Ну и что это?

Тут мне на ум пришли обстоятельства собственного попадания и милейший субъект из метро. А ведь там тоже было, на что посмотреть. И ведь смотрела!

Почувствовав себя идиоткой, я бросила взгляд на демона, размышляя о том, что случилось бы, имей взгляд вес. Потом прикинула стойкость мужчины и решила, что ему крупно повезло. Такого количества тяжелого мусора он бы просто не вынес. А вес все нарастал.

Наконец все желающие справились с написанием сложнейшего имени демона, не зная которое явно было нарушением протокола, и мы приступили к первой теме. Нет, уж лучше бы я его имя записала... Ибо когда начинают вот так прямо издеваться: «Эtiquette – это... Предметом нашего исследования будет являться... Объектом...» – и так до конца пары, хочется выпрыгнуть в окно. А ведь он понимал это! Видел, как тухнут взгляды девушек. Еще чуть-чуть – и квашеной капустой завоняет. Видел – и

продолжал гнуть свое.

Кажется, я заснула. Закрыла глаза, чтобы подумать, а в следующий момент над моим ухом кто-то заботливо спросил:

– Подушечку подложить? – шепотом, с поистине материнской заботой. Ну как я могла отказаться?!

– Ага, и звук убавить, – попросила я, переворачиваясь на другой бок и стучаясь о столешницу.

Аудитория не преминула отметить мой промах. Ржали все. Даже предательница Вита усмехалась. Демон и вовсе наслаждался:

– Поскольку лекцию вы благополучно проспали, придется отрабатывать.

И он так выделил последнее слово, что ни у кого не возникло даже мысли, что отработка будет письменной и по теории. Разочарованные стоны пронеслись по помещению. Я начала считать...

Один, два, три... Ну же, кто мне компанию составит... Четыре, пять, шесть... Желаящих подозрительно не находилось. Я быстро глянула по сторонам и заметила, что все селятся выговорить хоть полслова, но даже звука не слетало с их губ. Мерзавец. Это же почти свидание!

– Завтра в семь.

– А может, как-нибудь потом? – проканючила я.

Он же специально ко мне придрался! Подумаешь – заснула. Болотники – так и вовсе не пришли! А отдуваться одной мне, что ли?!

– Завтра. В семь, – повторил этот гад и прежде, чем я успела возмутиться, покинул аудиторию.

Нам оставалось только пойти следом.

С Витой пришлось попрощаться: на боевую магию она не ходила, а я предпочитала проскальзывать и незаметно сидеть где-нибудь наверху, наблюдая, как Альтар рассказывает о теории построения боевых заклятий. А потом и показывает, внимательно следя, чтобы адепты правильно повторили. И они повторяли. Успешно или нет, но повторяли, а я... Мне не удавалось этого сделать. Я смотрела на свои руки, даже представляла, как что-то там происходит, даже, считай, видела то, что требовалось. Но... ничего не получалось. Словно у меня стоял предохранитель, который не позволял магичить в полную силу.

Впрочем, повздыхав немного, я все же утешилась: все и сразу не доставалось никому, а мне и так повезло невероятно. Мысли сами собой вернулись к иномирцам. Их стало меньше, они реже появлялись на занятиях.

Кира сказала, что многие заболели и теперь лежат в лазарете, но мне в

это слабо верилось. Впрочем, за мой спиной стоял только собственный опыт, а то, что я не заболела, могло оказаться не более чем счастливым стечением обстоятельств.

В сто тринадцатой, где читал лекции Альтар, уже собрались люди. Несмотря на травмоопасность и прочие прелести предмета, сюда приходили и как на факультатив. Этих сразу видно. Те, кто появился ради преподавателя, садились на первые ряды. Кто хотел незаметно послушать – на задние.

Я кивнула своему соседу – Магросу, кажется, – который с улыбкой посторонился, уступая мне целых два места, чтобы пристроить вещи.

Альтар пришел с опозданием и, как мне показалось, был не слишком счастлив тут находиться. Взгляд его то и дело замирал, словно маг и вовсе не здесь, но через мгновение вновь возвращался, чтобы оценить внимание слушателей и, углядев непонимание, объяснить вновь.

Мне нравилось слушать, записывать в тетрадку, наблюдать за остальными. Было в этом что-то правильное. И на пару с традиционной начиткой материала никак не походило. Пожалуй, это единственный предмет, где звонок воспринимался неотвратимой карой, ибо хотелось слушать дальше. Что и говорить, адепты выползали с занятия медленно, надеясь услышать еще что-нибудь от любимого преподавателя.

Альтар молчал, ожидая, пока все выйдут и можно будет закрыть помещение. Я же просто медлила, чтобы схлынула основная волна. Идти по головам, пробивая себе дорогу, очень уж не хотелось.

– Дана, задержитесь, – официально окликнул маг, когда я хотела вылезти из-за парты и влиться в уходящую толпу.

Почему-то оставаться не хотелось. Памятуя о не слишком приятном эпизоде с пирожком, я старалась попадаться ему на глаза как можно меньше, но, видимо, пришло время набраться храбрости. А коль так – где наша не пропадала!

И я пошла. Быстрыми рваными шагами, как будто мне было совсем уж все равно и хотелось побыстрее избавиться от внимания преподавателя, чтобы с головой окунуться в атмосферу выходных. Надеюсь, оно так и выглядело.

Альтар дождался, пока выйдут все, и махнул рукой, что-то рисуя в воздухе. Дверь закрылась, вызвав у меня обреченный вздох. Да уж, везет мне сегодня на преподавателей, запирающих двери. А ему-то это зачем понадобилось? Ответа не было, а догадки я решила не строить, чтобышний раз не пугаться или разочарованно не вздыхать.

– Как учеба? – спросил мужчина, присаживаясь на край стола.

Я тоже опустилась на парту. Всегда любила так делать, но, судя по всему, здесь подобное не принято. Разве что при личном общении. А уж в том, что Альтар собирался говорить неофициально, я больше не сомневалась.

– Относительно, – улыбнулась я. – Только с боевой не ладится. И с этикетом, – добавила, вспомнив про отработку.

– Этикет?

Вздернутые брови выдали ознакомление мага с нашим расписанием. Иначе он бы просто не удивился.

– Ага, Наон решил поиздеваться, – пожаловалась я, строя скорбную рожицу. – Отработку назначил!

– Уже? – одними губами усмехнулся маг. – За что?

– За то, что вредный. Полпотока и вовсе не пришло, а как цепляться – так ко мне!

Я совершенно искренне негодовала.

Альтар тихо рассмеялся. И, словно не удержавшись, легонько коснулся моей зеленой гривы, едва приглаживая воронье гнездо. Больше всего его поведение походило на заботливого родителя, который слушает свое неразумное чадо. И пусть это было мило, мне отчего-то хотелось злиться, как будто он поступает не так, как я хочу, как ожидаю. Но чего я жду – не могла понять.

– И какую форму отработки он выбрал? – задал логичный и напрашивающийся сам собой вопрос Альтар.

Вместо того чтобы честно, не моргнув глазом, признаться, я покраснела.

– Он только время назначил, – призналась я.

В голову закралась предательская мысль: а что, если я уйду куда-нибудь? Найдет ли Наон меня? Что-то подсказывало – найдет. Вероятно, это разум проснулся, решив хоть немного поучаствовать в жизни своей иррациональной хозяйки. Всю малину обломал!

– Только время? – удивился маг. Нахмурился, словно его соображения были далеки от желаемых, и с прищуром поинтересовался: – И какое же это время?

– Завтра в семь, – с радостью сдала «любимого преподавателя» я.

Так его, демонюгу!

– Понятно, – вновь усмехнулся мужчина и... – Рекомендую согласиться.

От разочарования я едва не подавилась. Ну вот как он мог?! Я-то, дурында, решила, что рыцарь в сверкающих доспехах нарисовался, а он...

Какой же он гад!

Прежде чем разум вновь вышел на арену боевых действий, я соскочила со стола и, яростно орудуя локтями без всякой на то необходимости, выбежала из аудитории. Ну зачем он так сказал! Мог бы вмешаться! И... А почему я ждала, что он вмешается? Потому что завтрак на болоте готовил? Так это его часть договора.

Не знаю, что видели случайные прохожие, но путь передо мной расчищался мгновенно. Только Грег, решивший самоубиться об кикимору, попытался заступить мне дорогу, но сглотнул и передумал. Другие даже попыток не предпринимали. А я шла и злилась. Злилась и шла. Куда шла, на что злилась – это мало занимало меня. Просто злилась. Из любви к искусству, наверное.

И дверью грохнула на все общежитие тоже из любви к искусству, не иначе. Штукатурка картинно рассыпалась в коридоре. Сила удара не оставила ей шансов.

Виты не было, а потому я могла в полной мере предаваться собственному разочарованию. С чего бы только? Впрочем, если ты уже наслаждаешься каким-то чувством, так ли важно его происхождение? А мне... Видимо, мне просто требовалось выплеснуть куда-то все накопившееся. А накопилось немало.

Всегда трудно вписываться в другую культуру. А вписаться так, чтобы никто и не понял, что ты вписываешься... Задача не для слабых. Я слабой не была, но даже для меня это оказалось непросто.

Медленно выдохнув, я справилась с собственным неадекватом и, улыбнувшись зеркалу так, чтобы оскал не казался угрожающим, вышла из родных пенат. Час был не поздний, но большинство адептов уже вернулось. Из комнат доносился смех, где-то звенели чашки, кто-то зубрил теорию, то и дело повышая голос на самых патетических местах конспекта. Да уж, никогда не думала, что найдется человек, который станет фиксировать все слово в слово, не обращая внимания, относится это к делу или нет.

– ...закройте дверь... следующая фаза развития...

Повторение прервалось. Читающий заметил неточность в своем конспекте, задумался над причинами и (я затаилась, чтобы услышать исправленный вариант) выдал: – Закройте дверь – следующая фаза развития заклинания.

Я сползла по стенке. Интересно, он и на экзамене так скажет? А что ему преподаватель ответит? И покажет ли адепт свой конспект? Или, может, проконсультируется с другом и поймет, где жестоко просчитался? А если не поймет... Да уж, пара приятных минут для вредного Ганса, если,

конечно, в будущем билет будет подходящий. Впрочем, смех смехом, но и мне следует поучить теорию. Помнится, Вита со товарищи предупреждала про экзамены местные, семиречинские.

Подумав и, как и всякий типичный студент, отложив на завтра, чтобы аналогичным образом поступить и спустя день, я зашагала дальше по коридору. Одна из дверей была открыта нараспашку, а изнутри доносились то ли смешки, то ли всхлипы. Рядом, у входа, стоял чемодан с отломившимся колесиком, едва-едва балансируя, чтобы не упасть.

Я не удержалась и заглянула в комнату. Увидеть там Киру я не ожидала. Еще во время игры в «Ноги» у меня сложилось впечатление, что девушка – если не оптимистка, то уж никак не депрессивный пессимист. А тут она плакала. Сидела на кровати, обнимая коленки, и плакала навзрыд. Как будто случилось непоправимое. О том, что оно могло случиться в действительности, я предпочитала не думать.

Аккуратно закрыв дверь и подперев ее чемоданом для надежности, я прошла внутрь. Комната напоминала поле боя. Неравного боя, ибо по полу все еще разбегались сушки, сталкивались со стенами и вновь возвращались на ниву кружения. Одна из них, менее удачливая, крошками разнеслась по полю недавним сквозняком и чьими-то ботинками.

– Кир, – тихонько позвала я, присаживаясь рядом. – Что случилось?

Девушка только рукой махнула, как будто намекая мне на дверь. Но мы же непонятливые! Какая дверь, да разве так можно? И вообще, она закрыта. И подперта. И никто-никто не выйдет. И я в том числе.

– Кира-а-а, – повторила я, касаясь ее плеча. Девушка отвернулась, что-то пробормотав себе под нос. Даже мои привыкшие к подслушиванию ушки ничего не смогли разобрать. – Ну, Кир, я же не уйду! Я же противная кикимора, ты разве не помнишь?

– Помню, – буркнула девушка. Но не так, чтобы очень расстроено, скорее – с удовлетворением.

Неужели это она от одиночества так?

– Вот и славно! Излагай! – распорядилась я, немного попрыгала на кровати, проверяя прочность и удобство, и наконец замерла в неподдельном внимании. – Кто обидел мою Киру?

– Жан, – нехотя призналась девушка, вытягивая руки и разглядывая свои ногти.

А они, признаться, были чудесные. Я вообще так разрисовать не смогу. Таланта не хватит.

– А что он сделал?

Впрочем, ответ сам напрашивался, стоило вспомнить симпатичного

даже по местным меркам брюнета с томными глазами, которым бы так пошли фингалы.

– Его Эленари пригласила! – всхлипнула девушка. – Ты ее видела. Волосы до пят, глаза, как у анимешки. Жан сказал, что она ему не нравится. Он обещал, он клялся! А сейчас ушел... С ней.

– А сушки чем провинились? – не выдержала я, размышляя, чем так привлекала бедного Жана кукла анимешная.

Он вроде фанатом манги не казался, чтобы вот так запросто любимую девушку бросать ради первой встречной белобрысой и прекрасной.

– Сушки?.. – Казалось, она не поняла вопроса, потом огляделась и смутилась. – Просто я разозлилась.

– Продукт только перевела, – попеняла я. – А Жан... Куда, говоришь, они отправились?

– В «Три слона». Я бы тоже туда пошла, но...

– Собирайся, – распорядилась я.

И тут в мозгу щелкнуло: Вита говорила, что после нашего триумфа там начали не только страшные предсказания давать, но и всякую розовую дурь писать и в кексы засовывать. Не за этим ли наши голубки туда потопали? Что ж, это только на руку. Еще бы и болотников привлечь к благому делу...

– Через десять минут в холле. И чтобы была вся из себя красивая и макияж водостойкий. А то тушь потечет, и что делать станем?!

– Я не буду плакать, – пообещала Кира. – Не из-за него.

– Правильно! – поддержала я. – Но плачут не только от печали, иной раз от смеха тушь стекает куда лучше. Так что готовься, будем наставлять на путь истинный всяких проходимцев. Только чур его потом не утешать! Разве что заслужит! Но только с третьего раза. Или седьмого.

Кира кивнула, но подсказывал мой филейчик, что если Жан вернется, она его тут же и простит. Хотя... если Трейс и Джейс будут... Дело за малым.

Болотники предавались утехам. Высунув языки от усердия, они смешивали непонятно что. Запах стоял... А какой запах должен стоять при выделении сероводорода?

Решив побережься, я выскочила из комнаты. Нам еще кексы печь, а кто вонючку на кухню пустит? Правильно, никто. Так что...

– Джейс, Трейс, на благо родной общаги идем учить остроухих?

Повторять дважды не пришлось. Вот не любили болотные понаехавших эльфичек. А нечего было смеяться над доблестными повелителями жаб! Сейчас, глядишь, и не собирали бы братья мешок

быстрого реагирования.

– И красиво оденьтесь. Только очень красиво, – уточнила я задание. Болотники тяжело вздохнули и повиновались. – Пять минут – и в холл.

Операция «Месть зеленых» начинала вступать в активную фазу.

Наше честное собрание в количестве пяти штук (Виту нашли братья по своим каким-то каналам) пугало прохожих своим несоответствием. Кикимора, вырванная в разгар эксперимента, недовольно соскребала с волос ярко-розовую субстанцию. Джейс, которому выпала роль играть нового ухажера Кире, аккуратно, чтобы не испачкаться, держал двумя пальцами баночку, куда его брат бережно, можно даже сказать – любовно, засовывал результат неудачного эксперимента подружки. Розовая гадость не хотела так просто сдаваться и цеплялась к пальцам не хуже обычной жвачки.

– У нас ничего не получится! – уже в сотый раз проговорила Кира, наблюдая за действиями болотников.

– Как раз у нас все и выйдет! – не согласилась я.

Раз уж Трейс нанес боевую раскраску пиратов на лицо, а Вита просто была зла, как может злиться лишь кикимора, не получившая желаемого, мы просто обязаны победить, чего бы нам это ни стоило. А запасы наши велики...

В «Три слона» мы топали, гордо подняв носы и опустив головы. Вход для персонала не шел ни в какое сравнение с парадным и приучал к вежливости. Кланяйтесь, кланяйтесь, друзья. Зарядка – вещь полезная. Спорить никто не решился, и мы кланялись, пригибаясь и выпрямляясь, будто не в таверну шли, а по каким-то катакомбам.

– Нет, ну что же я не учла! – то и дело норовя стукнуться макушкой о потолок, говорила Вита. – Я же все рассчитала. Ингредиенты, катализаторы – все сходилось...

Я сочувственно вздохнула и дернула ее вниз, чтобы не стукнулась. Кикимора равнодушно наклонилась: мысли ее были далеко.

– Нет, это неправильно! Мы не должны так поступать, мы же обманываем Жана, – ныла под боком Кира, заставляя меня звереть.

– А чего мы не через главный? – возмутился очнувшийся от блаженного сбора розовой субстанции Трейс, по пути ошипывая ее остатки с волос Виты.

– Там не протолкнуться, – пояснил ему брат. – Аншлаг, а мне еще достойно выглядеть.

– Ты и так достоин! Пары тумачков, – почему-то разозлилась Вита, прозрев. – Кто мне поменял сборы?!

– Ничего не менял! – огрызнулся Джейс, которому ситуация с каждой секундой все меньше нравилась. – Это Трейс для своей новой бомбы-вонючки взял.

– Трейс! – В голосе Виты появились ласковые нотки: – Признайся? Не будем усугублять...

Болотник сглотнул и поспешил спрятаться за мной. Учítывая, что мы пробирались по пыльной шахте, по недоразумению названной помещениями для персонала...

– Народ, может, хватит! – рявкнула я. – Нам дело делать надо, а не отношения выяснять. Сначала дело, а после уже разберемся.

Болотники взглянули на бледно-красную Киру, которая и сама не знала, как ей реагировать: то ли плакать, то ли смеяться, то ли и вовсе бежать назад с криками «уберите от меня этих идиотов!», – и устыдились. По крайней мере, виновато вздохнули и ускорились.

Затеplился свет в конце прохода, и мы выпали в подсобку под недоуменные взгляды двух переодевающихся подавальщиц. Визгу было... Правильно, не было его. Знали обе горные троллихи, кто тайными тропами ходит, и только и надеялись, что какой-нибудь лягух, как иногда называли водяных, увидит и влюбится.

Не влюбились, – констатировала я, глядя, как дергаются у нашей сильной половины глазки. Взяв их за белы ручки и извиняясь за сорванное шоу, мы быстренько вышли в нормальный светлый коридорчик между кухней и... кухней. В одной, маленькой, где меня учили писать, сейчас было не протолкнуться. А вот в другой, где гномиха в зеленом (патриотично настроенном – все же жена болотника!) колпаке грозилась шумовкой наподдать поварятam, место имелось. Именно туда мы и отправились согласовывать акт диверсии.

Вызванный супругой хозяин скептически отнесся к нашему предложению, но, подсчитав в уме, сколько должен нам за использование идеи и припомнив самый справедливый болотный суд в мире, который ни разу не признал своих виновными, вздохнул и разрешил творить. Авось, что-нибудь еще придумаем. Случаются же у гениев проблески!

Избавившись от паутины, очистив камзол с золотым шитьем (а я только и заметила, что Джейс у нас стал завидный жених!) и серебряными, как и полагалось, пуговицами, болотник застыл перед зеркалом. Стоило ему обернуться, я вылупилась во все глаза. Стоявший передо мной молодой болотник меньше всего походил на балагура Джейса. Скорее – на его взрослую, серьезную и очень презрительную копию, которая так на нас посмотрела, что я едва удержалась, чтобы не сменить ему форму носа.

Трейс одобрительно хлопнул брата по плечу:

– Хорошо. Вот так на наших клиентов и смотри.

Джейс высокомерно усмехнулся и предложил локоть Кире, которую мы в четыре руки спешно приводили в порядок. Прическу там поправить, ресницу приклеить, тональником прыщ замазать... Да мало ли других средств отечественного фотошопа имеется в маленькой сумочке современной леди!

Коллективное творчество – вещь крайне заразительная. А уж когда выдается возможность рисовать на живом человеке – и вовсе сродни эпидемии. Начали мы с Витой, а потом... Потом лапы к нашему творению приложили и братья. Еще и хозяин таверны проникся и решил поспособствовать: сбегал и из-за лучшего столика кого-то выгнал, дабы наши «влюбленные» сидели на виду у всех.

Отпив для храбрости вишневого сока, парочка отправилась покорять сердца зрителей. А именно зрителями и предстояло стать всем, посетившим в этот вечер славное заведение с романтическим названием «Три слона в беседке». Последнее быстро дописал хозяин, решив придать своему заведению налет аристократизма.

Нам же предстояло быть чернорабочими. Выпросив у гномихи под честное болотное ее лидерский колпак, болотники пихнули меня в маленькую кухню, где работали гоблины-предсказатели из ближайшего филологического училища имени Грыжа Зармудовича-Айенанского. Когтистыми лапками они выцарапывали послания разной степени мифичности и вкладывали в маленькие деревянные тубы. Настолько маленькие, что те легко прятались в кексе.

Заприметив на мне лидерский колпак, гоблины поджали лапки и отступили, желая продемонстрировать результат своего труда. Пекарь только простонал: вытаскивать предсказания ему не хотелось.

– Любовные? – осведомилась я, для повышения авторитета перехватывая скалку.

Теперь я чувствовала себя королевой кухни: все регалии были при мне, и только взгляд гномихи, который буравил меня сквозь стены, не давал забыть.

– Там, – брезгливо выставил указующий палец гoblin. – Все мыслишки на них извели! А им все надо и надо! И всем счастливую, до самого гроба. Как будто в гробу на следующий день после знакомства теплее будет. Вот нет, чтобы теплую шкурку...

– Пиши уже, – ткнул соседа рыжий и косматый. Видать, заводила. – А то разгневается госпожа и зарплату урежет!

– Ступив на путь тьмы, вы обретете власть над своей судьбой, страховку и оплаченный отпуск, – подмигнула я несчастному гоблину.

Ну и что, что так послушники из стана нечисти говорят, зато правильно! Поможет – я ему лично монет отсыплю. Ради хорошего дела не жалко. Ну... самую малость.

Тем временем вернулась из разведки (выглядывания из-за спины официанта) Вита, подтвердила наличие «клиентов» и верную, проглядывающуюся со всех сторон, дислокацию нашей парочки. Пора было приступать ко второй фазе нашего плана.

Диверсионный отряд в числе одного болотника проник на территорию обеденного зала, гордо въехав в него под столиком, который катила вздыхающая троллиха. Чужая свою ответственную миссию, она вырулила прямо перед столом Жана и будущей лысой эльфы и протянула им меню. Трейс скользнул под стол, благо, место там оставалось. Из-под стола он нам и помахал перед тем, как окончательно скрыться за свисающей до самого пола скатертью.

Хм, «Три слона» решительно поменяли обстановку. Сегодня они больше походили на традиционное кафе, нежели на приют комариного братства. Я с любопытством уставилась на хозяина, который правильно понял мой взгляд и засмутился:

– Так ведь проверка со дня на день, – покаялся он и поспешил слинять, чувствуя себя не в своей тарелке.

И потянул демон глянуть, чем его любимые клиенты маяться изволят!

Я расплылась в улыбке: проверка была на руку! Иначе где бы прятался Трейс? А как бы Джейс подавал условные сигналы Кире? Проверка, как же ты вовремя! Вспомнив любвеобильных комарих, которые прыснули бы со всех сторон к нам, сорвав всю конспирацию, я и вовсе убедилась в необходимости совершения тура по кафе с целью проверки санитарных норм. Эх, был бы сайт – я б им такой отзыв написала! Представила – и ахнула. Нет, лучше не писать, а то закроют бедных слонов.

Кислая Чия, наша помощница поневоле, принесла заказ Жана и эльфы. Чаво? Это с каких таких пор бравые парни превращаются в травоядных? А глядя на их заказ, так оно и выходило: Жан внезапно вспылал страстью к траве, напрочь отказываясь от мяса. Не верю!

– А это точно их заказ?

Бедная подавальщица закивала, вызывая мини-ураган. Гоблин, тот, который поразговорчивее, с интересом взглянул на видную даму.

– Ыгы, – подтвердила Чия, проверив все карманы и даже лиф, чем полностью покорила бедного гоблина.

– Верю-верю, – постаралась я убедить подавальщицу. Здоровье у меня слабое, а сквозняк – дело опасное. – Можешь идти. Мы позовем, когда заказ относить нужно будет.

Так-с... Салатик, салатик, салатик, салатик... Они что, совсем очумели?! Салатик, салатик, салатик... Нет, ну сколько это будет продолжаться! Салатик... Рыбка! Фу-у-у-у, не люблю рыбу! Салатик...

Искомое нашлось только в самом конце. Видимо, Жан все же страдал без мяса и пытался хоть объемом компенсировать недостачу питательных элементов. Глупец! Потом еще волосы выпадать начнут, видела я одну вегетарианку. Стойкая попалась. Убеждения остальных скопытились раньше, вернув их в стан злейших врагов-мясоедов!

Итак, не из травы ими было заказано два десерта «половинки», которые по описанию в меню должны были доказать, что парочка действительно является парочкой. Для этого делалась одна заготовка, которую после разделяли формочкой, а в каждую часть засовывали по предсказанию. Что ж, хотят предсказание – они его получают. Такое, что мало не покажется!

И я села творить.

Гоблины учтиво расступились, выделяя мне единственный предоставленный им стул. При виде моего почерка их обуяла страсть: такого кошмара они в жизни не встречали, но, как говорится, кто ищет... Вот и свиделись с антиидеалом.

Пока я пыхтела над записками, а пекарь корячился над текстом, Вита подняла бумажку с заказом: все же нужно передать на другую кухню, чтобы салатики стругали. Так думала я, но не кикимора. Она же взяла меню и принялась изучать составы. Девушка даже языком туда-сюда водила от усердия, в такт перелистыванию страниц. И хмурилась. Как будто головоломку решала, а ответ ей ни капельки не нравился.

Из зала для посетителей раздались первые смешки, но работа – какое ужасное слово! – не позволяла отвлекаться. Нацарапав на настоящей бересте готическим шрифтом проклятие семи невест (лично придумала!), я кое-как – формат был не тот – запихнула его в капсулу и передала пекарю для последующего применения.

Согласно предсказанию, ни одному из пары встреча не несла радости. Жану предстояло прочувствовать на себе всю мощь разгневанной богини правосудия, чья месть придет из рук брошенной невесты. Эленари же предрекалась скорая потеря красоты, если не перестанет на чужое заглядываться. Завершалось все туманным «Око Таверуса видит тебя». Ни кто такой Таверус, ни существует ли он на самом деле, я не знала, зато

слышала, как выдохнули очарованные гоблины, и решила считать это добрым знаком.

Исполнив свою часть работы, я проскользнула в зал, пользуясь широкой спиной подавальщицы Чии. Троллиха, судя по скошенным на меня глазам и тяжкому вздоху, уже поняла, что судьба ее решена и до конца вечера она с нами заодно. Ведь чего только не сделаешь по доброте душевной и за повышение оклада от хозяина?

Свободных столиков почти не было, и только за одним, скрываясь от пристального внимания под капюшоном, сидел одинокий путник в пыльном плаще, кокетливо выглядывающей алой рубашке, черных брюках и сапогах с серебряными пряжками. Он совсем не выделялся среди взъерошенных посетителей, часть из которых была адептами, а потому сословием несостоятельным, а часть – в лучшем случае купцами средней руки. Его ухоженные кисти не привлекали никакого внимания, а кокетливо отставленный пальчик с маникюром и стразами и вовсе был привычным зрелищем для посетителей таверны.

Радуюсь, что пол по случаю проверки помыли и убрали все следы болота, я подползла на коленках к столу, как можно ниже наклоняя голову, чтобы случайно не спалили, и дернула «путника» за плащ.

– У вас свободно? – шепотом поинтересовалась я, с надеждой заглядывая под капюшон.

– Нет, – буркнул мне, судя по голосу, мужчина.

– А если подумать? – канючила я.

– Нет.

Ответ нисколько не изменился, разве что интонации стали угрожающими.

– А если хорошо подумать?

На меня посмотрели как на идиотку. Я это, даже не видя глаз, ощутила, но... Как же я обойдусь без места в первом ряду?

– А я тогда никому не скажу, что вы проверяющий! – радостно оповестила бы я полтаверны, если бы мне не зажали рукой рот.

– Довольно, – оборвал мои потуги освободиться этот мрачный тип, больше похожий на вампирюгу, чем на проверяющего. Еще и железка какая-то на поясе висит! – Садись, и тихо. Услышу хоть слово...

Договаривать он не стал, но это и не требовалось. Голливуд сделал свое дело, и вписать угрозы я могла и самостоятельно. Увы, даже инстинкт самосохранения, который не признал типа таким уж опасным, не мог сдерживать меня долго. Еще и Чия подошла и сунула в руки меню, чтобы мне стало удобнее наблюдать и комментировать. А смотреть было на что.

Джейс с Кирой сидели едва ли не в самом центре. Неподалеку, зеленея от зависти едва ли не до корней своих белобрых волосин, расположилась Эленари с Жаном. Салатики им еще не принесли, а потому эти двое делали вид, что ведут светскую беседу, отчаянно кося на соседний столик, где смеялась шутке Джейса миловидная хрупкая девушка, то бишь наша Кира.

Вот болотник протянул девушке руку, поцеловал ее ладошку и улыбнулся, как самому дорогому на свете существу. Даже я ревниво фыркнула: ну вот кто знал, что Джейс так умеет? Не видела бы – не поверила, что вечно веселый баламут, вытирающий пальцы о штаны, отчего те походили на камуфляж с пятнами всех цветов радуги, может быть таким роковым красавцем.

А он был. Самый настоящий болотный лорд, презирующий всех и вся, но готовый на все ради любимой девушки.

Рядом скрипнул зубами проверяющий. Странно. Ему бы кушанья дегустировать, а не по сторонам глядеть. Непорядок. На работе следует работать. По крайней мере – окружающим. Неодобрительно покачав головой, я вернулась к созерцанию наших двух пар.

Вот из кухни выходит Чия. На подносе у нее – торт, большой, шоколадный, со сливками и сгущенкой. Я облизнулась и... обломалась. Пришлось напоминать себе, зачем мы здесь, но все равно желудок тоскливо скрючился, намекая на мзду. А торт тем временем поставили перед нашими влюбленными.

– Комплимент от заведения красивейшей паре, – пояснила Чия под гневным взглядом Эленари. Вот это уже было оскорблением для эльфийки. Красивейшая – и не она? Девушка зло оглядела своего спутника, начиная сомневаться в его необходимости. Жан ответил своей визави похожим взглядом. Каждый винил другого в проигранной битве за комплимент.

Внезапно эльфийка дернулась, как будто ей за шиворот перца насыпали. Лицо ее покраснело, губы сжались, а глаза начали вылезать из орбит. Ну, тут я, конечно, утрирую, но красота эльфийской девы померкла, столкнувшись с неизвестным. Что-то пробормотав, она отправилась в дамскую комнату.

«Вита, твой выход!» – мысленно скомандовала я, откидываясь на спинку стула.

К нам подошла вторая подавальщица, напарница Чии.

– На выбор шеф-повара, – быстро отослала ее я.

Еще бы, весь обзор загородила. Но, увы, момент был потерян, а что происходит под скатертью, которая порой загадочно колыхалась, я не видела. Инфракрасное зрение мне недоступно. Мне, но, видимо, не моему

соседу по столику. Тот хмыкнул и поднялся.

Пришлось жертвовать собой и ловить его за руку.

– А куда вы? Мы же только начали! Разве вы можете бросить девушку одну! – Голос мой набирал силу. – Пригласили, а теперь оставить хотите?! А я денег не брала, как мне счет оплатить!

Гости заведения перевели заинтересованные взгляды на нас. Еще бы, там всего лишь эльфа красная и очередная парочка на халяву десерт ест, а тут разборки. Скандалы, интриги, расследования! Кто кому расцарапает физиономию? Расплатится ли кикимора? И как поведет себя ее спутник? Смотрите! Только у нас! Прямая трансляция из кафе «Три слона» на канале «Три слона»! Тьфу ты...

Проверяющий дернулся, и мне даже показалось, что из-под капюшона на меня посмотрели два алых глаза, предвещающих скорую гибель одной разговорчивой кикиморе.

– Сидеть! – рявкнул он, зайдя сзади и с силой надавливая на мои плечи.

Хм, странный... Я вроде подниматься не собиралась. Но ради такого случая...

Выпроставшись из-под его рук, я вскочила и замерла, аки памятник самой себе с вознесенной рукой и пафосным лицом. Уже речь заготовила, которую толкать буду, но выступлению не дали состояться. А я старалась! Даже Трейс из-под стола выглянул, чтобы полюбоваться и подсыпать нечто в принесенный салатик.

– Всем вернуться к прерванным делам, – распорядился любитель страз и скинул капюшон.

Зрители сглотнули и отвернулись. Я же... правильно, вылупилась во все глаза.

Передо мной стоял эльф. Впрочем, это было вполне очевидно, и не догадаться могла только такая далекая от местных реалий особа, как я. Ну кто еще, кроме их эльфячеств, станет так стразами баловаться? И кто, кроме этих гурманов-эстетов, сможет оценить качество обслуживания и готовки? Вот только... такой видный господин – и обычная придорожная таверна для среднего класса? Не верю! Чьи-то заячьи уши торчат из всего этого дела.

– А вы точно проверяющий? – задала я самый важный вопрос, видя, как все не то что смотреть – дышать в нашу сторону опасаются.

– По-вашему – да.

Губы эльфа передернула усмешка. И так это ужасно выглядело, что мне захотелось глазки закрыть и подушкой отгородиться. А еще лучше –

проснуться. Эльфы же добрые и прекрасные...

– Злые и страшные, – не согласился со мной непроверяющий, присаживаясь на свое место.

– Вслух сказала? – озвучила очевидное я.

Ответить эльф не успел, нахмурился и отвернулся, что-то пробормотав. Если я еще что-то понимаю в этой жизни, то он глаза отвел. Кому? Разгадка обнаружилась на пути из женского туалета. Запыхавшаяся Эленари подошла к столу и, бросив косой взгляд на Киру и Джейса, села на свое место. Кажется, скоро у кого-то начнется аллергия. Или отравление. В любом случае – зрелище не совсем эстетическое. А значит...

– Не желаете прогуляться? – шепотом предложила я, боковым зрением замечая, что Эленари снова как-то подозрительно краснеет.

– С вами?

Его вздернутые брови были достаточно красноречивы, но мы же намеков не понимаем. Мы – ограниченные в своем превосходстве дети болота!

– Со мной.

Я кокетливо поправила зеленые локоны, которые едва ли можно было назвать прической, скорее – неожиданностью, и облизнула губки. Пыталась эротишно, получилось... Не получилось.

– С вами?

Почему-то эльф сменил гнев на милость. И, кажется, я понимаю, что этому поспособствовало. Много чего может упасть с неба. А уж с неба, над которым болотники постарались... Розовая гадость, оставшаяся после эксперимента Виты, медленно капала с потолка на волосы Эленари. И никто ничего не видел. Точнее – не видела сама Эленари, недоуменно ковыряющая салат.

– И куда леди желает пройтись?

– Сейчас, одну минуточку!

Я уже не слышала эльфа, заметив, как из подсобки выходит Чия, ухмыляется мне во все сорок восемь тролльих зубов и несет наше коллективное творчество на суд эльфийки и ее кавалера. Жан уже не выглядел ни счастливым, ни почтенным. Да и кому понравится сидеть за одним столом пусть и с эльфой, но чешущейся, как от блох, и пупырчатой, как жабка. Хотя... Жабке они, пупырышки, больше шли.

Отставив салат, как будто кекс мог решить все ее проблемы, эльфийка разломала кексик, выковыряла оттуда капсулу и открыла послание. На ее лице отразилось недоверие, потом – непонимание, а спустя минуту непонимание переросло в досаду. Вот только отказываться от своего

Эленари явно не собиралась, убрав подальше от любопытных глаз Жана это предсказание.

Парень открыл свое и – вот дурень! – протянул эльфийке. Я едва головой об стол не ударилась. Не мог, что ли, сам прочитать?! Не мог – пришло осознание. Если со мной занималась Вита, то занимались ли с иномирцами? А если нет? Или Жан просто не пошел? Язык есть, а письмо... можно ж и по-русски записать.

Эленари сцапала послание, вчиталась, бросила быстрый взгляд на Киру, которая маленькими кусочками ела подаренный хозяином кафе пирог, и, видимо, в ее мозгу что-то щелкнуло. Хотя, может, это был не щелчок, а просто капля упала на стол? Розовая, с волос эльфийки. А следом еще одна и еще...

С шипением, достойным кислоты, субстанция начала разъедать скатерть. Эленари потребовались считанные секунды, чтобы все осознать и броситься по известному адресу. Вот только на волосах Виты ничего подобного не происходило. Разве мог состав измениться за столь короткий срок? Или Трейс иллюзию наложил?

Скатерть затряслась от едва сдерживаемого смеха. Понятное дело, смеялся Трейс, но и на провидение можно списать. Как я там наваяла: Око Таверуса? Вот он и мстит. Понять только, за что... Жан не выглядел таким уж несчастным. Напротив, с каким-то равнодушием смотрел на убегающую Эленари. На Киру и вовсе смотреть перестал, едва из бокала хлебнул. А что у нас там было? По виду – сок, а по факту...

– Вы хотели прогуляться, – напомнил эльф, цепко обхватывая мое запястье.

Все, что случилось с Эленари, он видел, и лицо его не вселяло надежд на лучшее будущее. Он что, за ней присматривал? А почему тогда не вмешался?

– Мне показалось, – пошла на попятную я. – И там, верно, похолодало. Может, лучше здесь посидим?

И честно-честно глазками луп-луп, как будто ну вообще ничего не понимаю. И прохладно на улице так! Я поежилась. Но не от ветерка или холода, а от взгляда эльфа, которым тот меня наградил.

Непроверяющий опять поднялся, наклонился ко мне сзади и шепотом, на ушко, проникновенно так сказал:

– А ты знаешь, маленькая, кем является эта эльфийка?

– Нет, – честно призналась я, сторонясь. Ну вообще совести нет. Мало того, что за запястье держит, так еще и дует на меня. – Апчхи!

Так ему и надо! – возликовала я, глядя, как морщится эльф. Ну и что,

что шею выворачивать пришлось, оно того стоило! Мученическое выражение лица эльфiku невероятно шло. Органически они сочетались: выражение и эльфик. Словно друг для друга созданы. Не то что эта Эленари!

– А должна?

Преданный щенячий взгляд был отрепетирован за много лет до этого и применялся, аки атомная бомба: никто не мог устоять. Кроме эльфа. Этот тип хмыкнул, вздернул меня на ноги и поволок на выход. Ну вот как это называется?! Мы свободные болотники! Как он вообще смеет так со мной обращаться! Еще и счет не оплатил!

Удивительно, но даже охрана не препятствовала этому господину. А я... Я расслабилась. Вздохнула и расслабилась: чему быть – того не миновать, а двум смертям не бывать. Главное, чтоб та единственная, которой всеобщее благополучие выкупается, не моя была. Тушка моя потяжелела, но эльфик не сдавался. Стойкий, сильный самец. Хрясь дубиной по башке – и в пещерку. Хм, вот с кем договариваться нужно было! А то Жан – он же хиленький, он Эленари в общагу не утащит.

Меня высадили на клумбе среди желтых и красных цветочков. Зеленая кикимора здесь смотрелась как нельзя лучше, вписываясь в местную флору на правах коренного жителя. Для большего сходства я еще два листа лопуха выдернула и села в вольную интерпретацию позы лотоса, приготовившись внимать простому бессмертному эльфу. Листья лопуха трепетали на ветру вместо крыльев, прицельно метая слизняков в эльфа. Метаться в кикимору они наотрез отказались и отползали от меня во все стороны. Видно, с комарами у слизняков пристрастия противоположно различаются.

– Имя! – в приказном порядке распорядился эльф, с прищуром разглядывая кикимору-буддистку.

А я что – я ничего, я нервы в порядок привожу.

– Сие неведомо мне, – туманно ответила я, приоткрывая один глаз. Другой отчаянно щурила, чтобы хоть как-то на просветленную походить.

Эльф хмыкнул.

– Произошедшее с Эленари – твоих рук дело?

– Ошибаешься, дитя мое.

Эльфа перекосило.

– Сговор, – правильно классифицировал он наше преступление.

– Не докажете, – фыркнула я, на мгновение выходя из роли.

– Не потребуется, – усмехнулся эльф.

– Это еще почему? – заинтересовалась я.

Лопухи дрогнули.

– Нападение на венценосную особу рассматривается отдельным судебным органом. Одного подозрения достаточно, чтобы покарать виновных.

– Не виноватая я, она сама так попала. Провидение против их отношений!

Я снова прищурилась и замахала лопухами. Вот, даже крылья подтверждают мои слова. И вообще, как-то долго сидим. Чего меня никто не спасает? Земля-то холодная. Сейчас как начну реветь! А впрочем... реветь так реветь.

– У-у-у-у-у! Почему все лучшее – эльфам! Свободу угнетенным народам! Кикимору – в профсоюз! – На мои крики начали оборачиваться случайные неслучайные прохожие в форме стражи. Пришлось поднажать: – Обижают, угрожают, убить грозятся! Нет справедливости в мире. И даже молока за вредность не дали! И холодно! И голодно! И...

– Что здесь происходит? – холодно осведомился мужской голос, от одного звука которого захотелось залезть в кусты, свернуться калачиком и не выползать оттуда до конца.

До конца чего, я никак не могла решить, а потому осталась сидеть на клумбе, маскируясь под цветочек.

– Общаемся, – усмехнулся эльф.

Его голос не дрогнул, будто он ну ни капельки не опасался этого демонюги.

– Девушка замерзла, – заметил Наон, насмешливо глядя на меня. – К тому же заставлять мерзнуть чужую девушку – это дурной тон, вы не находите, Иливан?

– Девушка со мной.

– Сомневаюсь, – не согласился демон и, аккуратно забрав у меня лопухи, помог подняться. – Дана предпочитает кого-нибудь более гибкого во взглядах.

– Как вы?

– Как я, – подтвердил демон. – И если мы прояснили этот вопрос, то я хотел бы услышать, почему моя милая Дана сидит на голой земле, а вы позволяете себе доводить ее до слез. – Наон смахнул слезинку с моей щеки. – Хотите усложнить взаимоотношения наших народов?

– В таком случае, ваша «подопечная» уже их усложнила.

– Вы можете доказать? – Демон бросил на меня внимательный взгляд. Я отрицательно покачала головой, заставив его улыбнуться. – Не можете. В таком случае...

– Эленари пострадала!

– Да хоть и так. Разве не об этом вы сами мечтали? – усмехнулся демон. – Я прекрасно осведомлен, что привело вас сюда.

– Наондаль, – одернул его эльф.

– Впредь думайте, прежде чем дурно обращаться с кем-либо. Дана, мы уходим.

И я даже спорить не стала. Вцепилась в его ладонь и рванула следом, ибо сейчас эльф и вовсе был страшен. Словно смертельно оскорбили, и первый встречный будет повержен ради успокоения нашего проверяющего.

Надеюсь, наши успели уйти.

Мы дошли до угла улицы, когда я вдруг остановилась, озаренная светлой идеей.

– А кто это был? – поинтересовалась, дергая демонюгу за рукав рубашки.

– Хм?

– Этот эльф. Он так ругался, будто мы его обидели!

– Скорее, осуществили его мечты, – хмыкнул Наон.

– Мечты? А чем ему эта эльфа не угодила?

Демон усмехнулся, развернул меня к себе и наклонился вперед, так чтобы наши глаза оказались на одном уровне. И не только глаза.

– Брачным договором, – прошептал он. – Есть такая бумажка, которая регулирует отношения в слоях высшей аристократии.

– Да знаю я, что это такое, – обиделась я. Поднырнула под рукой демона и оказалась у него за спиной. – Я же не совсем темная.

– И это огорчает, – рассмеялся демонюга.

– А он что, изменения внести не мог? – удивилась я, старательно игнорируя насмешку в глазах демона и все его огорчения.

Вот злыдень, огорчает его это. Ну и пусть – заслужил!

– В графе «невеста»? Сомневаюсь.

Демон откровенно потешался над недалекими болотницами.

– Так это его невеста? А почему он ей тогда не помог?

Наон тяжело вздохнул.

– Они друг друга терпеть не могут.

– Так пусть не женятся! Все же элементарно!

И правда, нагородили проблем. Пусть не женятся и живут дружно. Или просто в разных концах страны.

Демон вздохнул и промолчал. Да уж, логика современной кикиморы столь же правдива, сколь и наивна.

Но мне она нравилась, а это главное для удачного времяпрепровождения.

– Идем, – бросил Наон, сцапал мою конечность и поволок подальше от места событий. А шум за спиной все нарастал.

– А...

– Сами справятся, – отрезал демон, притягивая меня к себе и перемещаясь в уже знакомое общежитие. – До утра не выходить, встретишь своих – и спать. И... завтра в семь, – напомнил он, исчезая.

Вот так всегда. Что в семь, где завтра? Одни вопросы и ноль ответов. И в этом все они, демонюги гадкие.

Болотники возвращались обходными путями и по группам. Хотела было сказать – по частям, но передумала, ибо, памятуя взбешенного Иливана, значение «по частям» могло быть и прямым. И чего ему спокойно не жилось, что предки эльфийку сосватали!

Первым, что любопытно, вернулся Трейс. Увидел меня, свившую гнездо у окна над главным входом, и показал вниз и в сторону. И я даже поняла, чего от меня хотят: спустилась и открыла ему окно в коридоре. Бравый солдат подскатерного фронта перевалился через подоконник, воровато огляделся и протянул мне целый мешок добычи:

– Это от хозяина. Там народ подходил, просил завтра несчастливых предсказаний набросать, а то все никак расстаться не могут. Наваяешь?

– Оплата натурой? – кивнула я на мешок.

– Ага, – подтвердил болотник, – тут всякое есть. С Витой разберетесь. А я спать пошел.

И он устало поковылял к себе, воздерживаясь от дальнейших разговоров. Еще и мешок мне оставил! Вот, блин, джентльмен! В животе предательски заныло, подтверждая, что таки да – джентльмен. Ведь без его мешка снести сидеть мне голодной неизвестное количество времени.

Следующей в общежитие вернулась порядком потрепанная Эленари. Волосы ее представляли жалкое зрелище. То ли бедняга попала под дождь, то ли сунула голову под кран, то ли и вовсе в фонтане искупалась. Последняя версия подтверждалась еще и мокрой одеждой. Это кто ее так? Мы такого не планировали! Мы за честное выдергивание волосин!

Закрывшись мешком, я переждала пришествие эльфийки и приготовилась встречать очевидцев случившегося. А они все не шли, не шли, не шли... На горизонте одиноко светил фонарь, к нему со всех лап летели кровососущие мышки. А болотники все не шли...

Наконец, горланя понятные только избранным песни, в холл ввалилась компания болотников. На плече верного рыцаря Джейса висела Кира. Да уж, не удивлюсь, если завтра он отсядет от нас и переместится поближе к девушке. Жалко только, что не быть им вместе. Хотя... если любит –

украдет. И никакой совет магов или другой лысеющий конклав его не остановит!

– Тс-с-с-с, – преувеличенно при этом жестикулируя, показала я слегка нетрезвой братии.

А вели себя они так, будто немножко перепили. Разве что не буянили. Но это пока не буянили. Что ждет впереди, не мог сказать никто.

– Ш-ш-ш, – ответила Вита, махая руками, словно птица.

Нет, ну точно в подпитии. И как это понимать! Я тут сижу, караулю, волнуюсь. А они! И бросив мешок снеди на разграбление, я ушла в свою комнату. Злые они, недостойны моего внимания. Пусть сначала проспятся – а потом и поговорим!

Увы, болотники были слишком веселы, чтобы молча расползтись по комнатам. А если шуметь ночью в общежитии, то... по трубам никто стучать не будет. Будут стучать коменданту, а тот уже – преподавателям. Стоит ли говорить, что спустя каких-то пять минут в холл вошел сердитый Альтар, застегнул манжеты и с непомерной тоской на лице принялся за уборку.

Адепты не желали убираться и усыпляться, а потому работал маг быстро и не заморачиваясь удобством расшалившейся молодежи. Разве что Виту и Киру в комнаты отнесло более-менее бережно.

Я высунулась в коридор, желая взглянуть, кто трудится лошадкой.

– Рад, что ты ведешь себя разумней братьев, – похвалил Альтар, проходя мимо комнаты и левитируя перед собой сонного Джейса. – Передашь им, что две недели отработок они заслужили. Где будут отбывать – пусть узнают у коменданта.

– Передам, – хмуро пообещала я.

Как бы болотники ни провинились, все равно мне было за них обидно. Тем более что они так и из-за меня поступили.

– Не согласна? – Альтар был слишком внимателен, чтобы не заметить моего осуждения. – Считаешь, что слишком сурово?

– Слишком, – надулась я.

– Ладно, думаю, недели достаточно, – усмехнулся он. – Надеюсь, повод был достойным.

– Более чем! – радостно подтвердила я и совсем обнаглела: – А можете...

– Можешь... Сейчас мы не на паре, так что пусть все будет так, как на болоте. Тогда у тебя такого пиетета не было, к чему лицемерить?

– А можешь мне мешок принести? – вконец обнаглела я. – Он там, в холле остался.

– Твой, значит?

– Угу, провиант. Чтобы голодные адепты коньки не отбросили.
– Коньки не отбросили, говоришь? – задумчиво повторил маг.
– Это Кира так говорила! А что, нельзя? Это плохое обозначает? – спохватилась я.

– Не то чтобы плохое, но в добропорядочном обществе лучше воздержаться от подобных высказываний.

– Хорошо, – тоном пай-девочки пообещала я и напредила: – А мешок донесешь? А то он тяжелый!

– Ладно, – согласился Альтар. – За двести монет.

– Грабеж! – возмутилась я. – И вообще, это издевательство над бедной кикиморой. Кикимора даже считать толком не умеет!

– Врунья! – по-доброму пожурил Альтар.

– Кикимора, – с неудовольствием поправила я.

– Идем уже за твоим мешком, – махнул рукой преподаватель и послушно пошел за мной, словно не знал дороги.

Приятно быть главной, приятно указывать путь, приятно осознавать, что за тобой послушно следуют. Неприятно думать, что ты выглядишь, как лохушка, помятая и сонная, без макияжа, а позади идет очень симпатичный мужчина, который к тому же совершенно очарователен и готов нести твои вещи. Да уж, мечты и реальность – суровое противостояние.

Тяжело вздохнув, я указала на мешок. Как и всякий порядочный маг, Альтар предпочитал работать головой, а не руками, а потому мешочек, словно пушинка, взмыл в воздух.

– В твою комнату? – поинтересовался он.

Я только кивнула.

В мыслях я уже сидела и трескала кусок вишневого пирога, который заприметила, но не успела продегустировать. Желудок согласно запел оду скорой еде.

– Не ужинала? – зачем-то спросил Альтар, будто ему есть дело до режима адептов.

А вот хочу – и ем ночью! Никто не запретит!

– Угу, – грустно подтвердила я, неотрывно следя за полетом будущего ужина. Еще чуть! Еще чуточку, и мы наконец сольемся в экстазе! Да уж, голод заставляет терять рассудок.

– Собираешься есть это?

Последнее прозвучало так пренебрежительно, что мне стало по-настоящему обидно за мой пирог. И пусть мятый! Я же есть его собираюсь, а не в музей на экспозицию сдавать? Хотя, вспоминая современное искусство... Помятый пирог возьмут охотнее. Взяли же у кого-то из мэтров

акулу в формальдегиде? Чем мой пирог хуже? Он, по крайней мере, вкусный и желания блевать не вызывает. Эх, не стоит ему миллионов баксов, пусть лучше мой желудок порадуется. А этого (я покосилась на Альтара) кормить не будем, не заслужил!

Впрочем, как выяснилось чуть позже, страдать от голодной ночи маг не собирался. Проследив, чтобы я разобрала припасы (правильный выискался!), Альтар помог мне подняться и предложил:

– Поужинай со мной?

И так грустно он это сказал, так проникновенно... что я тут же вспомнила: из нас двоих готовить умеет только он. И радостно закивала, согласная даже на яичницу. Коль дал Всевышний талант – так и простое пятиминутное блюдо окажется божественным по вкусу. А если нет... не надо о грустном. Сковородку пришлось оттирать долго.

– Готовишь ты, – улыбнулась я и смутилась.

Подумать только, кикимора идет ночью к малознакомому мужчине, чтобы коллективно не спать! А я собиралась именно что бодрствовать. Благо смотреть, как готовят другие, я любила.

Мы не перенеслись на кудыкины горы, но и в общежитии не остались.

– Я провожу, – пообещал он, подавая руку и выводя за пределы ограды. И, наверное, это было безумие – идти с кем-то в ночь. С Наоном я бы и не пошла – не верила в его добрые помыслы. А с магом... Ну подумаешь, сто метров? Так покормят и домой в кроватку вернут! В этом я была уверена на все сто. И вообще, совесть и стыд, мы взрослые люди! Хотим – и ходим на свидания! Даже если это и не свидание...

Я взгрустнула. После той идиллии, что демонстрировали Джейс и Кира, после виденных в родном мире парочек было грустно сознавать, что, наверное, я что-то упустила. Смешно, право дело, в семнадцать годков размышлять о смысле жизни, но чего только не случится темной ночью.

– Что не так?

Видимо, он расслышал мой грустный вздох.

– Нет, все нормально! – преувеличенно жизнерадостно заявила я.

Альтар не поверил: слишком внимателен для простого знакомого противоположного пола. Обычно парни не столь наблюдательны, наоборот – близоруки и глухи. Но Альтар не был обычным, а значит, с ним стоило держать ухо востро. Участь бедных иномирцев мне ни капельки не улыбалась. И даже документы на имя Даны Вересной не давали стопроцентной гарантии, что никто не начнет копать. Как тяжело жить на свете белом!

– Уверена? Если я могу помочь... – начал он, но замолк под моим

осуждающим взглядом.

Ну вот как так можно? Бережит мои засохшие раны. А что, если я домой хочу? Домой! В уютный родной мегаполис, где людям друг на друга начхать, где можно умереть на работе и никто не заметит, где нет дворян, зато есть братки, где все страшно, но понятно, а здесь... Здесь слишком красиво и сказочно. И так нельзя жить! Просто... слишком хорошо. А хорошее быстро заканчивается. И я боялась, боялась, что и моя сказка кончится, а он бередил душу. Плохой Альтар!

– Все нормально, – повторила я, слабо улыбаясь. Не время вспоминать, не время отчаиваться, а время... На моих губах вновь расцвела шkodливая улыбка. Время – веселиться! И пусть грустно, но мы поступим как оптимисты! Улыбайся, и миру не останется ничего другого, ведь смех так заразителен! – А где ты живешь?

– Уже близко, – заверил маг, успокаиваясь.

А мне даже обидно стало. Вот такая я странная. Он улыбается, а я сожалею, что он не догадался, что я грущу. А что улыбаюсь... чувствовать надо глубже. Эх, нет в жизни счастья!

– Кушать хочу. Очень. Ты даже не представляешь, как! – начала давить на бедного Альтара я.

Он усмехнулся и подхватил меня на руки.

– Представляю. Ямка, – пояснил он, когда мы приземлились на противоположной стороне ямищи. Такой, что я не рискнула бы прыгать. – Так и не успел перекусить.

– А как же форточки между занятиями? Не может быть, чтобы у тебя их не было, – недоумевала я. – Неужели методисты столь всесильны, что и над преподами – прости, преподавателями – издеваются?

– Скорее, я просто проспал, а днем был занят, – предложил иную версию событий Альтар.

Из солидарности, не иначе. Хотя зачем ему методистов выгораживать?

– А чем был занят? – не удержалась от простого женского любопытства я.

Альтар улыбнулся. По-доброму так, словно ребенку неразумному. Еще бы по головке потрепал и сказал: «Не твоя забота, деточка. У старших свои дела». К чести мага, он так поступать не стал, вместо этого мне задали прямой вопрос:

– Ты действительно хочешь знать?

– Нет, – призналась я, прокрутив пару десятков событий, вместо названия которых так отвечали.

Признаться, ни одно из них мне не нравилось. Разве что – сюрприз?

Но увы и ах, не те у нас отношения, чтобы мне сюрпризы делали.

– Контрольную составлял, – после минуты молчания проговорил Альтар. – Проза жизни. Не думал, что тебе интересно.

– А сказал так, будто принца подменял! – рассмеялась я. – И говорил, что идти мало, а мы топаем уже битых полчаса.

– Леди так не выражаются, – сделал замечание маг. – И мы уже пришли.

Мы и правда пришли, ибо другого повода останавливаться у дома и искать ключи я не знала. Альтар, судя по всему, тоже, а потому ключи закономерно нашлись.

Он жил в невысоком, всего в три этажа, доме, занимая весь верхний и чердак. На чердаке и вовсе устроил библиотеку, в которую мне тут же захотелось сунуть нос. Но проснувшаяся совесть решила, что для таких маневров нашего шапочного знакомства недостаточно. По крайней мере, до тех пор, пока маг не отвернется. А там... Вдруг на стеллажах найдется что-нибудь столь же захватывающее, как сам хозяин дома? Ой, я так подумала? Нет, я так не думала. И вообще не думала. Да, именно. Совсем, нисколько не думала.

– Располагайся, – предложил маг, уходя на кухню.

Я же замерла посреди квартиры, если можно это так назвать, и как зачарованная таращилась на лестницу вверх. Ну разреши... мне же интересно... Просить было неправильно, а потому я молчала. Но смотрела! Выразительно!

– Библиотека в твоём распоряжении, но недолго. Обещаю приготовить что-нибудь быстрое и вкусное.

– Мяса хочу! – поделилась предпочтениями я, но душа была уже далеко.

Пожалуй, предложи Альтар овсянку, я бы тоже согласилась.

– Заказ принят, – отрапортовал маг.

Я краем глаза зацепила, как он надевает фартук, но уже карабкалась наверх.

Чердак был прекрасен. И совсем не темный, и даже без пауков. Да и паутины нет, словно здесь периодически убирается уникально зоркий уборщик. Хотя есть же магическая чистка! Все время забываю! Стукнула себя по лбу – тихонечко, надо мне себе шишек наставлять! – и полезла изучать стеллажи.

Минута, другая, третья... Я начала подозревать нехорошее. Нет, совершенно точно: Альтар – маньяк! Заманивает в библиотеку доверчивых кикимор, а потом ест на завтрак. Или на ужин – неважно. То-то он готовить

умеет, и фартук так органично смотрится поверх рубашки!

Я подползла (фигурально выражаясь) к лестнице и выглянула с чердака. Так и есть. Стоит, готовит, мясо режет, рядом лук лежит. Чищенный! А слезы у Альтара даже не капаят! Не проймут его мимишки, не пожалеет сиротинушку. На ужин сготовит! И зачем я сюда пошла, зачем согласилась! Померла во цвете лет в пыли библиотеки!

– Что-то случилось? Выбрала книгу?

Мужчина чуть нагнулся вперед, чтобы я могла видеть его лицо. Нож так и не положил. Впрочем, картошина тоже осталась в его ладони.

«Может, не маньяк?» – робко предположил мозг.

«А у кого книжки такие, что в библиотеке только на посмотреть дадут и за каждый лишний вздох грозятся штрафом!» – резонно возразила паранойя.

«Вы как хотите, а я ему верю!» – заявил...

А кто это заявил? Вот нечего расцветверение личности плодить!

– Нет, – покачала головой я, спустилась на пару ступенек, чтобы присесть между этажами и хорошо видеть мага. – А ты не маньяк?

Да, знаю – глупо! Зато честно! А чего понапрасну переживать! Будет маньяком – весь дом перебужу, в окно прыгну и ка-а-ак заквакаю! Все сбегутся! Подумают – ездая жаба потерялась. А уж сколько болотники за своих ездых платят... Весь город ловить отправится! Точно! План есть, так что ждем.

Альтар зловеще (или мне показалось) отложил в сторону картошку, поудобнее перехватил нож и... вонзил его в подставку. Потом медленно, словно издеваясь, снял фартук, оставаясь в рубашке, и плавно, как охотник, поплыл в мою сторону.

– Мне это не нравится! – честно предупредила я. Он не ответил, но и не остановился. – И ору я громко.

– Я знаю, – усмехнулся маг. – Доводилось слышать.

«Поклеп!» – чуть не завопила я, но сдержалась.

Только дыхание перехватило, и волосы дыбом встали. Мой радостный вопль совсем не вписывался в картину происходящего, но вы только представьте! Мое гнездо распуталось! Дыбом встало и распуталось! Само!

– Да! Это возможно! Счастье-то какое!

Маг замер, потом усмехнулся и... вновь двинулся в мою сторону, коварно улыбаясь. Еще и щурился, чтобы в образе быть. Злодей, ага... Не моего романа.

– Не верю! – широким жестом оборвала я его попытки меня напугать.

Альтар не ответил, продолжая подкрадываться к лестнице. Я начала

переживать и даже на ступеньку вверх отсела. Мало ли что...

– Не веришь кому? – поинтересовался этот нехороший человек, останавливаясь у первой ступеньки.

– Чему, – поправила я. – Глазам.

– Пояснишь?

Нога встала на первую ступеньку.

– Ну... – Я замялась. Признаваться, что книжки оценивала не только с точки зрения содержания, но и цены... А впрочем, кикиморы – народ хозяйственный! Что еще мне там оценивать? Я же грамоту с пятого на десятое знаю! Хм, а зачем тогда полезла... Точно, вот чтобы капитал оценить и полезла. – Они дорогие! В библиотеке такие под стеклом лежат, а тут бери – не хочу!

– И это все?

Я насупилась. А может, и нахохлилась. На лестнице второе удобнее.

– Разве мало? Живешь один, дом классный, все дорогое, библиотека... чтоб мне так жить!

Грустно хмыкнула. А он мне так нравился! Такой классный маг! Был.

Альтар печально, будто с досадой, выдохнул и присел рядом. Я видела, как он поднимался, но ускорившись вверх не стала. Все же какой из него маньяк? Так, помощник разве что. Да и потом, ни один уважающий себя злодей не будет пачкать паркет в собственном доме. Его же чистить придется, а кровь даже бытовыми заклятиями с неохотой выводится. То ли специально так сделали, то ли состав редкий и уникальный, но бились наши эксперты долго, а результата – ноль.

– А может, ну ее, эту библиотеку? – внезапно предложил Альтар.

– Как это – ну ее? – не поняла я.

Хорошая же библиотека, как так можно!

– Забудем, что ты там видела.

– А ничего не видела. Я версию проверять пошла, – напредила я.

– Версию?

– Ты маньяк-книжник, который ест на ужин заблудившихся кикимор.

– Я – маньяк-книжник?

– Ага, – подтвердила я.

Альтар старательно не улыбался.

– Мой страшный секрет раскрыли, – внезапно очень холодно сказал он. – Теперь я не могу позволить тебе уйти...

– Съем тебя на ужин, а косточки скормлю своей ездовой жабе! – страшным голосом закончила я за него и сорвалась на смех. Слишком уж ситуация располагала.

– Жабе? – повторил он и уверенно добавил: – Жабе! Моему самому страшному и верному поделщику!

– Боюсь-боюсь! – заверила я и на четвереньках поползла на чердак. Конечно, не успела.

Как Альтар умудрился не сорваться, спуская сопротивляющуюся меня на пол, – это было сродни чуду. Или катастрофе! Щекотать этот... маг, одним словом, умел, а я так же шикарно пиналась во все стороны. Хороший у него пресс. Действительно хороший! А уж про нос и вовсе промолчим. Такого крепкого носа моя пятка в жизни не встречала!

– Нахалка, – прокомментировал мужчина, ставя меня на твердый пол. – Грязной пяткой – по чистому лицу!

– И ничего она не грязная! Разве что пол у тебя – не чистый, а в этом ты сам виноват! – не согласилась я, но повернулась и пощупала пострадавший хрящик.

Нос был целехонек и даже не покраснел.

– Ладно, сам так сам. – Маг поднял руки, словно сдаваясь. – Во всем виноват бедный маньяк. Даже в том, что жертва слишком резвая попалась!

– Именно! Накормил бы сначала, тогда бы брыкаться стало лень. Пищеварительный процесс – он, знаешь, какой затратный! Лежи себе на диванчике, ручки на груди сложи и жди, не тревожь желудок – он работает в поте дна своего.

– За желудок! – провозгласил Альтар, наливая мне компот.

Сам он отпил из бокала с чем-то более темным. Дискриминация! Нет, произвол! Хотя... А во сколько лет здесь совершеннолетие? В Средние века все же совсем ужасно было, а тут...

Я поставила на столешницу пустой стакан, хищно взглянула на полупустой бокал Альтара, и... получила по попе.

– Рано тебе еще!

– И вовсе не рано! – просто из духа противоречия не согласилась я.

– Хорошо, не рано. Но увидит кто из болотников – скандал будет. Ребенка споил.

– А ты spoить собираешься?

– Нет, но разве им объяснишь, что дети вырастают и сами ручки тянут к тому, что не позволено?

– Они такие, – с умным видом кивнула я и оставила бокал в покое.

Ну его, вдруг там яд посыпан или пятицветик в рецептуре. Мне оно надо?

– Присаживайся, – кивнули мне на высокий барный стул.

Сам же маг вновь взял фартук, возвращаясь к прерванному занятию.

Желудок затаился, предвкушая пиршество.

Молча смотреть, как Альтар режет картошку, другой рукой управляясь со сковородкой, я не могла. Слишком уж это было... фантастично, что ли. И так завораживающе, что я не удержалась и принялась портить момент.

– А кто тебя готовить научил?

И правда, это же ценные сведения. Адрес питомника идеальных мужчин. На ручках носит, ужин готовит, фартук красиво надевает, еще и улыбается изысканно. Долго тренировался, вестимо, но выглядит натурально. Без ГМО...

Совершенно непроизвольно захихикала, а бедный Альтар с удивлением воззрился на сгибающуюся пополам кикимору.

– Дана, ты в порядке? – заботливо осведомился он, откладывая нож и оставляя сковороду на печи-плите.

– Ага.

Я с трудом выпрямилась. Ассоциации – это зло. Такое зло, что само приходит, на кухне хозяйничает, а посуду за собой не моет.

Как я выдержала до момента сервировки – в голове не укладывалось. Но я молчала, сидела, смотрела на собранного мага, который к процессу подходил со всей серьезностью, выработанной за годы преподавания, и глотала слюнки. Профессионал – он во всем профессионал. Запах стоял такой, что хотелось воздух есть. Эх, научил бы кто меня так готовить!

– Кушать подано, – наконец оповестил Альтар, выкладывая на стол тарелки и по три вилки. А еще нож! И ложка! Он издевается?

– А можно...

Две лишние вилки мгновенно исчезли. Я непроизвольно улыбнулась. С благодарностью, искренне и непринужденно. Ведь свои две вилки он тоже убрал. Заботливый!

– Приятного аппетита, – пожелал он, а я и так знала, что все будет чудесно.

Боже, как я скучала по его еде! К моему глубочайшему сожалению, Альтар готовил лучше Ваничны. Эх, жизнь несправедлива. Неужели чтобы готовить так божественно, нужно быть мужчиной? Рухнули мечты бедной кикиморы. Как есть, рухнули.

Утешение нашлось быстро: первый же кусочек мягкого ароматного мяса заставил забыть обо всех печалях. О злобных эльфах, сырых пирожках, крошащихся пирожных и вреднющих демонах. И даже про повара, который сидел напротив и внимательно следил за моей мордочкой, я забыла. Вот как можно так готовить, что хочется есть, есть, есть... Отдай тарелку, нехороший! Ну и что, что твоя, а я еще хочу!

Тарелку мне не отдали, злостно надругавшись над мечтами. А я только... только поверила, что он идеальный, что лучше его на свете нет... Так вот взял и зажал мясо!

– Еще хочу! – грустно сказала я, прижимая ручки к груди, как зайчик.

Ну пожалей ты кикиморку, отдай ей провиант.

Я видела, как боролась в душе Альтара черти и кикиморы, как перетягивали этот несчастный кусочек, как черти победили, и...

– Ладно, держи.

Мне подвинули тарелку с половиной порции – все, что осталось у бедного эстета, евшего маленькими кусочками, в то время как я просто ела и наслаждалась. А что быстро – так ты попробуй за десять минут перерыва целую порцию съесть! То-то же, это вам не хухры-мухры!

Я растаяла. Как там говорят? Лужицей растеклась? Нет, так неэстетично. Весь паркет бедному Альтару закипаю. И внутренности валяться будут! Это же черная неблагодарность, лучше по-другому сделаю.

Прищурилась, выискивая место для благодарности. Альтар усмехнулся и откинулся на спинку стула. Зря он выбрал для трапезы обычные стол и стулья. Место для маневра не заготовил, а я между тем уже просчитывала варианты. Вот сейчас как подорвусь, как прыгну, как отблагодарю!..

– Нравится?

Альтар с усмешкой наблюдал, как с моего лица сползает хищное настроение. Вот всегда так.

– Ага, – немногословно отозвалась я, отставила пустую тарелку и принялась за салат.

Никогда не любила простые зеленые листья, которые с изрядным постоянством кидали во все, где значилось «салат», но даже с этим провальным компонентом у Альтара получилась настоящая сказка. Хрустящие сочные листики с вкуснейшим соусом, состав которого я даже не пыталась установить, наслаждаясь творением рук уникального в своем роде мужчины. Да уж, почти все мои знакомые в лучшем случае способны яичницу не спалить, а тут – целое пиршество. И кому такое счастье достанется? Я даже завидовать начала немного. Себе. Пока же он меня кормит, а кто-то бутербродами перебивается. И радость, и пакость.

Как-то совсем неожиданно на столе не осталось ничего, кроме посуды и столовых приборов. Желудок мой блаженно напевал мелодию пищеварения, а я, как и предсказывала, блаженно щурясь, расплзалась по стулу. Куда уж тут брыкаться и пяткой в нос пинать, тут бы клубочком свернуться и спатьки-спатьки... А завтра выходной, и день так прекрасен... Только демон опасен.

Приоткрыла один глаз. Где-то невдалеке шумела вода и изредка позвякивала посуда. Я лежала на чем-то теплом и мягком, заботливо накрытая пледом. За окошком – темень. Значит, ночь еще не кончилась. В доме... Приподнялась на локтях, сонно оглядела обстановку. Альтар был, я по голосу слышала, но не один. Это уже вселяло опасения, но... раз уж меня перенесли и укрыли, значит, оставили минимум на завтрак, а бодрая и сытая, я и через окно утром вылезу, если придется. Будем паркур осваивать в экстремальных условиях.

Разговор, между тем, набирал обороты. И если Альтара я почти не слушала, то его собеседника очень даже, и этот последний негодовал весьма ощутимо.

– ...ты должен вмешаться!

Судя по паузе, маг что-то ответил, но ответ не слишком понравился тому, взбудораженному.

– ...не хочешь. Но что мне с этим делать? – Пауза. – Я понимаю, что обещал. Но, Аль, я не справляюсь! – Опять молчание. – Ну хоть что-то ты можешь сделать? Хотя бы с болотниками! Это же никуда не годится!

На слове «болотники» у меня уснула совесть и проснулись верноподданнические чувства, а также солидарность и азарт. Болотников не любишь? И насколько сильно? Чувство самосохранения взяло отпуск и уехало на Мальдивы. Обещало не писать, чтоб душу не травить.

У давешнего стола, с которым у меня были связаны приятные воспоминания (красиво маг готовил, ловко!), кроме Альтара стоял еще один мужчина. То есть... мужчиной был Альтар, а этот так – паренек, хотя я и не исключала возможности, что он старше меня. Но, увы, рядом с идеальным магом незнакомец казался ребенком. Малышня, ага. Еще и бузил! То и дело ручками вверх-вниз, вверх-вниз, словно воздух испортил и теперь маскирует.

– Лиан, я уже предупреждал: я не участвую в эксперименте. Если не справляешься сам – передай дело Руфусу. Он справится, не сомневайся.

– Руфусу, Руфусу! – неожиданно разозлился паренек. – И отец, и ты... Будто никого, кроме Руфуса, нет.

– Он лучший, – терпеливо пояснил Альтар.

Судя по всему, разговор об этом Руфусе возникал не первый раз. И чем-то он так не нравился мальчишке, что, как мне думалось, там был замешан ремень.

– Нет!

– Тогда сам, – скривился маг. – И тише.

– У тебя гости? С каких пор ты стал водить гостей сюда?

– Были причины, – отмахнулся Альтар, бросил взгляд на комнату, где я недавно спала, и заметил сонно-взъерошенную меня на пороге.

И мне даже стыдно не было! Вот так вот!

– Кикимора! – мгновенно оценил, что к чему, паренек и с осуждением взглянул на Альтара: – А ты говорил...

– После, Лиан. Ты и так задержался дольше, чем следовало, – оборвал маг.

– Но, брат...

– Уходи. Сейчас же.

– Но...

– Без лишних слов.

– А почему он должен уходить? – вмешалась я. – Пусть остается. Может, вы еще о чем-то поговорить хотите? Я мешать не буду. Сейчас оденусь и уйду!

– Дана...

– Я уже много лет Дана, – как-то слишком зло бросила я, отшвырнула плед и принялась натягивать ботинки.

Из дома вылетела быстрее, чем демон крылья распахивает. Еще и на перилах прокатилась. А в душе клокотала злость. Необъяснимая, непереносимая, будто от предательства. И пусть я понимала, что могу быть неправа, что всему есть объяснение, и вообще сама виновата, что заснула и осталась, но даже так подслушанная мелочь заставляла вздрагивать и злиться.

Этот эксперимент... Как представляю, что Альтар в нем участвует! Нет, лучше не представлять. А его гость, который брат, который едва ли не пальцем на меня показывал: «Кикимора!». Ну и что, что кикимора. Или это второй сорт? Так его брату это не мешало! Ни на болоте, ни в Академии!

Я остановилась у фонаря и пнула его со всей силы. У-у-у-у, почему фонари такие твердые стали? Ржавчина, ты недорабатываешь!

Отдышавшись, я глубоко вдохнула, для усиления эффекта еще и состроила вдохновенную рожицу, а пальцы и вовсе соединила, как на картинах индийских релаксирующих техник.

– Ом-м-м-м-м.

Наверное, случайные прохожие впечатлились бы моими познаниями и навыками, но улица была совершенно пуста, если не считать одного пьяного вампира, который лежал в обнимку с бочкой. В слабом свете фонаря я заметила кривую надпись «томатный сок» и мысленно послала бедняге лучи счастья. Диета требует жертв.

Как я переползала яму – отдельный разговор. Радость, что вампир за

мною не пошел, а то бы скончался. Челюсть бы свело от смеха, а кто бы ему, болезному, ее вправил, учитывая, что бедняга голодный и злой?

Так вот, про яму. Для простых смертных через нее перекинули тонкую досточку, по которой и следовало идти всем желающим срезать путь. Поскольку в этой (как и в любой другой) части города я ориентировалась слабо, кружной путь прошел мимо меня, и как попасть на другую сторону, не заплутав во дворах, я не знала. Подумав, собравшись и разжившись где-то храбростью, я ступила на тонкий и кривой путь. Доска скрипнула, доска прогнулась, доска слом... выдержала. Но я уже приготовилась лететь вниз.

Обошлось.

Со страху я добежала до середины и теперь изображала канатоходца с той только разницей, что стояла на середине памятником самой себе, боясь даже дышать, и без уравнивающего шеста. Доска снова скрипнула, намекая, что не любит прохлаждающихся барышень. Я пискнула, намекая, что могла бы и потерпеть, деревянная. Она удовлетворенно щелкнула, намекая, что дерево – не железо, и вообще совесть надо иметь. Я крикнула и понеслась вперед.

Да будет славен мозжечок! Его отростки, и изгибы, и пары ножек, что так мило не дали погибнуть в цвете лет! Хух! Наблюдая, как падает во тьму хрупкий мостик, я еще раз возблагодарила всех, кого надо и не надо, за то, что родилась кикиморой. То есть человеком. Но мозжечок и у тех, и у тех есть, а значит – неважно.

Почтив память досточки минутой молчания, я, полагаясь на топографический кретинизм, отправилась искать Академию.

Темно, страшно, звуки всякие нехорошие: кто-то воет, а где-то железо лязгает. Одинокая кикимора бредет по улице, втягивая голову в плечи и молясь ни на кого не натолкнуться. Ага, щаз!

Гордо задрав голову и разглядывая преобразившийся в темноте город, я бодро шлепала по направлению «туда». Ориентиром служил шпиль Академии, который я не выпускала из виду, в остальном – просто шла. Куда, зачем и почему – тут и вовсе без причины. Просто шла, размышляя о взыгравших нервах.

К счастью, ночь была светлая и теплая, как последняя догорающая свечка, а потому я так и не простудилась. Более того – вспотела. Думать вообще полезно, головка согревается, кровь туда течет, иногда бьет, тогда мысли становятся совсем уж интересными.

Видимо, второй случай можно вносить в мой диагноз. А мысли были самые те. Нет, конечно, радовало, что Альтар в этом эксперименте не участвует, иначе я бы заподозрила, что он специально меня ищет. Но вот то,

что одобряет или хотя бы поощряет... Это же бесчеловечно! Злые местные не раскрыли иномирцам подоплеку событий. А если те не адаптируются, не найдут свое место?

Мысли были печальны и тоскливы. В какой-то мере и я чувствовала вину. Ведь не сказала Кире, что ждет ребят в случае провала. Их же назад не отпустят! Придется здесь сидеть, но уже не в сказке, а в кошмаре. Почему все так сложно? И как хорошо, что я тогда все-все прослушала!

Еще и этот дом, в который Альтар не водит гостей... И удивление на лице братца... Мне опять стало обидно.

Ну, кикимора, и что теперь, на суку повеситься? Я огляделась, но деревьев не нашла. Определенно не наш день. Но если день не наш, то ночь...

На моем лице сама собой появилась улыбка. А ноги понесли по единственному выученному маршруту, в «Три слона». Бедный хозяин, у него, наверное, уже аллергия на нашу компанию и на меня лично, но – ничем не могу помочь. Только там можно поесть быстро, вкусно и с компотом. Не чета, конечно, альтаровскому...

Вспомнив свой самый дивный ужин за все пребывание в этом мире, я опять взгрустнула. Настроение было безнадежно испорчено, мысли метались в разные стороны, а ноги заныли, напоминая, что пора бы и честь знать. Я взглянула на небо, где постепенно загорался рассвет, и, вздохнув, перенаправила стопы в Академию. И пусть мне приснится что-нибудь хорошее.

Так ведь бывает?

Глава 8

О злых адептах замолвите слово

*Аллогичный
Демон,
Ежегодно
Проверяющий
Терпение*

Общежитие вымерло. Такой тишины здесь давно не слышало ни одно ухо. Адепты отсыпались после бурной трудовой недели, полной лишений и наказаний. И только те несчастные, что не отбыли сроки в кухонном рабстве, сонно брели в места не столь отдаленные, чтобы спустя два, а то и три-четыре часа толпы довольных и выспавшихся получили свой завтрак.

Но не все были столь милосердны, чтобы спать до обеда. Вита, милый жаворонок-переросток, вскочила едва ли не раньше несчастных, огласив комнату радостным кличем, полным жизни и любви. Ей вторил мой, не слишком счастливый, зато честный. Увы, честность – не всегда лучший путь к взаимопониманию, а потому и мне пришлось пострадать за правду: подушка у кикиморы была большой, мягкой и пуховой. Обратно не получит, сама ею в меня швырнула.

Вот так, обнявшись с чужой собственностью, я спала до самого обеда, напрочь игнорируя попытки соседки отобрать свою подушку. Да и на провокации не поддавалась, дремля едва ли не до полудня.

Наконец Вита отчаялась и оставила меня в покое. И, как будто издеваясь, сон ушел, бросив меня наедине со страшной реальностью. Воспоминания накатили мгновенно: и про вчерашнюю ночь с акробатическими этюдами, и про сегодняшний вечер в компании демонюги. Я сглотнула, но... Где наша не пропадала? Переживем.

Памятуя о том, что хороший аппетит – залог здоровья, я оделась и отправилась в столовую. Да уж, поистине место встречи изменить нельзя. Столовая собирала всех: и непримиримых врагов, и неуклюжих адептов, и знатных прогульщиков, и самых неуловимых преподавателей, которые просто зашли «чайку попить». Нет, я не спорю, в обычных универсах современного города существует еще и курилка, но здесь курили разве что гербарий, а палиться на таком противозаконном деле... Нет, дураков не

было. Как и бессмертных: миледи Клио, дриада, что вела знахарство, отличалась тяжелой рукой и полным отсутствием снисходительности.

Тапки смешно покачивали ушками, пока я спускалась по лестнице. Бывало, вот в первые дни, когда мне только-только доставили этот подарок от Ваничны, на меня едва ли не как на восьмое чудо света смотрели. Но время меняет не только идеалы, но и людей. Более того, самые модные товарищи заимели такие же, и бедные тапочки с ушками стали слишком уж популярны. Так популярны, что я рискнула сходить в них в столовую. Благо, идти было близко, а над переходом из общежития в Академии поколдовали, оградив от грязи, дождя и снега.

В столовой царило молчание, изредка сменяющееся смехом. Присутствующие разделились, но все неизменно за кем-то следили. Даже мой приход остался незамеченным, что заставило самолюбие уязвленно дрогнуть.

Ныне в столовой царили три лидера по привлечению внимания. На первом месте с наибольшим количеством просмотров находилась Эленари. Да уж, голод – страшная штука, если она решила явиться на всеобщее обозрение с крапивницей и неровно остриженными волосами, часть которых и сейчас отсвечивала бледно-розовым. На наше второе место эльфийка старалась не смотреть.

А там... Я перевела взгляд на второе место и усмехнулась: знала, что из нашей мести что-нибудь да выйдет. Правда, не думала, что за столик болотников пересядет кто-то из иномирцев. Но это случилось. В нашем полку прибыло, и, судя по улыбке Джейса, уже не убудет. Болотники ведь идут до конца, а девушка ему явно симпатична.

И наконец, третье место занимал Жан. Со старательно замазанным тональником фингалом, взглядом побитой собаки и толпой фанаток вокруг, он рассказывал о своей трагической судьбе, несчастной деве и злобном брутальном орке, который эту самую деву похищал и который случайно, в процессе сопротивления главному герою, ударил того в глаз. Дева, разумеется, была спасена, вследствие чего шею рыцаря украшала отметина водостойкой помады. Интересно, кого он в долю взял? Водостойкая-то только у наших! Местные предпочитают более действенные способы указать, что мужчина занят.

Прошмыгнув мимо зрителей, я гордо направилась в самый эпицентр. Меня даже завистливыми вздохами проводили – так велика у местных красавиц была любовь к сплетням. Да и сильная половина явно желала узнать новый щекотливый факт. Это они только с виду такие незаинтересованные, газетки почитывают. И в дырочки совсем-совсем

никто не смотрит и вверх ногами не читает. И вообще, не приставайте к серьезным людям и нелюдям!

Я хмыкнула, наблюдая весь этот детский сад, подошла к своим, отставила стул – Киру на него не пустили – и положила голову на стол. Щеку приятно холодила столешница, а я поняла, что, даже провалявшись до полудня, едва ли выпалась.

– Доставка завтрака? – предположила я, не очень-то надеясь на подобный исход: все же выходные, а с подносом бегать – удовольствие едва ли выше плинтуса.

Все закономерно промолчали. Только Вита, добрая душа, отломилла мне половину булочки. Но есть всухомятку, да еще с утра...

Я побрела за компотом и супчиком, все же время обеденное.

Подхватила поднос и медленно поплелась вдоль раздачи, выбирая свой обедозавтрак и с тоской вспоминая ужин. Даже в лучшие дни здесь никто так не готовил. Что и говорить про выходные, когда повара назначали и при любом удобном случае «счастливчик» пытался передать сию почетную миссию другому.

Грустно плавали в киселе сопливой консистенции вялые сухофрукты, суп был остывшим, а мясо – жестким. Да уж, нельзя ходить в столовую сразу после готовки личного повара. Постепенно привыкать надо, по чуть-чуть.

Выбрав суп поприличнее (если это выбором можно назвать – всего-то два), я взяла хлеб, недавно мытую, а потому еще мокрую ложку и отправилась мучить еду.

Плывет по морю кораблик под названием «Макаронка», а ему навстречу – айсберг, потому что суп остыл.

Оценив на глаз, где место получше, я зачерпнула супчика. Как оказалось – удачно, здесь еще теплилась жизнь и варево не превратилось в желе. И почему мне так не везет? Все же нормально булочки себе отхватили... Да уж, спать долго – вредно.

Тут я вспомнила, что проспала меньше положенных восьми часов, и призадумалась. «И мало спать – тоже вредно, – решила я, глотая холодный суп. – Все стоящее разобрали, а нового еще не приготовили».

– О чем говорили? – пытаюсь хоть как-то отвлечься от несправедливости бытия, поинтересовалась я, медленно засовывая в себя разваренную морковь. И это мне вчера казалось, что в столовой можно питаться? Да уж, как я могла так заблуждаться!

Судя по разочарованным гримасам старшекурсников, произошло что-то из ряда вон выходящее. Неужели практиканта назначили? У-у-у, если он

учился хуже, чем болотник за границей, то да... Нам не позавидуешь.

Мне ткнули уже изрядно потрепанный листик.

– Куратор с утра вот это принес. Они совсем с ума посходили! Чтобы мы – и в общественной жизни участвовали?!

– А мы разве не участвуем? – с намеком на некоторые происшествия сказала я и вспомнила: – А Альтар вам наказание назначил. Тем, кого застукал.

– Да мы в курсе уже, – с неохотой признал Джейс. – Сообщили.

– И?

– Договорились, что отработаем. Пообещали месяц без проделок. Комендант согласился и едва не прослезился от выпавшего ему счастья.

– Поэтому скучаем?

Я взглянула на страдающего над тетрадкой Трейса.

– Угу, – признал болотник.

– Мы можем развеяться и поучаствовать! – наставительно изрекла Вита. – К тому же ее величество советовала уделять больше времени учебе.

– А мы разве не уделяем? – усмехнулся Джейс и с нежностью взглянул на Киру.

Да уж, чую, скоро ему и притворяться не нужно будет, чтобы колы получать. Любовь – она такая. Жестокая.

Я только головой покачала: с ними совершенно невозможно о чем-то серьезно говорить. Листок же... он был занимателен. Администрация Академии настоятельно просила всех адептов поучаствовать в конкурсе театральных зарисовок. Якобы для сплочения коллектива и знакомства с иномирской культурой. А раз знакомство с другой культурой, то и репертуар подобрали соответствующий – иномирский. Желаящим поучаствовать и откосить на полгода (все же в деканате не дураки сидят, понимают, что за «спасибо» адепты работать не будут!) от всех наказаний предлагался список пьес.

– Уже решили, что ставим?

– Зачем?

– Как – зачем? Если вам скосят все провинности на полгода вперед, разве вы не сможете шkodить, когда вздумается? – Трейс заинтересовано приподнял голову. Хм, он что, не читал? – И без всяких последствий и санкций, – закончила я.

– И что требуется?

– Поучаствовать в постановке, – как маленькому, объяснила я.

Болотник задумался, прикинул, сколько сил потребуется, и поинтересовался:

- А когда мероприятие?
- Через три недели, – сверившись с собственными записями, откликнулась Вита и усмехнулась: – Участвуем?
- И ты еще спрашиваешь? – возопил Трейс, который мгновенно забыл о своей лени.
- Тогда определимся с репертуаром... – начала прорабатывать организационный момент Вита.

В результате коллективного чтения фольклора народов мира (не здешнего) мы остановились на доброй и вечной сказке про, разумеется, болотников. Итак, честь быть поставленной самой аутентически верной расой выпала «Царевне-лягушке». После многочисленных споров и консультации со стороны Киры мы сменили название на более соответствующее. «Царевна-Жабка», так мы назвали наш проект на стыке культур.

Ради масштабности действия Вита обещала даже связаться с самой Кохой Весновой и договориться о ввозе настоящей ездовой жабы. Или же, если улыбнется удача, попросить способствовать договору аренды. Вопрос остального реквизита обещали решить Трейс, Джейс и примкнувшая к ним Кира. Мне же отвели роль главного пинателя и мотиватора, а по совместительству – и помощника Виты. Она сама меня выбрала помогать, видимо, не желая все доверять Кире.

С тяжелым сердцем я возвращалась в нашу комнату. Я скучала, отчаянно скучала по своей милой Жабке. Как она там, на болоте? Грустит? Вспоминает меня? Не болеет ли, маленькая? Все ли пупырышки на месте?

А на часах уже было пять вечера. Потянувшись и закатав рукава, я отправилась наводить красоту. Точнее, ее кикиморский вариант. Благо, клей у Виты был в открытом доступе, как и накладные прыщи.

Долго ли, коротко... Много ли, мало... А в дверь комнаты постучали. Требовательно, настойчиво, обещая стучать и дальше, пока не откроют. А часы меж тем пели серенады, означая начало нового круга большой толстой стрелки.

Дверь открылась, и в комнату вошла недовольная Вита. Она держала книжку в глянцевой обложке, на которой, старательно закусив стрелу, на листе кувшинки изволила брать всякую гадость в рот большая лупоглазая лягушка.

- Просвещаешься?
- Нужно знать, с чем имеем дело. Команду я записала, так что пути назад нет.

– А Жабка? – рисуя фиолетовые круги под глазами, поинтересовалась я.

– Коха обещала поспособствовать, так что в грязь лицом не ударим. – Кикимора взглянула на мои приготовления и усмехнулась: – Хочешь произвести впечатление?

– Незабываемое, – усмехнулась я, размазывая тушь по свеженарисованным синякам. – Ну как тебе?

– Стильно, – выбрала наиболее нейтральное слово кикимора. – Не задерживайся, нам еще роли распределять. Опоздаешь к полуночи – будешь Жабкой.

– Всегда мечтала, – рассмеялась я и походкой хромой лошади (скользкий пол в ванной порой бывает на руку) выпорхнула в коридор.

Меня ждали. Явно готовились. Вон как зубы сияют! А как крылья выхолены! Он бы еще сережку в ухо вставил! Приглядевшись, поняла, что последнее пожелание невозможно. Ибо там и так все было. Четыре серьги блестели разными камнями. И как только ухо не отвалилось?

– Интересно выглядите, – оценил мои приготовления Наон.

– И вы, – в тон ответила я.

Да уж, смотрелись мы забываемо. Я – как на Хэллоуин, он – как на королевский бал.

– И где будет проходить «отработка»? – выделила последнее слово.

– Узнаете.

– Вне себя от восторга, – сухо проинформировала я и протянула демону руку.

Что ж, посмотрим, куда на этот раз меня потащат. На королевском приеме я уже и так была. Что там дальше? Свадьба? Похороны? Или, может, пытка театром? Помнится, в Средние века представления шли и по пять-шесть часов, а мне к двенадцати домой. Чую, придется, аки Золушка, прицельно теряя туфли, мчаться в родную Академию. Ну ничего, где наша не пропадала?

Не пропадала наша в цирке. Это я поняла, едва мы вывалились из экипажа, схлопотали странный взгляд от кучера и направились напрямик к фейс-контролю. На входе в цирк стояли двое: шкафчик, на котором едва-едва сходилась ливрея (я поняла, что цирк начинается с самого входа!), и низенький лысеющий дяденька с пухлой папкой в руках и моноклем, висящим на шее.

На площадке перед ними толпился народ разной степени зажиточности и пафоса. Были здесь купцы с женами, которые волком

смотрели друг на друга, глядя лис на воротниках, были особы поважнее и поэлегантнее, дожидаясь своих папиков, а были и вовсе – эльфы. Что здесь потеряли – уму непостижимо. И были мы, кикимора и демон, который презрительно оглядел дожидаящихся и затащил меня прямо в холл, даже не обмолвившись словом с охраной. Чувствую себя моделью: опять таскает кто ни попадя и даже на недовольное мычание не реагирует.

Попробуем иначе.

– Это намек? – поинтересовалась я, едва меня отпустили и дали возможность отдышаться.

– Намек?

Удивление на лице демона было столь неподдельно, что я засомневалась в его искренности.

Вокруг нас, по странному стечению обстоятельств, не наблюдалось ни единого человека, словно весь этаж выкупили. Или в ложу, куда меня притащил этот демон, пускали очень немногих? Скорее, верно второе. И не всех, и не со всеми.

– Ага, в театр вести стыдно, а в цирке и своих хватает. Так что мои старания даже не заметят.

– А вы старались? – притворно удивился Наон, напрочь игнорируя первую часть фразы.

«Джентльмен», – думала я, пока он не продолжил:

– А цирк... Таких, как вы, здесь больше нет.

Я задумалась. Крепко так, с интересом разглядывая интерьер.

– Ваз здесь тоже нет, – усмехнулся демон. – По соображениям безопасности.

– Уже случались, – я прикусила губу, размышляя, как бы покорректнее выразиться, – прецеденты?

– Здесь? Нет, что вы. Те, кого приводят наверх, редко опускаются до тривиального швыряния ваз. Скорее – яд или отравленные цветы. Хотя, помнится, и веер неплохо подошел.

– Вы так часто посещаете это место? – нахмурилась я.

– Приходится по долгу службы.

– Сочувствую, – тихо сказала, а сама обратилась в слух: по лестнице кто-то шел. И, как мне показалось по темпу продвижения, цель находилась именно здесь.

Шаг, еще один, еще... Показалась макушка.

Светловолосая девушка в синем платье с лентой на поясе и тяжелыми серьгами в ушах выпорхнула пред наши очи. Остановилась, заметив демонюгу, улыбнулась, будто он был алмазным колье, и увидела меня. Деву

перекосило. Меня перекосило просто из солидарности и любви к искусству.

– Наондаль, – низким грудным голосом сказала дева. И откуда только звук шел? Кожа да кости, смотреть страшно. Там даже собаке глядеть не на что, не говоря уже о демонах.

– Фиона, – усмехнулся демон и приобнял меня за талию.

Ладно, пусть обнимает. Сочтемся.

В голове начала складываться головоломка: так вот зачем он меня сюда приволок! Надеялся, что дева отстанет! Или нет? В любом случае я предпочитала верить в лучшее, а значит, эта милая девушка напротив сейчас жаждет моей мучительной смерти. Наверняка от обжорства: уж слишком презрительно смотрит. Или ей прыщи не угодили? Сейчас проверим!

Я сделала пару шагов в сторону перил и начала старательно, пыхтя от усердия, давить накладной прыщ. Отвернувшись от демона, чтобы не видел, бедняга.

– У-у-у, – не сдержалась наблюдательница, но улыбка на ее лице расцвела сказочная. Хоть сейчас срезай – и на продажу.

– Милая, тебе нужна помощь? – учтиво осведомился демон, подходя ко мне и вновь обнимая бедную талию.

Я едва не подавилась. Ну вот чем он помочь может? Прыщ подержать, пока я другой цеплять буду? Нет уж, ты там постой.

– Нет, дорогой, я прекрасно сама справляюсь. Не отвлекайся, твоего общества жаждут милые леди, и я не вправе им мешать.

– Любимая, ты мне никогда не мешаешь, – с вибрирующими нотками, как кот от удовольствия, проговорил демон.

– Даже ночью? Когда тебе приходится забирать меня с очередного раута?

– Особенно ночью, – расплылся в шальной улыбке Наон.

– Пожалуй, я пойду, – приняла верное решение леди и удалилась.

– Руки! – хмуро напомнила я, чувствуя чужие конечности на своей талии. Демон усмехнулся, но позиций не сдал. – Зачет без ответов на вопросы – и весь вечер я буду мило улыбаться вашей знакомой.

– Идет, – легко согласился Наон, а я пожалела, что не потребовала нечто более ценное.

Хотя если зачет в кармане, нужно ли ходить на пары? Вечный студенческий «А зачем?» дал молниеносный ответ.

– И куда мы теперь? – кое-как вывернувшись из кольца его рук, поинтересовалась я.

– Смотреть представление, разумеется, – не стал менять планов демон.

– А долго еще ждать?

– Ты спешишь?

Подумав, отрицательно покачала головой: ни к чему противному манипулятору знать, что мне нужно кровь из носа вернуться в общежитие к полуночи. Еще условия ставить начнет. Нет уж, сегодня победа должна быть моей!

Мы вошли в ложу первыми. То ли Фиона просто поднялась «поздороваться», то ли ее ждали в соседней ложе, то ли она и вовсе передумала. Как бы то ни было, ее отсутствие на горизонте радовало меня едва ли не больше, чем обещанный бонус. Вот только от компании кого-нибудь еще я бы не отказалась.

Не знаю, что там говорил этикет по поводу взаимоотношений парня и девушки, но не думаю, что он разрешал им ощутимые вольности на публике. И если ручку я готова была позволить лобызать еще энное количество раз, пока совсем мокрой не станет, то целоваться с демонюгой по-настоящему...

Я глубоко задумалась. Любопытство – порок, с трудом выводимый, и у кикимор явно в крови. К тому же сравнить братьев... Нет, мы кикиморы приличные, мы по сторонам не смотрим и намеков не понимаем! И хватит уже на ушко шептать! Все равно ничего не слышу! Не слышу, я сказала! Но покраснела... Хотя и не понимала, что он там хочет до меня донести, но шепоток был интимный.

– Вижу, и вы решили посетить сегодня представление. Нас прервали. И, наверное, к лучшему, ибо мои щеки уже готовы были выставить хозяйке счет за постоянную красноту или устроить забастовку, навсегда отучая меня смущаться. Но только я возликовала, как память, эта мелкая пакостница, которая отказывает в нужный момент и находит скрытые ресурсы в ненужный, подсказала мне, кто почтил нас своим вниманием.

– Не ожидал вас увидеть здесь, – не скрывая досады, проговорил демон, вынужденно отступая от меня на шаг.

Ага, значит, вот какой должна быть граница при близких отношениях. Учтем.

– И я... не ожидал, что решу посетить это место, – отстраненно, как будто его вообще ничего не интересовало, подчеркнуто вежливо ответил Альтар и занял место в первом ряду (впрочем, здесь был только один).

– Прошу.

Демону не оставалось ничего другого, как предложить и мне выбрать место.

Всего кресел было пять. Альтар сел на центральное, таким образом

лишая нас шанса сесть отдельно от него. Мне оставалось только выбрать, с какой стороны от мага приземлиться. Подумав (не признаваться же, что считалочкой решала), я ткнула пальцем налево. Ага, вот вечное лево у меня.

Альтар фыркнул, но промолчал. На лице его застыла скука и... презрение. У меня чуть прыщи не слезли от удивления: таким я мага видеть не привыкла. Да и не показывал он мне эту сторону. На душе стало как-то тяжело, но здравый смысл, который у болотников шел вкуче с безответственностью, не позволил горевать дольше положенных трех минут.

Выдохнув, я принялась изучать партер. Людей туда уже пускали, и можно было наблюдать, как они муравьями снуют в проходах, норовя испачкать соседа парик пирожным или наступить на подол. Да уж, если не можешь оставить след в истории, ты всегда можешь оставить его на истории.

– Пирожное хочу, – завистливо глядя на совсем не ценящих сладости людей (иначе не роняли бы соседа на штаны!), протянула я.

Демон мгновенно поднялся.

Ага, значит, есть плюсы в том, что он как бы мой кавалер. Интересно, на сколько его терпения хватит? Увы, вопрос остался без ответа, откочевав в долгий ящик.

– Какое? – спокойно спросил Наон.

– Шоколадное, – мгновенно сориентировалась я.

– Подожди минутку, – ласково почти прошептал демон и быстрыми шагами покинул ложу, наградив напоследок Альтара странным взглядом.

Повисло тяжелое молчание. Не знаю, как у мага, но я едва грыжу не заработала от сидения в тишине. И кто бы предупредил, что молчать так тяжело? Не тем спортсмены занимаются. Ох, не тем.

– Дана...

– Что?

Мы начали одновременно. Я ошарашенно повернулась к нему, Альтар же – усмехнулся. Да уж, этого ничем не проймешь.

– Я бы хотел извиниться за вчерашнюю ночь.

– А я – за утро, – решила оказать ответную любезность и покаяться.

– Я вас не виню, – усмехнулся маг. – Простите... прости моего брата. Он слегка несдержан на язык.

– И на мысли, – из чистого вредительства добавила я.

– И на мысли, – согласился наш благородный лорд и протянул мне руку: – Мир?

Я не стала вставать в позу и демонстративно отказываться. Все же нужно ценить чужую заботу.

– Мир. Улыбнулась в ответ, и...

– Твое пирожное, милая.

Если после такого мне скажут, что это болотники вечно всем мешают, я познакомлю их с демоном. Вот уж кто приходит как нельзя некстати и рушит всю романтику! И пусть романтики в нашем случае не наблюдалось, но спокойно поговорить стало невозможно.

– Спасибо, дорогой.

Я расплылась в улыбке столь очаровательно-кровожадной, что Наон сглотнул и спешно протянул мне пирожное. Правильный выбор! Но почему он вздрогнул?

Неужели имеются случаи покусания кикиморами честных граждан? Хотя... зная свой характер... Нет, такого просто быть не могло.

Демоны грязные, мало ли чем болеют, что трогают! Ну их, еще лечись потом.

Пирожное было вкусным. Это приподняло мое настроение, которое резко скакнуло вниз после того, как Наон сел рядом и взял меня за руку. Подлокотники кресел были не сказать чтобы мягкими, а я любовью к мазохизму не отличалась.

Скривившись, выдернула бедную конечность и продолжила есть пирожное, разглядывая зрителей. Некоторые отвечали взаимностью и рассматривали меня. Даже смеялись. Ровно до того момента, пока не натыкались взглядом на одного из сидевших по обе руки от меня мужчин. Тут уж все вспоминали о своих делах. Ну и славно.

Демон протянул мне чистый носовой платок:

– Держи. Вот здесь.

Наон показал на свою щеку, намекая, что какой-то зеленый поросенок измазался шоколадом.

– Здесь? – переспросила я, вытирая указанное место.

Пирожное мирно покоилось в желудке, но его следы все еще были при мне. А точнее – на. Но с губ я предпочла шоколад съесть, а не вытирать. И со щеки бы предпочла, но язык кикиморы сродни человеческому, а никак не жабиному. Не дотягивается он. К сожалению.

– Дорогие зрители, просьба отключить ваши...

Моя голова дернулась в сторону сцены прежде, чем я успела подумать. На арене стоял ничем не примечательный молодой человек в черной мантии, в руках он держал волшебную палочку, а весь зал ржал. Ибо любой дурак знает, что волшебная палочка – признак непрофессионализма.

Впрочем, как усилитель звука работала она отлично. Это нам и доказал милейший паренек.

– ...предрассудки. Мы начинаем.

И, что логично, они начали. Погас свет – это он специально, чтобы Наон поближе присел и руку мне за талию просунул (как только без руки не остался!), – и заиграла музыка. Позади нас открылась дверь. Потянуло сквозняком, и... дверь закрылась. Альтар усмехнулся, словно был причастен.

А потом... Нет, я в цирк ходила. Дома, в своем мире. Но местный цирк-то использовал все возможности магии. А уж какие иллюзии... И цветы, которые подарил мне гимнаст, не исчезли, хотя демонюга очень старался их от меня отцепить. Не отдала. Прижала к груди и счастливо улыбалась. Потому что хотела, потому что было тепло и радостно, и сказка была не сказкой, а реальностью. И... я заплакала. Смеялась и плакала как сумасшедшая, хотя... я ведь кикимора, а кто нас поймет. Если мы сами себя не понимаем.

Представление кончилось слишком рано. До полуночи оставалось всего десять минут, а мне было как-то все равно, что меня ждут болотники и что самая противная роль достанется мне. Просто... было очень хорошо, но грустно. Вот только заставить себя не переживать я не могла. И, наверное, тогда впервые подумала, что этот мир стал и моим. Потому что отказаться от всего этого: волшебства, кривляющихся болотников за завтраком, Ваничны, выделившей мне свой сарафан, сидящего магистратора, который иногда строго на нас смотрел, преподавателей (даже вредного Ганса), демона, покупающего пирожные, Альтара, кормящего меня ужином, от ядов, которые получались у меня великолепно, и от несчастных работ на грядках, которые нам еще только предстояли, было невозможно. Просто я уже не представляла без них свою жизнь.

Преставление кончилось, но мы не стали спускаться в холл – замерли на своем этаже. Я смотрела вниз, на равнодушно расходившихся людей, которые даже не понимали, какое чудо им показали. Для них все было обыденным и привычным, хотя и там, среди них, мелькал восторг, но тут же затихал в толпе озлобленных личностей, борющихся за право первым вырвать из гардероба свое пальто.

– Идем?

Демон предложил мне руку, отвлекая от разглядывания возни. А с высоты нашего положения это казалось именно муравьиной возней.

– Но...

Я беспомощно указала на холл: идти туда сейчас было сродни

самоубийству. Боюсь, даже короля не пощадили бы в этой толкучке.

– Для гостей ложи есть другой выход, – усмехнулся Альтар и взглянул вниз, чуть склонив голову. Внезапно ноздри его дернулись, будто он унюхал (словно имел в роду оборотней) кого-то. Маг нахмурился, прислушался, желая получить подтверждение, и предупредил:

– Леди Фиона идет сюда.

Наон снисходительно ему улыбнулся.

– С княгиней Шатской и ее дочерью, – добавил маг и самым неподобающим образом перемахнул через бортик. Похоже, возможность переломать ноги ничего для него не значила. Хотя, видя, как изящно он приземляется там, где, казалось, и яблоку упасть негде, я всерьез задумалась: а не прогадали ли мы, когда замешкались на доли секунды?

– Милорд, какое счастье, что мы успели вас застать!

Столько патоки в одном месте никогда не собиралось, и я полагала, что и не соберется. Ошиблась.

Пожилая дама, чьи локоны имели к этой леди весьма условное отношение, а густые ресницы и вовсе казались инородными телами, шмыгнула острым лисьим носиком и подняла на демона большие, как у стрекозы, глаза, скрывающиеся за толстыми линзами очков. Ее платье больше походило на старую скатерть, а меховой воротник был так поеден молью, что я не бралась определить возраст костюма.

Рядом с леди стояла невысокая, слабо напоминающая матушку девушка лет двадцати. С маленьким ротиком, неуклюже намазанным помадой, и большим, с горбинкой, носом. Светлые глаза были совершенно никакими – ярче выглядело даже выцветшее платье княгини. Хотя... сравнивать глаза и платье – неэтично.

Впрочем, судя по недовольным ухмылкам обеих родственниц, я им тоже не понравилась. А на мои прыщи и синяки под глазами они смотрели с таким благодарствующим вождением (такой подарок судьбы! Рядом со мной любая моль королевой станет!), что я начала переживать за собственную психику.

– И я рад вас видеть, дамы.

Как он им руки целовал! Я думала – удавится. Интересно, а от мамочки нафталином пахнет? Или это только для антуража хрупкой старушки? Вот подсказывало мне шестое чувство, что силищи у почтенной фрау едва ли не больше, чем у демонюги. Только выглядит хрупким одуванчиком. А если надо...

Я вспомнила позорное бегство Альтара и тяжело вздохнула. На кого ж ты меня покинул, сирую и убогонькую? Как мне теперь жить-поживать?

Всякий может сиротку обидеть, да не всякий выживет... Стоп, это уже из другой оперы.

– Милый, ты обещал этот вечер мне! – надув губки, отчего на нижней части лица отчетливо проступили все складочки треснувшей штукатурки (ну я же хорошая девочка, готовилась к свиданию!), напомнила я. – Простите, леди, но сегодня Наондаль – мой.

Даже имя вспомнила, чтобы правдоподобней вышло. Фиона, наблюдавшая за безобразием, прищурилась. Ой... Надеюсь, здесь «Молот ведьм» еще не писали. В противном случае могу представить свой приговор.

Тем не менее, сцапав за руку демона, потащила его вперед.

– Поворот направо, – шепотом подсказал он, когда я остановилась.

Спину жег взгляд Фионы: ничего хорошего он не предвещал.

Поворот направо действительно имелся, вот только выходил он в служебные помещения, которые не принято посещать без приглашения. Впрочем, порой условности нарушались, но только ради близких родственников или...

– Лорд Наондаль, позвольте еще раз выразить...

...или спонсоров.

Я довольно улыбнулась, закрывая за собой дверь и едва удерживаясь, чтобы не подпереть ее стулом. Знаю, глупо, но эти две карги мне не понравились. На деюсь, мы больше не увидимся. В противном случае кто-то эту встречу запомнит надолго.

Перед Наоном стоял мужичок. Именно так: «мужичок». Он походил на соседствующих с болотом Ваничны селян, разве что выглядел понарядней. Лапти новые, плетеные, лиловый кафтан да шляпа широкая, с любовью сделанная. Хозяин с большой буквы, и никак иначе.

– Простите, не знаю вашего имени, – смущаясь, обратилась я к дяденьке.

Он добродушно усмехнулся в усы и представился:

– Кристоф я, леди. А вы?

– А я не леди, – бесхитростно призналась Данька, изображая дурочку.

Ага, я не я и хата не моя.

Дяденька на провокацию не поддался, усмехнулся так, что золотой зуб блеснул, и обратился к демону:

– Вам понравилось представление? Вы просили сделать все по высшему разряду. Еще и из канцелярии пришло уведомление. Не думал, что даже их высочества интересуются.

– Мультикультурные проекты всегда привлекают внимание, –

уклончиво ответил демон.

Но я заметила главное. Представление он подбирал. Неужели для меня старался?

– Спасибо, – тихо шепнула я, зная на собственном печальном опыте, что слух демона позволяет услышать все произнесенные гадости, даже если они сказаны шепотом и на галерке. Особенно на галерке.

Демон не ответил, только коснулся моей руки, сжал пальчики и решительно повел меня к выходу мимо отскочившего с дороги старичка. Тот же усмехнулся в раскидистые усы и помахал нам вслед. Я оборачивалась – я знаю. И столько одобрения было в его взгляде, что я почувствовала: то ли меня сватают, то ли демона – мне. В любом случае моя личная жизнь начинает становиться достоянием общественности. И это при том, что у меня ее как таковой и нет. Казус, однако, но кому сейчас легко?

Тайный ход из обители циркового искусства проходил мимо клеток с тиграми. Бедные милые кисы томились в огромном подвале, изредка поднимаясь на арену и внося импровизацию в работу артистов. Зрители охали, ахали и отползали от арены подальше, а артисты трудились как ни в чем не бывало, зарабатывая лишние очки популярности. И вот сейчас нам предстояло повторить подвиг бесстрашных цирковых.

Раскрыв крылья и взяв на руки пушинку-меня, которая после пирожного успела сгонять демона за добавкой, Наон отправился в полет. Стремительный и печальный, скорый и... Сложно передать, сколько скорби было в умных глазах кошек, с вожделением следивших за тем, как движутся по небу четыре рульки. Наверное, если бы несчастным животным предложили загадать желание, они бы уменьшили потолки, ибо только из-за них нам удалось уйти со всем комплектом конечностей.

Или повезло тиграм? Тут уж как посмотреть. Демон в боевом обликии, мягко говоря, ужасен. Впрочем, природа всегда на стороне своих. Да уж, бедненькие тигрики. Покормил бы их кто...

Ночной воздух был прекрасен. Свежий, прохладный, вселяющий бодрость в мою уставшую душу. Да, устала скорее душа, нежели тело. Ведь от впечатлений именно ей становится тяжело. Хочется побыть в одиночестве, закрываются глаза в предвкушении близкого отдыха, останавливается время, становясь совсем незначительным и мимолетным.

– Спящая красавица, – шепотом проговорил демон, спуская меня с небес на землю.

Ноги ощутили твердую почву, дрема начала уходить.

«Сейчас бы попрыгать», – подумалось мне, но, представив, как это будет выглядеть, я поборола детское желание согреться. Вместо этого жалобно посмотрела на демона:

– Домой хочу...

– И даже не зайдем поужинать? – нахмурился демон.

Видать, у него еще были планы.

Сыто погладила животик, напоминая, сколько раз он бегал в буфет за добавкой.

– Я уже поужинала!

– Прожорливая хрюшка!

– Ага.

Я решила не спорить. В конце концов, сколько хрюшей ни назови, все равно я останусь зеленой и пупырчатой жабкой. По крайней мере, пока не смою макияж.

– В общежитие?

– Ага.

Приступ многословия окончательно меня покинул, и я предпочитала короткие, но емкие и понятные ответы.

– Иди сюда.

Я послушно шагнула к демону, привычно прижимаясь к его груди (сказывался опыт перемещения) и закрывая глаза. Мысли же витали вокруг его последних слов. «Иди сюда»... А сколько смыслов! Ведь это и угроза, и пожелание, и просьба, и... Да много всякого-разного.

А демоны – они вообще искусители те еще. Не так произнесут, и... попала бабочка на огонек. Ничего, любой огонь можно разжечь, а крылышки – один из способов. Главное – не опалить их раньше времени. Но зеленым и пупырчатым вряд ли что-то грозит.

Мы оказались на пороге общежития. Судя по всему, Наон не боялся слухов, раз «проводил» меня прямо ко входу. Впрочем, адепты едва ли отличались прилежанием и сидели субботними вечерами по общагам, а значит, встретить кого-то во дворе альма-матер куда сложнее, чем напороться в городе.

Продуманный, гад! О репутации печется и моем благополучии. В последнем я не сомневалась, зная, что у демонюги даже среди местных фей есть свой фан-клуб, который уже на год вперед распланировал все свидания с жертвой, но ей об этом не сообщил. Влезшим же без очереди, как, например, я, полагалась мучительная и болезненная кара. Впрочем, сомневаюсь, что феям хватит глупости лезть к болотным. А мы друг за друга, как показывает опыт, горой.

– Пока.

Решила обойтись без долгих прощаний. Время поджимало, и я это чувствовала.

– До встречи, – едва заметно поклонился демон и ушел, пренебрегая открытием порталов.

Я еще долго смотрела ему в спину, борясь с желанием подпереть ворота стулом. Ему все равно, а мне приятно. И только возможность отмщения ночных ходоков удерживала меня от этого произвола.

Убедившись, что демон исчез из виду, я быстренько шмыгнула в холл, крадучись пробралась на свой этаж и приложила ухо к собственной двери. Наивная. Лучше, чем пакостить и перекладывать ответственность, болотники умели шифроваться.

И я постучала в дверь собственной комнаты. Ответом стали тишина и темнота. Я включила свет, но ничего не изменилось. Комната была абсолютно пустой, и только шкаф подозрительно скрипел дверью. Решив, что уж в собственной комнате я имею право проверять шкафы, дернула дверцу и влетела непонятно куда, подхваченная за руки-ноги.

– Тс-с... – шепнули мне, зажигая свет.

Мглу развеял маленький, но очень яркий комочек синего цвета. Больше всего он походил на помидор, разве что болел в детстве, и красноты в нем не было вовсе.

В небольшом скругленном помещении кружочком сидели болотники, склонившись над чем-то неведомым в центре. Мало кто мог предположить, что эта компания с мерцающими в синем цвете глазами занималась богоугодным делом. Но я не относилась к большинству и знала, что все совершается во имя веры. Веры в нашу будущую победу.

– Конспирация? – шепотом осведомилась я.

Болотники дружно кивнули. Что показательно, Киры здесь не было. Я задумалась: а не сюда ли все пропадали? Помнится, когда я не могла отыскать Виту, братья за секунды с этим справлялись... Тайное место сбора? Возможно. И если меня пригласили, значит, признали своей. Победа! Я теперь даже самые тайные секреты знаю!

– И... – решила выяснить, на чем остановились мои коллеги.

– Роли думаем.

Джейс был немногословен и хмур. Расставание с Кирой и необходимость блюсти секретность не добавляли ему оптимизма.

– И как?

– Ты опоздала! – ехидно заметила Вита. – Так что получаешь суперприз.

– Мне уже страшно, – честно призналась я, присаживаясь между Витой и Трейсом.

– И зря, хорошая роль, непыльная. Посидишь на болоте, в кустах, потом стрелу словишь...

– Надеюсь, не в сердце? – опасливо осведомилась я.

– Не, не в сердце. Мы же не изверги! – оскорбился Трейс.

– Ладно, – припоминая подробности лягушачьей жизни в сказке, пробормотала я. – А кто Иван-дурак?

– Обойдемся без оскорблений! – хмуро попросил Джейс. – И вообще, мы сценарий переписываем. Надо же его к местным реалиям адаптировать. А то никто нам не поверит.

– Адаптация – это хорошо. А что хоть меняем? Этот вопрос меня особенно волновал. Хотелось знать, на что подписываюсь, и не предстоит ли играть труп. А на сцене, между прочим, холодно, сквозняк. Да и деревянная она, падать больно.

Мне припомнилась одна из лагерных постановок. В тот незабываемый раз мы ставили О. Генри, и массовка, куда затолкали всех представителей отряда независимо от желания, изображала трупы. То есть сначала они как бы были живы, ходили по сцене, общались, но конторку быстро прикрыли. Появился бледный господин в черной шляпе и с листом на груди с надписью «пневмония». Он ходил и косил нас, бедных жителей города, заставляя падать на холодный пол. Но не это самое главное.

Главным было то, что выключить весь свет нам не разрешили, и трупы уползали в полумраке, оглашая зал сдавленными стонами, а иногда и вескими словами: столкнуться с чужой пяткой было в порядке вещей.

– Кощя, – подумав, решила Вита. – Понимаешь, ну не стал бы уважающий себя повелитель смерти в лягушку превращать какую-то левую деву. Это только светлые могут. Для перевоспитания, так сказать.

– И я перевоспитаюсь?

– Не-е-ет, – протянул Трейс. – Ты-то ни в чем не виновата! Это принц виноват. Из далекой провинции. Он так обидел мага, что тот его невесту превратил в Жабку. А чтобы никто не признал болезную, поместил на болото.

– А там ее спас Иван Царевич?

– Не-е-ет, Иван Царевич был болотником, и у него своя лягушка была, зачем ему чужая?

Я недоуменно поглядела на зеленых. Зеленые так же недоуменно взглянули на меня. Да уж, боюсь, работа над сценарием затянется.

Спать мы пошли ближе к обеду следующего дня. Никто не ушел обиженным! Все уползали в сладостном предвкушении, кляня себя за несговорчивость. В ходе переработки сюжета мы выяснили, что действующих лиц куда больше, чем болотников. Даже с привлечением Киры актеров все равно не хватало.

Итак, среди нас имелись: Царевна-Жабка (я), Иван Царевич, он же Не Дурак (Джейс), его невеста, принцесса сопредельного королевства (Кира), Баба-яга, пробравшаяся окольными путями и носящая звание «мудрейшая», по совместительству – главный казначей болотный и близкий друг Не Дурака (Вита), вестник (Трейс).

Итого, нам не хватало: злобного белого мага, играть которого отказались все напрочь, принца на белом лосе, прогневившего волшебника, и батюшки-короля, который вообще непонятно зачем нужен в этой сказке. Тем не менее мы были полны трудового энтузиазма.

В конце концов, для решения этих мелких проблем у нас есть целый один выходной и еще неделя будней, во время которой можно провести агитацию среди местного населения. На худой конец – сбегать в болотное посольство и запросить помощь. Теоретически.

От мысли, что придется идти на ковер, братья-болотники становились одного с прической цвета, а Вита теряла всякую тягу к жизни. Коллегиально (меня не спрашивали) было решено, что просить пойдет самый обаятельный и глупый, то есть я. Данька в очередной раз оказалась крайней, но да ладно, прорвемся.

Лично меня беспокоили только два нюанса: где взять лося и пустят ли нас с животным на сцену. Болотники утверждали, что пустят, но я еще помнила всякого рода значки на дверях супермаркета «С животным вход воспрещен».

Так и не решив, кто из нас прав (я или моя паранойя), я завалилась спать, едва не забыв смыть косметику с лица. Болотных она не раздражала, а я и вовсе о ней запамятовала. Все же «Сделано в болоте» – самая на дежная и гипоаллергенная марка.

Кто ходит в гости по утрам – тот поступает глупо. Летят в него подушки, храп, а то и чашки скупно. Но ничего, он джентльмен и подождать сумеет. А если плохо будет ждать – то быстро лапы склеит.

Да, глупая была идея у болотных братьев – собраться у нас перед завтраком. Глупая не потому, что мы не любили гостей и не желали их видеть. Просто Вита, никак не ожидавшая такой подставы, только начала приводить себя в порядок, крепя каким-то зельем настоящую прическу.

Сколько сил и времени она потратила только на то, чтобы волосы стали послушными, я не представляла, но сочувственно вздыхала, слушая ее недовольные вскрики. Болотники застыли за дверью, иногда подавая голос.

Наивные, они надеялись на прощение. Но за меньшее, чем новый суперстойкий лак (старый не выдержал столкновения с головой Трейса и намертво зафиксировал его шевелюру), Вита не готова была их простить. Кажется, у вестника Бабы-яги появились первые проблемы. И я не я, если под конец репетиций Трейс будет способен на что-то большее, нежели доползти до своего неприбранного ложа и уснуть, положив голову на матрас.

Успокаивать Виту пришлось долго. Не стоит думать, что если ты кикимора, то и вовсе лишена простых женских слабостей. А она еще и ночь не спала, варила свое чудо-средство. Не завидую я Трейсу, его дни сочтены. А ночи – учтены.

Наконец, когда кикимора совсем смирилась с потерей, мы решили немного попользоваться ситуацией и послали караульных за обедом, плавно переходящим в ужин. А что поделать, если спать легли поздно?

Болотники вернулись быстро, как будто только и ждали этого. Я их не виню! Сложно винить людей, которые обеспечили тебя вкуснейшим обедом. Да уж, видимо, путь к моему сердцу имеет одну тайную тропу – через желудок. Не прознал бы кто...

Желудок недовольно заурчал. Он был готов выдать все пароли и явки, лишь бы его продолжали кормить вкусно и сытно.

Стук в дверь прервал нашу трапезу. Мы с Витой переглянулись, одновременно отодвинули глиняные миски подальше, вытерли губы и хором, словно репетировали, позволили:

– Войдите!

Из-за двери показалась макушка Киры, а после и она сама проникла в комнату, аккуратно притворив за собой дверь, чтобы осталась щелочка для любопытствующих. Мы переглянулись и усмехнулись.

Парламентер.

– Кушаете?

Вопрос можно было считать риторическим, ибо к губам Виты прилипли крошки, а к моим... Даже не знаю, что выдавало меня. Голова-то прозрачностью не отличалась, а глаза не вращались во все стороны.

– Угу, – промычала я, придвигая миску.

– Репетировать сегодня будем? – перевела разговор в другое русло девушка. – Джейс сказал, вы доработали сценарий.

– Сегодня – нет, – подумав, ответила Вита. – Сегодня мы будем решать проблемы с реквизитом. Кроме того, нужно написать и повесить объявления о наборе в труппу нашего самодельного театра.

– Реквизит? – переспросила Кира. – А что нужно найти?

– Лося и Жабку. С последней проблем меньше – одолжим у посла. У него есть. Я видела, когда обдир... прореживала его кусты...

– ...на добровольных началах, – закончила за нее я.

Впрочем, Кира тоже поняла и заговорщицки улыбнулась. Наша она, наша. Какие эльфы, я вас умоляю! Девушка идет по пути болотных.

– Настоящего лося? – уточнила зачем-то Кира, хотя все было очевидно. – А разве защитники животных позволяют?

Мы с Витой переглянулись. Это уже становилось традицией.

– Здесь нет защитников животных. Животные себя сами защищают. Делают... хм... внушение обидчику с занесением в личное... тело.

Кира нахмурилась, но мы решили не обращать внимания. Пройдет еще немало времени, прежде чем она осознает, что защищать в этом мире можно разве что себя и близких. И то... От близких за чрезмерное рвение по шапке получить можно.

– У тебя почерк красивый? – внезапно поинтересовалась Вита.

Я чуть не подпрыгнула. У меня как раз с почерком не ладилось – только загробные послания писать и влюбленных пугать.

– Разборчивый, – решила не бежать впереди паровоза девушка.

– Писать на местном уже учили?

– Да, – серьезно ответила Кира. – Я посетила полный курс.

– Пиши, – явно входя в роль великой и ужасной советницы, распорядилась Вита.

Она картинно махнула рукой в сторону раздраженного черновика на тумбочке и отправила в рот ложку с супом.

– А что писать?

– Ну, например...

Думая, Вита поиграла бровками и начала диктовать. Кира усердно записывала. Когда она показала нам свою работу, на чуть помятом листке бумаги красовалось воззвание. Что примечательно, оно начиналось с самых важных слов:

Разыскивается за вознаграждение!

Молодые и симпатичные болотники ищут для участия в совместной работе людей—существ индивидов, готовых пожертвовать личным временем и имуществом ради общего дела.

Плюшки, любовь и уважение гарантируем.

Требования к кандидатам: наличие собственного гужевого транспорта (лося), умение красиво вставать на одно колено. Дар речи приветствуется, но не является обязательным условием.

Собеседование будет проводиться в таверне «Три слона» с шести до семи вечера. Наличие и демонстрация лося является обязательным условием.

P.S. Рассмотрим заявки и без лося, но вы должны быть решительны и готовы на все (даже порочащее честь и достоинство мага).

Вита придирчиво прошла по объявлению, не обнаружила ничего выходящего за рамки собственных слов и величаво кивнула, разрешая «ксерить» допотопным образом. От руки в нескольких экземплярах. Сама будущий «казначей» вернулась к прерванной еде. К облегчению томящихся за дверью болотных братьев, про лак для волос все успели забыть.

Добрая девочка Кира была очень ответственной. Она написала целых тридцать копий, которые предполагалось развесить по общежитию и местам большого скопления адептов и людей. Оригинал воззвания Вита взялась отнести в «Три слона», чтобы заодно обрадовать хозяина внеочередной прополкой его клумб гужевым транспортом. Разумеется, бесплатно.

Выдав по семь-девять штук листовок на брата, кикимора ушла, оставив нас страдать за правду. Мы решили разделиться и выходить с интервалом в четверть часа. Все же листовки были делом болотоугодным, но не поощряемым комендантом, которому это все срывать.

Обклеивать общагу полагалось мне. Не знаю, почему так выпал жребий. Видимо, у судьбы имелся на меня зуб размером с копье. Но ничего, кикиморы – не саперы. Один раз ошибусь – пойду по второму кругу.

Комендант не дремал. Или это его заместитель? Тем не менее по общежитию курсировал патруль в числе одного раздраженного субъекта, от которого предпочитали прятаться. Описывали его крайне нелицеприятно, и я даже было убоялась идти «на дело», но долг есть долг, страдать за правду – предназначение честного человека. Я страдать не собиралась, все же честность – не лучшее подспорье в антиобщажном деле, но возможность не исключала.

Спрятав в карман выданный братьями суперклей, я крадучись спустилась в холл, воровато (а как иначе?) огляделась, но никого не обнаружила. Выдохнула и потрусила к доске объявлений, клеить на которую мог только комендант или любой счастливчик, но с его

разрешения. Разрешения у меня, сами понимаете, не было, что придавало пикантность нашим отношениям с доской.

Высунув язык от усердия, я принялась за дело. Доска скрипела и терпела, но пока не выдавала.

– Что здесь происходит?

Да уж, рано я начала ликовать.

Позади, уперев руки в боки, с гневом на бледном лице стоял помощник коменданта. Он выглядел таким раздраженным и уставшим, что мне захотелось пригласить его на ужин, чтобы немного утешить. Это же надо – так попасть? Бедный, бедный парень.

– Георг, может, ты меня не видел? – с надеждой спросила я, оглядывая с ног до головы старого знакомого.

– Не видел тебя или нарушителя? – переспросил молодой человек.

И что в нем страшного только нашли?

– Нарушителя! – легко выбрала я.

– Ладно уж!

Сердце Георга, похоже, дрогнуло. Он вошел в мое положение. Слава солидарности! Стоп... Что он там говорит?

– Но отдирать сами будете! А сейчас – марш в кабинет коменданта. Узаконим наши отношения.

– Э...

– И без лишних разговоров. Твои подельники уже там, – довольно усмехнулся молодой человек. – Будем решать, что с вами делать!

– Может, чаю?

– И чаю тоже выпьем, – пообещал он и повел меня по известному, но всеми избегаемому маршруту. В логово коменданта.

Тайными тропами, по буеракам и рвам мы шли...

Лестница неуклонно поднималась, заставив меня проникнуться величием нашего главного и едва не споткнуться. Лететь вниз было бы больно и унижительно, так что я сдержалась.

Наконец мы остановились около узкой двери, через которую и мне было бы тяжело протиснуться. Не то что Георгу. Парень достал из кармана ключ едва ли не с его ладонь, засунул в замочную скважину и повернул. Дверца начала расти, словно переела «Растишки» с мгновенным эффектом.

– Проходи, – пригласил Георг, когда дверца доросла до размеров хорошей двухместной арки и открылась.

Я решила не спорить, к тому же нос уловил запах черного чая. Низкий старт пришлось отложить из соображений безопасности, но я ускорила. К тому же держать самодельные листочки в руках было неудобно, а клей в

заднем кармане брючек и вовсе вызывал справедливые опасения. Быть приклеенной хотелось меньше всего.

За столом, облюбовав чайничек, в котором, судя по всему, объем полезной жидкости уменьшился едва ли не втрое, сидели Кира и братья-болотники. На лицах последних застыла скорбь. Такая натуральная, такая искренняя, что верилось в нее с трудом.

– Итак, я требую объяснений. По какому праву, не согласуя действия с администрацией, вы начали вешать свои объявления?

Честная компания отвела глаза. Я, напротив, вылупилась на Георга, являвшего собой образец честного и неподкупного стража, которому дали недостаточную мзду.

– А нужно было согласовать? – ляпнула я.

– Необходимо! – громом среди ясного кабинета пронесся голос Георга. Пронесся – и сменился кашлем.

«Не отрепетировал», – поняла я.

– Мы не знали-и-и-и, – с подвываниями принялась объяснять я. – Но вы честный и справедливый, вы же не оставите нас без братской... отцовской поддержки? Вы же наставите на путь истинный? Вы же...

Остапа понесло. Это заметили все: болотники, которые изобразили нечто похожее на небезызвестное рука-лицо, и Георг, который подавился чаем и расплескал его на стол любимого (аж до зубного скрежета, я не вру!) руководителя.

– Конечно, не оставляю! – стал раздражаться парень. – Данька, да хватит уже причитать. Давай свою бумажку! Разрешение проштампую – и вешай. Только перестань по моим ушам ездить!

Я приободрилась и уронила кипу бумаги на стол. В ту его часть, где не успел отметиться чай.

– А вы, – Георг грозно глянул на вмиг раскаявшихся болотников, скрывающих улыбки за опущенными головами, – будете их сами потом отклеивать. – Вот договор на рекламу. – Перед братьями упал талмуд. – Подпишете в конце – и свободны.

– Мы не успеем его прочитать. Можно на дом взять?

Георг был непоколебим:

– Тогда и листочки свои тоже на дом возьмите. Как ознакомитесь, подпишете, так и повесите.

– Мы согласны, – спустя полчаса, которые я пила чай и кушала пирожки в компании с Георгом и Кирой, ответили болотники.

Вид у них был, как у линялых жабок в засуху, и их даже не прикончить хотелось – это казалось кощунством, – а сразу похоронить, чтобы останки

не тревожить.

– Вот и славно. Подпиши в конце.

Я тоже сунулась к талмуду расписываться, но была перехвачена Георгом. Он отрицательно покачал головой и сграбастал книгу прежде, чем остальные успели возмутиться.

– Отлично. Теперь можете клеить.

И он протянул наши стопочки, только теперь в углу каждого объявления значилось «одобрено Академией Колдовства». Далее шел адрес Академии. Вот так мы стали санкционированным собранием, а не просто сборищем болотных кадров. Печально, печально. Мы падаем все ниже, и с каждым разом восстанавливать репутацию все сложнее.

Болотники выбежали из кабинета, едва дверь сменила размерчик. Кира кивнула на прощание и тоже покинула комнату, видно, разделяя мои мысли, что без присмотра наших зеленых братьев оставлять нельзя.

– Данька, – окликнул Георг. Я обернулась и шагнула обратно, отходя от двери. – С учебой все нормально?

Заботится. Стало так приятно от слов мага! И я даже решила забыть, что видела его в не лучшие дни существования. Наверное.

– Все славно, – усмехнулась я. – И весело! – указала на листовки.

– Жаль, что ты с ними, – будто для самого себя произнес Георг.

– Не жаль. Болотники – они хорошие, ты бы только лучше их узнал, а?

– Не думаю, что оно того стоит.

– А ты не думай, ты действуй! – Я неожиданно рассмеялась. – Кира вон тоже не думала, а теперь они с Джейсом вместе завтракают. И... спасибо, что помог с объявлениями.

– А я не помогал.

Георг погладил переплет талмуда.

– В любом случае – спасибо!

– Для тебя – по старой памяти, – кивнул парень. – Но не думай, что моя благосклонность будет вечна!

– Ага. Не думаю – знаю, – согласилась я. – Заглядывай на чай, а то они твои запасы изрядно проредили.

– Загляну, – пообещал парень.

Вот только я почему-то была уверена, что он не зайдет.

Спускаться по ступенькам было куда проще. Не потому, что вниз идти всегда легче, но и от облегчения. Все же кабинет коменданта – место не очень приятное. Впрочем, если там будут наливать чай и развлекать интересной беседой без последствий в виде последующего мытья подоконников или сбора опавшей листвы... Может, что и изменится.

В холле толпился сонный адептовский люд, который наконец проснулся или просто дополз до альма-матер после хорошо проведенной субботы. Заметив направление, в котором я иду, многие перестали дышать. Последствия лапания доски объявлений были всем известны, а при стольких свидетелях... Они уже предвкушали мои отработки. Наивные!

Гордо расправив плечи, я протиснулась сквозь толпу, достала даже непотекший (слава тебе, господи!) клей и принялась за липкое дело. Зрители следили, затаив дыхание, ожидая, что вот сейчас примчится комендант, и...

Я закончила работу и отправилась к следующей доске. К ней же ринулась непонимающая толпа, которая быстро прочитала сообщение и споткнулась взглядом о печать. Все, конец репутации. Или... Да мы же теперь крутые! С одобрения самого коменданта рекламу вешаем. Так их! Уже к вечеру наше предложение будет известно всем.

Довольно улыбаясь, я шла по коридору Академии. Оставалось наклеить последнее объявление, и на душе было светло и радостно, как от полного удовлетворения собственными деяниями.

Мимо проплыл призрак почившей тещи сто какого-то директора Академии. За ним, размахивая иллюзорным сачком, пробежал адепт в одной тоге из простыни. Следом – еще один. Потом – еще...

Когда мимо меня, ругаясь на чем свет стоит, пронесся наш достопочтимый ректор с макарониной за ухом и перекошенной бородой, я даже не удивилась: творилось что-то странное. Покачав головой, я отправилась к аудитории сто тринадцать, где имелась еще одна доска с объявлениями. Обычно там вешали перечень записавшихся на факультатив или награжденных за вклад в развитие Академии, но порой возникали и писульки амурного толка. А потому это место любили все сплетники школы и навещали ежедневно согласно расписанию.

– Заблудились, юная дева?

Вопрос, заданный с романтическим придыханием, заставил меня истерически всхлипнуть. Ну сколько можно? То народ в тогах, то ректор со спагетти, то теперь этот...

Я обернулась, чтобы лицезреть нарушителя спокойствия.

Серый Волк!

– Что вы, что вы! – улыбнулась я во все зубы самой ласковой улыбкой. – Как можно! Я шла за вами!

– За мной? – удивился бедный оборотень.

Тому, кто напялил на него красные сапоги, хотелось руки оторвать.

Был себе симпатичный парень, пусть и с хвостом в животной ипостаси, так никому ж не мешал! За что с ним так...

– Именно, любезный. За тобой. Зеленые просили присмотреть и наказать обидчиков.

– Обидчиков? Меня никто не обижал. – Тут он вспомнил что-то. – Это я кого хочешь обидеть могу! И сейчас...

Бедный парень задумался, вспоминая слова.

– Ты меня съешь, – подсказала я, начиная приклеивать объявление.

– Да... – растерялся мой мохнатый собеседник. – А ты откуда знаешь?

– У Красна Солнышка спросила да Ветра Могучего, – сдала я информаторов.

– Утвердили уже, – завистливо проговорил парень.

– Куда?

– А ты разве не с отбора?

– Нет, – не поняла прикола я. – Что за отбор?

– Так это... Старшие курсы в конкурсе участвуют. Постановку свою делают. Сегодня отбор на роли.

– А, смотрины, – наконец дошло до меня.

– Не ругайся. Сама везучая, а мне как быть?

– А ты на какую роль пробуешься? – заинтересовалась я.

Неужели нас ждет Красная Шапочка на новый лад?

– Волк Серый. Одна штука. В сапогах красных, – зачитал по бумажке бедняга.

– И?

– И там уже десять таких волков. У всех сапожищи как сапожищи, а у меня... – Он попытался прикрыть вышивку. – Пришлось у бабки одалживать.

– Снимай, – заявила я. – Это не для роли, это старшекурсники поиздеваться решили.

– Ага, поиздеваться. Они даже ректора пригласили оценивать. А я хочу играть! У меня, может, мечта такая! С детства!

– Снимай. Если мечта с детства, то знать должен. Репутацию потерять легко, а после только в цирк играть возьмут. По протекции. Третьего слона слева. Тебе это надо?

– Вот злая ты...

– Данька, – подсказала я. – И не злая, а честная. Если они актеров найти хотят, то и без сапог тебя посмотрят и оценят, а если поржать не с кого, так пусть с себя ржут.

– А ты со мной сходишь? – внезапно предложил парень.

У него даже хвост замер от тревоги. Вот уж довели ребенка! Застрянет так между человеком и волком. И что получится?

– Схожу, обязательно схожу, – пообещала я. Наконец доска поддавалась, и мое объявление заиграло всеми красками своих чернильных разводов. Клей был на водяной основе, а я не встряхнула... – А призраки тоже кого-то играют?

– Нет, поэтому они обиделись и закатили истерику. Актальный зал три часа чистили. Даже ректор был. Но сбежал быстро. Кто-то из фракции некромантов решил помочь духам и готовил им снаряды. И где только нашел столько макарон быстрых!

Я не стала объяснять про великие «Доширак», «Роллтон» и прочие пластиковые заменители здоровой пищи. Не нужно ему это знать, тем более что ректора обычными спагетти обдали.

– И я не знаю, – протянула злобная я. – Ну что, идем твоих соперников смотреть? Только сапоги сними. А то стыдно рядом стоять.

Пробурчав себе под нос нечто малоприятное для меня лично, парень стянул красные чудовища с ярко-оранжевой вышивкой и поплелся за мной босиком. Пол был уже теплый: холода успели ударить. К тому же принимая во внимание расовую принадлежность... Нет, мне не должно быть его жалко. Ни капельки.

Актальный зал Академии располагался в другом крыле, и пришлось сделать небольшой круг, чтобы оказаться у его дверей. Более того, я вновь отработала приобретенный дома навык по прокладыванию пути в сложных социальных условиях. Больше всего он пригождается на распродажах или в фойе театров, когда нужно урвать свое пальто.

Здесь ситуация была почти такая же, только вместо вождя вождя гардероба требовалось протиснуться к двери и пролезть внутрь, чтобы глянуть, кто там выступает перед сборищем кастинг-агентов местного разлива. И сделать это так, чтобы все местные Серые Волки, Красные Колпаки и Дровосеки-Любители не прознали о столь вопиющем нарушении их очередности.

Впрочем, протиснулись мы сквозь толпу хоть и с трудом, но без лишних дырок в организме. Бодро прошлепав в первые ряды, я уселась, рывком усадила своего Волка и принялась смотреть, как позорится на сцене бедный Серый Волк с порядковым номером «сорок семь». Если мне не изменяет память, за дверями стоит не меньше дюжины подобных Волков. Все как один в красных сапогах и со злодейскими харями.

– Попрыгайте, – попросил один из «агентов».

– Зарычите, – распорядился другой.

– Прыгни через голову, – выдал третий.
– Нет, пусть танцует. Видел, как это нимфы делали? – напомнил четвертый.

– Это скучно. Лучше пение. Давай, Серый. Может, нам именно ты подходишь!

– Да... идите вы! – наконец дошло до бедняги, и он едва ли не плюнул себе под ноги, уходя.

– Какой непрофессионализм, – попенял один из агентов. – Но, может, следующий готов на большее ради своей мечты?

И эти гады рассмеялись. Гады были разнополые. Это так, мелкое уточнение, чтобы было ясно, что и гадюки присутствовали.

Я быстро прикинула количество и роли. Выходил жуткий перебор, а значит, в лучшем случае счастливый соискатель получит роль канделябра в доме Бабушки где-нибудь на чердаке. То есть уже над сценой. Да, милые ребятки эти старшекурсники. Одно радовало: болотных среди них не наблюдалось.

– И ты хочешь в этом участвовать? – шепотом спросила я.

Волк собирался ответить, но нас перебили.

– Посторонних кто пустил? – гаркнул кто-то из кастингеров.

– Сами вошли! – проорала я для глухих. – Ножками, через дверь!

Парень стушевался. Видимо, ждал извинений. А я... Наверное, я тоже их ждала. Извинений. Хотя бы перед волчком, который тяжело вздыхал.

– Здесь частное мероприятие. Вход только для участников!

– И что проводим? – изобразила я живейшее любопытство.

– Подбор актеров.

– Куда?

– В постановку. – Это уже другой взял инициативу. – Будешь участвовать?

– В чем?

– В отборе!

– Нет.

– А зачем пришла?

– Посмотреть.

– Что?

– Постановку.

– Но здесь отбор!

– Разве? Я вижу постановку, – развела руками я, наслаждаясь недоумением на лице своего собеседника. Остальные его коллеги сидели просто злые, а этот краснел.

– Это отбор!

– Постановка! Только мы ей название сменим. На «Развлеки себя сам».

– Да как ты?!

Сомневаюсь, что дальше следовали приличные эпитеты. Уж слишком убогоньким оказался словарный запас рассерженных магов. Раз-два – и в ход пошли боевые чары. Упс... Чары я не просчитала. А стенка-то твердая! И если лететь с ускорением, то...

В мои математические выкладки вмешались, прервав их на корню. Зря, я даже формулу вспомнила, чтобы рассчитать силу удара.

– Что здесь происходит?

Этот насмешливый голос вечно влезал в мои планы.

Наон грациозно шествовал между рядами к сцене. Казалось, он находится в весьма благостном расположении духа, но прищуренные глаза и полное отсутствие зрачков выдавали крайнюю степень бешенства демона. Даже я его так не доводила.

Даже я.

– Отбор.

Тон «агента» мгновенно сменился, а заклятие угасло на корню.

– И что же это за отбор?

– На роль, – проблеял другой.

– И какую роль вы предлагаете, если ваш сценарий уже утвержден и не набрана только массовка? Как там сказано? «Держатель указателя», «заблудившаяся крестьянка», «чихание из-за сцены»...

– Мы...

– ...пойдем и извинимся, а позже уберем всю Академию. Думаю, там, – Наон указал на холл, – вас уже ждут.

Старшекурсники поежились и переглянулись.

– И пока не забыл. За поведение, недостойное адепта, вас сместили в рейтинге. Вас распределят в последнюю очередь. Полагаю, излишне уточнять, какие варианты рассматриваются последними. Остальные адепты очень благодарны вам за залет.

Лица старшекурсников скисли. Пожалуй, сейчас их можно было без спецсредств кидать в цех по производству кефира. Молоко скиснет от одного только присутствия.

Тут Наон заметил меня, и я тоже скисла. Просто из солидарности, наверное.

– Дана? А что ты здесь делаешь?

Да, не спросить он не мог, но вот так... Ну не буду же при всех говорить, что пришла поязвить?

– Это... Она пришла меня поддержать. Я очень просил, – перевел огонь на себя мой смелый Волк.

– Вот как? – Демон с удивлением взглянул на меня. – Я и не подозревал, что леди не только хитрая, но и добрая.

– Вам ли не знать, – усмехнулась я.

Еще бы! Была бы злая, общался бы со своей Фионой.

Демон хмыкнул, но промолчал, выразительно взглянув на адептов. И протянул руку мне:

– Прошу.

– А может, я ножками?

– В холле скоро будет шумно и очень грязно. Не думаю, что вам хочется застирывать одежду. Да и запах... Слышал, кто-то из древесных не только вырастил, но и состарил томаты.

– А Волк?

Я покосилась на погрустневшего оборотня.

– За ним вернусь чуть позже. Вы же посидите здесь и подождете меня?

– Да, магистр, – с облегчением согласился парень.

– Вопрос решен, – сказал демон и, не спрашивая, взял меня за руку.

Что ж, пожалуй, не буду злиться. Время мне сэкономили.

Что и говорить, общественно полезные работы – вещь неприятная, но нужная. К понедельнику Академия пусть и не сияла, как при сдаче объекта, но выглядела не хуже, чем на следующий день после открытия. Адепты сновали по коридорам. Некоторые даже специально проверяли слой пыли, но были жестоко разочарованы. Все же выпускники владели бытовыми чарами куда лучше своих младших коллег. Да и под чутким надзором коменданта, прибывшего в свой выходной только ради них, особенно не поотлыниваешь.

Дожевывая блинчик с творогом и курагой, я в компании с Витой и Кирой поднималась на первую пару. Интересно, что новенького придумает наш возлюбленный Ганс и что ждет нас на теоретическом ядоделании? Насчет практического и так все понятно. Опять будем следовать инструкции. Кто-то напутает – и здравствуй, пол. Болотники успеют залезть под стол, кто-то долго будет причитать по испорченной одежде, а магистресса начнет усмехаться в кулачок. Порой мне казалось, что инциденты с зельями – ее рук дело, но обвинять без доказательств? Тем более своих она не трогала.

– О чем задумалась? – поинтересовалась Кира.

Она доедала булочку, и на весь коридор пахло вишневым вареньем.

Что и говорить о нас, коривших себя за неоправданное попустительство. Нет чтобы еще и булочек захватить? Так теперь слюну глотать.

– О бренности жизни!

– Думаешь, Ганс что-нибудь устроит? – спросила Кира.

Повеяло вишней.

– Нет, там нам все равно ничего не светит. Да и не надо. Два – и два. А лучше и вовсе кол. Гении – они же или отличники, или кольщики, – проговорила я.

Повисла пауза, нарушить которую решилась только Кира, и то шепотом, окликнув нас, чтобы отошли.

– Но вы же не глупые. И конспекты даже лучше моих. Почему никогда не показываете?

– Так нужно, – пояснила Вита. – Все равно диплом КАКи у нас подтверждать нужно.

– Подтверждать? – вцепилась в новые сведения Кира. – А я думала, что...

– Подтвердишь, не беспокойся. Можешь летом с нами поехать, – подумав, предложила Вита. – Думаю, Джейс объяснит тебе порядок подтверждения оценок.

– Хорошо бы, – проговорила девушка, немного погрузнев.

Вот подсказывали мне шестое кикиморино чувство и самая безошибочная часть, что Кира планировала переезжать в болото.

– Мы поможем, – решила за нас обеих Вита. – Болотные своих не бросают.

– Но ведь я из ино...

– Ты одна из нас, – не согласилась кикимора. – А мы своих разглядим везде. Так что никому тебя не отдадим.

– Джейс тоже так сказал.

– Так верь ему! – подмигнула кикимора. – И поспешим, иначе потом придется верить в незлопамятность Ганса. Но чувствую я, что наша вера обречена.

– Бежим уже, – поддакнула я.

«Погода была ужасная, принцесса была прекрасная, днем, во втором часу, прогуляла она...» Додумать, что могла прогулять принцесса, мне не дали, отобрав тетрадку со всеми рисунками.

Ганс негодовал! Ганс топал ногами! Ганс обещал сослать меня на Колыму... Упс, это уже из другой оперы.

В общем, обещал сделать мою жизнь невыносимой и ужасной. Именно

поэтому забрал мою тетрадь с рисунками и дал всем письменное задание. И конечно же, коршуном следил за его выполнением, а не читал украдкой мои записи. Гад! Я там такую мангу начала рисовать! Про отважного преподавателя пространственных перемещений и злого мага, которого он должен победить.

Да, знаю, нехорошо к начальству подлизываться, но разве дело, если он мне из вредности трояк поставит? Как я буду в глаза потомкам смотреть! Или пять, или кол. Третьего не дано. И мы будем стараться, чтобы не уронить честь семьи в болото.

– Купился, – шепотом прокомментировал Трейс, который видел мой графический шедевр.

Я погрозила ему кулаком и уткнулась в чистый лист. Заполнять его я не собиралась. Да и никто из болотников этому глупому порыву поддаваться не хотел.

– Пять минут до конца занятия, – напомнил оторвавшийся от чтения преподаватель. – На следующем занятии пишем промежуточный зачет. Найду шпоры...

Уточнять, что произойдет с любителями списывать, он не стал, а профессионалы и так знали: ничего. Ведь они не попадутся, а на нет и суда нет, как говорится. Это просто читалось по их насмешливым лицам.

Сдаваться мы шли с воодушевлением. Вся болотная делегация. Кира, которая решила окончательно отколоться от иномирцев и вступить в болотный клуб, шла рядом и несла такую же пустую работу, как и все мы. Гордости на ее лице было столько, словно она познала неведомую истину.

Мы выждали, пока адепты сдали работы, и накрыли их, положив свои чистые листы на все варианты. Дело было сделано, баллы мы уже предвидели.

Трейс ступил на первую ступеньку лестницы.

– Госпожа Вересная, задержитесь, – остановил меня Ганс. – Вы забыли. – Он протянул тетрадь. – Впредь будьте внимательнее на моих занятиях. Они могут пригодиться. Хотя бы как материал для ваших «работ», – намекая совсем уж не на контрольные и эссе, проговорил преподаватель и, бодро подобрав наши ответы со стола, покинул аудиторию.

– У тебя появился поклонник, – насмешливо заявил Трейс. – Смотри, еще личным цензором станет!

– Боже упаси!

Я даже перекрестилась, вызвав недоумение зрителей.

Джейс был более благодушен:

– Да ладно! Радоваться нужно, что талант Даньки оценили. А вы...
– ...а мы рассказываем о последствиях, – закончил за него брат.
– А я расскажу вам о последствиях нашего опоздания на ядоделание, – усмехнулась Вита. – У нас осталось не так много времени, чтобы успеть.
– Вперед – марш! – распорядился Трейс и первым припустил в сторону заветного кабинета.

На яды мы успели. Как раз к началу вбежали в тихую, будто пустую, аудиторию, быстренько заняли свои места, обернулись к столу преподавателя и замерли.

На доске большими буквами значилось:

«Уехала на симпозиум. Занятий не будет. В следующий раз – контрольная. Задание на дом узнаете в конце занятия, если будете вести себя хорошо. До тех пор соблюдайте тишину и порядок. Теории не будет».

Мы переглянулись. Опять переглянулись... Сравнили разрез глаз друг друга, а потом сели на пол. Трейс и вовсе залез под стол, высунув голову с нашей стороны.

– Играем в угадайку?

– Идет, – оживилась Вита.

Игра была проста и непритязательна. Не требовалось пророчить судьбы стран или королевских династий, нужно было просто угадать домашку по ядоделанию. Постепенно игра распространилась и на другие предметы, а затем и вовсе перешла в бытовую сферу. Угадывали все – вплоть до вида каши, количества булочек или цвета брюк преподавателя по местной физкультуре.

– Делаем ставки, – привычно озвучила я.

Из-за слабой посвященности в многообразие учебных зелий я чаще всего выступала в роли арбитра.

– От пищевых колик.

Трейс был самым гуманным из спорящих, что могло показаться странным, если бы мы не знали его маленькую слабость – любовь к острому.

– От запора бы еще предложил, – усмехнулся Джейс.

– Засчитано, засчитано, – кивнув каждому из братьев, заверила я.

Джейс недовольно сверкнул глазами, но возмущаться не стал. Время ставок было объявлено, кто же виноват, что язык – его злейший враг?

– Ускоритель роста растений, – сверившись с конспектом, внесла предложение Кира.

– Ничего, – блеснула улыбкой Вита и открыла учебник по «общему ядоделанию» под редакцией профессора Январы.

Мы недоуменно на нее вылупились.

– Это еще почему? – не выдержала Кира.

– Потому что хорошо себя здесь никто не ведет. Условие не выполнено, следовательно, придется повторять все, без каких-либо подсказок. Да и не в духе болотном кому-то работу облегчать, – пояснила кикимора и погрузилась в чтение.

Как и предрекала Вита, спустя час двадцать учебного времени на доске расцвела красная надпись «Повторяйте все пройденное», которая ехидно померцала, пока все не ознакомились с волей преподавательницы, и исчезла, махнув на прощание хвостиком буквы «р».

Мало кто знает, что преподаватели тоже люди. В смысле, думают, чувствуют, переживают и ленятся ходить на пары. А когда приходится – с такой же неохотой ступают на песок стадиона, чтобы сорвать на адептах злость за выход на работу в свой выходной. А адепты тоже не горят желанием страдать и бегать и всячески пытаются сорвать пару.

В этот раз в обморок падала Гриза из дриад, а ногу от чрезмерного усердия подворачивал бедняга Аполинер, вытянувший короткую палочку на предварительной жеребьевке.

Мы в этой глупой забаве не участвовали. Я – потому что больно, для братьев это было ниже их чувства собственного достоинства, Кира поддержала меня, а Вита – из солидарности и нежелания портить прическу. Ей еще предстояло отбирать актеров с реквизитом, а потом терпеть нападки гномихи. Героическая женщина наша Вита!

– Ах, я умираю, – оповестила весь стадион Гриза, картинно закатывая глазки и падая на ровном месте. Соломка оказалась под дриадой чисто случайно, загодя уложенная плотным слоем.

– О, как! – ухмыльнулся наш любимый измыватель и гаркнул: – Бригада, закопать!

В стане дриад побледнели. Наметились настоящие обмороки.

– А может, в лазарет? – несмело предложила одна из древесных.

– Если она от ветерка падает, лазарет не поможет. Зачем продлевать агонию, если смерть рано или поздно придет за ней?

– Лучше поздно! – пискнула Гриза, подрываясь и уносясь в сторону беговой дорожки.

– Эх, хорошо бежит! – отметил тот, кто еще недавно хотел закопать. – Вот если бы вы мне все так нормативы сдавали...

Я промолчала. Успех у меня был всего один – с лошади перестала падать. В остальном физическая форма едва ли улучшилась хоть на грамм. Даже жаль. Может, на диету сесть? Набрать пару лишних кило? А то совсем тонкая стала: кожа, кости и шерсть зеленая. Да и та уже не так топорщится!

– Все на исходную. Бегом – марш! Кто срежет – будет бежать лишних два круга за каждую попытку! – предупредил в своей излюбленной угрожающей манере наш любимый преподаватель.

И мы побежали. А что оставалось делать? Все же методисты – плохие люди, чтоб им икалось. Поставить вместо теоретического ядоделания ЭТО... За что нам такое наказание?

– Темп держите! – напомнил преподаватель, и мы окончательно погрузнели. Уж лучше бы вовсе не пошли. Хотя, говорят, отработки у него еще более жесткие.

В душ первой попала Вита. Я, хоть и стонала мысленно от негодования, была вынуждена отступить. Кто, если не она, отправится на «дело»? Желающих встречаться с гномихой не было, и ванная оказалась в полном распоряжении мудрейшей из нас.

И самой чистой. Как Вита умудрялась не нахвататься пыли, не упасть в грязь и не измазаться в том, природу чего не хотелось определять, мы не знали. Кира предположила, что Вита обладает тайным знанием, выменянным у старшекурсников на чудо-средство от прыщей, которым кикимора пользовалась ежедневно. Я же только плечами пожимала, но в глубине души начала раздумывать над предложенным вариантом.

Вита выпорхнула из душа чистой и свежей. Я даже слегка позеленела от зависти, но быстро скрылась в заветной комнатке. Едва ли кикимора оценит мой вялый пессимизм, а грязная и потная, я была способна только на него.

Кое-как помыв голову (с десятого раза шампунь наконец подействовал!), приняв ванну и надышавшись успокаивающих травок, я, расслабленно улыбаясь, вернулась к жизни. И лучше бы не возвращалась!

Вита, сушившая волосы старым дедовским способом – на воздухе, – составляла календарь контрольных. Судя по всему, кроме сегодняшних объявлений имели место и озвученные ранее, а это означало, что деньки начались великие и плодотворные. Не в плане учебы, а в другом, более денежном. Болотные выходили на тропу шпорописания – исконный вид подпольной деятельности адептов.

Глава 9

Шпорописательная, или практикум по каллиграфии

*Уж сколько раз твердили миру...
А шпоры пишут до сих пор.*

Я знаю точно наперед – сегодня кто-нибудь придет. Заплатит целый золотой за мой оставленный покой... С чего вдруг золотой? А все очень просто. Именно столько запрашивала подпольная мануфактура по производству шпор всех видов точности и скрытности.

Базировалась сия преступная организация, как и полагается всем преступным объединениям, в подполье (то есть в зашкафье), куда по случаю нехватки рабочих рук пустили и Киру после принесения «страшной клятвы» и тортика.

Получив таким образом еще одного бесплатного помощника, триада подпольщиков-профессионалов приступила к набору заказов, выполнять которые приходилось подневольным рабам в лице меня и Киры. Вита заведовала деньгами и зельями, братья отвечали за сбыт, Жабка... Жабка просто отвечала, устраивая песнопения под окнами.

Проникнувшись нашим горем, ее величество Коха приложила свою ручку к решению проблемы и прислала нам Жабку. Мою любимую Жабку с Ваничного болота. Хозяйка пупырчатой животинки также явилась, чтобы своими глазами взглянуть на место, где обучается ее новоявленная кровиночка.

Я не протестовала: сама успела соскучиться по добрым глазам немолодой кикиморы, которые с такой радостью и гордостью смотрели на меня, словно я как минимум кандидатскую защитила в двадцать годков. Или лучше – открыла семейный бизнес. Первое было на грани фантастики, разве что темой предстояло выбрать «Сто три способа отжать ванную у соседки-кикиморы», а второе... пока на моем счету имелась лишь проданная идея, чего явно маловато для открытия собственного дела. Так что пришлось стыдливо молчать, а вечерами сидеть с поделеньниками над шпорами.

– Кажется, я уже могу идти сдавать Гансу, – устало проговорила я, откладывая в сторону двадцать какую-то шпаргалку. Предстояло

настрочить еще с полдюжины, а настроение скатилось едва ли не до плитусов.

– Без проблем подтвердишь диплом.

Кира была на редкость оптимистична, как будто не она готовила в надцатый раз «Сто базовых лечебных растений и способы их сбора». Рядом с этим вопросом от нашего биолога даже конспекты Ганса шли на ура.

– Ты окончательно решила к нам податься? – просто ради того, чтобы отвлечься, поинтересовалась я, откидываясь на спинку стула и закрывая глаза руками.

– Да, Джейс уже подал прошение от моего имени. Мы ждем, пока его рассмотрят.

– Давно подали?

– Три дня назад, – подумав, ответила девушка. – Джейс сказал, что все займет не меньше месяца, но даже если и так, если мне ответят положительно, то я еду с вами на практику.

– На какую еще практику?!

Я едва не упала со стула от неожиданности. Практика? А я ни сном ни духом? Совсем ты, Данька, разленилась, если даже иномирцы знают больше! Хотя, может, им специальный курс по организационным вопросам прочли?

– Производственную, – хихикнула Кира. – Думаешь, нас просто так лекарственными средствами мурыжат? – Она кивнула на стопочку шпаргалок собственного производства. – Нам предстоит эти самые травы собирать. В зависимости от региона.

– А там распределение?

Что-то не улыбалась мне перспектива куковать у эльфов.

– У вас нет, это только за нас решат, – погрустнела Кира. – Но мы с Джейсом хотим сделать так, чтобы на меня пришел именно запрос. Тогда Академия меня с вами пошлет. На болото.

– То есть мы в родные топи возвращаемся?

– Да, все проходят практику по месту жительства, – кивнула девушка. – Джейс обещал мне экскурсию по Семиречинску.

– Классно, – ответила я, а сама задумалась: где у меня, интересно, прописка? – Подождешь меня? Мне надо кое-что сделать.

Я выразительно посмотрела на дверь. Кира хихикнула и потянулась.

– Иди, я пока тоже передохну.

Удостоверившись, что девушка за мной не пошла, я рванула к тумбочке, вынула документы и с облегчением выдохнула. Семиречинск значился и моей родиной, а значит... Добро пожаловать в столицу, Данька.

На душе стало тепло и сладко, словно кто-то сиропом полил. Гад, лучше бы мне отдал, я бы поела.

Желудок согласно заурчал.

Я взглянула на часы, мирно тикавшие на подоконнике (как они там оказались, я не помнила), и вздохнула: столовая уже успела закрыться, и оставалось только отправлять посланца в ближайшую таверну. Или ждать, что вернется Вита и покормит подневольных.

Шел шестой день с того момента, как мы повесили объявления, и пятый – как начался отбор актеров на две пустующие роли. Точнее, уже одну. Белого мага мы нашли. А вот с лосем дело обстояло сложнее.

Это мы беспокоились, что лоси объедят клумбу у таверны? Ха-ха-ха! Нам бы хоть одного лосика привели. Все лошадей и лошадей тащат. Морок наведут и думают, что молодцы. Смотреть противно! А нам репетировать пора, сценарий писать... Вот как без лосиного принца? Курам на смех, а не сценарий! Все шло к переделыванию истории. Очередному.

– Данька, ты долго?

Кире надоело сидеть в одиночестве, и она начала проявлять обеспокоенность моим отсутствием.

– Уже иду! – крикнула я, глянула в темное окошко и потопала на работу.

Мануфактура продолжила деятельность.

Вита вернулась уставшая, но довольная и с едой. Последнему обстоятельству мы обрадовались больше, чем первым двум, и даже не скрывали радости. Усмехнувшись себе под нос и обозвав нас «проглотами», кикимора сходила в душ, пока мы сервировали поляну на ковре, и вернулась, обретя второе дыхание.

Улыбка не сходила с ее губ, и мы затаились в ожидании новостей. Неужели хорошие?

Кира сглотнула: еда слишком приятно пахла.

– Ешьте уже, – махнула Вита.

Мы не заставили себя ждать.

– Что-то хорошее произошло? – осторожно спросила я в перерыве между поеданием куриного шашлыка.

– Да. Все просто чудесно.

– И? – хором спросили мы с Кирой.

Совместная работа спланировала, позволяла лучше узнать друг дружку.

– У нас есть лось! – торжественно объявила кикимора.

Общежитие сотряслось от радостного смеха. Такого ликования у нас

еще не видели.

Позже, когда от еды остались только приятные воспоминания и довольное мурлыканье желудка, мы задали другой важный вопрос:

– А кто будет играть с нами?

– Увидите на репетиции, – усмехнулась Вита. – Но вы его знаете. Некоторые – даже особенно хорошо.

Я помрачнела. Намек – хотя чего уж тут, прямое утверждение – явно предназначалось мне. А кого я знаю особенно хорошо? Я задумалась, но кандидатов все же было больше одного.

Девушки тем временем перешли на деловые темы.

– Все готово?

– Еще нет, – с огорчением выдохнула Кира. – Может, присоединишься?

Вита прикусила губу, что-то планируя и просчитывая. Наконец она согласно кивнула:

– У меня есть минут сорок. Так что если хотите помощников, то вперед.

Втроем работа пошла веселее и, что немаловажно, быстрее.

День перед экзаменом – самый жуткий день в семестре. Страшный суд – не иначе. Час расплаты и раскаяния. Время, когда адепт вспоминает даже то, чего в жизни не знал.

Экзамены были еще далеки, но вот контрольные изрядно портили нервы, успокоить которые могли только хорошо припрятанные шпоры. И народ то и дело (дилетанты!) поглаживал укромные места, где под юбкой, в поясе или в лифе таилась заветная бумажка с ценнейшей информацией.

После всего, что пришлось пережить, мне шпоры не требовались. Более того – смотреть на них тошно было. Судя по оговорке одного из братьев, это нормальное состояние.

«К следующему году пройдет», – успокоили меня, хотя самих передернуло от воспоминаний.

Вопрос, где они успели подвиснуть на шпорописательской деятельности, я предпочла опустить, чтобы не беречь ни их, ни свою рану. Кира также пребывала в состоянии легкой апатии и думать о чем-либо, кроме подушки, отказывалась. На пару к Гансу мы едва-едва ее выволокли, но девушка все равно норовила утопать обратно в объятия Морфея или же заснуть прямо тут.

– Заходим и рассаживаемся. Через одного, – дал указания Ганс.

Он открыл аудиторию и поспешил посторониться, чтобы его не снесла хлынувшая толпа адептов.

Началась битва за места, в которой мы решили не участвовать. Потерь

много – результат не очень. Да и нужна нам галерка сегодня? Пусть страждущие выдохнут с облегчением – она им все равно не поможет. Именно на галерке списывать сложнее всего, ведь в эту сторону направлены все поисковые чары преподавателя. А если и не чары – он лично проследит, чтобы шпоры не покидали карманов и не попадались на глаза несчастным адептам.

Выждав, пока двери перестанут ломиться от потока озабоченных оценками, мы поздоровались с Гансом и пошли к первому ряду. Здесь царили тишина, пустота и умиротворенность. Столь вакантные места оказались почти пусты: только на третьем ряду находился ближайший к нам адепт. Что показательно – он шпор не покупал. Профи. Такие только собственными работают.

Шум в аудитории стоял еще с четверть часа. Кто-то вырывал листы из тетради, кто-то повторял про себя основные формулы, кто-то молился, а кто-то (для успокоения) выколупывал гвоздь из парты. В любом случае все были заняты делом. Скучали только болотные, то есть не выпавшиеся мы. А все из-за некоторых...

Я обернулась к галерке, где сидела внешне совершенно спокойная эльфийка, ночью прибежавшая к нам и заказавшая комплект шпор по всем предметам для контрольных за тройную цену. Отказать братья не смогли, и мы всей компанией корпели над заказом.

– Итак. – Ганс прошел к своему столу, уселся, вытянул ноги, демонстрируя свои новые туфли, и с явным наслаждением объявил: – Начинаем работу.

Не было никаких эффектных пассов, заклятий или прочей мишуры – просто перед нами появились варианты. Судя по скорбным лицам адептов, у каждого – свой, и списать у соседа возможности не было.

Я лениво глянула в опросник. Одна страничка, две, три, четыре, пять... Остановилась на двенадцатой. Моему недоумению не было предела. Вопросы имелись на каждой странице. Судя по нумерации, всего их было сто двадцать семь. Тотальный опрос, на каждый из вопросов – меньше минуты. Да уж, куда тут списывать. Хорошо хоть, варианты ответов имелись.

Открыв тетрадку под внимательным взглядом преподавателя, я выдрала листик и принялась рисовать ромашки. Сегодня меня тянуло на растительный орнамент. Хотя... Я решила немного пошкодить и неожиданно для себя ответила на все вопросы. Разумеется, неправильно. Только неправильно. На все вопросы.

Вита, которая, кажется, поняла, чем я занимаюсь, неодобрительно

покачала головой, но от комментариев воздержалась. Плюсик контрольной – здесь никто не может говорить вслух, кроме преподавателя. Хотя... были люди, которым это разрешалось.

В аудиторию, тихо постучавшись, вошел декан. Кажется, он главный у боевых магов, но точно сказать я бы не рискнула. Сами-то мы пока ни к какому направлению не принадлежали. Только после первой сессии у нас поинтересуются, кого мы хотим осчастливить своей персоной. Если результаты экзаменов будут соответствовать, после практики нас обрадуют известием о новом факультете. А пока мы абитуриенты (то есть никто) в иерархии любимой Академии.

Декан одобрительно оглядел занятых работой адептов, споткнувшись на нашей честной компании, которая на бланках играла в крестики-нолики с воображаемыми друзьями или рисовала мангу – вместе с Кирой нам удалось заразить этой напастью и остальных. Вита сопротивлялась больше других, но и она поддалась тлетворному влиянию. И только мне было грустно, потому что вопросы быстро кончились и выбрать что-нибудь неверное я уже не могла.

Мужчина прошел к нашему Гансу и сел рядом, о чем-то тихо говоря. Наш преподаватель молчал, предпочитая слушать вышестоящих, но радости от сообщаемого явно не испытывал.

– Мела, Кристон, Вирдин, Калеса, Триган, Мелори, Эндакат, Вир, Эливианель, Лоенс, Мактор, ноль за работу, покиньте аудиторию. Шпоры оставьте на входе, мне любопытно.

Названные с явным неудовольствием поднялись и посеменили на выход. Пререкался никто не стал – это вам не наши школы, где дети клячат оценки и рыдают перед столом учителя вместо того, чтобы учить. Тут же попался – свободен. Удивительно, что на нас никто из уходящих не смотрел. Сами попались – сами и виноваты. А мне, пожалуй, нравится система.

– Четверть часа до конца, – громко оповестил преподаватель, сделал жест, словно открывал ящик стола, и выложил перед собой шпаргалки. Декан тоже решил полюбопытствовать.

Я уткнулась в свою работу, делая вид, что очень занята. Так занята, что даже их взгляды колющие не ощущаю. Совсем-совсем.

– Написавшие – сдаем работы, – разрешил Ганс, и началось паломничество. Каждый подходил, клал свои листочки разной степени исписанности, сжимал в кармане чудо-шпору и уходил, довольный. Как там говорят? Не пойман – не вор. Здесь вот тоже так жили адепты. Не пойман – сдал.

Декан только головой качал:

– Достойная смена.

Ганс был не столь очарован.

– Думаешь? В качестве бонуса я просто не стал срезать тех, кто ходил. Только не говори, что ты не заметил.

– Заметил, – усмехнулся наш незапланированный наблюдатель. – Но если они разучатся списывать, как я буду веселиться в следующем семестре? Да и нашим трудягам нужно подзаработать.

Ганс покосился в нашу сторону.

– Этим? Не думаю, что у них недостаток карманных средств.

– Зато смекалка на уровне. И поработали они славно.

Декан подтолкнул одну из шпор моего производства.

Я же делала вид, что перечитываю свою работу. Ага, вверх ногами читаю, развиваю технику чтения.

– Славно, – согласился наш любимый преподаватель. Глянул в мою сторону и, заметив пристальное внимание, усмехнулся: – Даже не верится.

– Порой чудеса случаются, – поделился опытом декан и поднялся. – Закругляйся, собрание кафедры с минуты на минуту. Думаю, и дети хотят поскорее воздухом подышать.

Ганс кивнул. Дождавшись, пока наш незванный зритель удалится, он встал из-за стола:

– Заканчиваем. Две минуты, чтобы сдать работы и покинуть аудиторию.

Паломничество мгновенно набрало силу. Получить ноль (а столько и ставилось, если совсем не сдать работу) не желал никто. Даже среди нас таких оригиналов не имелось.

Моя работа легла поверх трудов всех остальных болотных, и быть ей погребенной под стопкой контрольных подпиравших нас сзади адептов, если бы Ганс не выхватил ее за секунду до полного исчезновения из виду.

«Прыткий», – не могла не отметить я.

Чесались пятки, а это к любопытству, и отнюдь не к моему.

– Вересная, задержитесь.

Я даже не удивилась. И Вита не удивилась, и Кира... И даже братья-болотники.

– Не опаздывай, – кинули они и влились в убывающий поток адептов. Скорость, с какой болотные покидали аудиторию, не поддавалась точному измерению. Но быстро. Очень быстро.

Я только вздохнула и помахала на прощание. Бросили, как есть бросили. На растерзание оставили. И кого? Одну хлипенькую меня, будто я

что-то могу противопоставить этому... Я покосилась на Ганса, который быстро проверял мою работу и хмурился. Досадливо так, словно другого ожидал. А что другое? Не могла же я правильные ответы писать! Совесть не позволяла. Да и скучно это.

– Дана, как вы это объясните? – наконец сказал он, отдавая работу. Без оценки, но с кучей помет.

– Плохо подготовилась? – предположила я.

– Скорее уж – очень плохо, – совершенно внезапно усмехнулся преподаватель. – Только неверные ответы.

– Да, так получилось.

Я потупилась. А ботинки у меня все же хорошие, можно рассматривать мыски. Даже интересно это, особенно когда в макушку устремлен досадливо-любопытствующий преподавательский взгляд. И чем ему так моя маковка приглянулась? Вроде ушки еще на положенном месте, да и других патологий нет.

– Интересная картина, – проговорил визави.

Он подхватил со стола шпору и показал мне.

– Это не мое, – честно сказала, открещиваясь от компромата.

«Нет уж, двояк поставишь. В шпоре не признаюсь, ноль мне ни к чему!» – пронеслось в голове, и я даже подбоченилась, готовясь опровергать все аргументы противника.

– Разумеется, – ласково, так, что не осталось сомнений в его «вере», сказал Ганс.

– Я могу идти?

Да, я струсила. Самым позорным образом. Но нельзя же так внимательно смотреть! На психику, знаете, как давит?!

– Конечно, – разрешил этот злодей.

У меня уже душа в пятки ушла, пока он думал.

Я быстренько потрусилась к выходу, рванула на себя дверь, и...

– Пять, – донеслось вслед. – Но я предпочитаю, когда знания показывают не обратным способом.

Я ошарашенно обернулась, желая посмотреть в эту мерзкую рожу, которая мне всю малину собиралась испортить, но его уже не было.

Поскольку Января Крисная, наш любимый преподаватель по практическому ядоделанию, еще не вернулась, теорию ядоделания перенесли на одну пару раньше, и сейчас я неслась по коридору в любимую аудиторию Дитмара Гранова.

Опоздала, но нелегкая меня минула: Дитмар еще не проверял

присутствующих. Более того, о чем-то сосредоточенно думал, не обращая внимания на притихших адептов. В любой момент спокойствие могло нарушиться целым потоком сведений, пропустить хоть одно из которых было преступной халатностью, но полного конспекта не имел никто. Только мы на четверых смогли составить единый образцовый текст.

– Он что-то говорил? – поинтересовалась я, бухаясь на свободное место рядом с болотниками. – А чего в прошлый раз отменяли?

– Нет, не говорил. Ездил на конференцию, – кратко ответил на оба вопроса Трейс.

– А они разве не вместе с Январой?

– Видимо, нет, – пожал плечами болотник.

А я задумалась: странно это все.

– Записываем. Для приготовления...

И понеслось. Как я и говорила, Дитмар диктовал быстро и только один раз, а потому все посторонние разговоры и даже мысли стихли, исчезнув в один миг, чтобы смениться скрипом. Да уж, Средневековье – это ужасно. Хорошо хоть, у иномирцев ручку стрельнула в обмен на шпаргалку. Все же перо, даже металлическое, – не мое писало.

– ...все на сегодня.

Этих слов ждал каждый. Руки отваливались, ладошки вспотели, на пальцах темнели мозоли, но никто даже пикнуть не решился – предмет не располагал к откровенности и искренности.

– Магистресса Январы вернется через четыре дня. Вместо практического ядоделания у вас будет теория. Нельзя, чтобы навык оставался без закрепления, поэтому мы немного передвинем нашу контрольную – вы же о ней, верно, помните? – и напишем ее завтра. Все свободны.

К нашему счастью, большая часть платежеспособной клиентуры помнила и шпоры заказала заранее, так что... Все достаточно спокойно восприняли новость, и Дитмару не икалось. А если икалось, то недолго. Поговаривали, что проклятийник из него отменный. Как, впрочем, и ядодел.

– Ну что? В огород, грядки окучивать? – добавила оптимизма в наше продвижение к выходу Кира.

Волком на нее посмотрела не одна я. Видимо, ботаников-любителей, как и профессионалов, среди нас не водилось. Или же они умерли от счастья.

Грядки вызывали двойственные чувства. С одной стороны, вспоминался дом, где на так называемых «уроках трудового воспитания»

мы порой батрачили на благо родной школы, пропалывая морковь или собирая ягоды для компота. Второе было веселее и собирало куда больше народу. Вот только возвращались мы с таких работ страшненькими и довольными, особенно если ягоды были черными и маркими. Тут уж без натуральной помады на губах никто не уходил. А сколько ягодок отправлялось в рот, чтобы язык покрасить в модный цвет? Да уж, никто не следил, а то такой бы счет выставили...

С другой стороны, огород я никогда не любила. Еще когда маленькой была, родители перестали заниматься этой гадостью, на которую нервов тратишь больше, чем в итоге результатов имеешь. Но даже с тех далеких времен осталась стойкая неприязнь к прополке. Единственное, на что меня могли уговорить, – пощипать укропа и петрушки. Но и это не входило в число любимых дел.

В общем, когда оказалось, что придется копаться в земле еще и здесь, я взгрустнула и отправилась запивать горе томатным соком, который также ненавидела.

Готовилась к предстоящему ужасу, выдержку тренировала. Пригодилось!

На первом занятии, сугубо теоретическом, я немножко прикорнула на задней парте после тщетной попытки запомнить, сколько и каким образом расположенных жилок у какой-то редкой травки, помогающей от запора. Это знание было мне настолько необходимо, что в сон меня склонило на третьей минуте. На седьмой я очнулась от нежного удара локтем в бок. Прямо напротив толкал полную дидактизма речь препод. Я поняла, что зачет получу с боем. Осталось только выяснить, кто будет бороться.

Выясняли до сих пор с переменным успехом. Я героически сражалась с травками и собственной нелюбовью к ним, а преподаватель пытался не выказывать на людях свое негодование по поводу моего чересчур агрессивного метода работы с растениями. Получалось слабо. И у меня, и у него. Вот и сейчас шепотки за спиной начинали делать ставки, кто победит в грядущей битве. Я или сорняки. На сорняки ставили больше.

– Дань, я на тебя поставила, – подбодрила меня Кира.

– А я против, – громко, чтобы все слышали, сказала Тринита.

Демонессы из ее свиты хихикнули. Я смолчала, но запомнила. Шпоры по обычному тарифу, да? А обычный – это сколько? Для демонесс он только что увеличился. Раз так в пять-шесть.

Судя по негодованию, промелькнувшему на лицах братьев, еще и за доставку драть будут немилосердно. И только одна Вита довольно потирала руки. Казначей, что с нее возьмешь. Уже в роль входит! Или она из нее

никогда и не вылазила?

Спустя семь минут мы стояли у огорода. Чтобы не пугать поступающих, место массового батрачества адептов скрыли от простых любопытствующих тремя слоями морока, и вход в его пределы разрешался только после сверки ауры. Иной раз я так мечтала, чтобы мою случайно убрали из базы данных чар и меня просто мягко откинуло в ближайшие кусты, как злого нарушителя. Мироздание было не на моей стороне.

Преподаватель появился с опозданием на четырнадцать минут. По нашим нестройным рядам пронесся тяжкий стон. Даже эльфы не любили пачкать маникюр, что же говорить об остальных? Разве что дриады испытывали нечто сродни ностальгии, которая передалась им от далеких предков, когда-то живших и на этой земле.

– Все готовы к труду и обороне?

– Нет! – дружно откликнулись мы.

Единодушно, что не может не радовать.

– Тогда приступили. И помните: каждый вырванный реликт – минус к вашей оценке. Закончив ряд, подходите ко мне, получаете теоретическую часть и отбываете в аудиторию тридцать семь. Руки помыть не забудьте. На физическую подготовку можете не торопиться. Сегодня вы полностью мои, так что после решения теории возвращаетесь и пропалываете следующий ряд. У нас сейчас горячий период, лишние руки не повредят. – Заметив скепсис на моем лице, наш нимфо-эльфо-человек добавил: – Даже твои, Дана. Сама видишь, в какой мы безвыходной ситуации.

Ужас положения оценили все. И почти не роптали, выбирая себе целых два рядка для прополки. Бытовыми чарами, среди которых имелся универсальный пропалыватель, почему-то пользоваться воспрещалось. Считалось, что посторонняя магия плохо сказывается на целебных свойствах этих мелких гадов, которые сумели заставить себе кланяться всех. От архимагов с седой бородой, как у ректора, до чопорных принцев. Да что там принцев! Демонесс с маникюром!

Я бездумно дергала из земли все, что не походило цветочком на полуразложившийся палец, и чихала. Как оказалось, моей аллергии достаточно большой концентрации «полезных» растений. Ну не хочет организм воспринимать их как лекарство! Скорее – как досадное недоразумение, от которого нужно скрываться и бежать.

Закончив с первым рядком, я поплелась в тридцать седьмую, чтобы ответить на теорию. В том, что я правильно выберу неверные ответы, даже сомневаться не приходилось: два дня с Кирой, которая только и занималась шпорами для растениеводства, сделали свое дело. Хоть сейчас иди сдавай.

Так уж получилось, что мы строчили шпаргалки с некоторым опережением, подергивая сведения из добытых у старших курсов записей. Каким образом братья их доставали, я предпочла не спрашивать, ибо вид у конспектов был изрядно потрепанным.

Заскочив в туалет, вымыв руки и почистив ботинки, я разогнулась и поняла, что спина собирается мстить за удачные дачные работы. Но что оставалось делать? Пойти на конфликт и усесться с краешку, наблюдая, как другие работают? Хм, идея-то интересная.

В аудитории находилось порядка двадцати адептов, и они все прибывали, не желая убывать. Да уж, свидание с землей и ее обитателями никого не прельщало, а после того как битые пятнадцать минут отмывали руки... А если еще и сок умудрился попасть... Одной водой здесь не обойтись.

В стане эльфов наметилась революция.

– Да сколько можно! Мы же не рабы?! Почему мы должны это делать!

– Потому что хотим получить зачет без лишних свиданий, – высказал здравую мысль один из гномов.

Ну да, для него пачкаться – привычно.

– А я бы сходила, – глупо хихикнула какая-то нимфа. – Он вроде симпатичный.

– Ирис, избавь нас от подробностей! – одернула ее подруга, которой претил энтузиазм соседки.

– Да уж... – протянула одна из демонесс, усевшись прямо на парту и лениво просматривая вопросы. – Кто-нибудь будет это делать? Или конца пары дождемся и пойдем? Кто знает, что придумает ЭТОТ, если мы быстро справимся.

Я бы тоже не взялась предположить, на что горазд наш любимый преподаватель. Хм, как-то много у меня любимых. Интересно, дело во мне или в них? Я быстро оценила степень негодования остальных и с облегчением выдохнула: все горячо и пылко признавались в любви нимфо-эльфу.

Выбрав место методом усаживания попы на ближайший стул, я протянула лапки к работе и упала лицом на столешницу. Опять они... Этими гербариями меня еще Кира умудрилась достать, а тут опять они. Семицветики, Глючные глазки, Волосы Эсфеи, Тараканий мед... Ну за что мне все это!

Стонала я громко. С чувством, с толком, с расстановкой. Остальной хор оценил и отдал мне роль первой скрипки, то бишь первого страдальца. Подтянувшиеся болотники легко влились в наши дружные ряды.

Задание я выполнила быстро, оставляя хор без заводицы. Конечно, они тут же сбились. Дирижера бы им раздобыть... Впрочем, жертвовать собой я не собиралась, а потому быстренько покинула оплот скорби и ушла сдаваться.

Вернулась первой! Вот бывает так, что все решают выждать, чтобы меньше потом трудиться, а ты приходишь в самый подходящий момент и... получаешь увольнительную за честность и готовность к труду и обороне. Ведь бывает же так? Правда, бывает?

Ага, бывает. Но не в нашем случае. В моей ситуации был указующий перст.

Я потопала на прополку, желая, чтобы растения скончались. И, видимо, так громко желала, что травки начали стремительно угасать.

– Дана, три шага назад! – заорал наш любимый.

Я послушно отступила от успевшей опостылеть грядки (от одного только вида) и замерла. Процесс остановился.

– Та-а-ак...

Преподаватель явно был чем-то недоволен. А я тут при чем? Подумаешь, мысли плохие. Так у всех они нехорошие, когда заставляют в грязи копаться!

Хих, а аллергия прошла. Вот как есть прошла! Просто взяла – и исчезла. Хм, видимо, это я так хорошо травки отвампирила. Вернула утраченное из-за них здоровье.

– Чтобы я тебя здесь больше не видел. Теорию сдавать будешь, поняла?

– Поняла, – кивнула я, глядя на злое лицо преподавателя.

Мое же... Мое, кажется, слишком красноречиво выражало радость. Таковую большую, что, процедив сквозь зубы «брысь», нимфо-эльф отвернулся и спешно отправился утешать цветочки, обещая, что вот эта (я то есть) здесь больше не появится.

Возвращаться в Академию не имело смысла, и я, радостно подпрыгивая и улыбаясь всему белому свету, отправилась в общежитие. Кушать на удивление не хотелось – видимо, счастье тоже в некотором роде питает. Но памятуя о жоре, который любит появляться неожиданно, я все же сделала круг и выскочила на пару минут за территорию Академии, чтобы купить пирожков.

– Прогуливаем? – ехидно осведомились у меня за спиной, когда я рассчитывалась за пирожки.

Я даже не удивилась.

– Угу, – нагло промычала я, держа пакетик в зубах и отсчитывая монеты.

– Приходите еще! – напутствовала меня улыбчивая женщина лет тридцати.

Приду! Вот обязательно приду! Мне на один только запах идти хотелось, не говоря уже об обещанной начинке!

– Обязательно, – кое-как проговорила я, соскребла с лотка сдачу и отправилась теперь в общагу.

Пора бы уже и на слова свои глянуть. Вита еще в минувший день тексты раздала.

– И как не стыдно! – пожурил меня демон. – Игнорировать старших, с пар сбегать, есть всухомятку!

Учитывая, что последний аргумент – чаще всего самый главный... Наон всерьез беспокоился, чтобы я питалась правильно? Не верю!

– Угу.

Я была на редкость немногословна. Но настроение он мне не испортил: слишком радовалась, что выпуталась из лап ботаники.

– Миледи, вы столь красноречивы, что я теряюсь. Вот паяц! Что за наезды? Иду, никого не трогаю, пирожки нюхаю, так нет же – нашелся недовольный!

– Когда найдете, обращайтесь...

– Уже нашелся!

– ...в службу поддержки. Там вам подберут идеального собеседника.

– Дана, – уже не паясничая и не кривляясь, обратился демон, – сегодня не мой день?

– Не ваш, – погрузнев, отозвалась я.

Нет, он все-таки умудрился настроение испортить. Я не привыкла видеть демонюгу грустным или серьезным. Или... настоящим? Почему-то мне казалось, что именно сейчас он истинный. Уставший, досадливо хмурающийся и кривящий уголки губ – улыбкой это не назвал бы даже слепой. И я извинилась. Не знаю за что, но извинилась:

– Простите.

– Да, сегодня не мой день, – с горечью проговорил мужчина и, сделав шаг вперед, исчез.

Я на пару минут застыла, где была, пытаюсь понять, что произошло между нами, но ответа не получила. И день... У Наона что-то случилось? Дурья я башка, выслушать не могла?!

Настроение вконец упало, и порог общаги пересекала уже совсем хмурая я. Даже пирожки перестали пахнуть столь завлекательно, становясь

обычными кусками теста с холодной вишней внутри. Ну чего я такая злыдня?

Никто не ответил. Да и кому известно, что меня терзает? Правильно, никому. Защита Альтара действовала прекрасно, уберегая от чрезмерного внимания его коллег-магистров. Да и от старшекурсников помогала. Тоже любят правила нарушать. И чем ближе к заветной бумажке, тем меньше сдерживающих факторов, тем тише голос рассудка.

В общежитии никого не было. Старшие ушли на пары или отправились по тавернам, младшие не вернулись с четвертой пары. Здание пустовало, даже призраков не было видно. И я все чаще задавалась вопросом: а не показалось ли мне тогда, в первый раз, в темноте? А был ли призрак? Или это болезненное воображение, ожидавшее западни, создало его персонально для меня?

Нет, в том, что бестелесные сущности есть, я не сомневалась: по Академии они часто бродили. Но чтобы здесь, в общежитии? Такого я не встречала, а ведь уже изрядный срок жила под новой крышей.

Медленно я побрела вверх по лестнице, остановилась напротив своего этажа и вздохнула. Желания возвращаться к себе не было. Вообще ничего не хотелось. Совсем. Как будто желания выключили. Вскоре пришла и слабость – до комнаты я не успела добраться.

Приходила в себя рывками. Глаза то открывались, то веки тяжелели и накатывала темнота. Слух и вовсе подводил: отдельные звуки наотрез отказывались складываться в слова, да и сами потеряли всякий смысл. Только запах пробивался в мое бессмысленное царство. Едкий, удушающий, доводящий до слез. Только запах.

Наверное, кто-то приходил. Не мог не приходить: я то и дело видела силуэты. Кажется, кто-то кричал. Еще реже – тихонько плакал. Или смеялся? Сказать точно я бы не взялась. Но мне хотелось, чтобы плакали. Это бы значило, что они беспокоятся. Кто «они»? Помнила слабо. Родители? Или друзья? Случайные знакомцы?

Что-то не позволяло мне вспомнить. Силы... их просто не было. Перегорели, исчезли, трусливо сбежали, отлучились по делам? Кто бы ответил на этот вопрос.

А потом пришла ОНА. У нее были теплые руки и добрый голос. И рядом с ней хотелось быть. Я потеряла счет времени, но мне начало становиться лучше. И пятна перед глазами стали приобретать смысл, а звуки превратились в слова. А вот запах... Этот мерзкий запах наконец ушел.

Я все же проснулась.

Видеть над головой белый потолок – добрый знак. Хотя как на это посмотреть. С одной стороны, он предвещал скучное лежание в постели и дюжину лекарств, с другой – он предвещал. И этого было достаточно. Того, что жизнь продолжается, что еще можно куда-то идти, чего-то ждать, и даже лежать скучающе в этой жаркой белой кровати, из которой уже через считанные секунды хочется сбежать.

Я с удовольствием выползла из-под одеяла и огляделась. Так и есть. Пять кроватей, шестая – моя. Чуть вдалеке прикорнула на стуле целительница. Выглядела она не очень, и мне стало совестно, что, видимо, из-за меня ей не дали нормально отдохнуть. Больше в палате никого не было, и мое пробуждение осталось незамеченным. Неужели мне показалось, что кто-то приходил меня проведать?

Кровать не скрипнула, когда я с нее сползала, голыми пятками коснувшись пола. Холодный. Тапочек не нашла, и пришлось согреться скоростью. Быстрыми перебежками достигла окна, глянула на улицу и с облегчением выдохнула: до зимы еще не дошло. Все те же зеленые листья качаются на ветру.

Часов в палате не было. И это обстоятельство меня расстроило. Нет, я понимаю, что пациентам не обязательно знать, сколько минут осталось до конца лечебного заключения, но могли повесить хоть для медсестер? Или целительницы и так время знают? Полезное, видать, умение. И тайное. Нам на бытовых чарах еще не рассказывали, хотя про чистку зубов и завязывание шнурков еще в первый раз сообщили.

Скрипнул стул, напоминая о необходимости быть расторопней, если хочу пронести собственную тушку контрабандой в общагу. Судя по увиденному во дворе, сейчас идет первая лекция. Серое небо не благоволило утренним прогулкам, и вероятность встретить праздношатающихся стремилась к нулю.

«Это шанс!» – решила я и коснулась ручки двери.

Далее следовал сплошной шпионский фильм. Разве что холодно было по-настоящему, и слабость накатывала. Но мы же не сдаемся! Мы добежали до общаги и заползли под родное одеяло.

«Вот теперь можно и отдохнуть», – подумалось мне.

Зря поспешила с выводами. Ой, зря.

Меня упрямо трепали за плечо.

– Данька, Данечка...

– А? – сонно отозвалась я.

– Ты как? – с тревогой спросили у меня.

Вита? Да, голос был определенно ее, только не такой командный, как обычно.

– Хорошо, – буркнула я. – Только спать хочу.

– Хорошо. Спи, – разрешила кикимора. Я слышала, как она крадется к двери и уже там, за дверью, кому-то говорит: – Данька спит, не будите. Все хорошо с ней.

Не знаю, кому Вита говорила, но терпением они не отличались. Дверь с легким щелчком открылась, и кто-то зашел. Их было несколько. Тихо прошли к кровати, чья-то рука коснулась моего лба. Я из вредности открыла глаза, показывая, что они меня злостно разбудили. И улыбнулась. Ванична.

С уставшей, но теплой улыбкой, ставшей мне родной за время, проведенное на болоте, она смотрела на меня. И я видела, как она с облегчением выдыхает, как разглаживаются морщинки на лбу, как успокаивается ее лицо.

– Мама...

Ванична провела ладонью по моему лицу, откинула челку и наклонилась, чтобы поцеловать в лоб, заодно проверяя температуру. За ее спиной – я видела их краем глаза, хотя и следила больше за старшей кикиморой – маячил ректор, степенно стояла Коха, и совсем вдалеке, у самой двери, подпирал стенку Альтар.

– Все хорошо, – тихо уверила она.

– А почему вас здесь так много? – любопытствовала я, теперь уже глядя на каждого персонально.

Ректор отвел взгляд. Коха усмехнулась, с прищуром следя за реакцией Бродседа. Я внезапно почувствовала себя как на сцене, словно мы даем спектакль «Семейная драма» и застыли на очередном акте, дожидаясь, пока установят правильный свет.

– Мы волновались, – ответила за всех Ванична. – Ты заболела. Только пошла на поправку – и вдруг исчезаешь из лазарета.

– Там светло и грустно, – попыталась оправдаться я. Коха совсем уж не по-королевски хихикнула, а ректор нахмурился неодобрительно.

– Мы так и поняли, – заверила меня, наверное, все же мама. Ведь в этом мире так, по сути, и было.

– Понятливые.

Я как-то изрядно поглупела, находясь рядом с ней. Видимо, так и происходит с детьми, когда они до маминой юбки дорываются, спасаясь от

страшного окружающего мира. А рядом с мамой всегда хорошо и безопасно. Мама – она такая, она самая лучшая и надежная.

– Хм, магистры, – Коха обвела ироничным взглядом обоих гостей, – похоже, вы мешаете воссоединению семьи. Вам не кажется...

Договаривать она не стала, но все и так поняли, что их попросили на выход. И если Альтар вышел спокойно, то Бродсед упрямылся и норовил задержаться в дверях. И чего ему так любопытно? Кикимор в такой концентрации не видел?

Наконец комната была очищена от инородных элементов противоположного пола, и Коха присела на кровать Виты. Ванична с моего полного согласия и одобрения села рядом со мной.

– Ругать будете? – жалобно спросила я. – Я не специально.

– Специально бы и не получилось, – усмехнулась ее величество. – Такое только спонтанно.

– Вот!

– Но нужно учиться себя контролировать. Нельзя полагаться на счастливую случайность!

– Простите, – покаялась я, хотя основная мысль от меня ускользала.

– Коха, девочка не совсем тебя понимает, – заметила Ванична и пояснила: – Пытаясь повлиять на растения, ты потратила слишком много сил.

– Я не пыталась...

– Ты просто разозлилась, – тихо продолжила за меня кикимора. – И у тебя получилось то, что получилось. Но ты могла израсходовать все, и тогда бы из Академии пришлось бы уйти. Без дара здесь обучаться нельзя.

Я со страхом уставилась на собственные пальцы, пытаюсь вызвать огонек. Поддался. Пламя заплесало на ноготке и перекинулось на другие. С облегчением выдохнула и показала обоим кикиморам свое достижение.

Те странно переглянулись. Коха поднялась и вышла из комнаты, оставляя нас наедине.

– Данька.

Я напряглась. Обращение по имени ничего хорошего не сулило. Это я еще в своем мире выучила.

Ванична продолжила:

– Постарайся быть осторожнее. Мы не хотим, чтобы с тобой что-то случилось.

– Я...

Что сказать? Обещать исправиться? Но что именно исправлять? Обещать быть осторожней? Но я не знаю этот мир так, как знают его

остальные. Не выходить за пределы школы? Как оказалось, чтобы влипнуть, и выходить не пришлось.

– Ты справишься.

Меня снова поцеловали в лоб. Теперь уже успокаивающе.

– Ты вернешься домой?

Мне не хотелось, чтобы она уходила, но я понимала, что у кикиморы могут быть другие дела.

– Я обязательно приду на ваше выступление, – уклончиво ответила болотница.

– Буду ждать, – искренне пообещала я, проваливаясь в сон.

– А она точно в порядке?..

«Нет, не точно!» – хотелось заорать мне, когда в очередной раз дверь в комнату открылась и в проеме показалась голова Трейса.

Виту, которая осталась со мной после ухода Ваничны, уже порядком раздражал этот вопрос.

– Была, пока вы не пришли и не разбудили! – все с тем же терпением, что и обычно, но ныне требовавшим куда больших волевых затрат, ответила она.

– Отлично, – ничуть не расстроился болотник и махнул кому-то позади себя.

Я видела! Мне интересно стало!

Звякнуло стекло, стукнулась открытая нараспашку дверь, взвыл Джейс, на ногу которого опустилась одна из ножек стола, пискнула Кира, принявшись ловить уезжавшую посуду. Болотники пришли отмечать мое возвращение из забытья.

Судя по потрепанности столешницы, стол они вынесли из аудитории. На особенно древних ножках виднелись нацарапанные надписи популярного толка, как то: «Тараса – дура», «Жизнь за Нерзула» или «Пятерка или смерть, подлый трус!» Кое-где надписи двоились, перекликались, размножались... жили собственной жизнью, вплетаясь в историю Академии. Интересно, кто-нибудь их собирал когда-нибудь? Здесь даже стихи попадались!

– Данька, ты опять куда-то уплываешь? – потряс меня за плечо Трейс.

– А? Прости, отвлеклась.

– Оно и видно, что отвлеклась! Нет чтобы наши старания оценить!

И он надулся, как мышка на крупу. Манную.

Я оценила: глянула на уставленный кушаньями стол и пожалела, что пятое измерение неприменимо к человеческому организму. Еды зеленая

братия принесла едва ли не на дюжину проглотов.

Вита цокнула языком, про себя, верно, пересчитывая количество блюд, и кивнула Джейсу, словно принимала накладную на товар. Дескать, все в порядке. Болотник, совсем уж для сходства, облегченно выдохнул.

Подтянув ноги и обняв коленки, я освободила две трети кровати, чтобы гостям было куда сесть. Вита поделилась местом на собственном ложе.

Народ разместился и как-то притих. Никто не смотрел друг на друга, все чего-то ждали, как будто совестно было начинать трапезу, не дождавшись этого кого-то или чего-то.

Наконец Кира не выдержала:

– Данька, прости, что мы тебя так подвели! Мы не знали, иначе бы обязательно с тобой пошли! А мы... Но ведь кто знал, что так выйдет!

– Кир, все в порядке.

Я совсем растерялась, не понимая, чем вызвано такое раскаяние. В том, что я так облажалась, винила только себя. Или болотники считают, что должны за мной везде следовать и каждый грамм еды проверять, вдруг подавлюсь? Последнее я не удержалась и высказала.

Зелененькие заулыбались и чуточку приободрились.

– Мы обещаем, что будем внимательнее, – наконец завершила свое выступление Кира.

Она перевела дыхание и быстро глянула на Джейса с Витой, будто спрашивая, справилась ли. Те благосклонно кивнули.

– Ребят, а мы только поэтому собрались? – внезапно осенило меня.

Все же повод хоть и был значительным, но не настолько, чтобы столы таскать. Или я себя ценю мало?

– Ну... – Кира смутилась. – Мне официально позволили проходить практику в Семиречинске. И даже выдали разрешение на проживание.

– Следующий шаг – гражданство, – пояснила всеобщую радость Вита. – Так что Кира теперь почти одна из нас.

– Ага, теперь вы от меня никуда не убежите, – смеясь, погрозила девушка.

– За пополнение нашей компании. Официальное и заверенное! – поднял бокал Трейс.

Никто не протестовал. Кира и так стала частью нашей едва ли не семьи, и отдавать ее кому бы то ни было, даже учитывая соглашения между странами, мы не собирались. И глядя на счастливое лицо девушки, слушая ее смех, я понимала, как славно вышло, что нам не пришлось ей сообщать о реальном положении дел, и какой молодец Джейс. Ведь хлопотал за свою

подругу именно он.

– Поздравляем! Поздравляем!

Я хлопала вместе с остальными. И немножко завидовала. Завидовала тому, что Кире устроили такое приветствие, вступление в нашу не слишком честную, но заботливую компанию. Интересно, а если бы у меня сложилось по-другому, меня бы тоже так приветствовали?

– Данька, ну чего хмуришься?! Все веселье грустной рожицей портишь! А говорили – выздоровела! – с какой-то детской обидой выпалил Трейс прежде, чем его успели заткнуть.

А я... Я только рассмеялась и стащила со стола тарталетку. Сомнения больше не мучили: устроили. Обязательно бы устроили. Впрочем, у меня и так все сложилось более чем замечательно!

Мы разошлись только под утро. Как сказала Вита, я отсутствовала до самых выходных, но, как истинный болотник, очухалась в пятницу, чтобы свободные деньки не прошли мимо. Хотя если вы думаете, что мне повезло, то глубоко заблуждаетесь. Нет, не все было столь радостно, как хотелось.

Я пропустила целые две репетиции, и к третьей, субботне-вечерней, предстояло выучить три страницы текста! Фигня, скажете вы и будете правы. Но как же лень учить текст в субботу утром, когда солнышко ласково гладит по лицу, а ты только-только лег!

Разошлись к обеду. Да и то – ели у нас. На радостях от двух чудесных новостей болотники забыли, из какой аудитории выносили вчера стол, и пока не представляли, куда его возвращать. Ожидался очередной нагоняй от коменданта, но мы крепились и уповали на связи. Что показательно – на мои.

Выставив из комнаты противоположный пол, Вита с Кирой приступили к уборке. Мне же немилосердно вручили текст и еще долго слушали, что я о них думаю.

Думать разрешили, а вот править текст – ни в какую. Пришлось смириться и заткнуться: хорошо еще, что наш сценарист-любитель не обиделся.

Скорбно шурша страницами, я принялась запоминать свою историю. Приятного в ней было мало.

На первую репетицию меня собирали, как на войну.

Боевая раскраска на лице без единого прыща, кое-как распрямленные волосы (уж лучше бы как есть оставили, а то чувствовала себе русалкой-

утопленницей, не иначе!), длинный белый балахон из чьей-то простыни (а я что говорила?!) и хорошие теплые сапоги (в актовом зале, который был записан за нами на целых два часа, было холодно). Еще мне полагалась корона, но ее задерживали гномы (паразиты, без реквизита оставили!), и временно пришлось заменять, чем смогли. Смогли – эльфийским венцом, арендованным у кого-то из остроухого посольства самой Кохой (ей отказать не сумели, а Виту с компанией успели раза три послать, нехорошие).

Вита выглядела более прилично: на ней скатерть не висела, зато пододеяльник миленько щеголял цветочками. Васильками, как мне показалось.

– Это только на первое время, – покаялась Кира. – Я договорилась с плетельщицами, они обещали к постановке все сделать.

Кикимора подавилась и выпучила глаза. Я с непониманием переводила взгляд с одной на другую. Подумаешь, плетельщицы... Чего тут так удивляться?

– Плетельщицы из квартала Крад? – с надеждой поинтересовалась кикимора.

Ну разве могла Кира ее огорчить? Девушка довольно кивнула. Вита побледнела, но сдержалась. Правильно, нечего при маленьких выражаться. Лучше она мне на ушко потом мастер-класс даст. А то не в теме я что-то. Обидно даже.

– Они! Я посмотрела, что ткани у них лучшего качества. Да и цены неплохие. Еще и с фасонами согласились, а то ваши местные... – Кира закатила глаза, выражая степень недовольства местными портнихами.

– Да уж, наша постановка точно затмит всех, – проговорила Вита так, словно затмить всех – преступление против человечности. Но ведь это неправда! Люди отказались участвовать или что-то изменилось?

– Ага, – довольно отозвалась Кира и достала тушь. У нее о макияже были собственные представления.

Сборы не заняли много времени. Всего два часа, да и те были запланированы и согласованы с сильной половиной, чтобы облегчить ей ожидание. Потому совершенно логично предположить, что к тому времени, как мы, готовые (одетые и накрашенные), повторяли свой текст, братья-болотники хаотично искали реквизит и пытались вспомнить, куда положили грим.

– Приведу Жабку, – сказала Вита, едва мы достигли дверей актового зала. – Откройте другой выход.

Какой еще «другой выход», я представления не имела, но Кира кивнула и устремилась к сцене. Мне осталось только догонять.

Мы были первыми, а потому наши шаги эхом прыгали от стенок. Они пробегали под потолком, усиленные, подбирались к нам сзади, как полудницы в полдень – к слишком резвому трудяге, и били по ушам. В первый момент я даже решила, что мы не одни, но Кира только усмехнулась. Вот он, опыт!

По обе стороны сцены тянулись небольшие – всего семь ступенек – лестнички, по которым предстояло подниматься на сцену, а потом, если повезет, и с триумфом сходить. Я надеялась, что на наше выступление у народа уже просто не останется помидоров, но, учитывая наличие дриад и нимф в зале... Как несбыточны мои мечты.

Под ногами не скрипело: сцена строилась если не на века, то на тысячелетия. Свет вспыхивал сам, едва в нем появлялась необходимость. Кулисы резво бегали туда-сюда, словно бесящиеся чертята. Реквизит сам полез на подмости, оставляя глубокие царапины. И вот как со всем этим работать?

– Ректор! – внезапно заорала Кира. Я едва язык не прикусила, но вместе со мной испугались и взбесившиеся предметы. – Старшие пошутили, – пояснила девушка. – Но я пароль подслушала, чтобы дезактивировать их подарок. Их же сняли с выступления, ты знаешь?

Я не знала, но догадывалась, чьих когтистых лапок это дело.

– Теперь знаю, – поделилась наблюдениями я и потрусила за ускорившейся Кирой.

– А ты Жабку видела? – вдруг спросила она.

Интонации ее уже сменились и стали воодушевленно-предвкушающими. Какой зоолог пропадает!

– Видела, – с гордостью за себя ответила я.

– Она такая милая! – воскликнула, не сдержавшись, Кира.

«Точно наша», – поставила диагноз я. Только болотные могут так говорить о зеленых и в пупырышках.

Щеколду мы вынимали вместе, у одной Киры оказалось недостаточно силенок. Да и с моей помощью пришлось изрядно попотеть. Спрашивается: где сильная половина, когда ей представляется возможность козырнуть силой? Вопрос остался без ответа, хотя мы друг друга поняли по одним взглядам. Да уж, дождутся мальчики трепки по поводу долгого макияжа.

– А у нас все роли заняты? – внезапно спросила я, поняв, что меня терзает.

– Да, все, – кивнула Кира и присела.

Щеколда валялась прямо перед ней, но поправлять или поднимать ее никто не собирался: тяжелая оказалась, заразка.

– И белый маг?

– Да, и белый. Представляешь, он сам пришел. Даром, что оборотень! Пожелал присоединиться. Сказал, что хоть у нас все по-честному, а то с этими старшими...

Я задумалась, припоминая Серого Волка в красных сапогах. Неужели он решил с нами счастья попытать? Оборотень – белый маг? А что – ново!

– А царя нашли?

– Нашли. Только Вита сказала, он не может репетировать: появится перед выступлением.

– А принца? – задала я, пожалуй, самый интересующий вопрос. Ведь именно с этим актером мне предстоит закрывать пьесу. А чем любят заканчивать произведения про любовь? Нет, не тем, о чем подумали! У нас все же зрители предполагаются.

– Увидишь, – хитро усмехнулась Кира и добавила: – Тебе понравится.

– Считаешь?

– Если бы не Джейс, я бы рискнула поменяться с тобой ролями, – честно призналась новоявленная болотница.

– Посторонись!

Мы едва успели отпрыгнуть, чтобы не быть убитыми во цвете лет внезапно шарахнувшими по стене дверями. Жабка влетела в помещение, пронеслась до противоположного края сцены, замерла, подпрыгнула и помчалась обратно. Ее язык уже был в полной боевой готовности – слюнявый и высунутый. А я... Я смирилась с неизбежным. И да, я тоже скучала. По ней, а не по слюне, но, как говорится, любишь кататься...

– Жабка, ну хватит... Хватит, я тебе говорю! – стонала я, не в силах отодвинуть дорвавшуюся до моей особы скотинку.

– Данька, ты в порядке? – где-то вдалеке спросила Вита, я только промычала в ответ.

Выбраться из-под счастливой Жабки – миссия невыполнима. Вот реально невыполнима, и все тут.

– Нужна помощь?

Мужской голос был знаком, но отвлечься и вспомнить я не могла: боялась, что нос оторвет. Впрочем, ответ подмоге и не требовался. Жабка недовольно заквакала, но неведомая и уже презираемая животным сила оторвала ее от вожака меня.

– Спасибо, – поблагодарила я помощника, оперлась на протянутую руку и поднялась, чтобы увидеть знакомое лицо.

– Познакомься, наш принц. И главное, у него действительно есть лось. Правда, ваше высочество?

– Правда, – усмехнулся мужчина, протянул мне носовой платок и представился, как будто мы не были знакомы: – Альтар.
Я промолчала.

Глава 10

Театральная

*Не так страшен черт,
как гример-любитель.*

С репетиции пришлось выползать. Медленно и с чувством. Чувством глубокого неудовлетворения ролью и частично – реквизитом. Сидеть за одним иллюзорным кустиком с Жабкой в обнимку – это, я вам скажу, не каждому дано испытать. Мне довелось. Господи, я так много грешила? Я не со зла. Честно, это просто жизнь такая. Насыщенная.

Рядом ползла Кира, которую судьба тоже не пощадила. Она у нас изображала девушку активную и хваткую, в двух местах одновременно присутствующую. За нами плелись, прихрамывая, наши парни болотные. И последней – королевой банды – шла Вита. Вот уж кто был создан для своей роли! Серый кардинал нашего мини-царства, она являла собой образчик благонравного спокойствия и уверенности. Не металась по сцене, не повышала голос, не пыталась удержать Жабку за поводья... Она просто царила.

Вы скажете: кого-то забыла? Хм, возможно. Дайте-ка подумать... Нас было семеро. Пятеро ползли, один на четырех лапах догонял, еще один... А он не устал! Ходил себе по сцене два раза туда-обратно, а потом долго смеялся с первого ряда, подрывая дисциплину. И кто?! Доблестный педагог, преподаватель со стажем, уважаемый человек!.. Испортил нам всю малину.

Поэтому, когда репетиция кончилась, мы (я, Жабка и Кира) демонстративно не включили его в список ползунов. Страшная мстя! Очень страшная! Он так смеялся, так умолял не лишать его возможности ползти со всеми! Но мы были неумолимы.

– Ваше высочество, вы хорошо справились, – отметила предательница Вита.

Эта тоже отказалась ползти. Мы переглянулись и поднялись, решая не лишать уборщиков удовольствия помыть полы тряпкой.

– Угу, тут любой бы справился, – «поддакнул» Трейс и получил легкую затрещину от Виты.

– Не у всех есть лось! – наставительно подняла указательный палец кикимора и погрозила своему «вестнику». И снова повернулась к

Альтару: – Благодарим, что присоединились к нашей постановке. Надеюсь, вам нравится сотрудничать с нами.

– Более чем, – усмехнулся маг. – Никогда не думал, что театр может доставлять столько удовольствия.

Вита согласно кивнула, а я смутилась. И Кира как-то порозовела. Даже Джейс отвел глаза. Трейс угрюмо промолчал. Вот мы и выяснили, кто целовался ради кадра, а кого обделили.

Ключ от зала отправилась сдавать Вита, мы же всей компанией потопали к расписанию.

В этот предночный час только редкие адепты посещали Академию добровольно. Да и те больше походили на зомби, чем на порядочных лоботрясов, коих принято представлять. Проводив сочувственными взглядами одного из таких несчастных, корпевшего над дипломом до самого закрытия библиотеки, мы по привычке глянули, что готовит нам грядущая неделя (для меня это было особенно актуально), и пошли на выход.

– Контрольная работа по практическому применению простейших атакующих чар, – шепотом предупредил меня маг, когда мы друг за дружкой выходили из здания Академии.

– Я не сдам, – автоматически захныкала я, а потом сообразила, кому и что говорю.

Краснота – моя вторая кожа. Может, того, переквалифицироваться? Какая я кикимора, я индейка. От слова «краснокожая». Коренная жительница Латинской Америки, которая как-то попала в Европу.

Сзади послышался смешок, выражавший все, что мой доблестный преподаватель думал о столь поспешном заявлении своей нерадивой ученицы. Вот всегда так! Я на полном серьезе говорю, что не сдам, а мне не верят! Будто я не чело... кикимора! Будто права на ошибку у меня нет. А вот есть! Как раз сейчас, когда жизнь моя не зависит от учебы, право ошибаться у меня и появилось. И что поразительно? Я стала учиться лучше! Вот так-то, господа хорошие. Из-под палки добра не делают, а вот добровольно...

– Не присоединитесь к нам? – внезапно предложила Вита под общий тяжкий выдох.

Даже волк из солидарности повыл. Или это он намекал, чтобы ему обувь отдали?

Видя такое единодушие, Альтар закономерно согласился и, как он выразился, «вспомнить студенческую жизнь, полную приключений и впечатлений».

Я решила слинять от греха подальше. Благо, отмазка имелась, и весьма впечатляющая: с подписью главной целительницы и обещанием ректору вести себя хорошо. С постельки не ходить дальше столовой. Меня провожали скорбными взглядами. Да уж, вечер в компании препода – что может быть лучше?

Этикет, на который спихнули ответственность за безрассудство Виты, все мысленно возлюбили.

Я медленно брела к общежитию, едва-едва переставляя ноги. Все же я себя переоценила, когда решила податься на сцену, не оправившись полностью. Но после боя не принято махать кулаками, а я решила не жаловаться на собственную глупость.

Начинался дождь. Или это туман медленно садился на землю? Я запрокинула голову и поймала холодную каплю переносицей. Все же дождь. А я не могу остаться. Грусть воспоминаний возникла сама собой. Первый раз я гуляла вот так, одна, предоставленная самой себе, под холодным дождем, в лагере. В так называемую «последнюю ночь».

Это событие повторялось каждый год – последняя ночь лагеря. Единственное время, когда можно гулять до самого рассвета. Можно и нужно. Все чувствовали скорое расставание, чувствовали скорый отъезд. В комнатах стояли уже собранные сумки, а в шкафах гулял ветер. По корпусам звенели чашки, и можно было напиться чаю на несколько лет вперед, но важен ли сам чай? Нет, важны люди, которых я больше не увижу.

Капля пробежала по щеке, будто слезинка.

В ту ночь я гуляла под дождем. Дикий, беспощадный, он трепал деревья, что окружали наш маленький лагерь. Целый мир для поселившихся там на те три недели. Трепал, но не мог согнуть. Он и не испортил веселья – в корпусах тоже было много места, а без вмешательства вожатых мы нашли, чем себя занять.

Я гуляла одна. В корпусе, где горел свет, пили теплый, согревающий чай, смеялись и плакали друг у друга на плече... Я не могла туда пойти. Не чувствовала сил, не видела смысла, не знала, как смогу пройти мимо и не выдать того, что на сердце.

На улице лил дождь. Я сидела на качелях, глотала капли холодной воды. Соленые. Они были слишком соленые на вкус.

И ничего ему не сказала.

Губы сами вытянулись в улыбку. Жалкую, как мне кажется. Как и я в прошлом. Но это все – лишь прошлое, и я решила оставить его там. Его тени уйдут вместе с дождем, а дорогу домой найдут только теплые

воспоминания. Семья, ее я не забуду никогда. Буду скучать, но смогу улыбаться. А дождь... Теперь мне не нужно гулять одной, опасаясь света.

Я толкнула дверь. Она не поддалась.

– На себя, – подсказал оранжевый, как солнечный апельсин, голос Альтара.

Потянула на себя, удивляясь, как могла ошибиться. Столько раз уже ходила этой дорогой! И удивленно замерла с поднятой рукой.

– Вы... ты собирался пойти с ними, – напомнила я.

– Решил не портить ребятам выходной, – пояснил маг и сам открыл дверь, пропуская меня вперед.

– А сейчас ты идешь в гости к Георгу?

– Нет, – коротко ответили мне. – У меня важная миссия.

– Миссия?

– Проводить тебя до комнаты и проследить, чтобы ты не убежала танцевать с ветром через окно.

– Этаж не тот, – заметила я, припоминая, сколько падать до земли. Выходило весьма болезненно.

– Кто же кикимору поймет, – пожал плечами Альтар и добавил: – Ступенька.

– Я знаю, что здесь... – начала возникать я, но едва не упала именно на первой подлой ступеньке, с которой у меня никогда не было проблем. Вот что за день?!

– Суббота, – подсказал маг. Словно мысли прочитал.

Я пригляделась к его слишком честному лицу, где ни глаз не моргнул, ни щека не дрогнула, и выдохнула:

– Нехорошо подглядывать! И ты же обещал, что не станешь!..

– Нет, не обещал, – спокойно выдал этот нехороший человек, а я смутилась.

И с какого момента он слушает мой хаос?

– Как увидел гуляющую под дождем, – успокоил меня маг. – Не волнуйся, никто посторонний ничего не услышит.

– Мне достаточно того, что видишь ты! – не выдержала я. – Это возмутительно – так поступать!

– Я приношу свои извинения, – послушно выдал мужчина. – Но если ты заболеешь, миледи Коха вновь посетит Академию, а у магистра Бродседа большое сердце и редкая борода. Ты хочешь оставить магистра без предмета обожания?

– Это было бы жестоко, – согласилась я, но гнев на милость не сменила.

Мы поднимались по лестнице.

Комната замаячила на горизонте раньше, чем я успела придумать, почему не хочу приглашать своего кавалера... спутника в комнату. Отмазки одна другой бредовее возникали в голове, и я уже собиралась высказать лидера своих дум, когда совершенно неожиданно для себя спросила:

– А у тебя есть горячий шоколад?

Альтар выпал из реальности, видимо, мысленно проверяя запасы на своей кухне.

– Есть. Но приготовить его здесь мы не сможем.

– На улице дождь, – напомнила я, разочарованно вздыхая.

В горле першило, предвосхищая утренний ужас.

– Ты забыла, где имеешь честь обучаться.

– Разве? Мне не дают забыть, – укорила я собеседника.

Не слишком приятно слышать, что ты не молодец, а рассеянная клуша, пусть все и так красиво сказано.

– Я не хотел обидеть. Прости.

– Ничего. Просто сегодня...

Попыталась подобрать определение, но оно или не подходило, или мне не нравилось. Так ничего и не выбрав, я принялась многозначительно отмалчиваться на пороге собственной комнаты. Пустой комнаты. В субботу вечером. Стоя с мужчиной. Сплетники, ау, вы где?

– Я убрал свидетелей, – поделился секретом маг, а я рассмеялась.

Почему? Решила не думать, чтобы не выдавать себя совсем уж с потрохами.

– Горячий шоколад? – напомнил мужчина.

– Только ненадолго, – согласилась я под бурное ликование организма. Подсказывали мне седьмое чувство и оракул-желудок, что одним шоколадом дело не кончится.

Мы ушли по-английски: Альтар без лишних движений открыл портал и просто кивнул мне, дескать, заходи. На том конце маячила знакомая библиотека, маньяков с разделочными ножами не было видно, и я решила рискнуть. Убежала же однажды – значит, смоюсь и сейчас.

Я с нескрываемым удовольствием выдохнула: в доме мага было тепло. Не знаю уж, сколько и кому он платит за отопление, но система того стоит. Хотелось лечь на пол и просушиться. Наверное, я опять думала слишком громко, потому что мой спутник по-доброму улыбнулся и указал на паркет:

– В твоём распоряжении.

Я решила смутиться и... передумала. В конце концов, ну что тут такого? Захотелось одинокой и мокрой кикиморе полежать на чужом полу с

подогревом. Можно даже в прихожей, если в гостиной общественность смущается. Мне же не принципиально! Здесь везде тепло.

И я уселась на пол, размышляя, как бы помягче прилечь. Доски – они и в Африке доски, а мне бы одеялко. Или коврик? Пожалуй, коврик бы подошел, если не очень топтанный. А то к мокрому всякая грязь липнет только так! Отмываться потом...

Скорбь на моем лице была столь безгранична, что меня закутали в плед.

– Спасибо!

Вежливость – залог двойной порции!

– Тройной, – поправил меня хозяин дома, колдуя на кухне.

– Тройной, – быстро поправилась я.

Чтобы я – и от шоколада отказывалась? Не было такого! Как пить дать, не было! А кто видел – тому приснилось!

– Ты странная, – заметил Альтар, измельчая настоящую плитку шоколада.

Я с недоумением проследила за процессом. Думала, мне какао дадут, а тут – настоящий шоколад. Потребую еще и питье!

– Ты тоже, – вернула комплимент я.

Это же похвала, верно? А то если подколка... Нет ничего вреднее обиженной кикиморы!

– И я, – подтвердил маг, но веселья в его словах не было.

Да и лицо будто окаменело. Даже шоколадная крошка, попавшая на щеку и таявшая прямо на глазах, не могла изменить ситуацию. Альтар выглядел обеспокоенным.

– Я могу помочь?

Не могла не спросить. Все же я в какой-то мере мешаю ему, заставляю кормить старую знакомую, отрываю от дел.

– Ты не виновата, – вновь читая мои мысли, предвосхитил вопрос мужчина.

– Перестань! Мне не нравится, что ты все читаешь! – надулась я и подползла на попе ближе к кухне. Здесь не только пол, но и воздух был тепел, свеж и пах шоколадом.

– Прости.

– Когда перестанешь, тогда прощу, – поставила условие я, укутываясь в плед поглубже.

Челка еще была сырой, а с прядок капало.

– Это... сложно.

Альтар подошел к шкафчику и извлек ковшик.

– Так я могу помочь?

– Ответь честно, – не глядя на меня, сказал он.

– Задай вопрос, – внутренне сжимаясь, разрешила я.

Вопрос я не могла предугадать, но предчувствие было не из лучших.

– Данька... Дана. – Он повернулся ко мне. Мы встретились глазами, и отвести взгляд я уже не сумела. – Этот мир – не твой родной?

Он произнес это так, что едва ли походило на вопрос. Скорее, делился догадкой. Даже не так... Разгадкой, в правильности которой был уверен. Он не спрашивал, он хотел еще раз убедиться. Убедиться в том, что уже знал.

Я дернулась и вскочила. Бросилась к двери, но замок был закрыт и не поддался. Я ударила дверь. Больно... В сериалах почему-то дверь с первого раза поддавалась, а плечо у человека-тарана не болело. У меня же... Похныкивая, я поползла обратно, чтобы высказать все, что я думаю об этом провокаторе, и смыться в окно. Об исполнении решила не думать – и так трусила идти сдаваться.

Альтар все так же стоял и готовил. Как будто не видел моего бегства, не слышал боя с дверью, не замечал моих горестных стонов... Нет, последнее он заметил и быстро направился ко мне. Я не успела отстраниться прежде, чем мое плечо ощупали, и легкий холодок пробежал по коже, проник вглубь, снимая боль.

– Я прав?

Его руки лежали на моих плечах. Он смотрел на меня, ожидая ответа, который уже знал. И все же – ждал. А я не хотела отвечать. Не хотела признаваться, проводить черту между собой и этим новым миром, делить нас на противоположные стороны. Не хотела.

– Да...

Другого ответа быть не могло.

Он тяжело выдохнул и обнял, притягивая к себе. Я не сопротивлялась – просто стояла и слушала. Его дыхание, долгие вдохи и такие же тяжелые выдохи. Наконец он захотел отстраниться. Я не отпустила.

Пусть делает, что хочет, но я буду висеть на нем макакой и затыкать рот ладошкой всякий раз, когда он решит кому-то что-то сообщить!

– Шоколад подгорает, – напомнил Альтар и сжал пальцы вокруг моего запястья. – Я помешаю и тут же вернусь, хорошо?

Хорошего в его уходе было мало, но в горелом шоколаде – еще меньше, и я магистра отпустила. Сама же (бежать вверх было глупо) осталась на пороге кухни.

– Хочешь?

Он опустил ложку в топленый шоколад и протянул мне.

– Горячий, – предупредил, чтобы не обожглась.

– И что теперь?

Дело было не в шоколаде, и мы оба это понимали.

– Я получил ответ, – подумав, произнес маг.

– Эксперимент?

Говорить много не получалось. Слова выдавливались с трудом: шоколад тоже требовал внимания.

– Нет. Я не позволю.

– Ты. А если кто-то другой?..

– Коха тоже не позволит. И твои друзья. Они же знают?

– Болотники, – подтвердила я. – Кире... ей мы не говорили.

– Но из программы эксперимента вывели, – кивнул своим мыслям

Альтар.

– Ты против?

Мне почему-то стало обидно. Не за себя – за болотных! Опять мы не угодили!

– «Мы»? Ты считаешь себя одной из них?

– Считаю, – серьезно ответила я и вернула ложку. – Пока они считают меня своей, я буду с ними.

– В таком случае...

Договорить он не успел. Хлопнула дверь, и в комнату вошли.

Родственники – они созданы для того, чтобы приходить в самые неподходящие моменты. Приходить и наводнять дом своими проблемами и грязными носками.

Уже знакомый мне брат Альтара (Лиан, кажется) был слегка не в себе. Он едва держался на ногах и тяжело опирался на другого – коренастого и небритого – мужчину, при виде которого мне захотелось достать телефон и сфоткать. Увы, смарт остался дома. Да и Ютуба тут не существовало, чтобы поделиться с друзьями зрелищем настоящего гоблина.

– Лорк, отнеси его в угловую, – распорядился Альтар, закрывая за внезапным посетителем дверь. – И что опять случилось?

Гоблин странно покосился на меня, потом – снова на мага, как будто убеждался в его трезвом уме. Трезвость я готова была подтвердить, а вот наличие ума... Альтар неодобрительно погрозил пальцем. Не очень-то и хотелось!

Я по широкой дуге обошла невиданный объект под кодовым названием «гоблин-доморазноситель» и уселась на диван. Даже плед по дороге подняла, чтобы никто не наступил! На дверь старалась не коситься. Как бы

там ни было, появление третьих лишних могло сыграть мне на руку.

– Дана, прошу прощения, вынужден оставить вас на пару минут, – подчеркнуто официально, видать, для заглянувших на огонек, попросил Альтар. – Подождите здесь.

Ждать я не собиралась, но вот так подставлять мага перед подчиненными было нельзя, и я согласно кивнула. Кулинар-любитель не поверил, но промолчал. А я...

Я дождалась. Пока они скроются из виду. И медленно пошла. В сторону плиты. Шоколад безбожно сгорел.

Прихваткой кое-как дотащила горячий ковшик до раковины, сунула под струю воды, пытаясь горестно не вздыхать над невинно убиенным шоколадом, и задумалась.

По всему выходило, что день сегодня не мой. Настолько не мой, что даже у окружающих начинают проявляться признаки невезения. Ведь если Альтар, который до сей поры ни одного блюда не испортил, проморгал шоколад... Да уж, я могу вместо бомбы ходить. И зона поражения больше, и эффект длительней.

Хлопнула дверь, тяжелые шаги послышались в коридоре, и спустя пару минут на свет вышел гоблин. Он все так же горбился и близоруко хмурил глаза-бусинки. Руки его были свободны, но тяжесть походки осталась.

«Видимо, свойственна всем представителям вида», – сделала вывод я, домывая ковшик.

– Миледи.

Мне самым натуральным образом поклонились и, выждав, пока я кивну (больше от удивления, чем от чего другого), подошли ближе, оперевшись о стену. Там он и замер, не сводя с меня взгляд и внимательно прислушиваясь к самому тихому шороху.

– Бдите? – преувеличенно настороженно осведомилась я.

– Как приказал хозяин, – пожал плечами страж. – А вы кем будете?

– Хозяйкой? – предположила я.

– А, ну тогда ясно... – Гоблин почесал затылок. – То-то младший господин так негодовал.

– Лютовал? – посочувствовала я.

– Да не... так, выпил. Да на то и другие причины были. Просто обмолвился он, вот я и решил спросить...

– Ясно.

Сделала вид, что мне все равно, и мелкими шажками потрусила к окну. Страж даже глазом не повел. Не повел и потом, когда я мимо него и к двери

входной направилась. Гоблин повернулся в мою сторону всем корпусом и промолчал. Ни слова возражения, ни даже махонького предупреждения.

– А вы не со мной? – решила внести ясность, но еще больше запуталась я.

– Если хозяйка желает, – пожал плечами гоблин и отлепился от стены.

– А если нет?

– Ну так бы и сказали, – с укоризной пробасил бедняга.

– А хозяин что приказал?

– Следить и не пускать, – бесхитростно ответил этот большой ребенок.

– И?..

– А я что? Хозяин – одно, хозяйка – другое. А мы же не дураки службу служить, когда ладу нет! – пояснил гоблин и поделился своим, местным, откровением: – Мамка-то главнее.

– Это точно, – поддержала я соображения мохнатого. – Мамку слушаться надо.

– Хозяйку! – довольно вторил мне собеседник.

– Лорк, можешь возвращаться! – приказал Альтар, выходя из дальних покоев. – Хозяйка?

Маг насмешливо взглянул на меня, потом – на помытый коврик и едва удержался, чтобы по лбу себя не хлопнуть. По крайней мере, я бы именно так и поступила. Момент, благо, позволял.

– Поздравляю, господин, – пробасил несостоявшийся страж и проворно исчез из квартиры.

Мы вновь остались наедине.

Я молчала, стоя неподалеку от дверей и косясь на мага. Он тоже помалкивал, но в отличие от зелененьких медленно подступал к путям отхода.

– Нам надо поговорить.

Всего три слова, но каких! Пожалуй, страшнее только «я тебя люблю», но и от этих хотелось бежать далеко и сверкая пятками. Видимо, мелькнуло что-то в глазах, раз уж Альтар решительно шагнул вперед и окончательно отрезал традиционный путь отступления. Пришлось сдаваться на милость победителя. Желудок, протролленный запахом шоколада, вновь напомнил о себе, но уже коликами.

– Кушать хочу! – согнувшись от охватившего меня горя, выдавила я.

На лице Альтара отчетливо показалась тревога. Меня подхватили на руки, устроили на диване и ушли спасать от голодной смерти. По дому вновь начал распространяться такой желанный аромат. А разговор... разговор был забыт. Тщательно задвинут под диван и прикрыт свисающим

пледом. От греха подальше.

– В некотором царстве, в некотором государстве, в подболотном княжестве жил-был... – излагала за кулисами Баба-яга, показывая кулак своему вестнику и пытаясь отвоевать текст у лося.

Животинка оказалась не промах и пергамент с натуральным ароматизатором «черника» просто так упускать не собиралась. Делая вид, что хочет «просто посмотреть», лосина доковылял до края кулис, боднул занавес и был уличен в поедании текста. Теперь его держали все, кроме хозяина. Альтар опаздывал, но обещался быть к своему выступлению. Мы тянули, как могли. Даже махнулись на последний номер, когда чипсы уже съедены, а антракта для пополнения запасов и поднятия настроения нет. Но больше откладывать не получалось.

На сцене показались болотный князь, который царь (явное нарушение традиции зеленых устоев!), и его сын. Заняли полагающиеся позы. Лики их были возвышенно прекрасны, словно не они только что целовались с лосиной. Целоваться с Жабкой не разрешила сама Жабка, променяв их всех на одну необлизанную меня. Но мы отклонились.

Вышли, значит, наши лоси на сцену, встали горделиво, глазами сверкнули, профиль свой гордый показали... Анфас решили приберечь для более эффектных сцен: не каждый оценит живительную маску из лосиной слюны, которой обиженный зверь наградил их за кулисами.

Вита принялась читать слова автора (коллективного и с больной фантазией невыспавшихся адептов, еженощно корректировавших сценарий по ходу проблем с реквизитом), а я поползла. Жабка гарцевала за моей спиной, сотрясая сцену. Но ей никто не сделал ни единого замечания. А мне... Мне на каждой репетиции доставалось за топорщащийся над иллюзией травки зад.

И вот ползу я, ползу... Никому не мешаю, попу не выставляю... Правильно ползу, как боец, только без винтовки. Вместо оружия зажат в зубах повод, и Жабка радостно скачет, норовя припечатать кикимору-неудачницу к сцене и облобызать, чтобы красивее стала.

Кое-как докатилась до кустика, оставленного непрозрачным, чтобы я могла уединяться и в носу ковырять, если заскучаю. Скучать не приходилось, но отбиваться от счастливой Жабки и не пускать ее в открытую зрительскому взору часть сцены было невозможно. Почему же я ползла, если никто не видел? Потому что любителей сделать занавес прозрачным с одной стороны было, как показывали практика предыдущих выступлений и, соответственно, более ранний опыт коллег, хоть отбавляй.

И вот сижу я, такая красивая: шевелюра зеленая, растрепанная, лакомстойкой фиксации от лучшей в мире компании «Жабка и К°» прядки слеplены, на лбу огурец прицеплен (морщины разглаживать), пыпурчатая тварюшка игратьх хочет, беснуется. Ей лось вторит. Вот уж кто нашел друг друга! Но жизнь несправедлива: нет на свете места их запретной любви.

– ...сын мой, – распинался царь-батюшка, живописуя бедному Не Дураку, как он попал по воле рока.

«Да уж, наградили боги батюшкой», – видать, думал бы настоящий болотный сын, слушая исповедь родителя. Это ж позор всей расы: сел играть и полказны на ура спустил. И кому?! Светлому магу. А тот решил, что мало царя обуть, надо еще и опозорить. И давай на желания играть. Царь закономерно продул. Кто же с белым садится? Эти же играют так, что у шулера шансов не будет, не то что у абстрактного царя, созданного для сюжета и ради денежных вливаний. Господин посол, исполнявший ныне роль царя, обещал лично оплатить все декорации. Тут уж Вита не могла отказать и включила его в сценарий.

– ...возьми себе стрелу, лук тугой, – брови посла неодобрительно дернулись вверх, но он удержал их на уровне переносицы, – и пусти согласно уложению в места нелюдимые, чтобы компенсацию платить не пришлось, коли в подданного попадешь. Где стрела упадет, там и свататься будешь. Но не ближе пяти километров от городской черты, а то придется штраф за мусор платить, а казна и так пустая, – наставлял отпрыска царь-батюшка.

Взгрустнул Иван Царевич, прикинул, кто за городской чертой живет, посчитал в уме и пошел сдаваться советнице мудрейшей.

Тут я отвлеклась, ибо Жабка потеряла терпение и всякий стыд и высунулась из-за кулисы. Частично. Ее язык коснулся трубы, на которую вешали занавес, и лизнул железо. Пару секунд животное задумчиво не отпускало палку, но затем... Болотные декорации стали самыми достоверными в мире. Так плеваться и чихать не способно ни одно существо в мире.

Лось приревновал и решил доказать, что и он не робкого десятка. Над головой царя-батюшки пронесся артиллерийский заряд слюны и упал в тылу врага. Я повисла на поводе, надеясь хоть на мгновение удержать животинку, если она решит сравнять счет.

Жабка была выше низменных порывов. Она напряглась и прицельно стрельнула в потолок, чтобы снаряд срикошетил от потолка, и... Судя по опасно покрасневшему лицу Виты, полы придется мыть нам. И хорошо, если тряпки выдадут.

– Жабка! – фыркнула я на животинку.

Зря. Меня она любила больше разборок с лосем. Прическа вновь стала нерукотворным эксклюзивом.

Между тем наша часть занавеса наконец открылась, и я была вынуждена поджать конечности и терпеть, не издавая ни звука. Жабка, эта мелочь нехорошая, пользовалась ситуацией, как будто в последний раз до любимого тела дорвалась.

Начался монолог Джейса, рассуждавшего о превратностях судьбы: скудоумии папаши, принцессе, что ждала его в далекой колокольне, и проклятом белом маге, который – нет чтобы деньгами взять! – отправил беднягу по болотам шляться и жабок стрелять. Взглянув на количество тушек, свисающих с пояса Царевича, любая Жабка скорее самоубилась бы о дерево, нежели радостно рванула навстречу болотнику. Любая – но не наша.

Наша выбрала третий вариант. Горделиво потрянув головой, она стрельнула глазками в предполагаемого мужа, припомнила, как он пытался добиться ее расположения на репетициях, и... отвернулась. Трейс сквозь зубы выругался: он начал подозревать, что придется попотеть не только от зимнего парадного камзола (другой нам не уступили), но и от упертости нашей животины. Видя такую несправедливость, на дыбы встал лось. У закулисных задергался глаз. Левый. У всех.

«Как мне за себя квакушку взять? – взревел Джейс. – Квакушка не ровня мне!»

Жабка была точно такого же мнения о своем «избраннике» и гордо повернулась спиной к этому странному существу, раскричавшемуся на ее любимом болоте при ее любимой хозяйке. Такое не прощалось. Джейс сглотнул. Я поперхнулась и повисла на поводьях. Жабка ликовала. Так ее еще никогда не любили! Чую, еще немного – и выгуливать противную тварюшку придется мне. Уезжать после нашей пламенной любви она не пожелает.

– Беги! – крикнул Трейс из-за кулис.

Посол спешно отбыл домой, спасаясь от нашего зверья, а потому мы отдувались своими силами.

– Знать, судьба твоя такая!

Джейс недовольно обернулся в сторону кулис, встретился взглядом с лосем, под копытами которого треснула сцена, сглотнул и потянулся к Жабкиному поводу. Наша царевна негодовала! Ее повод! Грязными руками! Какой-то плебей! Нет, любимая хозяйка, это что за произвол?!

Я ясно читала жесточайшее негодование в больших глазах пупырчатой

красавицы, но поделаться ничего не могла. Работа – она такая. Приходит – и сковородкой по голове. А потом еще раз, и еще, и еще... Жабка, ты слишком рано поняла, как несовершенен этот мир. Я предательски сунула повод скорчившемуся под весом Жабкиной лапы Джейсу.

– Откормили, – шепотом простонал он.

– Похудела, – не согласилась я.

Болотник неодобрительно зыркнул на меня из-под косой принцессы челки и потащил Жабку к лосю. Нам предстояла битва титанов. Выжить мог только один.

То и дело поворачивая голову ко мне, Жабка понуро брела за кулисы, как дева на заклинание. Глаза ее были так печальны (то есть так горели нескрываемым азартом), что лось невольно сдал назад и пригнул голову, отчего кончики рогов выглянули в зрительный зал. Увы, мне от этого легче не стало.

По полу потянуло холодком: местные умельцы жаждали узреть, что же так привлекло земноводное, и не постеснялись воспользоваться телекинезом, сдвигая кулисы. Я только шепотом выругалась (благо, усиление голоса на меня еще никто не кастовал) и скучковалась помощнее. Если это свои же сделали, чтобы на иллюзорные кусты сил меньше тратить, то!..

– И собрался народ, – вещала из-за кулис Вита, – и хотел он узреть величайшее событие современности. И куплены были все билеты, и ждали только выхода главного героя!

На сцену вырвался лось, пронесся за другую кулису и затих, но бывалая болотница не растерялась, взяла себя в руки и продолжила:

– Но потерялся гужевой транспорт, пробки на дороге образовались, кони взбрыкнули, и разбежался кортеж Ивана. А сам Иван подумал и решил...

На сцену вытолкнули недоумевающего Джейса. Сценарий менялся на глазах, но где наша не пропадала!

– А не пойти бы всем далеко и надолго! – озвучил больше свои мысли болотник, обернулся к Жабке, которая, может, и не обладала интеллектом вундеркинда, но намеки и интонации вполне себе понимала, и, сглотнув, исправился: – И мне пора! Опаздываю! Как есть опаздываю! К любимой моей, дорогой и нежной!

От переполнявших его чувств Джейс упал на колени и пополз за противоположную кулису. Лось был признан более надежным соратником, чем друзья, выпихивающие в спину.

Далее все шло строго по сценарию. Иллюзия кустов сменилась стеной

и картиной. К зрителям выпорхнула Кира, являя собой идеал прекрасной принцессы. Ради роли девушке пришлось покраситься, чтобы цвет был самый правильный, как у настоящей принцессы. Черный как смоль. Ее ботфорты кокетливо пытались спрятаться под коротенькую юбчонку, а рукава рубахи едва прикрывали плечи. Чело венчала ярко-красная бандана, а через плечо моталась сумка-треугольник из замши. Все в ней было прекрасно и соответствовало канонам последней демонической моды.

Зал взорвался аплодисментами, а мы с облегчением выдохнули: нашу смелость оценили самые предвзятые специалисты.

– Пронесло, – в сторону бросила Кира.

– Еще как! – вторил ей зал.

– Подслушивать – нехорошо! – устыдила принцесса зрителей и начала вживаться в роль.

Тектоник мы разучивали всей комнатой, и теперь Кира была великолепна. Думаю, половина зрителей сильного пола запомнит нашу трактовку образа, а то от кринолина и бахромы над сценой уже молястками летала. Ныне же шло массивированное штабелепадение крылатых. Падали, разумеется, к ногам. Впрочем, даже дохлая моль не испортила бы имидж прекрасной принцессы Брунгильды из далекого Нутыпристала.

Тем временем Джейс, уже восстановив дыхание, старательно изображал жертву отцовского произвола: хмурился, вздыхал и пытался не коситься на лося, возжелавшего провести матч-реванш с Жабкой.

– Ива-ан, – растягивая гласные, сказала Брунгильда, – почему ты здесь? Ты же должен быть на помолвке!

– Ты знаешь? – выпал в осадок «принц».

– Конечно, – похлопав его по плечу, подтвердила Брунгильда. – Твой отец оставил мне сообщение: ты должен присутствовать на помолвке двоюродного дедушки. Из-за проклятия ему приходится жениться на старой склизкой карге из семейства Земно-Вод, владельцев Утопного болота.

– Нет, любимая! – с горечью опроверг слова батюшки принц. – Мое сердце рвется от боли, но я должен признаться тебе. Мой отец... – Джейс всхлипнул. Надеюсь, что от смеха, а не от инфаркта, скрутившего его на сцене от нелепости реплик. – Мой отец... Ты же знаешь, он никогда не ценил меня. Государство было для него всем. Как и карточный долг. И теперь мне выплачивать эти долги. Но, любимая, каждую минуту я думал только о тебе. Всю дорогу, ведя эту противную Жабу, я думал о тебе. В мыслях о тебе я позволял ей облизывать мое лицо. О, как я несчастен. Как я страдал!

Как Джейс смог произнести это, не померев от передоза сиропа и пафоса, я даже не догадывалась. На репетициях вместо этого горестно-унылого порождения нашей полуночной фантазии болотник напевал всяческие песенки. Но позволить себе сорвать выступление? На такое он не мог пойти. И терпел.

Зал сочувственно хлопал. Джейсу, а не принцу. Кто-то даже пустил скупую мужскую слезу и бросил на сцену фляжку. Болотник благодарно кивнул и ногой откатил выпивку подальше за кулису до лучших времен.

– Жабу? Ты думал обо мне, а вел какую-то Жабу? Значит, со мной тебе плохо? Экстрима захотелось?!

Увы, принцесса Брунгильда не оценила героизм сбежавшего возлюбленного и, как всякая прекрасная принцесса, в первую очередь решила обидеться. Наша героиня была девушкой неглупой, но все же девушкой. А потому начала извлекать все прелести из своего обиженного положения. – Как ты мог даже в мыслях поставить меня в один ряд с какой-то Жабой! А ты и на словах это сделал. В одной фразе! Меня и Жабу!

Жабка согласно квакнула из-за кулис. Вот-вот, как он мог? Ее – и какую-то волосатую принцессу без единого пупырышка на лице! Позор на его слюнявую голову!

– Дорогая, – принц тоже, как известно, был Не Дурак, и положением умел владеть по самое не хочу, – как ты могла такое сказать! Ты – и какая-то Жаба. Вы же разные! Совсем разные! Как подобное могло прийти в твою чудесную головушку! – Он подошел к «Брунгильде» и поцеловал. – Милая, разве можно сравнивать такую чудесную девушку, как ты, с кем-нибудь из Земно-Водных?

– Так они существуют? Значит, я зря нагрубила твоему отцу?

Брунгильда занервничала.

– Не зря. И лучше, если ты никому не скажешь, что я здесь.

– А не то?..

– Не то женят меня на какой-то земноводной, и будете вы всю жизнь в моей памяти идти одной строкой.

– Такого я допустить не могу, – подумав, выдала принцесса, сцапала принца и поволокла в подвал.

Произошла новая смена декораций, а я все так же сидела в кустах. Да уж, это карма. Вот как попала в этот мир и кусты, так и продолжаю в них сидеть и за всеми подглядывать. Кто, что и куда понес, с кем и зачем, и сколько им заплатили. Полезно, наверное, но так скучно...

В носу защекотало, и я чихнула. Оглушительно, на весь зрительский зал. Повисла напряженная тишина.

– Дорогая, здесь кто-то есть?

По сценарию наши влюбленные шли в подвал для дальнейшего обсуждения планов. Подвал, как водится, совмещался с тюремными подземельями и камерами пыток. У нас даже музычка была заготовлена, но я чихнула раньше.

– Конечно! Старший брат отрабатывает новейшую методику пыток. Называется «чихощекоточная»! – не растерялась Кира. – Мы собираемся внедрять ее в общую практику. Будущему родственнику братик не откажет и даже проведет сеанс, чтобы ты оценил ее прелести.

– Как-нибудь в другой раз, – сглотнул Джейс, так натуралистично соврала Кира.

Или не соврала и такая пытка есть? Нет уж, лучше неведение.

– Пришли! – радостно оповестила Кира, когда декорации устоялись. Теперь они находились в одной из камер, разве что класса «люкс». С ярким, как в солнечный день, освещением, огромной кроватью, выходом в ванную комнату и в кабинет. – Располагайся!

– А это что?

– Это гостевые тюремные покои! Здесь папа переживает, когда мама разозлится. Не бойся, тут свой повар. Готовит блюда любой кухни и в любое время суток. Бывший отравитель, профессионал, – поделилась вошедшая в роль девушка.

– Верю.

Нашему принцу явно поплохело, но он себя не выдал. Настоящий политик! Хотя если в роли повара тоже Кира, становится ясно, почему отравитель – профессионал.

Я сглотнула, вспомнив недавнюю попытку девушки приготовить борщ. Бордовые следы тянулись по всему общежитию. На полу, на стенах, даже на потолке имелись отметины окровавленных человеческих пальцев или протекторов ботинок. Про кухню и вовсе лучше умолчать. Отмывали вместе и в темпе, но до сих пор по общежитию гуляют слухи про маньяка, который под покровом ночи выходит на охоту, чтобы утром недосчитались кого-то из адептов.

Разумеется, все адепты оставались на месте, но портить историю никто не решался. Чувствую, следующий первый курс будет учиться питаться манной небесной и ночью в коридор не выходить. Это и к лучшему: меньше свидетелей наших разгулов.

Кира между тем поковырялась в шкафу, который мы приволокли из комнаты братьев. Более жуткого у нас не нашлось, да и не всякая иллюзия сравнится с творением их рук. Девушка извлекла чистый пергамент и

карту. Для колорита еще и шариковую ручку за ухо впихнула, чтоб уж совсем продвинутой казаться.

– Итак, где ты эту Жабу подцепил? – деловито осведомилась принцесса.

– Подстрелил, – поправил принц и тыкнул в угол.

– Плохо стреляешь, – хмыкнула Брунгильда. – Надо точнее.

– Да, пара уроков не повредит, – в тон ей подтвердил принц. – Лучше стреляешь – меньше проблем.

– Ничего, разберемся, – заверила принцесса. – От меня еще никто не уходил.

Мне послышалось или она еще и костяшками хрустнула? Ну все, капут белому шутнику. Впрочем, его не жалко. Понарошку же! Да на нем все как на собаке заживает! Даром, что оборотень в ролях.

Не ушел.

Это я поняла спустя пять минуток, когда завывания огласили сцену. Следом за ними шепотом донеслись извинения, но об этом мы умолчим: травмы на производстве Фабрики Грез тоже имеют место, так что нечего сырость понапрасну разводить!

«Но волка жа-а-а-алко», – шепнула совесть.

«И мне», – согласилась я, но ничего поделать не могла.

Допрос с пристрастием по новой методике брата Брунгильды прошел успешно: боевая принцесса узнала не только то, где продается дешевая и качественная косметика, но и в какой день разрешен бесплатный вход в самый престижный клуб для иностранцев в Кирстене. Как и много другой полезной для зрителей информации. План колдуна был отмечен с полного одобрения зрителей, но...

– Дорогая, может, мы узнаем, как избавиться от свалившейся на голову Жабы?

– Э... Да, милый.

Зал выдохнул разочарованно, а бедный оборотень, которого, кстати, Майком звали, – с облегчением. Ненадолго.

– Вот как ты мог! – принялась стыдить нерадивого колдуна принцесса. – Как ты мог так испортить жизнь мне...

Я стремительно заткнула уши. Опыт подсказывал, что лучше сделать это сейчас, до того, как я окончательно оглохну. Кира великолепно отыгрывала принцессу: со страстью, отдачей и оставаясь симпатичной даже с разноцветным маникюром.

Я завистливо вздохнула.

Пол перестал трястись, и я возликовала: мой выполз приближался!

Посмотрев по сторонам, оценила дислокацию и заулыбалась: пришел. Улыбались и остальные (еще бы): лось присмирел и повинился, понуро опустив голову и уперев в пол рога. Жизнь налаживалась.

Налаживалось все и у белого мага, которого перестали пытаться перышком. Ему придали ускорение за кулисы, где Вита уже заготовила валерьянку и кусок сырого мяса, так и не решив, что лучше успокоит беднягу. Голубки же... они всегда одинаковые. Сидят, воркуют, уходят в закат... В моих непрозрачных кустах стало многолюдно.

– Ползите туда, – шепотом подсказала я коллегам направление.

Парочка понятливо кивнула и поползла. Да уж, и эти меня учили ползать! А сами-то!..

На сцену вышла Вита и кратко, как могла только она, обосновала необходимость развода Ивана с Жабкой. Почтенная публика, самая добрая публика в мире, не поддержала. Кикимора в ответ на свист из зала шагнула вперед, по-доброму улыбнулась, и свист сменился аплодисментами: боялись нашу кудесницу едва ли не все. Разве что... Ядоделы оскалились улыбками и хлопнули себя по карманам. Все друг друга поняли.

Влетевший на сцену Трейс, который начал нарезать круги еще в начале нашего спектакля, наконец запыхался и выскочил на сцену уже достаточно утомленный.

– Миледи! Его величество негодует: принц сбежал, и никто не знает, куда он делся. Мы должны принять меры!

– Меры? – задумчиво переспросила Вита. Ну вот не поворачивается у меня язык ее Бабой-ягой звать! – Мы их примем.

Следующая сцена была полностью посвящена маханию волшебной палочкой «Made in China», которую мы сменяли на десять золотых монет (жадные пошли иномирцы!), вокруг Жабки. Та цвела и пахла, наслаждаясь столь щепетильным вниманием к своей особе. И даже слова актеров ее не задевали. Лишь бы продолжали таким приятным тоном пришептывать, а любимая хозяйка – почесывать брюшко.

То, что любимой хозяйке было неудобно, тварюшку не занимало, как, впрочем, и болотников, нашедших способ заставить земноводное сидеть на месте и внимать.

– Ты знаешь, это не простая Жаба, – внезапно для зрителей, но как бальзам на душу мне, сказала Вита.

– А какая?

– Это Жабкус Пустулис, – выдала внезапно кикимора, хотя должна была говорить иное. – Это же большая редкость!

– Редкость? – недоверчиво переспросил Трейс и пожал плечами. – По

мне – обычная ездовая жаба.

– Обычная, да непростая, – снисходительно усмехнулась болотница. – Сходи в библиотеку и просветись. Стыдно не знать про Пустулис!

Трейсу стыдно не было – это я даже через иллюзорный барьер видела. А вот Альтар прищурился и на меня посмотрел. Я, не мудрствуя лукаво, показала ему кулак. Ну а что? Нечего насмехаться над маленькими! Мне и так нелегко здесь сидеть! Попа затекла, рука устала брюшко всяким зеленым чесать, и вообще тортик хочу! С шоколадом.

Наш «принц» усмехнулся, и... Мерзавец, как можно есть тортик за кулисами, когда его (тортик, в смысле) хочу я, но доползти не могу! Все, развод! Не будет у нас хеппи-энда. Как превратится Жабка в меня, так и сживет со свету принца. Заберем его лося (в хозяйстве пригодится) и уедем жить на болота!

Альтар прищурился и, вместо того чтобы покаяться и переместить тортик мне, вовсе его убрал. А запах! Запах-то остался! Негодяй! И я бы еще долго мысленно его костерила, прекрасно осознавая, что он все-все слышит, но пришла пора вылезать. Мы вновь вернулись к плану, и Вита распиналась перед Жабкой, что та у нас не простое земноводное, а заколдованное принцессо. Жабка внимала и поворачивала голову, следя за перемещениями болотницы. Наконец они договорили. Вита исступленно опустила на стул-кресло-кровать (иллюзии не знают границ!), взглянула в зал и, тяжело вздохнув, удалилась как была – верхом.

Наступала пора моего выпрыгивания из-за кустов. Итак... Три, два, один...

И случилось то, чего все так долго ждали. Разверзлись кусты, и под свет софитов выползла, цепляясь подолом, злая и лохматая я. Жабка прониклась больше всех и опять меня лизнула. Уходить со сцены без любимой хозяйки она не собиралась, но и прыгать здесь по сценарию не полагалось. Оставался только один выход: затолкать ее под иллюзию.

Зал замер в ожидании. Народ не хуже меня понимал эту простую истину. Замер... и взорвался смехом. Да уж, не туда я пошла. Какая Академия? Цирк – вот наше призвание!

Жабка упиралась! Жабка цеплялась за паркет! Жабка стонала и страдала! Жабка не сдвинулась ни на дюйм!

Утомленная, я приподняла юбки, чтобы удобнее присесть, тяжело выдохнула, проверяя, как работает усилитель голоса, и начала монолог:

– Эх, жизнь моя – жестянка! Да ну ее в болото! Хочу я возвратиться и прыгать беззаботно! – с чувством продекламировала я под одобрительное Жабкино «Ква!». Вот уж кто был со мной абсолютно согласен. – Жила себе,

не тужила, мамок-нянек гоняла, кредиты брала, возвращать не надо было, – начала я описывать беззаботное детство Царевны-Жабки, но угораздило сказать «Да» одному приезжему. А он каков! Даже тортиком не поделился, ирод! И почто я его полюбила? Почто мамок-нянек не слушала?! Говорили умные люди – неча по заграницам шляться, свое болото – лучшее. Не слушала я их, помчалась к иногороднему. А там! – Сколько негодования я вылила в это «там»! – Выиграл милый у белого злобного, по лбу ему стукнул, за волосенки потягал в счет долга. Кто ж знал, что кудесник так обидится?

Зал молчал и слушал. Особенно внимала женская половина населения. Кто-то даже конспектировал! Пойдет в массы печальная история, составленная на коленке за пять минут.

– И как мне быть теперь? Как расколдоваться? – продолжала стенать я. Жабка одобрительно положила мне на плечо свой липкий язык. Заботливая! – Как показать этой болотной, что я – не земноводное?

– Изготовь к царской трапезе хлеб мягкий! – подсказал за кадром голос, призванный имитировать мозг царевны.

– Точно! – прониклась царевна мыслями. – Изготовлю-ка я хлеб мягкий! По сусекам поскребу, пыли нагребу и изготовлю!

И поднялся над сценой столб пыли, и запрыгала я, изображая бурную деятельность, и подсунули готовый каравай из-за кустиков-стенок. С чувством выполненного долга я выбежала из пыльного облака и продемонстрировала свой шедевр. Публика тревожно глянула на меня, на хлеб, на облако и... промолчала. Но я же молчать не могла!

– Испекла! Сама! Старалась! Ночи не спала! Глаз не сомкнула, печь растопила, тесто поставила, – вещала я на фоне сменяющихся декораций.

Теперь, когда с нами был Альтар, мы показывали полноценное кино. Как есть – лучший знак принцессиной руки.

Поставив каравай на стул-стол-кровать, я удалилась в обжитые кусты. Жабка под покровом пыли последовала за мной. Едва мы скрылись, на сцене прояснилось. Ночь стала днем, пыль рассеялась, послышались звонкий смех и петушиный крик. Интересно, кто за музыкальное сопровождение отвечал? Это же прямая пропаганда жестокого обращения с животными. Дети ржут, а петух орет-надрывается! Цензура, ты где? Как могли пропустить такое кощунство!

Словно в ответ на мои мысли мелодия сменилась. Теперь кричал петух, орали дети, ругался низкий мужской голос и обещал этого петуха... Нет, тоже нехорошо! И почему за окном дворца (пусть и его хозяйственных построек) не может вальс играть? Обязательно крестьянам туда-сюда

снова и работать?! Знаю, что обязательно, что натуральное хозяйство, но у нас же постановка! Эх, дядя Обоснуй, ты не всегда приятен и хорош. Еще бы навозом пахнули для полноты картины...

Я едва успела зажать нос, прежде чем со сцены понесло перегноем. Маг в команде – это сила. Хороший маг – зло, но как приятно, что это зло – на твоей стороне!

Заскрипели половицы, снова взметнулась пыль. Баба-яга пришла оценивать знаки Жабки. Взглянула на каравайчик мой выстраданный, цокнула языком, сгребла в ручки загребущие, вес прикинула и унесла, чтобы... разобрать на составляющие в своей лаборатории. По официальной версии, конечно. Не поверила мудрейшая, что хлеб съедобен, вырвала у вестника своего голодного, дождалась, пока уйдет, и сама откусила.

Жабка недовольно квакнула, но кто к ней прислушиваться будет? Она-то вдоволь пирогов наелась на репетициях, а Вите еще ни одного не досталось! И даже запах ей не мешал. Подготовилась кикимора, амулетик от вони на шею повесила.

– Вкусно, – с удивлением проговорила Баба-яга, уничижающе взглянула на вестника и усмехнулась: – Но поскольку хлеб случайно пропал, то и доказательств нет. Да и не верится, что принцессы печь могут. А ради крестьянки... Незачем зря принца тревожить. Пусть себе у Брунгильды сидит-переживает.

С этими словами Вита стремительно удалилась. Еще немного – и ей вслед полетел бы еще один пирог. Запасной. Не могла сказать, мол, все прекрасно, верю? Сократили бы количество актов. Меньше позориться пришлось! Так нет – играем по сценарию.

И я полезла на сцену. Выползла и плюхнулась на попу. Уставилась в зал и, горько вздохнув, посетовала:

– Ну вот что с этими недоверчивыми делать? Доказывать – себе дороже! Задарма работать? Так не по-болотному, еще и сами придерутся, – размышляла я, почесывая спутанную гриву. Затем обличающе выпалила, поражаясь собственной (в смысле – принцессиной) наглости: – Им бы только на бедных Жабках пахать!

Жабка согласно квакнула из кустиков. Да уж, еще чуть-чуть, и мы здесь первый болотный Гринпис откроем. В юридическом адресе будет значиться «Кусты у болота, третьи слева от четвертой кочки». Никто не ошибется!

Но нужно что-то решать, точнее, возвращаться к плану. А что у нас по плану? Рубашки? Нет, не годится! Нужно что-то весомей и заметнее. Какой-нибудь акт отмщения, чтобы всем сразу ясно стало: с Жабками не

шутят!

Оглядев сцену в поисках ответа, я скосила глаза в сторону Альтара.

– Вот если бы у меня Кирит-трава была! – мечтательно поклялась я.

И пусть рояль – в сказках можно. Даже положено! Иначе представление будет на три года дольше идти. Именно столько Кирит-траве расти нужно, чтобы свойства правильные приобрести.

По мановению волшебной палочки-выручалочки на краю сцены появился пучок растущей только в горах травы.

– О, случайно завалялся! – воспряла духом всеми покинутая героиня. – Сейчас я им устрою! Всем покажу!

Опускаться до членовредительства я не стала. Слегка пошкродничала: отомстила, так сказать, за минуты в кустах. С упоением засыпав травку в котел из старой столовской кастрюли, я принялась помешивать будущий краситель. Импровизированный огонь приятно лизал пальцы, но я ругалась, будто он был настоящим, и грозила наказать за плохое поведение.

Под покровом кулисы я пробралась на царско-княжескую кухню и приступила к исполнению коварного плана, в результате которого в следующей сцене все щеголяли синими языками. Вита больше не шутила над бедным разумным животным и его человеческим заменителем.

– Вижу, скрывается в тебе дева сердитая! – не удержалась от подколки болотница. – Нет в тебе сострадания и любви к ближнему!

Еще бы! Спина затекла, голова разболелась – какое тут сострадание?! Но меня, как обычно, никто не слушал.

По спине пробежался холодок, показывая, что один слушатель у меня имеется. И пусть поговаривают злые языки, что один в поле не воин, но мы-то знаем: все от поля зависит. А на попроще лечебной магии Альтар стоил едва ли не десятерых. По моему мнению.

Жабка согласно квакнула, припомнив мне все немногочисленные (надеюсь!) грешки. Предательница! Не могла из солидарности кулистых промолчать? Хотя чего я удивляюсь? Жабка – и промолчать? Ой, не могу, смешно мне. Из вредности ткнула ее локтем. Земноводное лизнуло мне лоб.

«Квиты», – поняла я.

– Эх, непутевая ты тварюшка... – продолжала вещать советник его величества Баба-яга. – Чем же ты так колдуна-то разгневала?

Жабка недовольно квакнула из кустов, опровергая опрометчивое заявление болотницы.

– Влюбилась в абы кого! Нет чтобы в правильного парня. Доброго,

честного, в карты проигрывающего! Выбрала себе шулера профессионального, он белого мага-то и надул, глупый. А маги – народ тот еще! Корыстный, злопамятный, за справедливость стоят. Вот только близорукий больно. Промазали чары, не в того попали. Бедная Жабка, непутевая. Не ты должна была лягухой стать.

Получилось! Свершилось! Улыбка моя дотянулась едва ли не до ушей! Режем сценарий, скоро все кончится! Кончатся муки, отступит радикулит, Жабка перестанет быть моим стилистом, все станут жить дружно и счастливо, пока кто-то не принесет тортик. Я с сожалением выдохнула, понимая утопичность подобных идей и реальность борьбы за вкусняшку. Вот она – цена гуманности! Тортик!

Непроизвольно облизнулась: запасной пирог все еще стоял в кустах. Жабка на него даже почти не садилась.

– И что же делать нам?

Вопрос волновал не только меня, Бабу-ягу и Альтара, которому, как и мне ранее в кустах, наскучило ожидать своего выхода, но и ту часть зрителей, что еще пыталась уследить за причинно-следственной связью полуночной женской логики, одобренной желанием наконец-то завалиться спать.

Кусты молчали. Даже Жабка притихла, ожидая решения начальства. Лось... лось и без того грустил и сожалел. Пора было что-то делать.

– Призрака, – шепотом попросила я мага и полезла на сцену. – Это я, дух плененной царевны! Я пришел подсказать тебе ответ на твой вопрос! – Первые ряды слегли. – Найдите моего милого, притащит... приведите ко мне. Его любовь чары снимет, и будут все счастливы. Аминь!

– Аминь! – пронеслось по залу.

Да уж, шестой час постановки смотреть? Даже уважаемый ректор не удержался и прикорнул. Но нам он пока и не требовался. Мы же того – еще не женимся. Эта точка в нашем представлении значилась заключительной и бесповоротной. А то плавали! Знаем, чем кончается совместное проживание влюбленных. Посуда вдребезги, нервы в соплях, обручальное кольцо в ломбарде, а адвокаты дерутся на персидском ковре под бдительным оком своих клиентов.

Терпение зрителей подходило к концу. Все чувствовали это каждой ниточкой своих зачесавшихся носков. Необходимо было действовать – и мы действовали. Сыскные работы пали на хрупкие плечи ее высочества Брунгильды Третьей Железный каблук, тактические маневры разрабатывал Иван, на побегушках был (Трейс показал начальству кулак) бедный вестник, которого даже в титрах не упомянули. Впрочем, справедливости

ради стоит отметить, что на титры нам не хватило: весь бюджет съели рогатые и пупырчатые. Даже Альтар на добровольных началах работал.

Эпической сцены не получилось. Бедный белый маг, которому уже была оказана честь пообщаться с принцессой Брунгильдой и ее закадровым братом, в приватной обстановке сдал все явки и пароли и полез в кусты есть пирог, чтобы компенсировать моральные страдания.

– А еще есть? – жуя, спросил бедняга оборотень.

– Нет, – с сожалением ответила я, глядя, как последний кусочек так и не надкусанного мной пирога исчезает во рту нашего белого.

– Жаль, – с грустью выдал этот изверг, облизывая пальцы, которые успели немного испачкаться в вишневом джеме.

– И мне, – без капли лукавства подтвердила я.

– Ква! – обличительно разнеслось по всей сцене.

Лось предпочел промолчать, не вдаваясь в дискуссии со своей гужевой коллегой.

Тем временем сыск был в самом разгаре. Кира под руку с Джейсом носилась по сцене, изображая бурную деятельность. Ей в затылок прицельно прилетали самолетики с «отчетами» детективов. Мы чуть не выпали в осадок, видя, как самолетики дублируются и несутся со сцены к зрителям. Ошарашивал не вылет в массы, а то, что было написано на крылышках.

Из зала послышался смешок. Не выдержав, мы на секунду высунулись из кустов: магистр Ганс подманивал самолетики и тщательно уничтожал. Вот она – цензура в действии. Но... уничтожить все он не успел, поскольку ушлые контрабандисты успели вынести послание из зала. Не удивлюсь, если после спектакля в каждой комнате появятся эти листовки. Ну и Трейс! Так вот о чем он с хозяином «Слонов» беседовал! Флаеры в массы – аншлаг в таверне. Кроме того, предъявителю флаера предоставлялась скидка на шпаргалки. В размере от трех до пятнадцати процентов в зависимости от суммы заказа.

Джейс не стал дожидаться, пока уничтожат все флаеры брата, и произнес свое веское слово.

– Нашел! – скупно обрадовал он напарницу.

И понеслось. Явление во дворец принца-шулера зал встретил одобрительными аплодисментами. Я с недоумением воззрилась на волчонка, требуя объяснений.

– Это Кирстенский дворец, – шепотом поставили меня в известность. – А младший принц, поговаривают, имеет страсть к картам и довольно часто появляется в игорных заведениях инкогнито. Впрочем, некоторые его уже в

лицо знают, поэтому едва его высочество порог пересечет – уходят. Слишком уж хорош, мерзавец.

Весь в брата. Тот тоже куролесил в юности, но как Академию закончил...

Договорить он не успел. Явление Альтара массам вызвало фурор, и я просто не услышала того, что желал донести бедняга оборотень. А он старался! По губам видела, что речь он не прервал, наоборот, стал прилагать больше усилий, но... в зале сидело больше трех сотен зрителей. Шансы были примерно равны, но на стороне ликующих выступили демоны. Они-то и перекричали всех.

– Ваше высочество, – взял слово Джейс, – мы нашли вашу невесту.

На лице Альтара цвела и пахла осень. Его герой так обрадовался известию, что не смог сдержать сей радости и икнул:

– К-кого?

На лицах наших королевских посланцев появилось нескрываемое непонимание. Сценарий несся к чертям, и уже никто не придерживался текста. Вот как оно происходит, если хоть что-то меняется! Малое преобразует великое! И ложка дегтя портит даже самую большую бочку меда. Или не портит?

Я задумалась, но химия – не тот предмет, что приходит мне на помощь в абсурдных ситуациях. Хотя, если зелья – это вариант химии...

– Ва-ша не-вес-та, – по слогам произнес Джейс. – Такая...

Болотник попытался обрисовать контур человеческого тела, но глазомер у него то ли хромал, то ли вовсе отсутствовал. Во всяком случае, если бы мне предложили такую невесту, я бы тикала в подсолнечник прятаться. Или в кукурузу. В бамбук на худой конец!

– Ничего не знаю, – в лучших традициях несознанки отвечивал Альтар, повернулся к кустам и улыбнулся.

В бой пошла Кира.

– Но как же?... Третьего числа седьмого месяца вами было подано заявление о пропаже невесты. Мы ее нашли. Извольте получить.

– А вы точно нашли нужную? Мне уже кого только не приводили! Но все не то, не то... То тощая, то лысая, то покусанная, то оборотень с воровскими наклонностями и демонами в родне! И никто, никто не сумел отыскать мою милую...

– Мы – нашли!

Кира была уверена и перла вперед, как бронетранспортер.

– Ведите! – поколебавшись, все же позволил Альтар.

Подозреваю, продолжи он колебаться, его бы покусали. И он стал бы

эльфой, причем – болотной. Интересно, а такие бывают?

Звездный час Жабки настал. Эту сцену ни разу не репетировали, потому что целоваться с нашей несравненной – удовольствие, доступное немногим. Альтар не был болотником и решил лишний раз не рисковать. Но сейчас ему предстояло совершить подвиг, а мне – вовремя выпрыгнуть из-за кустов. Я уже приготовилась прыгать, когда наш принц вновь заартачился. Ну вот и какой он после этого принц? Лосиный? Разве что!

– Это вы серьезно? Моя Васька хоть и была странной, но не до такой же степени!

Альтар обошел Жабку. Понюхал. Пальцами не тыкал, но зрелище ему явно не понравилось. Магистр слинял на другую сторону сцены, скривил свой аристократический нос и выдал:

– Уберите это!

Ах, так! Теперь уже я была зла. Не для того час сидела и на пирог смотрела, чтобы еще полчаса смотреть на сморщенный нос этого... С криком «Ату его!» я выскочила из кустов (Жабка прикрывала от части зрителей мое шедевральное появление) и придала Жабке ускорение, сдобрив его командой «Лижи». Обрадованное животное понеслось исполнять поручение любимой хозяйки, радостно открыв рот и высунув язык от усердия, аки собака.

Альтар успел увернуться, а вот я по инерции не успела, и тоже помчалась здороваться с полом. Глаза зажмурила в процессе падения, но знакомства с деревом не произошло. А вот с чем-то мягким и теплым, которое к тому же приятно пахло и заботливо обнимало... Хм, какое-то слишком знакомое тепло!

Я открыла глаза, оценила обстановку, глянула на зрителей, которые ошарашенно смотрели на наши обнимашки на сцене, и выдала:

– А-а-а, я снова не Жабка! Снова могу нюхать цветы и есть морожко!

После чего «принц» был отпихнут в сторону, а я наострила лыжи за кулисы к Трейсу, который, гад такой, где-то целое ведро раздобыл, пока мы тут батрачили.

Опа! Меня сцапали в охапку и оттащили с середины сцены. Я упиралась, брыкалась и ныла, что хочу мороженое. Но принц был неумолим. Или это Альтар мне тот памятный вечер припоминал? Вот не может просто взять и забыть!

– Васька, ты вернулась! Теперь мы сможем пожениться, как всегда хотели!

Я замерла, пытаюсь понять, о чем он вообще говорит. Мороженое занимало мои мысли куда больше нашего представления. Желудок целиком

поддерживал мозг и рвался к заветному молочному, но...

– Да, это так прекрасно! – выдала я, подумала и добавила: – Почему ты меня не искал? Я ждала тебя на болоте, но ты не приходил! А эти злые люди, – я обличительно ткнула в Джейса и Киру, – плохо меня кормили. И вообще, любимый, где мой подарок на каждый четырнадцатый день месяца?! Ты обещал, что будешь делать все, что в твоих силах, чтобы радовать меня.

– Мои силы не безграничны! – заметил «принц», радость которого поумерилась, сойдя едва ли не до нуля.

– А твоя любовь? – внимательно заглядывая в глаза своему «герою», подначила я.

– А любовь не знает границ!

– Но тогда почему...

Разразиться скандалу не дала Баба-яга. Сцапав меня за шиворот, она утащила глупую кикимору в закулисы и тихо, на весь зал, стала объяснять, КАК нужно разговаривать с принцами до свадьбы. Инструкцию по бракоразводному процессу болотница тихо засунула в карман глупой принцессе, но так, чтобы всем внимательным зрителям был виден заголовок.

Из-за кулис я вышла важная как пава и неповоротливая как медведь. Еще и сердитая: не сутулиться – сложное занятие. Посидели бы с мое в кустах, вообще бы не разогнулись!

– Дорогой, я так рада тебя видеть! Ты же помнишь свое самое главное обещание? – сладко пропела я.

Джейс поперхнулся, Кира вытаращилась, Вита дала себе по лбу, Альтар... Альтар был самым эмоционально устойчивым, а потому только кивнул и подал мне руку. Со сцены уходили вместе, с почти настоящими улыбками. Жабка, попав за кулису лося, истязала бедное животное липким языком. Но даже спеша, я украдкой поправила инструкцию по разводу. Чтобы точно все заметили.

– Жабка, перестань лизать всякую гадость! – шепотом стыдила я земноводное.

– Джек, хватит уже быть тряпкой! – поучал лося Альтар.

– Давайте жить дружно! – проквакала на свой манер Жабка.

Лось с подозрением на нее покосился, но промолчал. Он вообще стал на редкость немногословен, стоило появиться его хозяину.

– Вроде неплохо сыграли, – тихонько поведал маг, поправляя мою прическу.

Увы, без силовой поддержки со стороны Жабкиной слюны космы

отказывались повиноваться. Но... мне понравилось, как Альтар перебирал мои волосы. Так и быть! Может, и разрешу ему косы мне плести. Если заслужит. Я покраснела: нельзя так думать в присутствии человека, который эти самые предательские мысли отличненько читает.

– Ага, – выдавила я.

Оставался самый важный момент представления. Важный не потому, что от него что-то зависело, но потому, что мы втянули в постановку ректора, а его роль успела уплыть. Чтобы как-то сгладить неловкость, пришлось предложить ему вжиться в образ храмовника. Увы, ректор согласился.

– Иллюзию? – понятливо осведомился Альтар, по опыту зная, что переодеться в свадебный саван я не успею.

А если успею – то частично. О прическе и вовсе лучше умолчать, поэтому это даже не обсуждалось.

И наконец свершилось то, ради чего, собственно, мы искали лося. Наш триумфальный выезд на сцену и быстрая пробежка практичных болотников. Еще бы! Брунгильда и в кедах смотрелась как надо, а мне не положено было. Настоящая принцесса в кедах не бегают и пешком на свадьбу не ходит.

Речь ректора прошла мимо меня, как все несовместимое с долгой и счастливой жизнью: уж слишком перечень обязательств супругов был велик и ужасен. Киру перекосило на каком-то из пунктов. Она героически держала лицо, не позволяя себе скатываться в полное офигевание, но глуповая улыбка на лице брутальной принцессы смотрелась как первый признак близкого недомогания. Недомогать по сценарию будет явно Иван, ибо я верила в лучшую половину нашей трупы. Правда, это последняя сцена, и дальше можно расслабиться. Все равно призовых мест не светит.

– Ваше высочество, согласны ли вы...

Перечисление супружеских обязанностей пошло на новый круг. И так четыре раза. Для каждого присутствовавшего здесь высочества. Альтару, кстати, досталось меньше всех, словно ректор уже и сам подустал или боялся заставлять ждать своего подчиненного. Хотя после сегодняшних иллюзий... Да, я бы не стала злить Альтара.

Я? Не стала? Улыбка сама выползла на лицо, и свое «Да» я озвучила с запалом, достойным громогласного «Занято!» в очереди за халявой.

– В таком случае, – хмыкнул ректор, – если все стороны хорошо подумали и возражений нет, я объявляю вас супругами. Можете обменяться кольцами и поцеловать невест.

Все же ректор – наш человек! В положение влез и сократил

церемонию. И позорно сбежал, оставляя нас самих разбираться с последствиями его слов.

Женская половина зала «прильнула к телеэкранам», а то и выпала в проход. А мы... Мы целовались, на законных основаниях попирая школьные правила приличия. Под громкие аплодисменты. Вот только шестое чувство подсказывало, что хлопали не нам. Кира с Джейсом отрабатывали сцену до последнего.

– Поднажмем? – внезапно шепнул маг.

– Ага, – немногословно ответила я.

И мы начали бороться за пальму первенства.

Конец спектакля задержался на пять минут. Кира и Джейс не выдержали первыми.

Вместо послесловия

Крыша КАКи была под стать остальной ее прелести. Широкая, покатая, с теплой черепицей. Так приятно было сидеть и смотреть на закат. Конечно, для широкой общественности это была запретная территория, но нам сделали исключение. Точнее, Альтару. Еще точнее – он сам его себе сделал, просто переместившись прямо сюда. А что я была тут – так это случайность! И ведерко с мороженым в честь премьеры тоже само появилось.

Мы сидели прямо над актовым залом, где в данный момент проходил подсчет голосов, и я ела. И было мне счастье. Холодное, сладкое и вкусное.

– Вкусное! – с признательностью сказала я, разглядывая кольцо на безымянном пальце. Оно особенно волшебным образом играло бликами в свете уходящего солнца. Я даже встала, пытаюсь поймать как можно больше лучиков.

По-хорошему его стоило вернуть магу, но душа не лежала отказываться от драгоценности. Шла она мне. И совсем даже не мешала.

Но совесть оказалась сильнее.

– Забери.

Я протянула руку с колечком.

Альтар поднялся, внимательно проследил за моим жестом, усмехнулся своим мыслям и покачал головой:

– Оставь. Все же мы хорошо провели время на репетициях. Так что пусть будет сувениром на память.

– А у тебя тогда какой сувенир? – поинтересовалась я, разглядывая его пустые руки.

Себе-то колечко он наколдовал.

– У меня память хорошая, – усмехнулся этот... маг.

– А у меня, значит, нет? – возмутилась я, стянула кольцо и протянула ему.

Все, я обиделась. Но камешек такой красивый... Нет. Обиделась – и все тут.

– Ты же хочешь его оставить? – Альтар зашел мне за спину, каким-то чудом не ускакав с крыши вниз, и положил руку на плечо. – Если хочешь оставить – не нужно отдавать. Это ведь подарок, и искренний.

– Но у меня нет ничего для тебя.

– Есть. – Он зачерпнул моей ложкой мороженое и отправил в рот. –

Теперь-то мы квиты?

– Ну, если так...

Я непроизвольно улыбнулась, глядя на довольную физиономию мага. Нет, не мага – Альтара.

– Так, – подтвердил он и повторил свой налет на морожко. – И так.

– И вот так, – закончила я, отправляя ему в рот третью ложку. – А не потолстеешь? Вдруг Джек откажется тебя на себе носить?

– Джек? Не откажется.

– А где ты его вообще достал? Лоси же на дороге не валяются!

– Конечно, не валяются, – довольно подтвердил Альтар.

– Тогда как?

– А разве бывают принцы без лося? – подмигнул он.

– Ты не ответил! – возмутилась я.

– Но ведь все вышло здорово?!

– Ага, если бы еще кто-то не опоздал! – попеняла я, забирая ложку. Та выскользнула из рук и, весело звеня, покатила по крыше. – Вот, теперь у нас и ложки нет!

– Какие мелочные пошли принцессы! – покачал головой Альтар.

Под нами слышались радостные крики: объявляли результаты.

– А принцы? – уперев руки в боки, начала я. – Опаздывают, артачатся, бедных Жабок целовать не хотят, кикимор похищают и на крышу таскают! Еще и ложку потеряли!

Перечисляла я заслуги Альтара. Перечисляла и улыбалась, потому что было очень трудно не попасть под обаяние лосиного принца. И пусть он такой, как я расписывала, что поделать! Кикиморы – народ негордый, нам и такой подойдет.